

Исторический ЖУРНАЛ

4

ИЗД
Издательство „Правда“
1941

Исторический ЖУРНАЛ

11-й год издания

№ 4

Апрель 1941 г.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ПО ВОПРОСАМ ГРАЖДАНСКОЙ ИСТОРИИ

О работе В. И. Ленина «О продовольственном налоге»

(1921—1941)

Работа Ленина «О продовольственном налоге» имеет подзаголовок: «Значение новой политики и ее условия». В этой работе вопрос идет именно о политике, и притом о политике новой, о нэпе. Эта политика требовала «решительной перемены, гибкости, умелого перехода», — как говорил Владимир Ильич в докладе о натуральном налоге 15 марта 1921 года на X съезде РКП(б).

В этот период Ленин многократно оставался на том, что такое политика. Политика есть отношение между классами, отмечал Ленин на X съезде партии. А через полтора месяца во II варианте плана-конспекта брошюры «О продовольственном налоге» Ленин ставит вопрос «Quid est «politica»?» («Что такое «политика»?») и, развивая положение о том, что политика есть отношение между классами, записывая: «(1) авангард пролетариата в его классе. (2) пролетариат к крестьянству. (3) пролетариат (и крестьянство) к буржуазии»¹. Эти ленинские указания дают верный ключ к пониманию того значения, какое имел переход нашей партии к нэпу.

1

Что же означал нэп, введенный по предложению Ленина в марте 1921 года на X съезде партии? В какой обстановке эта мудрая политика партии Ленина — Сталина была установлена?

¹ Ленин. Т. XXVI, стр. 314.

Это был крайне трудный, переломный период в истории молодой Советской республики. Только что победоносно для диктатуры пролетариата кончилась гражданская война. Иностранные интервенты и русские белогвардейцы были разбиты наголову. Надо было перейти к мирному хозяйственному строительству социализма.

Предстояла труднейшая задача — залечить раны, нанесенные войной империалистической и гражданской. А раны, нанесенные врагом всему народному хозяйству — промышленности, транспорту, сельскому хозяйству, — были исключительно глубоки. «...только по окончании войны, — говорил Ленин, открывая X съезд большевиков, — мы увидели всю ту степень разорения и нищеты, которые надолго осуждают нас на простое только излечение ран. Но мы не можем перейти целиком даже к излечению этих ран»².

Разорение страны в итоге четырехлетней империалистической войны и трехлетней войны с интервентами было действительно велико. Разрушенные фабрики и заводы, взорванные мосты, искалеченный транспорт, заброшенные поля настойчиво требовали восстановления, творческого, производительного труда.

Продукция государственной промышленности равнялась только 18% довоенной, а кто не знает, как нищенски мала была промышленность в царской России! Посевная площадь составляла $\frac{3}{5}$ довоенной площади посевов, а вся продукция сель-

² Там же, стр. 204.

ского хозяйства в 1920 году составляла только половину довоенной. Не хватало для фабрик топлива. В стране был острый недостаток в самом необходимом.

Исключительно велики были страдания героического пролетариата. В феврале 1933 года товарищ Сталин, обращаясь к колхозникам на I всесоюзном съезде колхозников-ударников, напомнил им, чего стоили победы социализма рабочим Ленинграда, Москвы, Донбасса, Харькова, что пережили они, чтобы добиться этих успехов. «Я мог бы вам рассказать, — говорил тогда товарищ Сталин, — некоторые факты из жизни рабочих в 1918 году, когда целыми неделями не выдавали рабочим ни куска хлеба, не говоря уже о мясе и прочих продуктах питания. Лучшими временами считались тогда те дни, когда удавалось выдавать рабочим Ленинграда и Москвы по восьмьюшке фунта черного хлеба и то наполовину со жмыхами. И это продолжалось не месяц и не полгода, а целых два года»¹. Сильно страдало тогда и крестьянство.

Разработанный весной 1918 года Лениным план приступа к социалистическому строительству, изложенный им в статьях «Главная задача наших дней», «О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности» и особенно в работе «Очередные задачи Советской власти», был сорван гражданской войной и интервенцией. Война с абсолютной необходимостью заставила перейти к продовольственной разверстке — продразверстке. Это и было началом периода военного коммунизма.

Что же собой представляла та система мероприятий военного периода, которая известна в истории нашей страны под названием политики военного коммунизма, теснейшим образом связанной с продразверткой?

В соответствии с решающей исторической задачей организации отечественной войны, военного разгрома интервентов и внутренней контрреволюции, партия построила и всю хозяйственно-экономическую политику советской власти.

Вся страна была превращена в военный лагерь.

Вся крупная, средняя и мелкая промышленность была поставлена под контроль советских органов. Была объявлена монополия хлебной торговли. Частная торговля хлебом была запрещена. Была установлена продразверстка: все излишки хлеба у крестьян были взяты на учет и изымались для нужд Красной Армии и рабочих; оставлялись небольшие фонды только для посева и минимум для личного по-

требления. Была введена всеобщая трудовая повинность для всех классов.

Военный коммунизм был попыткой взять крепость капиталистических элементов прямым штурмом, открытой, лобовой атакой. Политика военного коммунизма была решительно необходима, иного выхода в то время не было и быть не могло. Без продразверстки, без политики военного коммунизма победа в гражданской войне не была бы возможна. «...конечно, — говорил Ленин, — будучи разорена, страна не могла иначе поступать, как брать продовольственные излишки с крестьянства, хотя бы даже не возмещая их никакими другими средствами. Это необходимо было, чтобы спасти страну, армию и рабоче-крестьянскую власть»².

Крестьянство, получив из рук советской власти всю помещичью землю (150 миллионов гектаров бывших помещичьих, казенных и монастырских земель) и от Красной Армии защиту от наседавшего помещика, шло на продразверстку, мирилось с военным коммунизмом, со всеми нехватками и недостатками. В огне гражданской войны был создан и закреплён военно-политический союз рабочего класса и крестьянства. Когда же громы войны отгремели, а последний царский генерал — Врангель — был разбит и сброшен со своей армией в Черное море, измученные войной и голодом люди, возвратившись с фронтов домой, стали настойчиво добиваться немедленного улучшения положения.

Вся система военного коммунизма пришла в столкновение с интересами крестьянства. Да и рабочий класс она сильно задевала. В гражданской войне рабочий класс самоотверженно вынес на себе все ее главные тяготы. Вследствие приостановки и нерегулярной работы фабрик и заводов часть рабочих уходила в деревню, занимались кустарными промыслами (изготавливали зажигалки); по существу, они переставали быть рабочими, деклассировались, теряли свой рабочий облик. Стала ослабевать классовая база диктатуры пролетариата. На почве голода и лишений начало проявляться недовольство и в части рабочего класса.

В стране нарастал общий кризис, хозяйственный и политический.

Основа, на которой держался военно-политический союз рабочего класса и крестьянства, оказывалась явно недостаточной. Необходимо было создать новую хозяйственную основу этого союза. «Теперь, когда война кончена, и земле не угрожает больше опасности, — писал в 1921 году

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 414—415. 11-е изд.

² Ленин. Т. XXVI, стр. 207.

товарищ Сталин, — старая форма союза уже недостаточна. Нужна другая форма союза. Теперь дело идет уже не о том, чтобы сохранить земли за крестьянином, а о том, чтобы обеспечить крестьянину право свободного распоряжения продуктами этой земли»¹.

Надо было укрепить рабочий класс, надо было отступить на время ближе к своему тылу, сомкнуться с широкой массой крестьянства, подтянуть резервы, усилить пролетарскую диктатуру и перейти от военного штурма капитализма к более длительной осаде его крепости, чтобы, накопив силы, вновь начать решительное наступление.

В связи со всем этим партия приступила к выработке новой установки по всем вопросам хозяйственной жизни страны. Такой новой установкой и явился решительный поворот от политики военного коммунизма к «новой» (а по существу, к старой политике, которая была разработана Лениным и которую партия начала проводить еще в 1918 году) экономической политике, к нэпу.

Обосновывая необходимость новой экономической политики, Ленин исходил из того, что самое важное — это найти формы сожителства с мелкими земледельцами, ибо пока остается мелкое и мельчайшее крестьянское хозяйство, оно не может жить без обеспечения за ним рынка, свободной торговли. «Мелкий земледелец, пока он остается мелким, должен иметь стимул, толчок, побуждатель, соответствующий его экономической базе, т.-е. мелкому отдельному хозяйству»².

Вот почему Ленин прежде всего остановился на необходимости немедленной замены продразверстки продовольственным налогом — продналогом. Свои предложения по этому вопросу он сделал еще за месяц до кронштадтского мятежа, показавшего серьезное колебание мелкобуржуазной стихии и прежде всего стихии крестьянской.

2

В начале февраля 1921 года Ленин наметил следующий «Предварительный, черновой набросок тезисов насчет крестьян»:

«1. Удовлетворить желание беспартийного крестьянства о замене разверстки (в смысле [о т о б р а н и я] изъятия излишков) хлебным налогом.

2. Уменьшить размер этого налога по сравнению с прошлогодней разверсткой.

3. Одобрить принцип сообразования размера налога с [размерами] стара-

тельностью [х о з я и н] земледельца в смысле понижения %-та налога при повышении старательности земледельца.

4. Расширить свободу использования земледельцем его излишков сверх налога в местном хозяйственном обороте, при условии быстрого и полного [з а в е р ш е н и я] внесения налога»³.

Эти тезисы были написаны для комиссии, которая была образована в тот же день на заседании Политбюро ЦК партии, когда обсуждался вопрос «О посевной кампании и положении крестьянства». Они легли в основу проекта постановления ЦК о замене разверстки натуральным налогом.

В планах доклада о натуральном налоге X съезду РКП(б) Ленин набрасывает следующие мысли, бросающие яркий свет на сущность поворота:

«— — — в политике: >* сплоч[енно]сти (и д[и]сц[ипли]ны) вну[три] парт[ии], больше б[орь]бы с ме[ньшеви]к[ами] и с[оциалистами]-р[еволюционерами].

— — — в эк[ономи]ке: удовл[етво]рить возможно больше сре[днее] кр[естья]н[ст]во...

...Индивид[уальный] тов[аро]-обмен? Да! Усилим пр[ои]з[водст]во, двинем оборот, дадим передышку, усилим м[елкую] б[уржуа]з[ию], но гораздо больше укрепим кр[упное] пр[ои]з[водст]во и прол[етари]ат...

...С т и м у л мелк[ому] пр[ои]з[водите]лю: двинь пр[ои]зв[одст]во. Важнее всего»⁴.

В этих немногих словах Лениным дана исчерпывающая программа новой политики партии и правительства.

По предложению и по докладу Ленина на X съезде партии и было принято постановление «О замене разверстки натуральным налогом». Вот как формулировал партийный съезд первый пункт этого исторического мероприятия: «1) Для обеспечения правильного и спокойного ведения хозяйства на основе более свободного распоряжения земледельцем своими хозяйственными ресурсами, для укрепления крестьянского хозяйства и поднятия его производительности, а также в целях точного установления падающих на земледельцев государственных обязательств, разверстка, как способ государственных заготовок продовольствия, сырья и фуража, заменяется натуральным налогом»⁵.

По решению съезда было установлено,

³ Ленинский сборник XX, стр. 57—58.

^{*} Знак > означает больше.

⁴ Ленинский сборник XX, стр. 43, 44.

⁵ «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов...» Ч. 1-я, стр. 388.

¹ «Правда» № 286 за 1921 год.

² Ленин. Т. XXVI, стр. 241.

что правительство должно определить налог в размерах меньших, чем продразверстка; общее расписание налога должно быть опубликовано до начала весенних работ; все запасы, остающиеся в хозяйстве после внесения налога, поступают в полное распоряжение крестьянина, который может ими торговать по своему усмотрению.

В осуществление этого решения X съезда партии 21 апреля 1921 года был издан декрет о продналоге, по которому продовольственный налог на 1921—1922 хозяйственный год был установлен почти вдвое меньший, то есть 240 миллионов пудов зерна вместо 423 миллионов, которые должны были быть получены по продразверстке в 1920—1921 годах.

В дополнение к этому декрету 24 мая 1921 года был издан новый декрет, по которому устанавливалось, что право обмена, покупки и сбыта распространяется также и на изделия и предметы кустарной и мелкой промышленности. В начале апреля 1921 года был опубликован декрет о потребительской кооперации. Декрет отменил все прежние ограничения, разрешил и обязал производить заготовки сельскохозяйственных продуктов и требовал от кооперации налаживания нормальной торговли между городом и деревней. 30 июня 1921 года были отменены ограничения денежного обращения, а 12 октября 1921 года был организован Госбанк и установлен червонец как твердый денежный знак Советской страны.

Таким образом, введением продналога было положено твердое начало свободы товарооборота, свободы торговли.

Введение продналога означало поощрение личной заинтересованности земледельца — крестьянина, — подъем его хозяйства, увеличение производства хлеба, столь необходимого для страны и прежде всего для промышленных рабочих. А это было самое важное, самое существенное.

Допущение известной свободы товарооборота не могло не породить, как предполагал Ленин на X съезде партии, известное оживление капитализма (появления капиталистических элементов, мелких частных торговцев, оживление мелкой частной промышленности). Однако при условии сохранения советской власти, укрепления пролетарской диктатуры и удержания в ее руках командных высот — земли, промышленности, железнодорожного и водного транспорта, банков — были все возможности государственного регулирования товарооборота. Поэтому оживление капиталистических элементов было нестрашно пролетарскому государству. Тем более что, получив известное количество товаров, кото-

рыми она могла бы широко распоряжаться, советская власть укрепляла не только политическую, но также и экономическую власть пролетариата.

Конечно, нэп допускал оживление капиталистических элементов, но самое это допущение было рассчитано на борьбу социалистических элементов с капиталистическими. При этом советская власть не проводила политики невмешательства, а, наоборот, всей силой пролетарской диктатуры поддерживала социалистические элементы в их борьбе с капиталистическими, добиваясь скорейшего вытеснения капиталистических элементов, их окончательной ликвидации. Вся новая политика была направлена на построение фундамента социалистической экономики, на победу социализма.

В плане речи на IV конгрессе Коминтерна (ноябрь 1922 года) Ленин, ставя вопрос «В чем план или идея или суть нэпа?», отвечал:

«а) сохранение земли в руках государства,

б) тоже все командные высоты в области средств производства (транспорт и т. д.)

γ) свобода торговли в области мелкого производства.

δ) государственный капитализм в смысле привлечения частного капитала (и концессии и смешанные общества)»¹.

Введение свободной торговли хотя и являлось уступкой крестьянству («В нэпе мы сделали уступку крестьянину, как торговцу, принципу частной торговли»², — говорил Ленин), но оно было такого рода уступкой, что улучшало взаимоотношения пролетариата с крестьянством, укрепляло их союз и смычку между ними, усиливало рабочий класс, делало более устойчивой его руководящую в этом союзе роль.

А между тем троцкисты, правые и другие враги партии выступили с напатками на Ленина, на партию, на советскую власть, демагогически, преступно пытаясь представить нэп как уступку капитализму, как новый «Брест», а на деле стремились расширить нэп до полной реставрации капитализма, превратить его в полную капитуляцию перед капитализмом.

Ленин в борьбе на два фронта неустанно разъяснял истинный характер нэпа.

В своем докладе на X съезде партии Ленин подчеркнул громадное значение правильных экономических отношений с

¹ Ленин. Т. XXVII, стр. 338.

² Там же, стр. 391.

основной массой крестьянства для подъема сельского хозяйства и решающее значение этого подъема для восстановления государственной промышленности. Ленин осветил перспективу создания экономической основы социализма — мощной социалистической индустрии — и перехода затем в решительное социалистическое наступление для окончательного уничтожения остатков капитализма в стране.

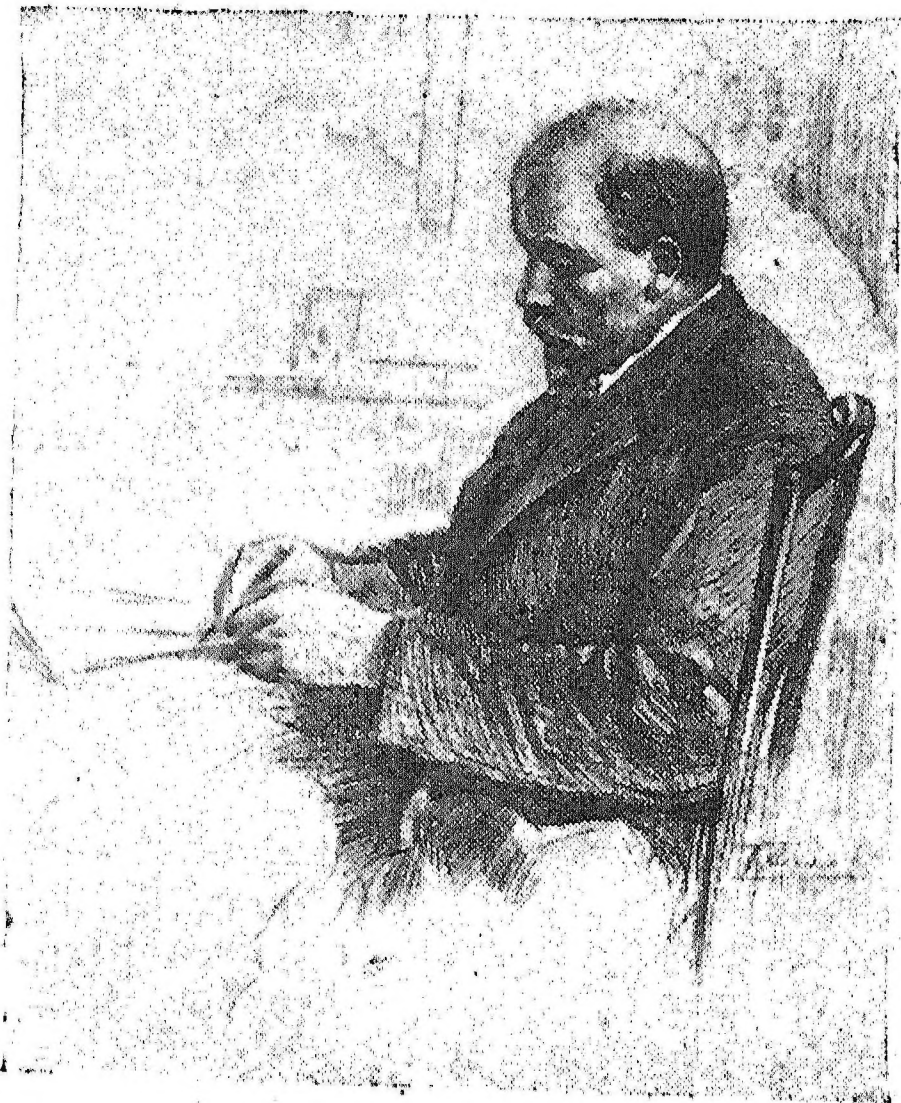
Разоблачая контрреволюционный троцкизм, отстаивая ленинскую политику не иначе как единственно правильную, товарищ Сталин на XIV съезде ВКП(б) (1925 год) говорил: «Знал ли Ленин, что нэп будет использован на первых порах прежде всего капиталистами, купцами, кулаками? Конечно, знал. Но говорил ли Ленин, что, вводя нэп, мы делаем уступки спекулянтам и капиталистическим элементам, а не крестьянству? Нет, не говорил и не мог этого сказать. Наоборот, он всегда утверждал, что, допуская торговлю и капитализм и меняя политику в направлении нэпа, мы делаем уступки крестьянству ради сохранения и укрепления смычки с ним, ибо крестьянство не может жить при данных условиях без товарооборота, без допущения некоторого оживления капитализма, ибо смычку мы не можем наладить теперь иначе, как через торговлю, ибо мы только таким образом можем укрепить смычку и построить фундамент социалистической экономики»¹.

3

Переход к новой экономической политике, от продразверстки к продналогу, являлся временным отступлением. Говоря о характере отступления, надо иметь в виду сущность нэпа, сложную его природу.

Троцкисты и другие враги партии демагогически характеризовали нэп только как отступление. А в действительности нэп был кратковременным отступлением, задачей которого была подготовка к решительному и победоносному наступлению. Известно, что через год после введения нэпа, на XI съезде РКП(б), Владимир Ильич заявил, что «отступление кончено», и выдвинул очередной лозунг перегруппировки сил и подготовки наступления на частнохозяйственный капитал. А в том же году, после XI съезда РКП(б), в ноябре 1922 года, на пленуме Московского совета Ленин, разъясняя смысл нэпа, подчеркнул, что отступление было совершено затем, чтобы «потом разбежаться и сильнее прыгнуть вперед». Тогда же он произнес свои вещие

¹ И. Сталин. Политотчет ЦК XIV съезду ВКП(б), стр. 230—231. Партиздат. 1937.

В. И. Ленин. 1921 год.
С рисунка худ. Васильева.

слова о том, что из России нэповской будет Россия социалистическая.

Разоблачая антипартийную «новую» оппозицию, товарищ Сталин в 1926 году в своей работе «В вопросах ленинизма» напомнил, что нэп только начался отступлением, а затем перешел в успешное наступление социализма на капиталистические элементы. При этом товарищ Сталин, раскрывая сложную природу нэпа, отмечал, что на путях нэпа происходит двусторонний процесс — процесс развития капитализма и процесс развития социализма, что самый процесс этот крайне противоречив и заключается в борьбе элементов социалистических с элементами капиталистическими, в преодолении элементов капиталистических элементами социалистическими.

Товарищ Сталин на XIV съезде ВКП(б) дал следующую классически точную характеристику нэпа, в которой он показал весь диалектический процесс нэпа, начиная с допущения капиталистических элементов и кончая построением фундамента социалистической экономики: «Нэп есть особая политика пролетарского государства, рассчитанная на допущение капитализма при наличии командных высот в руках пролетарского государства, рассчитанная на борьбу элементов капиталистических и социалистических, рассчитанная на возрастание роли социалистических элементов в ущерб элементам капиталистическим, рассчитанная на победу социалистических элементов над капиталистическими элементами, рассчитанная на уни-

чтожение классов, на постройку фундамента социалистической экономики»¹.

Это гениальное сталинское определение нэпа, основанное на уже накопившемся новом опыте социалистического строительства, показывает как самую природу нэпа, так и характер временного отступления, предпринятого в начале нэпа, чего не могли и не хотели понять оппозиционеры всех оттенков, будучи плохими марксистами и круглыми невеждами в вопросах большевистской политики.

Отступления бывают разные, учит марксизм-ленинизм. Бывают моменты, когда партия, как и армия, вынуждена отступить потому, что она потерпела поражение. Так например было после поражения революции 1905—1907 годов. Тогда большевистская партия отступила для того, чтобы сохранить себя, сохранить свои кадры, собраться с силами и, перестроившись применительно к новой обстановке, вновь пойти в наступление на врага. Но не такого рода отступление имел в виду и предлагал Владимир Ильич при введении нэпа. Партия и советская власть не только не потерпели ни от кого поражения в гражданской войне, а как раз наоборот: сами нанесли жесточайшее поражение всем многочисленным и опаснейшим врагам социализма.

Какого же рода отступлением было введение нэпа?

«...бывают и такие моменты.—говорится в «Кратком курсе истории ВКП(б)»,—когда победоносная партия или армия в своем наступлении забегает слишком далеко вперед, не обеспечив себе тыловой базы. Это создает серьезную опасность. В таких случаях опытная партия или армия находит обычно нужным, чтобы не оторваться от своей базы,—несколько отступить назад, поближе к своему тылу, чтобы связаться покрепче со своей тыловой базой, обеспечить себя всем необходимым и потом вновь пойти в наступление более уверенно, с гарантией на успех. Именно такого рода временное отступление и проводил Ленин при нэпе»².

Ленин на VII московской губпартконференции в конце октября 1921 года, говоря о соотношении разных систем и приемов политики в революции, разъяснял, что политика нэпа явилась политикой длительного обходного движения, медленной осады крепости. В этом была разница между прежней экономической политикой лобовой атаки на капитал в 1918—1919—1920 годах и той новой экономической политикой, которая была принята на

X съезде РКП(б) и стала осуществляться с весны 1921 года.

4

В своей гениальной работе «О продовольственном налоге» Ленин разъясняет основные вопросы новой экономической политики.

Вопрос о продналоге, как основной вопрос новой экономической политики, несмотря на четкое решение X съезда нуждался в дальнейшем теоретическом обосновании, которое вооружило бы партию в борьбе против извращений нэпа и в борьбе против разношерстной оппозиции «слева» и справа, отражавшей острую классовую борьбу в стране и колебания всех неустойчивых элементов в партии.

Отметив, что обсуждение этого вопроса «носит характер несколько сутолочный», Ленин во вводной части говорит, что к вопросу о продналоге, одному из главных вопросов политики в тогдашних условиях, полезно подойти не с его злободневной, а с его общепринципиальной стороны, «...взглянуть на общий, коренной фон той картины, на которой теперь мы чертим узор определенных практических мероприятий политики данного дня»³.

Работа «О продовольственном налоге» написана Лениным через месяц после X съезда, в середине апреля 1921 года, и вышла отдельной брошюрой в издании Государственного издательства в мае 1921 года.

Этот труд исключительно большого исторического значения Ленин готовил в условиях тогдашней, крайне сложной обстановки. Этой работе предшествуют насыщенные богатейшим содержанием четыре плана и конспекта⁴.

Черновым, первоначальным наброском плана является I конспект, который лег в основу значительно более подробно разработанного II конспекта—главного для всей работы. III конспект посвящен преимущественно госкапитализму, а IV—общим политическим итогам и выводам.

Несколько тщательно готовил Владимир Ильич свою работу, говорят четыре варианта названия брошюры. Сперва Ленин намечает следующее название: «О замене разверстки налогом и о соглашении с крестьянством (или о задачах рабочего правительства в крестьянской стране) и о задачах рабочего класса по отношению к крестьянству». Хотя здесь дано глубокое содержание темы, Ленин недоволен этим заголовком и на полях рукописи отмеча-

¹ И. Сталин. Политотчет ЦК XIV съезду ВКП(б), стр. 247—248.

² «История ВКП(б)» стр. 246.

³ Ленин. Т. XXVI, стр. 321.

⁴ См. там же, стр. 310—316.

ет следующее: «Точнее бы передавало содержание — «О замене разверстки налогом в связи с общими задачами и условиями данного политического момента». Но и это, более точное заглавие не удовлетворило Ленина, очевидно, со стороны стиля, ибо он записывает: «тяжело!» Тогда он тут же набрасывает третий проект: «Замена разверстки налогом в связи с особыми условиями данного политического момента». Здесь отмечается особенность условий, вызвавших введение продналога, что, однако, снова не удовлетворяет Владимира Ильича. Тогда он записывает, наконец, последний проект заглавия брошюры: «Замена разверстки налогом, ее принципиальное значение: от «военного» коммунизма к правильному социалистическому фундаменту». Но и это заглавие осталось только черновым наброском. Брошюра, появившаяся в печати, носила название «О продовольственном налоге (значение новой политики и ее условия)».

Эти четыре плана-конспекта брошюры представляют замечательную лабораторию творческой ленинской мысли. Остановимся только на отдельных замечаниях Ленина в этих конспектах.

Ленин с самого начала отмечает попытку «левых коммунистов» представить нэп как «Брест». «Брест» ли?» — иронически замечает Ленин. Ленин противопоставляет военный коммунизм правильным хозяйственным отношениям. Крайне важна запись Ленина в разделе «Середняк» (Нивелировка), где он подчеркивает, что продналог есть ставка не на кулака, а на с е р е д н я к а (подчеркнуто в рукописи). «Ставка» на середняка в земледелии», — записывает Ленин. «Старательный крестьянин, как «центральная» фигура нашего хозяйственного под'ема», ибо произошла «нивелировка деревни» — «бедноте» дали уравнительный передел, помещичью и кулацкую землю, экстраординарную помощь государства. Открывая перспективу перехода к социалистическому земледелию, Ленин намечает его пути: мелкий крестьянин, колхозы, э л е к т р и ф и к а ц и я.

Фиксируя свои мысли о взаимоотношениях рабочего класса с крестьянством, о соглашении с середняком, Ленин записывает, что союз рабочих с крестьянством — основа всех основ советской власти — «необходимое и достаточное» условие ее прочности.

Разоблачая демагогов и паникеров, Ленин на вопрос, страшны ли социализму «индивидуализм» крестьянина, его «свободная торговля», отвечает: «Если электрификация через 10—20 лет, ни капли не страшен индивидуализм мелкого земледельца и свободная торговля его в местном обороте. Если не электрификация,

все равно неизбежен возврат к капитализму»¹.

Касаясь тогдашнего международного положения, Ленин отмечает, что оно сложилось для нас благоприятно: у них — распад, у нас — сплочение. Анализируя международную обстановку, Ленин перечисляет противоречия на мировой арене: Антанта против Германии, Америка против Японии, Америка против Европы, империалистский мир против Азии. И здесь знаменитое ленинское положение: «10—20 лет правильных соотношений с крестьянством и обеспечена победа в всемирном масштабе (даже при затяжке пролетарских революций, кои растут), иначе 20—40 лет мучений белогвардейского террора». «Aut aut. Tertium non datur» (Или—или. Третьего не дано)² — записывает Ленин.

Особенно останавливает внимание в этих ленинских записях определение, данное «политике», цитированное выше. Говоря о политике в IV варианте плана, Ленин отмечает диалектику превращения экономики весны 1921 года в политику: «Кронштадт».

Но произведя «трезвейшую оценку зла», гений революции решительно записывает: «Беззаветность в борьбе».

Таково вкратце основное содержание ленинских четырех конспектов, легших в основу его исторической работы «О продовольственном налоге».

5

Ленин, считая необходимым в начале брошюры показать экономику Советской России, приводит «длинную выписку» из своих двух статей: из статьи «Главная задача наших дней», написанной 11 марта 1918 года по поводу Брестского мира, и из статьи «О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности», написанной 3—5 мая 1918 года и направленной против бухаринцев, надевших маску «левых коммунистов».

В этих выдержках Ленин характеризует тогдашнюю экономику Советской России, ее пять укладов. Первый уклад — имевшееся в нашей стране патриархальное, то есть в значительной степени натуральное, крестьянское хозяйство; второй уклад — мелкотоварное производство, куда Ленин относил большинство тех крестьянских хозяйств, которые продавали хлеб; третий уклад — частнохозяйственный капитализм, накладывавший сильный отпечаток на экономическое лицо страны; четвертым укладом являлся государственный капитализм, и, наконец, пятым общественно-экономиче-

¹ Ленин. Т. XXVI, стр. 313.

² Там же.

класс. Положение окончательно стало угрожающим в результате неурожая 1920 года, бескормицы, падежа скота, еще сильнее задержавших восстановление разоренной промышленности.

«В итоге, — писал Ленин, — политическая обстановка к весне 1921 года сложилась так, что немедленные, самые решительные, самые экстренные меры для улучшения положения крестьянства и подъема его производительных сил стали неотложно необходимы»¹.

Ленин разъясняет, почему именно надо было начать с крестьянства, а не с рабочих. При этом он на данном, конкретном примере отмечает смысл учения о «решающем звене». Сущность руководства со стороны диктатуры пролетариата заключается в том, чтобы суметь направить свою политику в сторону разрешения неотложной, решающей, важнейшей задачи. А самой большой задачей в тот момент было поднятие производительных сил крестьянства, что можно и должно было привести к восстановлению промышленности, к усилению позиций рабочего класса.

Демагоги и паникеры, враги пролетарской диктатуры — прежде всего троцкисты — пытались свернуть советскую власть с этого единственно правильного пути в сторону удовлетворения минутных, частичных интересов, как например закупка хлеба за границей, ввоз мануфактур и других товаров из-за границы. Ленин, предостерегая против этого, решительно указывал, что это означало бы цеховые интересы пролетариата поставить выше его классовых интересов, принести в жертву этим непосредственным интересам его диктатуру, его союз с крестьянством, его руководящую роль в борьбе за социализм. А эти коренные интересы рабочего класса требовали немедленных и серьезных мер для поднятия производительных сил крестьянства. Важнейшей, решающей, серьезнейшей мерой, поворотной вехой в экономической политике того времени и явилась замена продразверстки продналогом.

Владимир Ильич, разъясняя историческую необходимость военного коммунизма как политики временной, подчеркивает в то же время, что в мелкокрестьянской стране диктатура пролетариата может осуществить одну единственно правильную политику, отвечающую интересам рабочего класса, способную укрепить основы социализма и привести его к полной победе, а именно — обмен хлеба на продукты промышленности, необходимые крестьянину.

Но как осуществлять этот обмен продукции городской промышленности на крестьянский хлеб, оставшийся после налога, когда промышленность еще не восстановлена, когда сразу быстро восстановить крупное социалистическое производство крайне трудно? Если это сразу сделать нельзя (с этим не так-то легко справлялись богатейшие, передовые страны после разорительной империалистической войны), то «значит, — разъясняет Ленин, — необходимо в известной мере помогать восстановлению мелкой промышленности, которая не требует машин, не требует ни государственных, ни крупных запасов сырья, топлива, продовольствия, — которая может немедленно оказать известную помощь крестьянскому хозяйству и поднять его производительные силы»². А это не могло не означать возрождения мелкой буржуазии и капитализма.

Но Ленин бесстрашно смотрел в глаза действительности. Никакого другого вывода, кроме того, что в стране мелкокрестьянской развитие мелкого хозяйства является развитием мелкобуржуазным, развитием капиталистическим, делать нельзя было. Такова была тогдашняя экономическая действительность без прикрас. Всякую попытку тогда просто запретить торговлю, то есть запретить развитие капитализма, Ленин называл глупостью и самоубийством. Надо было не пытаться запретить или запретить капитализм, а стараться направить его в русло государственного капитализма.

В работе о продналоге Ленин повторяет и развивает сказанное им о государственном капитализме еще весной 1918 года и накануне Октябрьской революции, в сентябре 1917 года, в его брошюре «Грозившая катастрофа и как с ней бороться». Он ставит вопрос диалектически: государственный капитализм, его преимущества, его роль надо сравнивать не с социализмом, которого еще нет, который только еще впереди, а с мелкобуржуазным производством, господствовавшим в тогдашней политико-экономической системе и накладывавшим свой отпечаток на всю экономику страны. Ленин высмеивал тех, кто начетнически твердил: «Капитализм есть зло, социализм есть благо». Капитализм есть зло по отношению к социализму — это верно. Но не об этом сравнении шла тогда речь: речь шла о том, что по отношению к мелкому производству государственный капитализм был шагом вперед.

Особенно же нельзя было забывать разницы между ролью государственного капитализма в буржуазном обществе и его ролью в условиях диктатуры пролетариа-

¹ Ленин. Т. XXVI, стр. 330—331.

² Там же, стр. 332—333.

Н. ЛЕНИН

О ПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ НАЛОГЕ

(Значение новой политики и ее условия)

(Статья Л. Ленина будет помещена в № 1 журнала Главного управления Красной Армии, находящегося в издании. Редакция имеет ее предварительно в виде отдельной брошюры)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1921

Титульный лист брошюры В. И. Ленина
«О продовольственном налоге». 1921 год.

та. «...Чтобы еще более раз'яснить вопрос, — писал Ленин, — приведем прежде всего конкретнейший пример государственного капитализма. Всем известно, каков этот пример: Германия. Здесь мы имеем «последнее слово» современной крупнокапиталистической техники и планомерной организации, подчиненной юнкерско-буржуазному империализму. Откиньте подчеркнутые слова, поставьте на место государства военного, юнкерского, буржуазного, империалистского то же государство, но государство иного социального типа, иного классового содержания, государство советское, т.-е. пролетарское, и вы получите в сию ту сумму условий, которую дает социализм»¹.

Еще в III варианте конспекта Ленин перечислял основные формы государственного капитализма в условиях диктатуры пролетариата: концессии, кооперация, комиссионеры, аренда. Все эти формы показаны и раз'яснены Лениным в его работе «О продовольственном налоге». Эти формы необходимы и неизбежны, указывал Ленин, имея в виду крайнюю пестроту общественно-экономических укладов в крайне отсталой стране.

Ленин, особо останавливаясь на вопросе о концессиях, раз'ясняет, что, с точки зрения общественно-экономических укладов и их соотношений, концессии — это

«...договор, блок, союз Советской, т.-е. пролетарской, государственной власти с государственным капитализмом против мелко-собственнической (патриархальной и мелкобуржуазной) стихии»². Этот договор нужен был затем, чтобы быстро развивать производительные силы, увеличить количество продукции немедленно, в кратчайший срок. Концессии означали усиление крупного производства против мелкого, передового против отсталого, машинного против ручного, усиление государственно-упорядоченных экономических отношений в противоположность мелкобуржуазно-анархическим. Эта политика концессий, умело, в меру и осторожно проводимая под контролем советской власти, раз'яснял Ленин, ни в каком случае не являлась заменой классовой борьбы классовым миром. Концессия являлась определенным видом борьбы, продолжением классовой борьбы. И поэтому определение того, выгодна ли концессия, не опасна ли она, зависело от соотношения сил, от борьбы.

Концессии, как известно, не получили сколько-нибудь широкого развития. Их удельный вес был ничтожен в народном хозяйстве, которое быстро стало развиваться на основе нэпа и все меньше нуждалось в концессиях. Переговоры о концессиях с представителями иностранного капитала на первых этапах нэпа сыграли известную роль в деле установления экономических связей с капиталистическим миром, явившихся подготовкой к установлению связей политических.

В своей работе Ленин уделяет специальное внимание кооперации. На X съезде партии в докладе о натуральном налоге Ленин предложил оживить деятельность кооперации, «задушенной» при разверстке (решением IX съезда партии кооперация была подчинена Компроду — Комиссариату продовольствия). Ленин предложил следующую резолюцию, которая съездом была принята: «Ввиду того, что резолюция IX съезда РКП об отношении к кооперации вся построена на признании принципа разверстки, которая теперь заменяется натуральным налогом, X съезд РКП постановляет: указанную резолюцию отменить. Съезд поручает ЦК выработать и провести в партийном и советском порядке постановления, которые бы улучшали и развивали строение и деятельность кооперативов в согласии с программой РКП и применительно к замене разверстки натуральным налогом»³. Этим самым было положено начало расширению «прав» кооперации.

² Там же, стр. 334.

³ «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов...», стр. 389.

¹ Ленин. Т. XXVI, стр. 325.

Кооперацию мелких товаропроизводителей в мелкокрестьянской стране Ленин рассматривал тогда как разновидность госкапитализма. «Такая трактовка кооперации, — указывал товарищ Сталин, — была достаточна и удовлетворительна в 1921 г., когда был написан «Продналог», когда у нас не было развитой социалистической промышленности, когда Ленин мыслил госкапитализм как возможную основную форму нашего хозяйствования, а кооперацию рассматривал в сочетании с госкапитализмом» (Сталин «Вопросы ленинизма», изд. 11-е, стр. 153). Как разновидность государственного капитализма «кооперативный» капитализм мог в известной мере быть полезным и выгодным тогдашнему хозяйству Советской республики.

«Политика кооперативная, — писал Ленин, — в случае успеха, даст нам подьем мелкого хозяйства и облегчение его перехода, в неопределенный срок, к крупному производству на началах добровольного объединения»¹.

Ленин в 1921 году, еще тогда, когда не было развитой социалистической промышленности, считал возможным превращение кооперации в могучее средство борьбы против капиталистических отношений. Но известно, что ленинская оценка кооперации как формы госкапитализма оказалась вскоре превзойденной историей. Успехи в области строительства социалистической промышленности, достигнутые на рельсах нэпа, привели к тому, что кооперация стала смыкаться с социалистической индустрией. И уже в 1923 году Ленин писал, что «кооперация в наших условиях сплошь да рядом совершенно совпадает с социализмом» (Т. XXVII, стр. 396). Кооперация стала основной зацепкой для социалистического развития. Выдвинутый Лениным кооперативный план намечал пути приобщения крестьянства через кооперацию к социалистическому развитию. А уже через 10 лет на основе этого гениального плана была блестяще разрешена задача перевода миллионов мелкособственных крестьянских хозяйств на путь социализма.

В «Продналоге» Ленин анализирует и третий и четвертый виды госкапитализма — комиссионеров и аренду — и указывает, что на громадных просторах Советской России, где царили «патриархальщина, полудикость и настоящая дикость», необходимо применять разнообразные посредствующие пути, приемы и средства для перехода от докапиталистических отношений к социализму.

Все эти мероприятия, начиная от продналога и кончая госкапитализмом, были вызваны крайней отсталостью и разоренностью страны, необходимостью быстро и решительно поднять производительные силы народного хозяйства, в первую голову крестьянского. Ленин, указывая выход из положения, открывал стране грандиозную перспективу. «Мыслимо ли, — спрашивал Ленин, — осуществление непосредственного перехода от этого, преобладающего в России, состояния к социализму? Да, — отвечал Владимир Ильич, — мыслимо до известной степени, но лишь при одном условии... Это условие — электрификация»². Ленин выдвинул этот план как переход от патриархальщины, от мелкого производства к социализму.

Предупреждая снова и снова, что свобода торговли есть капитализм, что капитализм есть спекуляция, Ленин выдвигает ряд решительных мероприятий по борьбе с бюрократизмом, со злоупотреблениями, со спекуляцией, с хищениями и всякими уклонами капиталистических элементов от контроля государства, от надзора и учета. Естественно, что в условиях допущения развития капиталистических элементов создавалась серьезная угроза злоупотреблений в деле проведения продналога, работы кооперации и пр. со стороны примазавшихся к коммунистам старых чиновников, помещиков, буржуа и прочей сволочи. «Тут нужна чистка террористическая, — требовал Ленин, — суд на месте и расстрел безоговорочно»³.

Особое место Ленин уделяет политической обстановке, создавшейся к весне 1921 года, — «Кронштадту», как яркому выражению колебаний мелкобуржуазной стихии. Мелкобуржуазная стихия потому и называется стихией, разъясняет Ленин, что «это действительно нечто наиболее бесформенное, неопределенное, бессознательное». «Кронштадтские» лозунги и выражали настроение не вполне оформленной, мало определенной, крайне неясной мелкобуржуазной стихии.

Ленин вскрывает роль эсеров и меньшевиков, поднимавших эту стихию против большевиков. Лидеры этих контрреволюционных партий — эсер Чернов, «герой мелкобуржуазной фразы», и меньшевик Мартов, рыцарь подделанного «под марксизм» мещанского реформизма, — воображали, что они могут использовать «Кронштадт» и его лозунг «Советская власть без большевиков» в «своих» интересах, не служа целиком белогвардейщине, помещикам и капиталистам.

¹ Ленин. Т. XXVI, стр. 337.

² Там же, стр. 338.

³ Там же, стр. 343.

Ленин, разоблачая их, показывает, что буржуазия и ее идеолог Милюков — действительно серьезная классовая сила, а мелкая буржуазия с ее Мартовыми и Черновыми может быть по самой своей социальной сути не чем иным, как выражением классowego бессилия. «В 1789 году, — отмечает Ленин, — мелкие буржуа могли еще быть великими революционерами; в 1848 году они были смешны и жалки; в 1917—1921 годах они — отвратительные пособники реакции, прямые лакеи ее, по их действительной роли, все равно, зовут ли их Черновыми и Мартовыми или Каутскими, Макдональдами и так далее и тому подобное»¹. Мелкобуржуазные, меньшевистско-эсеровские парциссы болтали, а Милюковы и белогвардейщина были людьми контрреволюционного дела.

К лету 1921 года, когда появилась в свет ленинская работа о продналоге, политическая обстановка, соотношение классовых сил стали «яснее ясного»: «Стальной и закаленный авангард единственного революционного класса, мелкобуржуазная колеблющаяся стихия, притаившиеся за границей и имеющие поддержку всемирной буржуазии Милюковы, капиталисты, помещики»². Ленин призывал решительно подчинить «мелкобуржуазную стихию», на почве которой всегда произрастали Наполеоны и Кавеньяки. А лидеров этой стихии, как открытых, так и перекусившихся в беспартийные, предупреждал Ленин, мы должны держать в тюрьме.

Ленин намечает развернутую программу борьбы за подъем земледелия и промышленности, за развитие оборота между земледелием и промышленностью, за победу социализма. Он требует при этом решительной борьбы с бюрократизмом и учит «уметь признать зло безбоязненно, чтобы тверже повести борьбу с ним». Он призывает партийных и беспартийных вызвать большую инициативу мест, настаивает на переводе руководящих работников на уездную и даже волостную работу, требует от руководителей умения проверять работу, налаживать проверку их работы самой массой, направлять работу и учиться у тех, у кого есть знания. Во II проекте конспекта Ленин записывает: «...выдвижение новых людей из «низов» = (α) молодежи; (β) беспартийных».

Свою работу «О продовольственном налоге» Ленин заканчивает следующим глубоко оптимистическим выводом: «Массо рабочих и крестьян нужно немедленное улучшение их положения. Поставив на полезную работу новые силы, в том числе беспартийных, мы этого достигнем. Прод-

налог и ряд связанных с ним мероприятий этому помогут. Экономический корень неизбежных колебаний мелкого производителя мы этим подрежем. А с политическими колебаниями, полезными только Милюкову, мы будем бороться беспощадно. Колеблющихся много. Нам мало. Колеблющиеся разединены. Мы объединены. Колеблющиеся экономически не самостоятельны. Пролетариат экономически самостоятелен. Колеблющиеся не знают, чего они хотят: и хочется, и колется, и Милюков не велит. А мы знаем, чего мы хотим.

И потому мы победим»³.

Эта работа Ленина, обосновавшая новую экономическую политику, явилась острейшим теоретическим оружием, отточенным марксистско-ленинской материалистической диалектикой; она учит политической зоркости, марксистскому уменью разбираться в сложнейших вопросах тактики и стратегии революционной борьбы, беспощадности к классовому врагу, вере в творческие силы народных масс, глубокой убежденности в конечной победе социализма.

Новая экономическая политика имела громадное международное значение. Поворот партии к этой политике был вызван не только условиями классовой борьбы внутри страны, но всей международной обстановкой и международным положением Советской России. Этот поворот находился в тесной связи с открывшейся перспективой длительной передышки, длительного сосуществования мира социализма и мира капитализма, началом экономических связей с капиталистическими странами.

Эта мудрая ленинская политика в переходный от капитализма к социализму период не является только особенностью социалистической революции в России. Она применима во всех странах, где будет совершена пролетарская революция, где будет осуществлена диктатура рабочего класса, ибо всюду будут в той или иной мере иметь место мелкие хозяйства простых товаропроизводителей (мелкие крестьянские хозяйства, фермеры, ремесленники и т. п.), с интересами которых должен считаться победивший пролетариат.

Нэп⁴ поэтому — образец большевистской политики, большевистской тактики для всех. Этот интернациональный характер нэпа указан и в программе Коммунистического Интернационала, разработанной под руководством и при непосредственном участии товарища Сталина.

Программа Коминтерна на основе богатейшего опыта партии большевиков считает допустимым, а иногда и необходимым, в условиях гражданской войны и интервенции, введение военного коммунизма в инте-

¹ Ленин. Т. XXVI, стр. 346.

² Там же, стр. 347.

³ Там же, стр. 351.

ресах решительной победы над врагом. Однако программа не считает такую политику нормальной при отсутствии чрезвычайных условий интервенции и войны. Программа Коминтерна в условиях нормального развития считает правильной именно политику нэпа. В программе указывается, что пролетариат и его партия должны иметь в виду, что ряд навыков и традиций во всех областях хозяйственной жизни, унаследованных от свергнутого буржуазного строя, не может быть изжит сразу. Поэтому от победившего пролетариата требуется такое правильное сочетание — на основе рыночных отношений — крупной социалистической индустрии и мелкого хозяйства, которое обеспечило бы прежде всего ведущую роль социалистической промышленности и вместе с тем способствовало бы максимальному подъему всей основной массы крестьянских хозяйств.

Товарищ Сталин в разделе «Крестьянский вопрос» своей работы «Об основах ленинизма» следующим образом формулирует задачи хозяйственной деятельности советской власти в начале нэпа: «Усилить и развить национализированную индустрию; связать для этого индустрию с крестьянским хозяйством через торговлю, регулирующую государством, заменить продразверстку продналогом... оживить торговлю и развить кооперацию, вовлекая в эту последнюю миллионы крестьянства, — вот как рисовал Ленин очередные задачи хозяйственного строительства на пути к постройке фундамента социалистической экономики»¹.

Рабочий класс, руководимый партией Ленина—Сталина, сумел весной 1921 года совершить решающий поворот в области экономической политики, использовав крестьянские резервы для того, чтобы соединить индустрию с сельским хозяйством, поднять социалистическое строительство и подвести под диктатуру пролетариата необходимый экономический фундамент.

6

Прошло 20 лет со времени написания В. И. Лениным его гениальной работы «О продовольственном налоге». Как изменилась наша страна в политическом и экономическом отношении, как выросла внутри и на мировой арене наша социалистическая держава! Россия непобедимая стала Россией социалистической, великой страной социализма.

На X съезде партии, в брошюре «О продовольственном налоге» и на XI съезде партии Ленин указывал, что в тот период

еще не было фундамента социалистической экономики, фундамент этот еще предстояло построить.

За прошедшие 20 лет не только построен надежнейший фундамент социализма, но на его основе возросло величественное, светлое здание социализма.

Многомиллионное крестьянство нашей страны, представлявшее собой распыленную мелкобуржуазную стихию, под руководством рабочего класса превратилось в колхозное крестьянство, хозяйство которого насыщено новой, современной техникой. Трудности в диктатуре рабочего класса, испытывавшиеся в период создания Лениным его брошюры «О продовольственном налоге», отошли в далекое, безвозвратное прошлое. Рабочие, крестьяне, интеллигенция сплочены в единый трудовой фронт. Полная демократизация политической жизни страны, создание Сталинской Конституции есть результат укрепления морально-политического единства советского народа, все более крепнущей дружбы народов нашей страны. Прочности советской власти, доверию, которое питает к ней советский народ, может позавидовать любое правительство в мире.

Исторические решения XVIII Всесоюзной конференции ВКП(б) в отношении хозяйственного плана на 1941 год подчеркивают с громадной силой те перемены, которые произошли в нашей стране за истекшие 20 лет. Так, если в 1921 году вся валовая продукция промышленности равнялась 2 миллиардам рублей (это составляло 19,5% довоенного времени), то в 1941 году выпуск валовой продукции промышленности СССР составит 162 миллиарда рублей. Если производство чугуна составляло в 1921 году 116,3 тысячи тонн, то в 1941 году оно будет равно 18 миллионам тонн. Если каменного угля добывалось в 1921 году 7 миллионов тонн, то в 1941 году поставлена задача — добыть 191 миллион тонн. Если в 1921 году вся посевная площадь составляла 90,3 миллиона га, то в 1941 году она будет равна 157 миллионам га. В 1921 году на полях нашей страны вообще не было тракторов и комбайнов, а в 1941 году насчитывается 523 тысячи тракторов и 182 тысячи комбайнов.

Одних этих сравнительных цифр достаточно, чтобы видеть, как сказочно выросла за истекшие годы наша страна, руководимая партией Ленина—Сталина, разгромившей врагов большевизма, осуществлявшей и разрабатывавшей под руководством товарища Сталина дальше гениальную политику, обоснованную Лениным в его работе «О продовольственном налоге».

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 41. 11-е изд.

Рождение первой сталинской пятилетки

От XV съезда партии до V съезда советов
(декабрь 1927 года — май 1929 года)

1

В декабре 1925 года с трибуны XIV съезда ВКП(б) товарищ Сталин поставил перед партией, перед всем советским народом великую цель — превратить нашу страну из аграрной в индустриальную страну, экономически независимую от капиталистических стран. Выдвинутая товарищем Сталиным задача социалистической индустриализации стала законом социалистического развития нашей страны.

Прошло два года, и политика социалистической индустриализации привела к решающим успехам. На XV съезде партии товарищ Сталин в своем отчетном докладе констатировал, что «...развитие нашего народного хозяйства идет под знаком индустриализации страны, под знаком растущей роли промышленности в отношении сельского хозяйства»¹ и задача партии — «...двигать дальше всеми мерами индустриализацию нашей страны»².

Успехи социалистической индустриализации сделали возможным массовое колхозное строительство, укрепили плановое начало в экономике страны и создали предпосылки для перехода к наступлению социализма на капиталистические элементы по всему фронту народного хозяйства.

Имея в виду именно это наступление, XV съезд разработал директивы по составлению первого пятилетнего плана социалистического строительства — первой сталинской пятилетки.

Съезд указал, что «в соответствии с политикой индустриализации страны в первую очередь должно быть усилено производство средств производства», что «наиболее быстрый темп развития должен быть придан тем отраслям тяжелой индустрии, которые поднимают в кратчайший срок экономическую мощь и обороноспособность СССР...»³.

¹ XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет, стр. 51. Госиздат. 1928.

² Там же, стр. 52.

³ Там же, стр. 1295.

Съезд предложил уделить особое внимание скорейшему осуществлению плана электрификации, развитию черной и цветной металлургии, развитию химических производств, дальнейшему развертыванию добычи угля, нефти, торфа, всех видов машиностроения, золото-платиновой промышленности.

Съезд предложил организовать ряд новых производств: оборудования для металлургии, топливной и текстильной промышленности, авто-, авио- и тракторостроения, производство искусственного волокна, добычу редких элементов, производство алюминия, ферромарганца, цинка, связанного азота, калия, и т. д., и т. д.

Эти общие политико-хозяйственные директивы надо было перевести на конкретный язык взаимно увязанных цифр. Дело это было нелегкое во всех отношениях.

1928 год и начало 1929 года, в течение которых разрабатывалась первая пятилетка, были периодом острой классовой борьбы в стране. На основе постановлений XV съезда партия стала осуществлять более решительное наступление на капиталистические элементы деревни. Хлебозаготовительная кампания 1928—1929 года ознаменовалась особенно острой классовой борьбой. Кулачество, державшее в своих руках 20% хлебных излишков, припрятывало хлеб, не желая сдавать его государству. Это обстоятельство еще больше увеличило затруднения на хлебном фронте, связанные с низким уровнем производства товарного хлеба в то время.

За первые пять месяцев хлебозаготовительной кампании 1928—1929 года пшеницы было заготовлено на 51 миллион пудов меньше чем в соответствующий период прошлого года. При этом наиболее резко упали хлебозаготовки на Северном Кавказе и в Сибири, где кулак был особенно силен. Создавалась угроза кризиса всего народного хозяйства. Для того чтобы ее предотвратить, советское правительство ответило на саботаж кулачества рядом чрезвычайных мер.

Состоявшийся летом 1928 года шахтинский процесс также был показателем той остроты классовой борьбы, которая в

то время имела место. Старые, враждебные советской власти специалисты, действовавшие по прямым заданиям иностранных разведок, пытались путем вредительства сорвать хозяйственное строительство и индустриализацию страны.

Это была экономическая интервенция международной буржуазии, имевшая целью подготовить военную интервенцию против СССР. Капиталистический мир к этому времени вступил в так называемый третий период своей послевоенной истории. Этот период характеризовался крайним обострением всех противоречий капиталистической системы и расшатыванием частичной капиталистической стабилизации, которое усилило стремление империалистических держав к разрешению этих противоречий за счет СССР.

Усиление паскоков правых реставраторов капитализма на политику партии, их борьба против напряженных темпов индустриализации, против политики более систематического ограничения кулачества и частного — также один из характерных моментов той обстановки, в которой партия и советская власть разрабатывали первую сталинскую пятилетку.

Детальная разработка этого плана ставила перед органами советской власти в числе прочих задачу овладения новыми методами планирования.

Советская страна настойчиво и последовательно осваивала один этап планирования за другим. В 1920 году был составлен первый генеральный план — план государственной электрификации страны — ГОЭЛРО, но потребовалось еще несколько лет для перехода от ГОЭЛРО к годовым контрольным цифрам, а потом — к пятилетнему плану. До 1925 года планирование ограничивалось составлением общесоюзных планов только по некоторым отдельным отраслям промышленности. В 1925—1926 году впервые были разработаны единые годовые контрольные цифры всего народного хозяйства в целом — цифры, в которых были увязаны планы всех отдельных отраслей народного хозяйства.

Теперь предстояло овладеть новым этапом планирования; составление пятилетнего плана требовало умения смотреть далеко в будущее, требовало смелой постановки основных проблем развития страны.

Трудность заключалась еще в том, что все это приходилось делать в значительной мере руками враждебно настроенных людей. Аппарат Госплана, ВСНХ, других ведомств в преобладающей своей части состоял тогда из специалистов старой школы, выросших и воспитанных в условиях капитализма. Впоследствии выяснилось,

что многие из них, если не большинство, остались верными слугами своих, изгнанных из Советского Союза хозяев. Под обманной личиной они прятали свое нутро вредителей и шпионов, продолжавших верой и правдой служить капиталу.

Но даже многие из тех, кто честно пытался служить советскому государству, находились в плену у старых представлений: они не понимали великого революционного смысла пятилетки, того, что пятилетка должна была явиться в руках партии могучим орудием социалистического преобразования страны, коренной ее социалистической переделки, подведения под ее экономику новой, передовой технической базы.

Валериан Владимирович Куйбышев гневно высмеивал этих «мудрецов». «Иными мерками, — писал он, — отличными от капитализма, эти буржуазные экономисты органически неспособны мерить. Они до сих пор ничего не поняли в той системе хозяйства, которую создала Октябрьская революция. Они тщательно перечитывают и штудируют старые учебники, выискивая исторические «прецеденты»... и никак не поймут, что ни в одном учебнике, по которым они учились и кроме которых они ничего не знают, — не говорится ни одного слова о таком государстве, где у власти стоит рабочий класс, где в его же руках сосредоточена и вся крупная промышленность, и транспорт, и банки, где осуществляется плановое хозяйство»¹.

Внутри ВСНХ, в секциях Госплана шла борьба за пятилетку, за проектируемые темпы развития страны, каждой отдельной отрасли хозяйства, за каждую цифру пятилетки.

Пятилетка несла с собой грандиозные качественные изменения облика страны. Она знаменовала новую экономическую и социальную структуру советского общества и в первую очередь огромный рост — и количественный и качественный — рабочего класса, новое соотношение между городом и деревней, переселение миллионов крестьян в город, создание новой экономической географии. Осуществление пятилетки должно было навеки покончить с социальными бедствиями, унаследованными от капитализма: безработицей, аграрным перенаселением и др.

Всего этого значительная часть экономистов не понимала, рассматривая пятилетку лишь как программу строительства определенного количества заводов.

Небезызвестный меньшевик Базаров доказывал, например, что индустриализация приведет к огромному росту безработицы,

¹ В. В. Куйбышев «К работе над пятилетним планом». «Торгово-промышленная газета» от 18 января 1929 года.

так как машина освобождает людей от труда.

Неотъемлемую часть пятилетнего плана составлял план технической реконструкции отдельных отраслей народного хозяйства. Но когда встал вопрос о путях и методах этой реконструкции, оказалось, что некоторые признанные «авторитеты» из числа экономистов явно тянут свои отрасли производства вспять. Так, крупнейший «авторитет» в области текстильной промышленности А. А. Фелотов (впоследствии один из героев процесса «Промпартии») категорически высказался против заимствования советской текстильной промышленностью американского технического опыта. Эту свою «оригинальную» позицию он обосновал тем, что в Америке капитал дешев, рабочая сила дорога, а у нас-де в СССР капитала мало и в то же время имеется достаточно большой резерв рабочей силы.

В одной из работ, выпущенных Научно-техническим советом черной металлургии, высказывалась мысль, что рост производства металла может вызвать длительный кризис сбыта, так как столь быстрый рост потреблений не имеет прецедентов в истории развития металлургии.

Выросшие на представлениях о пищенской заработной плате русского рабочего, чудовищной его эксплуатации, о миллионах голодных русских мужиков, дешевле которых ни одна машина работать не будет, специалисты, возглавлявшие научно-технические советы ВСНХ и соответствующие секции Госплана, упорно пытались проташить ориентацию на отсталое производство с ручным трудом. Не говоря уже о явно враждебных тенденциях со стороны одной части специалистов, в этом чрезвычайно резко сказывалась слабость советской технической мысли того времени, унаследованная Советской страной от царской России.

Дореволюционная русская промышленность, как известно, находилась в большой зависимости от иностранной технической мысли. Ее конструкторские кадры, ее кадры проектировщиков были очень слабы. Иностранные акционеры, владельцы промышленных предприятий, доставляли в Россию уже готовые конструкции, готовые проекты заводов.

Годы мировой, а затем и гражданской войны, оторвавшие от мировой технической русскую техническую мысль, способствовали тому, что она во многом фактически осталась почти на уровне 1914—1915 года. Первые проекты новых предприятий, составленные в 1924—1926 годах, полностью отражали это положение.

В Америке уже давно были в массовом производстве турбогенераторы мощностью в 40 тысяч киловатт, советские заводы

делали лишь машины в 16 тысяч киловатт; в США строили доменные, выплавлявшие 1000 тонн чугуна в сутки, в СССР все еще проектировались печи на 500—600 тонн; за границей работали уже мартены производительностью в 150 и больше тонн, советские металлурги проектировали новые мартены, рассчитанные только на 100 тонн.

Если бы все эти проектировки были осуществлены, они закрепили бы техническую отсталость советской индустрии, превратили бы ее в придаток капиталистического хозяйства.

XV съезд партии уделял особое внимание индустриализации отсталых районов и республик.

Еще в начале восстановительного периода товарищ Сталин со всей силой ставил вопрос об индустриализации отсталых национальных республик как о единственном пути к действительному уничтожению фактического неравенства. С трибуны XII съезда партии товарищ Сталин говорил: «Необходимо, чтобы, кроме школ и языка, российский пролетариат принял все меры к тому, чтобы на окраинах, в отставших в культурном отношении республиках, — а отстали они не по своей вине, а потому, что их рассматривали раньше, как источники сырья, — необходимо любиться того, чтобы в этих республиках были устроены очаги промышленности»¹.

В резолюции XV съезда подчеркивалось, что «пятилетний план должен уделить особое внимание вопросам полема экономики и культуры отсталых национальных окраин и отсталых районов...»².

Из этих четких и ясных указаний следовал практический вывод о географическом перемещении промышленного строительства на восток, о строительстве текстильных фабрик в сырьевых районах Средней Азии, об усиленном промышленном строительстве на Урале и в Сибири.

Эти основные партийные установки были взяты под обстрел рядом экономистов и старых специалистов.

На страницах «Известий текстильной промышленности и торговли», органа текстильной промышленности, провозглашалось, что и впредь «основным районом текстильной промышленности должна оставаться Центральная промышленная область». Более того, «...если было бы, — писалось в этом журнале в 1928 году, —

¹ XII съезд Российской коммунистической партии. Стенографический отчет, стр. 446. 1923.

² XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет, стр. 1300.

решено создать новый центр хлопчатобумажной промышленности в Туркестане, т. е. в чисто аграрном районе, в котором все традиции и психика населения связаны с сельским хозяйством, то пришлось бы для этой промышленности брать рабочих на стороне, т. е. выписывать их из Центрального промышленного района»¹.

Таким образом великорусские провинисты пытались и впредь обречь среднеазиатские республики на роль сырьевых колоний.

В унисон с ними профессор-экономист Диманштейн на страницах «Экономической жизни» излевался над проектом Магнитогорского завода, требуя, чтобы на этом проекте был поставлен крест. А в специальной работе он же проповедывал колонизацию и аграризацию окраин. Тот же Диманштейн с пеной у рта ополчился против такой неоспоримой истины, как недостаточность для СССР единого металлургического центра.

Диманштейн не был одинок. Группа украинских националистов, окопавшихся в недрах Госплана Украины, создала даже обширную литературу, направленную против развития новых районов, в пользу сохранения за Донбассом монополии единого металлургического центра.

Используя все трудности 1928 года, аргументируя ими, оппортунисты и капитулянты требовали, чтобы проектировки пятилетки были максимально урезаны.

2

Нелегка была борьба с этой сворой старых экономистов и техников, объединившихся для яростных нападков на пятилетний план социалистического строительства.

В этой борьбе сталинский ЦК партии опирался на рабочий класс, на первые сформировавшиеся тогда кадры новой интеллигенции и лучших представителей старой интеллигенции, сыгравших активнейшую роль в разработке планов пятилетки. Достаточно вспомнить имена: покойного автора проекта Днепростроя акад. И. Г. Александрова, покойного И. М. Губкина, знаменитого кораблестроителя акад. А. Н. Крылова, отца русской металлургии акад. М. А. Павлова, строителя Волховской и Свирьской гидроэлектростанций акад. Г. О. Графтио, теоретика советского авиостроения С. А. Чаплыгина, акад. А. Н. Баха и многих других.

Партия неустанно работала над воспитанием и выращиванием новых кадров специалистов. В июле 1928 года Пленум

¹ Цит. по журналу «Леткая промышленность» № 9 за 1939 год, стр. 21.

ЦК ВКП(б) по докладу товарища Молотова принял развернутое решение «Об улучшении подготовки новых специалистов». В этом решении ЦК подчеркивает, что «подготовка новых специалистов превращается в важнейшую задачу в с е й п а р т и и»².

Вопреки яростному сопротивлению правых ряд вузов был передан в ведение промышленности. Установлен был жесткий максимальный срок обучения в высшей школе. Сталинский ЦК партии уделил особое внимание вопросу о социальном составе учащихся вузов. По решению партии не менее 65% общего приема 1928 года во вузы должны были составить рабочие. Была расширена сеть рабфаков. Партия сняла тысячу испытанных коммунистов с партийной, советской, профессиональной работы и направила их на учебу.

Во главе предприятий и трестов стояли коммунисты-хозяйственники, в подавляющем своем большинстве не получившие никакой специальной подготовки. Несмотря на голод в хозяйственных кадрах партия снимала сотни хозяйственников и направляла их в специально созданные промышленные академии и на курсы различного типа, призванные помочь хозяйственникам в кратчайший срок получить определенный минимум технических знаний.

Партия воспитывала, растила новые кадры, новую интеллигенцию рабочего класса. Впоследствии, к концу первой пятилетки, частью уже в годы второй пятилетки, эта интеллигенция стала у руководства цехами, заводами, целыми отраслями.

Но тогда, в 1928—1929 годы, эта роль выполнялась все еще в основном специалистами старой формации. Их руками приходилось составлять и пятилетку, готовиться к ее осуществлению.

В апреле 1928 года были опубликованы директивы Президиума ВСНХ по составлению промышленной пятилетки. В основу этих директив были положены указания председателя ВСНХ СССР В. В. Куйбышева.

Попыткам проташить в пятилетку технику вчерашнего дня, равнению на примитивный, ручной труд была противопоставлена ориентация на самую передовую технику, на максимальную механизацию производственных процессов. В. В. Куйбышев призывал к максимальному напряжению «воли всего рабочего класса для скорейшего осуществления поставленных им себе целей»³.

Вопреки потугам закрепить и еще бо-

² «ВКП(б) в революциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. 2-я, стр. 233. Госполитиздат. 1940.

³ «Торгово-промышленная газета» от 26 апреля 1928 года.

лее углубить разрыв между немногими передовыми промышленными районами и отсталыми аграрными окраинами в основу пятилетки было положено сталинское указание о развитии промышленности на востоке, создании второго угольно-металлургического центра — Урало-Кузнецкого комбината, — второго текстильного центра в Средней Азии и т. д.

Осенью 1928 года начался новый обстрел пятилетки. К этому времени относится выход вредительских «Заметок экономиста» Бухарина. Этой статьей Бухарин, опираясь на баланс строительных материалов, состряпанный строительным комитетом ВСНХ и показывавший резкий дефицит кирпича, цемента и других строительных материалов, сделал попытку подвести «теоретическую» базу под капитулянтские требования правых реставраторов капитализма об урезке темпов пятилетки.

Выступление Бухарина было немелленно подхвачено другим махровым правоуклонистом — Фрумкиным. Скромный ведомственный журнальчик «Финансовое хозяйство», посвященный технике финансов, Фрумкин превратил в трибуну своих антипартийных выступлений. В унисон с Бухариным Фрумкин «доказывал» необходимость урезать вложения в тяжелую промышленность, снизить и резко замедлить темпы индустриализации. Выступления Бухарина и Фрумкина открыли весь сонм явных и тайных врагов пятилетки, открывших по всему фронту новые яростные атаки против нее.

С огромным вниманием следила Советская страна за ходом строительства любимого первенца индустриализации — Днепровской гидроэлектростанции. Сюда были брошены лучшие технические силы нашей страны: партия и правительство поручили руководство строительством одной из крупнейших электростанций в мире не иностранцам, а советским инженерам.

В глазах всего народа Днепрогэс являлся воплощением сталинской идеи индустриализации. Строительные работы на Днепре развивались чрезвычайно успешно: за 1927—1928 год в строительство было вложено 62,2 миллиона рублей. Это была еще не превзойденная в истории капитального строительства СССР сумма. А правоуклонисты нагло выступали против строительства Днепровской станции.

Когда осенью 1928 года партия и правительство обсуждали вопрос о контрольных цифрах народного хозяйства на 1928—1929 год и встал вопрос о размерах ассигнований на капитальное строительство, Наркомфин (одним из руководителей которого был Фрумкин) предложил сильно урезать просимые ВСНХ ассигнования.

Выступая на Пленуме ЦК ВКП(б) в ноябре 1928 года, товарищ Сталин разоблачил все ухищрения Фрумкина и дал беспощадный по своей железной логике критический анализ его выступлений, его пресловутой «теории» «о возможностях», его неудачных попыток урезать ассигнования на дело индустриализации. На примере Фрумкина стране было показано, что представляет собой правый уклон.

В этой же речи товарищ Сталин с исчерпывающей ясностью поставил вопрос о темпе развития индустрии.

Подчеркивая напряженность наших планов, обусловленную внутренней и внешней обстановкой, товарищ Сталин говорил: «Невозможно отстоять независимость нашей страны, не имея достаточной промышленной базы для обороны. Невозможно создать такую промышленную базу, не обладая высшей техникой в промышленности... мы должны ликвидировать нашу технико-экономическую отсталость... И именно для того, чтобы провести в жизнь эту задачу, мы должны систематически осуществлять быстрый темп развития нашей индустрии»¹.

В своей резолюции ЦК партии категорически заявил, что «основной задачей партии, ее генеральной линией является линия на дальнейшую индустриализацию страны...»².

Осуществляя волю партии, неуклонно претворяя в жизнь указания товарища Сталина, его верный соратник В. В. Куйбышев дал энергичный отпор бухаринским попыткам ревизовать установки партии. В ответ на бухаринское выступление он написал письмо в редакцию «Торгово-промышленной газеты», в котором призывал не отступать перед трудностями.

В. В. Куйбышев предлагал развернуть промышленность строительных материалов, вдохнуть жизнь в бездействующие заводы, мобилизовать местную промышленность, промысловую кооперацию. «Будите тех, кто спит, торопите медлящих, травите бюрократизм»³, — призывал В. В. Куйбышев работников печати.

Откликаясь на пламенный призыв В. В. Куйбышева, широкая советская общественность горячо заинтересовалась положением промышленности строительных материалов. На предприятиях цементной, кирпичной, алебастровой промышленности наблюдался необычайный производственный подъем. Коллективы предприятий

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 358—359. 3-е изд. Соцэкгиз. 1931.

² «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. 2-я, стр. 287.

³ «Торгово-промышленная газета» № 265 за 1928 год.

жадно искали у себя на производстве незатронутые еще производственные резервы и всегда находили их.

Из Ленинграда и Харькова, из Курска и Рыбинска, из Днепропетровска и Ростова, из Одессы и Баку, из Саратова и Киева — со всех концов Союза сообщали о возможности дополнительно загрузить предприятия, о десятках бездействующих кирпичных, алебастровых, известковых заводов. Оказалось также, что при помощи самых элементарных мероприятий производственная мощь их может быть во много раз увеличена. Выяснилось, например, что постройкой самых обычных дешовых сараев для сушки кирпича производство его может быть увеличено более чем в полтора раза. Блестящие результаты дали опыты применения ряда местных материалов: закавказского туфа, естественного шифера и др.

Бухаринской шулерской игре в «балансы» и цыфирь, бухаринским попыткам равнять промышленность на «узкие» места была противопоставлена большевистская целеустремленность, активное воздействие на эти «узкие» места, концентрация сил и ресурсов именно на отстающих участках с таким расчетом, чтобы они перестали быть «узкими», чтобы они больше не тормозили развития всего строительства.

За усилением промышленности строительных материалов последовал тщательный пересмотр и увеличение резервов во всех остальных отраслях промышленности.

Пятилетка уже перестала быть делом одних только плановиков, экономистов, техников. Слово «пятилетка» сделалось родным и близким миллионам советских трудящихся, оно превратилось в лозунг.

Текстильщики гор. Иванова, Твери и Москвы заключили между собой договор социалистического соревнования на выполнение и перевыполнение плана. Вступили в соревнование колхозы и совхозы Украины. Геологи искали новые виды сырья, топлива. Агрономы культивировали новые технические культуры. На заводах и фабриках инженеры, техники, рабочие упорно улучшали работу тех именно участков, которые тормозили поступательное движение всего предприятия.

В этот период ставится на практические рельсы вопрос о создании индустрии искусственного волокна, кендыря, кенафа, каучуконосов. Группа ученых-химиков во главе с акад. А. Н. Бахом обратилась к правительству с докладной запиской о химизации народного хозяйства. Правительство вынесло в связи с этим решение создать специальный комитет по химизации. Перед комитетом были поставлены задачи детально разработать ряд про-

блем, в частности использования и расширения сырьевой базы, создания калийной промышленности, развертывания индустрии органических красителей, разрешение проблем синтетической химии (искусственный каучук, бензин). На Урале, в Чусовских городках, забил нефтяной фонтан, на карте угольных богатств СССР появился новый угольный бассейн — Карагандинский.

3

В январе 1929 года подготовка пятилетнего плана вступила в свою последнюю стадию. Разработанный ВСНХ проект промышленной пятилетки поступил на рассмотрение в Госплан. Созван был ряд совещаний для обсуждения вопросов пятилетки по основным отраслям промышленности.

С особым нетерпением ждали совещания, посвященного пятилетке черной металлургии. Именно вокруг этой пятилетки разгорелись особо жаркие бои в печати и в аппарате ВСНХ. От темпов создания новой, передовой металлургии зависели темпы индустриализации, темпы превращения СССР в передовую индустриальную державу.

Пятилетка черной металлургии, разработанная ВСНХ, предусматривала строительство ускоренными темпами новых заводов: Магнитогорского, Кузнецкого, Криворожского. 10 миллионов тонн чугуна должно было выплавляться к концу пятилетки. Это означало утроение за пять лет производства металла.

Совещанием руководил председатель промсекции Госплана — проф. Калинин (будущий «герой» процесса «Промпартии»). Докладывал план пятилетки один из ее составителей — главный инженер Главметалла Хренников (впоследствии тоже разоблаченный как вредитель).

Основной вывод Хренникова сводился к тому, что для того, чтобы строить новые металлургические заводы, Советскому Союзу придется ввозить не только проекты, не только оборудование, не только инженеров, техников, даже не только высококвалифицированных рабочих-металлургов, но и каменщиков. Из его доклада непосредственно вытекало, что Советскому Союзу предстояло затратить миллиарды валютных рублей на импорт материалов, машин, людей.

Лишь меньшинство участников совещания отстаивало цифры пятилетки. Представители этого меньшинства не скрывали трудностей, стоящих на пути строительства черной металлургии, но в то

же время они указывали методы и средства для преодоления этих трудностей.

Председательствующий Калининков построил свое заключительное слово предельно дипломатично. Воздав должное «удивительной плановой смелости ВСНХ», он заявил, что, тем не менее, предложения ВСНХ явно нереальны. Не 10 миллионов тонн чугуна и даже не 8, а максимум 5—6 миллионов тонн можно проектировать на конец пятилетки. За 13 предвоенных лет, говорил он, в пору самого бурного развития капитализма в России, когда из-за границы устремлялся непрерывный поток стерлингов, франков, марок, выплавка чугуна увеличилась лишь на 2 миллиона тонн, а тут хотят за 5 лет увеличить выплавку на 6,5 миллиона тонн — это без помощи иностранного капитала, за счет одних лишь внутренних ресурсов!

Глубокое недоверие к намеченным темпам, обстановка раз'едающего скептицизма, кривые улыбочки, которыми встречалось каждое выступление в пользу пятилетки, характерны и для многих других отраслевых совещаний, в частности по машиностроению, химии.

Но несмотря на все вылазки и ухищрения Калининковых, Хренниковых и т. п. созываемые совещания при Госплане все же дали положительный эффект. В процессе борьбы против врагов пятилетки выяснились отдельные неувязки в планах, концентрировалось внимание на отстающих и требующих особого форсирования участках народного хозяйства.

* * *

В то время как пятилетка проходила свой нелегкий путь в стенах Госплана, за пределами его уже развернулась кипучая работа по осуществлению пятилетнего плана.

Партия и правительство принимали все меры к тому, чтобы обеспечить стране возможность использовать все последние достижения мировой техники. Заключение договоров о технической помощи с крупнейшими мировыми концернами давало все гарантии того, что вновь создаваемая в стране мощная индустрия действительно воплотит последнее слово мирового технического прогресса.

К началу 1929 года в действии находилось уже около четырех десятков договоров о технической помощи.

Проектирование первой шеренги гигантов: Сталинградского тракторного, Магнитогорского и Кузнецкого заводов, Уралмаша — шло быстрыми темпами.

В ходе проектирования и ознакомления с последними достижениями мировой техники контуры этих гигантов принимали

все более величественные размеры. СССР брал курс на самые передовые доменные, мартены, машиностроительные заводы.

Лишь за год до того в США была залита крупнейшая для того времени в мире домна, объемом в 943 кубометра; в США впервые начали строиться могучие мартеновские печи производительностью больше 150 тонн. Используя американский опыт, СССР приступил к строительству самых крупных в мире домен и мартенов: было принято решение строить на Магнитогорском заводе мартены мощностью в 150 тонн и печь объемом в 930 кубометров. (Впоследствии эта доменная печь была перепроектирована и объем ее доведен до 1000 кубометров.) Было вынесено решение строить целую серию гигантов авто- и тракторостроения на принципах непрерывного потока и массового производства. А между тем конвейер являлся тогда новинкой и в Западной Европе.

Товарищ Сталин непосредственно руководил всей работой по закладке новой технической базы промышленности, разработкой основных линий технической политики.

Первоначально в Магнитогорске предполагалось построить домы объемом в 600 кубометров. Ознакомившись с последними достижениями американской металлургии, товарищ Сталин настоял на удвоении мощности домен. То же случилось с мартенами и блюмингами¹. Товарищ Сталин был инициатором строительства авто- и тракторных заводов. Товарищем Сталиным были даны основные указания, легшие в основу реконструкции всей золотой промышленности, химии, машиностроения, лесной промышленности.

Партия вынесла решение создать на берегу Днепра величайший в Европе комбинат в составе заводов качественных сталей, алюминиевого и т. д.

Не было уже к началу 1929 года заводов и фабрик, которые оставались бы в стороне от борьбы за пятилетку. Вновь и вновь изучались возможности каждого отдельного агрегата, сталка, вновь и вновь пересматривались планы рационализации производства, планы наиболее эффективного использования сырья, топлива.

Первый год первой сталинской пятилетки ознаменовался пуском многочисленных новых предприятий, построенных в 1926—1928 годах. Одна за другой входили в строй бумажные фабрики: Балахинская, Кондопожская, Сясьский целлюлозный завод; начали работать нефтепроводы Баку — Батуми, Грозный — Туапсе, нефтеперегонные заводы в Батуми.

¹ См. сборник «Встречи с товарищем Сталиным», стр. 44. Госполитиздат. 1989.

первый построенный советской властью металлургический завод в Керчи, первый медеплавильный завод в Корсак-Пае, текстильные фабрики в Иванове, Тбилиси, Ленинграде, стекольные заводы в Гусь-Хрустальном, Белом Бычке, и т. д., и т. д.¹.

Ввод в строй этих новых, механизированных предприятий означал активизацию значительных капитальных вложений, рост промышленных ресурсов страны, он создавал новый резерв для борьбы за пятилетку.

С каждым днем становилось все яснее, что огромные массы крестьянства действительно повернули на колхозный путь, что партия сумела «...превратить колхозное движение в действительно массовое движение самих крестьян»².

Колхозное движение открывало новые замечательные перспективы перед сельским хозяйством, оно несло с собой изобилие стране, но в то же время оно предъявляло новые требования к промышленности: социалистическое земледелие выступало как крупный потребитель сельскохозяйственных машин, тракторов, удобрений.

Пятилетний план все еще шествовал по инстанциям, а на Урале, на Украине, в Москве и Ленинграде, на Кавказе и на Дальнем Востоке по зову партии уже развертывалась героическая борьба за пятилетку. Последние этапы работы над составлением пятилетки переплелись с первым этапом работы по непосредственной ее реализации.

4

В марте открылся V съезд президиумов Госпланов, который должен был обсудить окончательный проект пятилетки.

Многое изменилось за два месяца, отделявшие съезд президиумов Госпланов от рассмотрения отдельных пятилеток Госпланом: успешно протекал ввод в эксплуатацию новых предприятий, найден ряд новых резервов на местах.

Да и самая пятилетка выглядела теперь по-иному. Это уже был не голый, абстрактный ряд цифр по отраслям промышленности и районам: к разработанному Высшим советом народного хозяйства детальному плану был приложен увесистый список конкретных новых заводов, фабрик, электростанций, шахт, городов, поселков, которые предстояло построить. На огромной висевшей в зале карте красовалась густая сеть квадратов, ромбов, тре-

угольников, каждый из которых означал новый индустриальный центр.

А главное, эти треугольники и ромбы являлись уже не просто условными знаками. На местах с каждым днем все более бурно развертывалось строительство. Пятилетка уже осуществлялась. Это и наложило ярчайшую печать на всю работу съезда.

Открывая съезд, председательствующий Г. М. Бржижановский сразу определял направление его работы. Он указал, что дискуссия должна вестись не вокруг основных линий плана, не вокруг вопроса о темпах развития, не вокруг цифр плана, так как все эти вопросы исчерпывающе ясны: в центре внимания должен стать вопрос о наиболее рациональных методах и путях, которыми следует добиваться выполнения пятилетнего плана.

Многие из участников съезда, выступавшие на январских совещаниях против пятилетки, вынуждены были перед лицом фактов выступить с признанием пятилетки.

Яркую речь на съезде произнес В. В. Куйбышев. Сжато, лаконично и в то же время образно, с необычным подъемом и воодушевлением тов. Куйбышев подвел итоги длительной дискуссии, происходившей вокруг пятилетки. «Пятилетний план родился, — заявил он, — этот исторический факт можно зафиксировать».

Среди обывательских и полубывательских кругов, говорил В. В. Куйбышев, до сих пор замечается несколько ироническое отношение к планированию, особенно к перспективному. Иногда усмешки и ирония, недоверие к возможности составить пятилетний план сквозят в выступлениях отдельных экономистов и общественных деятелей. Между тем то, что происходит на этом съезде, является прекрасным доказательством необычайного укрепления плановой мысли, доказательством возможности спроектировать совершенно реальную и вполне детализированную пятилетку.

Закрывая съезд, Г. М. Бржижановский говорил о той непоколебимой бодрости и уверенности, которые так ярко прозвучали в речи Куйбышева, и предложил выразить ему за это глубокую благодарность.

V съезд Госпланов принял два варианта пятилетки: «отправной» — минимальный — и оптимальный. Минимальный вариант отставал от оптимального на 20%. Иными словами, минимальный вариант растягивал выполнение пятилетки еще на один год.

Оба варианта съездом Госпланов были переланы в Совнарком.

Март и апрель вновь и с особой силой показали, что только оптимальный, уско-

¹ См. «Торгово-промышленную газету» от 21 апреля 1929 года.

² И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 269. 11-е изд. Госполитиздат. 1939.

ренный, вариант соответствует интересам страны.

Колхозы и совхозы надо было оснастить новейшей техникой: интересы коллективизации властно требовали всемерного форсирования всех отраслей промышленности, обслуживающих сельское хозяйство.

Поэтому в плане было дополнительно запроектировано строительство второго тракторного гиганта — в Харькове. Мощности Сталинградского завода, что называется, на ходу была значительно увеличена. Форсировалось строительство гиганта сельскохозяйственных машин в Ростове.

Реально намечались пути значительно более быстрого, чем это предполагалось ранее, строительства металлургических заводов. Один из крупнейших металлургов страны — главный инженер Кузнецкстроя И. П. Бардин, ныне академик, член Хозяйственного совета по металлургии и химии при Совнаркоме СССР, — убедительно доказал, что первый чугуи может быть дан домнами Кузнецкого завода не через 7½ лет, как это утверждали ранее Хренниковы и им подобные, и не через 3½ года, как это предусматривала пятилетка, а через 2½ года.

Призыв Бардина подхватили руководители других строек. Одна стройка за другой брали на себя конкретные обязательства строить быстрее. Ускорение строительства являлось новым могучим резервом.

Творческая работа конструкторов показала, что многие машины, намеченные к ввозу из-за границы, могут быть созданы внутри страны, и это освобождало валютные ресурсы.

Ряд поправок пришлось внести в пятилетку угольной и нефтяной промышленности: более быстрые темпы развития топливопотребляющей промышленности, ставшая реальной перспектива тракторизации и автомобилизации страны, естественно, диктовали необходимость соответствующего развития топливной промышленности.

На ход обсуждения пятилетки все большее влияние оказывает новый, огромного значения фактор — пламя социалистического соревнования, разгоревшееся с невиданной силой. Массы находили и выдвигали все новые формы социалистического соревнования. Именно в эти месяцы возникает то величественное движение миллионов, с которым пятилетки органически связаны, от которого пятилетки неотделимы. По почину комсомола на заводах, фабриках, рудниках, промыслах Донбасса, Ленинграда, Москвы, Баку, Урала нарождается новое замечательное движение — ударничество.

Ни одного прогула, жесточайшая трудовая дисциплина, максимум выработки при

отличном качестве, бережливое использование сырья, топлива, вспомогательных материалов — таковы были главные лозунги развернувшегося ударничества. Вскоре ударники дополнили эти лозунги еще одним: «Не жди, пока нормировщик придет к твоему станку, проявляй сам инициативу в пересмотре норм выработки!»

Осуществляя этот лозунг, сотни и тысячи рабочих по собственной инициативе вносили предложения повысить нормы, вносили рационализаторские предложения в дальнейшем улучшении производства.

Все это, вместе взятое: ускорение сроков строительства, новые потребности социалистического сельского хозяйства, великодушный порыв рабочего класса, нашедший свое выражение в ударничестве, — создало новую обстановку.

Вот почему уже через месяц (30 марта), когда пятилетка стала в порядке дня объединенного заседания Совнаркома и ЦО, минимальный вариант плана выглядел совсем убогим.

На этом заседании дискуссия шла вокруг одного вопроса — о том, надо ли сохранить оба варианта пятилетки, надо ли сохранить минимальный вариант.

Сторонники сохранения двух вариантов аргументировали свою точку зрения необходимостью иметь в запасе минимальный вариант плана на случай стихийных бедствий (неурожай), а также на случай менее быстрой реализации качественных заданий пятилетки. В действительности, конечно, это была последняя замаскированная попытка правых реставраторов капитализма, хоть в какой-либо мере задержать темпы развития социалистической индустриализации страны.

На одном из первых же заседаний после официальных докладчиков Госплана, предлагавших принять два варианта, выступил тов. А. И. Микоян¹.

Тов. Микоян предлагал утвердить один лишь вариант — оптимальный, так как нужно иметь ясную и четкую линию в дальнейшей работе. А. И. Микоян поставил вопрос о дальнейшем ускорении темпов развития нефтепромышленности, производства сельскохозяйственных машин, строительства электростанций.

На этом заседании сделал свою вражескую вылазку Рыков, предложивший параллельно с пятилетним планом развития всего народного хозяйства создать еще специальный двухлетний план развития сельского хозяйства.

Разоблачая это предложение Рыкова, товарищ Сталин на Пленуме ЦК партии в апреле 1929 года говорил:

¹ См. «Торгово-промышленную газету» от 1 апреля 1929 года.

«Двухлетний план выступил у Рыкова на сцену для того, чтобы потом, в ходе практического осуществления пятилетнего плана, противопоставить пятилетке двухлетку, перестроить пятилетку и приспособить ее к двухлетнему плану, сократив и обкарнав ассигнования на дело индустрии»¹.

Двухлетка вместе с ее автором была выброшена в мусорный ящик истории.

23 апреля объединенное заседание Совнаркома и СТО приняло решение утвердить в качестве программы хозяйственного строительства на ближайшие пять лет оптимальный вариант плана, сосредоточив на его осуществлении все усилия государственных органов и общественных организаций и всемерно мобилизуя для этой цели творческую энергию широких масс пролетариата, беднейшего и среднего крестьянства и научно-технических сил страны.

В тот же день начала работать XVI партийная конференция. Она одобрила «пятилетний план Государственной плановой комиссии в его оптимальном варианте, утвержденный Советом Народных Комиссаров СССР, как план, полностью отвечающий директивам XV съезда партии»².

В обращении ко всем рабочим и трудящимся крестьянам Советского Союза конференция призвала организовать во всех областях строительства соревнование фабрик, заводов, шахт, железных дорог, совхозов, колхозов, советских учреждений, школ, больниц.

20 мая 1929 года открылся V всесоюзный съезд советов. Хозяин советской земли утвердил пятилетку.

Пятилетний план — величественный сталинский план преобразования страны — был утвержден. Страна получила большевистскую программу действий.

* * *

Прошло 12 лет. В феврале 1941 года в Москве собралась XVIII партийная конференция. В докладах тт. Маленкова и Вознесенского подытожен замечательный путь, пройденный страной за время между XVI и XVIII конференциями.

Выполнив досрочно первую и вторую пятилетки, советский народ успешно работает над выполнением третьей пятилетки. Пятилетние сталинские планы стали могучим фактором борьбы за прогресс нашего народного хозяйства.

Осуществляя сталинский план социалистической индустриализации, СССР стал могучей индустриальной державой. В 1940 году промышленность СССР дала на 137,5

миллиарда рублей продукции, то есть в 8,5 раза превысила продукцию дореволюционной промышленности. По сравнению с 1929 годом Советский Союз увеличил свое социалистическое производство в 5,3 раза. Если уровень 1929 года принять за 100, то уровень промышленного производства в СССР в 1940 году составит 534%, а в США — лишь 111%. Таковы закономерности капиталистического и социалистического воспроизводства.

На советской земле навсегда ликвидированы безработица, аграрное перенаселение, нищета. Советский Союз завоевал экономическую независимость.

Нет такой машины, которую не могли бы сделать советские рабочие, под руководством советских инженеров, на советских предприятиях. Весь мир мог оценить качество советских танков, советских самолетов, всей той замечательной техники, которой социалистическая индустрия оснастила свою Красную Армию, в боях у озера Хасан, у Халхин-Гола, на Карельском перешейке, в боях за освобождение Западной Белоруссии и Западной Украины.

Коренным образом изменилась социальная структура советского общества. Эксплоататорские элементы ликвидированы. Произошло перераспределение населения между деревней и городом. За время между 1926 и 1939 годами население городов выросло с 26,3 миллиона человек до 55,9 миллиона человек, то есть больше чем вдвое. В то же время сельское население уменьшилось на 6,1 миллиона человек.

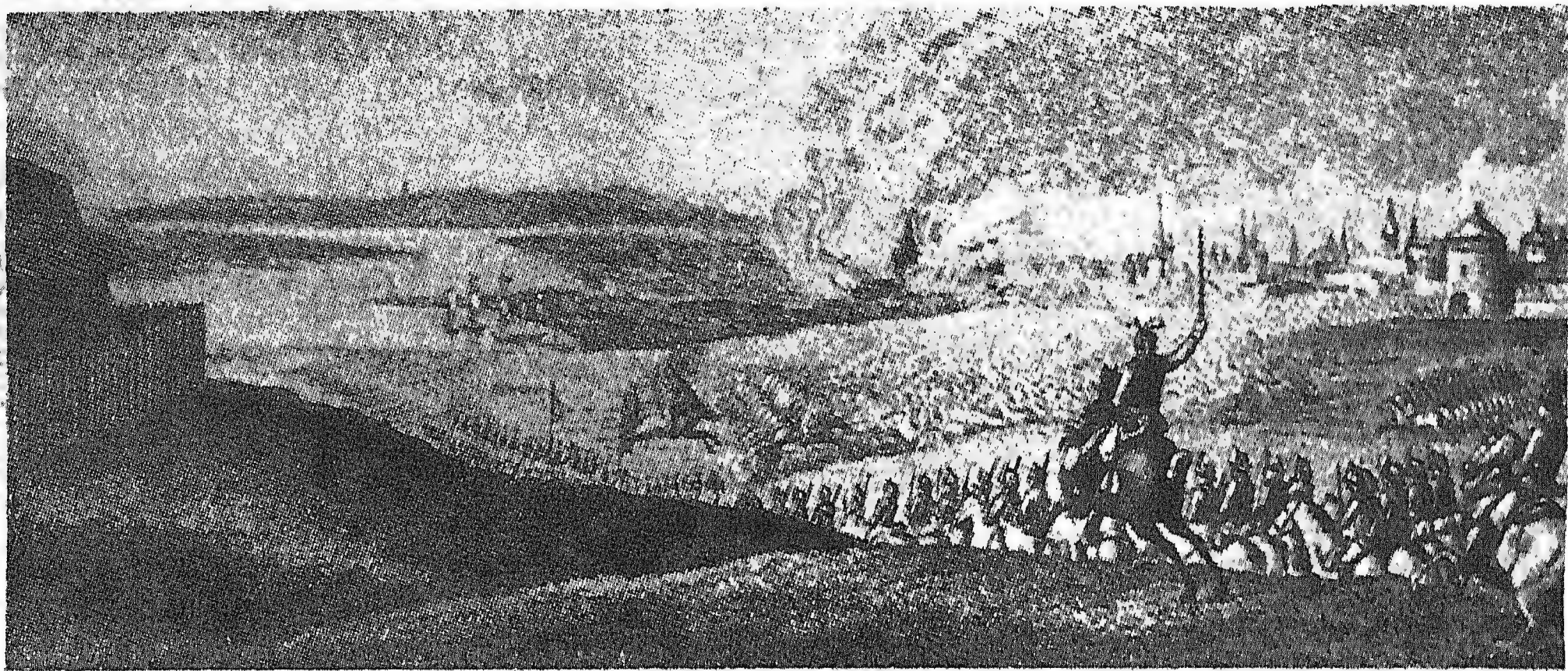
Народное хозяйство СССР развивается планомерно, по законам расширенного социалистического воспроизводства. Это означает неуклонный рост производства во всех отраслях хозяйства, это означает неуклонный рост социалистического накопления, материального благосостояния трудящихся.

А завтра после окончания работы конференции, в день двадцатилетия Госплана СССР, в печати появилось сообщение о том, что ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР поручили Госплану СССР приступить к составлению генерального хозяйственного плана на 15 лет, рассчитанного на решение задачи — перегнать главные капиталистические страны в экономическом отношении.

Под мудрым сталинским руководством народы СССР досрочно выполнили первые две пятилетки и успешно выполняют третью. По величественному сталинскому замыслу они создадут и выполнят 15-летний генеральный план, разрешат главную экономическую задачу, завершат строительство бесклассового социалистического общества, завершат переход от социализма к коммунизму.

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 255. 11-е изд.

² «ВКП(б) в резолюциях и решениях...». Ч. 2-я, стр. 327.

Проф. Н. Коробков

Взятие Измаила (1790 год)

Дрожит земля, дождь искр
течет;
Блокочут реки рдяной лавой.
О Росс! Таков твой образ
славы,
Что зрел под Измаилом свет.
Б а й р о н

1

«Знающим древнюю историю нашего отечества довольно известно, что воинство Российское, когда еще и просвещение регу¹ военных ему не поспешествовало войска мужественного имя носило. Но... когда к храбрости его природной дисциплина военная присоединилась... оружие российское там только славы себе не приобретает, где руки своей не подымлет»².

Когда Петр I заново перестроил, вооружил и обучил свое войско, оно разбило и уничтожило лучшую из европейских армий того времени — армию Карла XII. При преемниках Петра технический уровень армии снизился. Основы новой национальной русской стратегии и тактики были забыты. Войско реорганизовали на прусский лад; решающую роль начали играть наемные командиры-иностранцы. Целью обучения сделались стройная маршировка на парадах, выправка, умение стоять в караулах. Уборка волос и щегольское одяние сол-

дата считались самым главным в военном деле. Чтобы в марше не гнулись колени, под них подвязывались лубки, «и словом так одевали, что ежели положить человека наземь, то он, — по свидетельству генерала Хрущева, служившего в это время в армии (2-я четверть XVIII века), — никаким образом сам собой без помощи другого встать не может. А в некоторых полках был сделан такой станок, в котором, чтобы прям был солдат, на несколько часов поставя, винтом завинчивали. Когда на караул должно идти роте, то за сутки начнут убирать волосы и убравши люди не могут спать иначе, как сидя...»³.

По свидетельству современника, то, «что к соблюдению настоящей службы нужно, почитали вещью маловажною... исправность ружья в редких полках наблюдаемо было, потому стреляло ли оно, или нет не всякой замечал, ибо войска готовились для глаз и хвалы, а не для войны...»⁴.

В армии были широко распространены телесные наказания и насаждался прусский взгляд на солдата как на машину. Организация управления, снабжения, санитарной службы находилась в самом неудовлетворительном состоянии. Полки были недоукомплектованы. Основную силу

³ Хрущев А., ген. «Размышление, в каком состоянии армия была в 1764 году и проч.». «Сборник главного управления генерального штаба». 1909. Вып. 3-й, стр. 61.

⁴ Там же, стр. 62.

¹ Регулы — правила.

² Из манифеста от 22 сентября 1762 года. Полное собрание законов Российской империи, № 11668.

составляли пехота и артиллерия, значительно улучшенная в елизаветинское время стараниями генерал-фельдцейхмейстера П. И. Шувалова. Конница, наоборот, была вовсе негодной. Плох был командный состав, особенно высший.

Все эти недостатки сказались в первый период Семилетней войны: в ее первую кампанию Россия фактически даже не сумела вмешаться. В последующие кампании успехи армии тормозились организационными неполадками, бездарностью командования, а в некоторых случаях и изменой; все это не позволяло полностью использовать результаты побед. И все же русские при всяком соприкосновении с неприятелем проявляли боевые качества, поражавшие противника, и в конечном итоге оказывались победителями. Как рассказывает капитан армии короля Фридриха, Архенгольц, русские в сражении под Цорндорфом (14 августа 1758 года¹) «явили зрелище, какого доселе не видывали примеров. Расстрелявши свои патроны, они стояли твердо... Свежие полки заступали ряды убитых и, казалось, желали иметь одинаковую участь с своими товарищами. Легче было их убивать, нежели принуждать к бегству»². «Что касается русских гренадеров, — записал по тому же поводу адъютант короля де Катт, — то с ними нельзя сравнить ни одного солдата»³.

Будучи атакованы Фридрихом на Кунерсдорфских высотах близ Франкфурта (1 августа 1759 года), русские решительно разгромили армию этого крупнейшего полководца своего времени.

Причины приоритета русского войска в отношении считавшейся первой в мире и действительно замечательно обученной, великолепно вооруженной прусской армии⁴ можно искать лишь в качествах — прежде всего в моральных качествах — русского солдата.

Западноевропейские армии и, в частности, армия Фридриха составлялись из наемников, вербовавшихся не только в своем, но и в соседних государствах. Как признавал сам Фридрих, в солдаты шли люди из подонков общества, которых лишь при помощи жестокого насилия можно было держать в строю. Армию размещали в лагерях, оцепленных часовыми, вели в бой сомкнутыми линиями, за которыми

следовали ряды, стрелявшие по отставшим или пытавшимся бежать.

Вступая на королевскую службу ради наживы, чуждые идее родины, солдаты наемных армий не имели никаких моральных стимулов к самопожертвованию. При поражениях и неизбежном при этом падении дисциплины в войсках развивалось массовое дезертирство. Так например в 1757 году «дезерция» из прусской армии, потерпевшей поражение от австрийцев, была «так сильна, что понять не можно; каждый день по 1500 человек и более приходят... генерал Бек рапортовал, что он у себя уже до 6000 дезертиров имеет», и требовал повеления, «куда отправить оных»⁵. Как отмечает командовавший осадой Кольберга П. А. Румянцев (позднее фельдмаршал), пруссаки отрезали пойманным дезертирам носы и уши. Изуродованные люди, однако, снова бежали, и многие из них доходили до русского лагеря⁶.

Тактика прусской армии могла быть только линейной, так как при ином строе контроль над солдатом ослаблялся. Войско было связано с магазинным снабжением, потому что разрешение добывать

⁵ Донесения русского военного атташе при австрийской главной квартире ген. Шпрингера. Центральный военно-исторический архив (ЦВИА), фонд Военно-ученого архива (ВУА), № 1657, л. 119.

⁶ Секретный журнал кольбергской экспедиции. ЦВИА, ВУА, № 1690, л. 44.

А. В. Суворов.

Пастель работы художника Шмидта, исполненная в Праге, 1880 год.

¹ Даты везде приводятся по старому стилю.

² Архенгольц И. «История Семилетней войны в Германии с 1756 по 1763 год». Перев. Мартос М. 1841, стр. 103.

³ Catt, Henri de «Mes entretiens avec Frédéric II». Mémoires et journal. Leipzig, 1885, p. 358.

⁴ См. Ф. Энгельс. Избранные военные произведения. Т. I, стр. 208.

Форма высшего командного состава полевой пехоты. Конец XVIII века.

продовольствие реквизициями тотчас бы разложило его.

Русская армия строилась на системе рекрутских наборов. Она была единообразна по национальному и социальному составу, регулярные ее части комплектовались из крестьянства великорусских областей (сбор рекрутов из других губерний введен лишь в третьей четверти XVIII века). Уголовные преступники даже по отбытии наказания в екатерининское время в армию не допускались.

Срок службы солдат в третьей четверти XVIII века был ограничен 25 годами. Солдат был государевым служилым человеком и в своей службе видел долг перед родиной. Суровые условия жизни в армии, палочные наказания, трудность и опасности походов делали этот долг очень тяжелым. Не удивительно, что от рекрутчины старались уклониться всеми возможными способами, вплоть до побега. Передки были случаи и дезертирства солдат, но, с другой стороны, имелось немало крестьян, которые искали в солдатчине спасения от гнета своих помещиков и стремились в рекруты. Когда при вступлении на престол Елизаветы распространился слух о восстановлении отмененного после Петра права крепостных записываться в войска, крестьяне во множестве бежали от помещиков и подавали просьбы о зачислении в солдаты. Многие старые солдаты так свык-

лись с армией, что, отслужив свои 25 лет, оставались служить сверхсрочно.

Если число побегов солдат наемной армии в военное время резко увеличивалось, то в русском войске наблюдалось, скорее, обратное явление. При этом большая часть побегов из русской армии была обусловлена не нежеланием сражаться, а следствием слишком жестоких «штрафов батожем», страхом повторного наказания и в некоторых случаях причинами личного характера¹.

Внешняя дисциплина в русской армии, так же как и в наемных, поддерживалась палкой, однако внутренняя дисциплина ее, неизменно сказывавшаяся в наиболее ответственные моменты сражений, покоилась на глубоких и крепких основаниях. Она базировалась на моральном сознании долга перед родиной, вере в святость присяги и ярко выраженном чувстве взаимозависанности, взаимной поддержки.

Энгельс и Меринг очень отчетливо сформулировали последнее положение:

«Энгельс объясняет причины того, что Бернгарди и другие знатоки русского войска признают за неоспоримый факт, следующим образом: «Русский солдат обладает, безусловно, большой храбростью. Пока тактическое решение сражения заключалось в натиске больших сомкнутых пехотных масс, он был в своей стихии. Весь его жизненный опыт учил его держаться спаянно со своими товарищами. Полукоммунистическая еще община в деревне, товарищеская работа артели в городе, — всюду круговая порука, взаимная связанность товарищей... Эта психология не оставляет русских и на военной службе. Массы батальонов невозможно расшеять. Чем больше опасность, тем сильнее спаянность отдельных групп»... Внутренней спайкой русских войск была не дисциплина постоянного войска, а дисциплина милиции², та, которая вытекает из общности условий труда и жизни входящих в армию солдат... Даже тогда, когда в русской армии дисциплина милиции сталкивалась с дисциплиной кнута, побеждала первая»³.

Эти моральные качества были важнейшей предпосылкой победоносности русской армии и возможности создания на основе ее опыта форм стратегии и тактики, чрезвычайно близких к наполеоновской стратегии «сокрушения». Зачатки последней

¹ Следственные дела по армии, действовавшей в Пруссии в 1757—1761 годах. ЦВИА, ВУА, № 1672, лл. 458—459 и др.

² М и л и ц и я — ополчение, войско, формируемое во время войны.

³ Меринг Ф. «Очерки по истории войны и военного искусства». М. 1938, стр. 448—449.

западные военные историки связывают с американской освободительной войной, развитие — с войнами французской революции и завершение — с походами Наполеона. Русскую «сокрушительную» стратегию второй половины XVIII века при этом упускают из виду. Между тем особенности русской армии позволили ее полководцам значительно ранее американской войны отказаться от общераспространенной тогда в Западной Европе доктрины о стратегии на «истощение» противника. П. А. Румянцев, уже под Кольбергом (1761 год) нащупывавший пути этой новой стратегии и тактики, в кампанию 1770 года развернул ее в полном блеске, показав такие поражающие образцы, как победы при Рябой Могиле, Ларге и Кагуле.

Суворов, органически выросший из среды армии и долгие годы служивший рядовым, пришел к той же идее, но он с большей полнотой, чем кто-либо из его предшественников, сумел осознать ее и подобно Наполеону найти единственно правильное тактическое и стратегическое применение войска, из которого он вышел и которое вел за собой.

2

После Семилетней войны на основе накопленного в ней опыта началась перестройка русской армии. Среди выдающихся военных администраторов того времени особенно выделялись Румянцев, Потемкин, Суворов, Панин. За ними следовала целая плеяда их сподвижников и учеников.

Армия была значительно увеличена, полки приведены к численному единообразию, переустроен Генеральный штаб, упорядочено положение, права и обязанности командного состава, введены новые кавалерийский и пехотный уставы. Наряду с линейным строем в армии стали применять движение и наступление колоннами: зарождалась тактика глубокого строя. Переходной формой к последнему являлось действие «кареями» (каре) разной величины, до мелких батальонных и даже ротных включительно.

Были созданы егерский корпус и особые егерские команды, приспособленные для действий в рассыпном строю и быстрой меткой стрельбы, значительно улучшена и усилена конница. В 70-х годах XVIII столетия не приспособленная к войне тяжелая кавалерия была упразднена. Артиллерия сделана более подвижной и единообразной по калибрам. Ей придали саперов, увязали действие артиллерии с действиями других родов оружия.

Большое внимание было уделено обучению солдат. В этом отношении особенно много сделал Суворов. Выработанная им инструкция «Наука побеждать» с замеча-

тельной четкостью определила принципы обучения и воспитания войск, а также принципы новой, решительной, наступательной тактики, ведущей к победе.

Суворов установил, что обучать солдат надо только тому, что потребуется на войне, и притом в условиях, напоминающих боевую обстановку. Излюбленной формой упражнения была сквозная атака. Войска, разделенные на две части, строились колоннами или развернутым строем и в ускоряющемся движении атаковали друг друга. При сближении бегущая пехота со штыками наперевес и кавалерия ни на минуту не задерживались. Штыки только в последнее мгновение поднимались вверх, и каждый солдат немного подавался вправо, что давало возможность прорваться в образующиеся мелкие интервалы. Пройдя сквозь строй, стороны поворачивались кругом, перестраивались и повторяли атаку. Все это производилось с такой «фурией», что люди нередко получали сильные ушибы.

Учение проводилось в условиях различной местности и часто ночью. На месте учений строились укрепления с рвами, волчьими ямами и рогатками. Группы войск поочередно обороняли и штурмовали эти крепости. Много внимания уделялось длительным переходам с суточной нормой в 30—35 верст.

Рядовой и унтер-офицер Фанагорийского полка.
Конец XVIII века.

Суворов особенно ценил действие холодного оружия и решение боя искал в мощном штыковом ударе. Это был единственно верный способ победы, так как при тогдашнем состоянии огнестрельного оружия эффективность его оказывалась крайне ограниченной. Задача заключалась в том, чтобы быстро пересечь поражаемую зону, после чего рукопашный бой кончал сражение¹.

Роль штыка повышалась еще более от того, что снабжение боевыми припасами в походе было затруднено. Каждый стрелок имел при себе лишь 20 пуль, и по 30 пуль на ружье возилось в запасе. Нередко случалось, что уже в первых сражениях пули оказывались израсходованными, а получить пополнение не представлялось возможным. «Береги пулю на три дня, а иногда и на целую кампанию, как негде взять. Стреляй редко, да метко»², — требовал поэтому Суворов. Признавая решающее значение за холодным оружием, он вместе с тем ценил и ружейный огонь, но применял его ограниченно, избегал действия залпами и настаивал на индивидуальной меткой стрельбе³.

В основу тактики, знание которой Суворов считал обязательным для каждого солдата, Суворов клал «три воинские искусства»: первое — «глазомер», «как в лагере стать, как маршировать, где атаковать, гнать и бить»; второе — «быстрота: неприятель нас не чаёт, считает за сто верст; а когда издалека за двести, триста и больше. Вдруг мы на него, как снег на голову»; третье — «натиск... Атакуй холодным ружьем... пехота коли в штыки, кавалерия тут и есть!.. Везде строй! В окончательной победе кавалерии, гони, руби! Кавалерия займется, пехота не отстанет»⁴.

Необходимейшей предпосылкой победы Суворов считал волю каждого солдата к победе. Солдат должен твердо знать цель операции. «Не довольно, чтобы одни главные начальники были извещены о плане действия. Необходимо и младшим начальникам иметь его в мыслях, чтобы вести войска согласно с ним. Мало того, даже батальонные, эскадронные, ротные командиры должны знать его; по той причине

даже унтер-офицеры и рядовые. Каждый воин должен понимать свой маневр»⁵.

И командир и солдат, стремящиеся к победе и ясно понимающие свои оперативные задачи, получили право и были обязаны в пределах строгой дисциплины проявлять личную инициативу.

Воспитанная на этих принципах, армия представляла собой живой, активный и целеустремленный организм, великолепно приспособленный к решительным действиям как в целом, так и частями. Это была кардинальная противоположность прусской армии, представлявшей завершённый образец бездушного, четко действовавшего, но безынициативного, слепо подчиненного боевого аппарата.

Исходя из качеств и способностей своего войска, Суворов мог поставить перед ним задачи, совершенно недоступные для наемной армии. Вместо нерешительного маневрирования он применил быстрое наступление в решающем направлении. Выигрыш в войне обеспечивается, по мнению Суворова, не постепенным истощением противника, а уничтожением его живой силы. Для этого необходимо всегда держать инициативу в своих руках. Только «быстрое неослабное и безостановочное нанесение неприятелю удара за ударом приводит его в замешательство, лишает его всех способов справляться»⁶.

Если западноевропейские генералы XVIII века действовали растянутым фронтом, то Суворов не признавал «кордонной системы». Значительно раньше Наполеона он выработал принцип максимальной сосредоточенности сил в момент соприкосновения с неприятелем. «За полезное считаю рекомендовать при генеральной атаке необходимую в каждом случае предосторожность, именно ту, чтобы силы были вместе соединены, дабы не сделать атаку тщетною, отделяя войска без нужды и ослабляя произвольно»⁷.

«Потребно... единодушное, совокупное и единовременное содействие... войск»⁸.

Блестящие действия Суворова и его армии, не знавшей ни одного поражения, заполняют собой ряд страниц мировой военной истории второй половины XVIII века. Некоторые из них особенно ярко характеризуют гениальность вождя русской армии, таковы итальянский и швейцар-

¹ Дистанция активного действия ружейного огня в то время не превышала 40 метров; атакующая пехота могла преодолеть это расстояние примерно в 20 секунд, а кавалерия и того скорее. Поскольку ружья заряжались с дула, каждый из атакуемых мог успеть сделать за это время не более 2 выстрелов.

² «Вахт-парад».

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ См. «Военно-исторический журнал» № 5 за 1940 год, стр. 58.

⁶ Из донесения Суворова императору Павлу. 1799 год. ЦВИА, ВУА, № 2827. Ч. 1-я, лл. 23—24.

⁷ Письмо от 5 сентября. Цит. по списку из архива Государственного исторического музея.

⁸ Цитированное донесение. ЦВИА, ВУА, № 2827. Ч. 1-я, л. 25.

ский походы. В других разительно выступает несокрушимая мощь и несравненное мужество суворовской армии; таковы взятие Праги и еще более штурм Измаила. Но во всех этих, да и других эпизодах Суворов и армия были достойны друг друга, представляя собой страну, которой они служили. «Мы русские!» — с гордостью говорил Суворов своим солдатам перед сражениями. И Энгельс правильно определил его как национальное явление, называя «старика-солдата» «архирусским генералом».

3

Успехи внешней политики России в 70—80-х годах XVIII века на западных и особенно южных границах обуславливали неизбежность новых столкновений с соседями и в первую очередь с Турцией, которая не могла спокойно допустить присоединения Крыма к России. Со своей стороны русское правительство не довольствовалось полученными результатами. В середине 70-х годов Потемкин разработал так называемый «греческий проект», увлекший Екатерину. Намечалось полное изгнание турок из Европы и создание в восточной части Балканского полуострова и на побережье Эгейского моря «Греческой империи», корону которой хотели отдать второму внуку Екатерины — Константину. Из дунайских княжеств Молдавии и Валахии намеревались сделать буферное государство «Дакию», а западная часть Балканского полуострова должна была перейти в сферу влияния Австрии. Для осуществления этого проекта намеревались вызвать национальное восстание греков против турецкого владычества и, поддержав это восстание, захватить Константинополь. Естественно, что «греческий проект», из которого в Петербурге не делали тайны, вызвал величайшую тревогу европейских правительств. «Царьград в качестве третьей российской столицы, наряду с Москвой и Петербургом, — это означало бы... не только моральное господство над восточно-христианским миром, это было бы также решительным шагом к господству над Европой. Это было бы единодержавным господством над Черным морем, Малой Азией, Балканским полуостровом. Это означало бы: что Черное море, лишь только пожелает царь, может быть заперто для всех торговых и военных флотов, кроме русского, что это море превращено в русскую военную гавань и место маневров русского флота, который в любой момент мог бы из этого безопасного убежища делать вылазки через укрепленный Босфор...»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 2-я, стр. 10.

Рассчитывать на осуществление проекта в реальных условиях того времени можно было лишь обладая неудержимым воображением Потемкина. Неизбежная война с Турцией имела, однако, и более реальные цели: укрепить и обезопасить русские границы и окончательно закрепить присоединение Крыма, продвинувшись до Дуная или, по крайней мере, до Днестра на югозападе.

Европейские кабинеты всеми способами старались затруднить положение России. Особенно энергично действовала Англия, толкавшая Турцию к выступлению против России и стремившаяся создать при этом максимально неблагоприятную конъюнктуру для русских. После неудачной войны 1768—1774 годов Порты желала, однако, иметь более реальные гарантии и долгое время воздерживалась от агрессивных действий, пока, наконец, в августе 1787 года, подстрекаемая английской и прусской дипломатией, не объявила России войну.

В Петербурге готовились к этой войне; в предвидении ее был заключен военный союз с Австрией, однако момент, избранный Портой для начала действий, оказался для России неожиданным. Дислокация частей, предназначенных для войны против турок, была беспорядочной. Войска плохо снабжались. Потемкин, назначенный главнокомандующим, действовал нерешительно, а командовавший австрийскими частями принц Кобург держался уклончивой тактики и вел двойственную политику. Флот вначале действовал неудачно, и лишь блестящая операция Суворова под Кинбурном (1 октября 1787 года) помешала туркам захватить этот стратегически важный пункт. Во время сражения погибло около 4500 человек из турецкого десанта.

После длительной осады Потемкин в декабре 1788 года, наконец, взял турецкую крепость Очаков. Между тем положение России осложнилось начавшейся войной со Швецией. Пруссия, мечтавшая о присоединении Данцига и Торна, с одной стороны, и шведской Померании — с другой, в начале 1790 года заключила союз с Портой. Сорокатысячный прусский корпус был придвинут к границам Лифляндии, другой, такой же силы, направлен в Силезию, чтобы угрожать отсюда Австрии, тогда как сто тысячная резервная армия предназначалась для поддержки того или другого корпуса в зависимости от обстоятельств. Слабая Польша, до того находившаяся под полным влиянием России, вступила в союз с Пруссией. Если польские земли в начале войны использовались как база для операций против турок, то теперь они обратились в плацдарм, угрожающий тылу русской армии.

Австрия, переживавшая глубокий внутренний кризис и находившаяся под угрозой

нападения Пруссии, не могла продолжать войну. В июле 1790 года она заключила с Портой перемирие и приступила к переговорам о сепаратном мире.

Между тем Швеция, истощенная войной, заключила трактат с Россией (Верельский мир 3 августа 1790 года). Положение России улучшилось, но освобожденные русские войска не могли быть использованы для действий против турок: они были необходимы для обороны западных границ. Россия стремилась к скорейшему заключению мира, но Порта не соглашалась на предложенные ей условия, и переговоры тянулись безрезультатно. Русские должны были добиться успехов, которые сделали бы султана более сговорчивым.

Несмотря на отсутствие подкреплений положение русских на турецком фронте с конца 1789 года значительно укрепилось вследствие блестящих побед, одержанных Суворовым при Фокшанах (21 июля) и Рымнике (11 сентября). В кампанию 1790 года Потемкин наметил в качестве основной задачи овладеть нижним течением Дуная. Для этого необходимо было захватить крепости Исакчи, Тульчу, Килию и Измаил. Корпусу Суворова было поручено при поддержке флотилии генерала де Рибаса взять Галац и Браилов.

18 октября русские заняли Килию, гарнизон которой, согласно условиям капитуляции, отошел за Дунай. 7 ноября русские заняли Тульчу, а вслед затем — Исакчи.

Оставался Измаил, потеря которого должна была заставить турок поспешить с заключением мира.

Флотилии генерала де Рибаса и полковника Головатого направились к острову Сулину (Чатал) на Дунае против Измаила. Перед ними была поставлена задача — уничтожить турецкие суда, укрывавшиеся под защитой крепости. Вследствие неожиданности появления русских Сулин был взят без особого напряжения. На этом острове русские установили три батареи. 20 ноября суда де Рибаса и Головатого разместились выше и ниже города и, поддерживаемые артиллерией с острова, начали бомбардировку. Под прикрытием огня русские корабли приблизились к турецкой флотилии, часть ее уничтожили, быстро высадили десант и, атаковав каменный редут крепости (Табию), захватили его. Две попытки турок вернуть укрепление оказались безуспешными. Между тем продолжался жестокий обстрел крепости, в которой вспыхнули пожары. Не намереваясь начать более решительных операций и считая свои силы недостаточными для удержания захваченного редута, де Рибас отозвал войска и вернулся на остров. Турки попы-

тались высадить десант на Сулине, чтобы выбить отсюда противника, но были решительно отражены и в дальнейшем не возобновляли таких попыток.

В последующие дни число батарей на Сулине было доведено до 8; 80 орудий неустанно бомбардировали город и суда противника. Турецкий флот был почти весь уничтожен: только в сражении 20 ноября он потерял более 50 судов разной величины и много артиллерии.

В то время как флотилия де Рибаса действовала со стороны Дуная, с противоположной стороны 21 ноября крепость обложил отряд генерала Кутузова. 24 ноября на помощь ему подошли войска генерал-аншефа Гудовича, а вслед затем к крепости прибыл отряд генерал-поручика Потемкина (двоюродного брата главнокомандующего). Общее число осаждающих достигало 30 тысяч человек (29 батальонов, 11 эскадронов и 15 тысяч нерегулярных войск).

Войска располагались полукругом на расстоянии около 4 километров от крепостных верков. Командование не было объединено: Гудович, которому был подчинен Кутузов, Потемкин, де Рибас действовали самостоятельно. Между тем время шло, погода испортилась, начались дожди и холода. Чувствовался острый недостаток продовольствия и топлива. В ожидании вылазок противника русские солдаты спали не раздеваясь. Среди них начали распространяться болезни; лазареты были очень плохо организованы, в них работали невежественные лекари, хирургов не было.

Бомбардировка не приносила крепости существенного вреда, а на штурм командование не решалось. Между тем де Рибас, имевший поручение, уничтожив турецкую флотилию, идти к Галацу, намеревался 27 ноября сняться с якоря. Накануне этого дня был созван военный совет. Исходя из того, что «осадной артиллерии нет, кроме морских орудий на эскадре и у полевой артиллерии один комплект зарядов, а для ближних ее выстрелов устроенные с флангов крепости батареи ненадежны», совет вынес неопределенное решение — «обложение переменить в блокаду»¹ при условии обеспечения осаждающих продовольствием и топливом. Совет считал сомнительным возможность успешно штурмовать крепость и решение вопроса представлял главнокомандующему.

По существу, совет предлагал отказаться от дальнейших операций против Измаила. В соответствии с этим часть войск П. С. Потемкина отошла от крепости. Артиллерию отправили к Бендерам. Флоти-

¹ Постановление Военного совета от 26 ноября 1790 года. ЦВИА, фонд 62, связка 191, л. 16., л. 20.

для готовилась отплыть в Галац. Кампания заканчивалась, и надежда вынудить турок к заключению мира исчезала.

В этих условиях «светлейший» ордером от 25 ноября (т. е. накануне военного совета под Измаилом) поручил Суворову взять командование войсками, осаждавшими крепость, и «предпринять с помощью божиею на овладение города»¹. Потемкин считал целесообразным штурмовать город со стороны Дуная. «Рыбас будет вам во всем на пользу и по предприимчивости и усердию. Будешь доволен и Кутузовым»², — писал Потемкин в приложенной к ордеру записке.

«Получа повеление вашей светлости, отправился я к стороне Измаила», — ответил 30 ноября Суворов, а за день до этого главнокомандующий отправил ему секретный ордер, в котором сообщил, что «прежде нежели достигли мои ордера к г. генералу-аншефу Гудовичу, генерал-поручику Потемкину и ген.-майору де Рибасу с препоручением Вам команды над всеми войсками, у Дуная находящимися, и о произведении штурма на Измаил, они репились отступить. Я получа сей час о том рапорт, предоставляю Вашему Сиятельству поступить тут по лучшему Вашему усмотрению продолжением ли предприятия на Измаил или оставлением онаго»³.

Суворов между тем выслал к Измаилу из-под Галаца свой любимый Фанагорийский гренадерский полк, 150 охотников Апшеронского полка и 1000 арнаутов — нерегулярное войско, набранное из местного населения. Вместе с ними он отправил продовольствие, 30 штурмовых лестниц и 1000 фашин. Сам Суворов выехал в сопровождении 40 казаков, но в дороге опередил конвой и уже 2 декабря, проскакав за двое суток 100 верст, явился под Измаилом, сопровождаемый одним ординарцем и встреченный общей радостью войск.

4

Ознакомившись с планом Измаила, Суворов начал ежедневные тщательные рекогносцировки местности и лично, сопровождаемый старшими командирами, обездолал крепость.

Крепость Измаил расположена на правом берегу килийского рукава Дуная, на склоне высоты, довольно круто спускающейся к реке. В этом месте скрещиваются пути из Галаца, Хотина, Бендер и Килии, и оно является ключом к овладению Доб-

руджей. Правильно оценивая значение этого пункта, турки тщательно укрепили его; работы были осуществлены под руководством французских и немецких инженеров. Оборонительная линия имела по реке около 2000 метров, с запада — до 1400 и с северо-востока — 2660 метров. Обширность крепости «по излучинам местоположения простирается до десяти верст; сие пространство употреблено в памерении, чтоб был он оплотом, в случае неудачи, где целая армия могла бы под закрытием без помешательства переправляться, ибо и мост внутри крепости. По сему то и наименован он орду калеси, то есть армейская крепость»⁴.

Насыпанный из земли крепостной вал, достигавший 8 метров высоты, составлял ломаную линию с входящими и исходящими углами и 7 бастионами. В юго-восточном углу отвесно поднимался на 12 метров ка-валер⁵, вооруженный 22 орудиями. В западном углу приречной стороны мощный каменный казематированный редут Табия имел двухэтажную артиллерийскую оборону. Второй, одетый камнем бастион, усиленный башнями, очень высокий, крутой и вооруженный 22 орудиями, защищал крайний северный угол крепости. Всего на валах сухопутной стороны стояло до 200 орудий, а со стороны реки, где укрепления были слабее и имели незаконченный характер, было размещено до 85 пушек и мортир большого калибра. Передовую линию укрепления составлял ров, глубина которого колебалась от 6 до 10 метров при ширине в 12 метров. Местами он был залит водой.

Внутри Измаил разделялся на две части: большую, западную — старую — и меньшую, восточную — новую — крепости. Они отделялись одна от другой широкой низиной. В городе было значительное количество крупных и массивных каменных построек, обеспечивавших возможность обороны против прорвавшегося в крепость неприятеля.

Гарнизон Измаила был необычайно велик, так как в него влились войска из славившихся русским крепостей Килии, Хотина, Аккермана и Бендер. По сообщению Суворова в письме к австрийскому принцу Кобургу о взятии Измаила, «гарнизон состоял действительно из 35 000 вооружен-

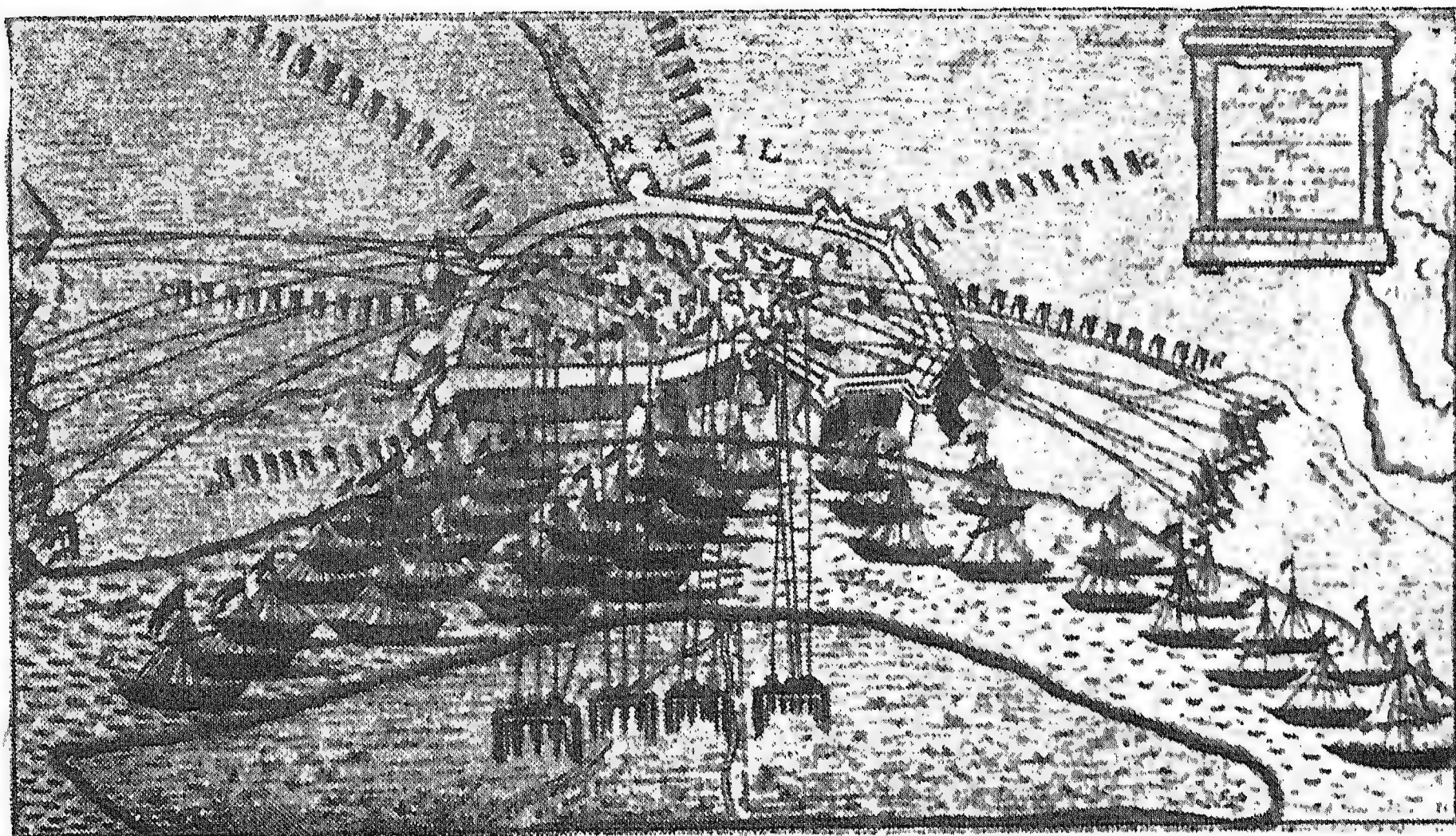
⁴ Прибавление к № 11 «Санктпетербургских ведомостей» от 1 февраля 1791 года. СПб. 5 февраля 1791 года, стр. 12 (воспроизведено в приложении к «Суворовскому сборнику» Варшавского военного журнала. Варшава. 1900).

⁵ К а в а л ь е р — фортификационное сооружение, господствующее над общекрепостными верками. Внизу помещались казематы для хранения припасов.

¹ Орлов, Н. «Штурм Измаила Суворовым в 1790 году». СПб. 1890. Приложение, стр. 128—129.

² Там же, стр. 129.

³ Там же, стр. 130.

План штурма Измаила.

С гравюры того времени.

ных людей, хотя сераскир и получал провианту на 42 000»¹. Взять мощную крепость с гарнизоном в 35 тысяч человек, располагая лишь 31 тысячей людей, часть которых была вооружена крайне неудовлетворительно, да к тому же не имея осадной артиллерии, казалось делом почти невозможным.

Отчетливо понимая стоявшие перед ним трудности, Суворов, однако, без всяких колебаний решился на штурм. «Сего числа приступлено к заготовлению осадных материалов, коих не было для батарей, — писал Суворов Потемкину 3 декабря, — и будем старатца их совершить к следующему штурму дней через пять в предосторожность возрастающей стужи и мерзлой земли; шанцовой инструмент по мере умножен: письмо вашей светлости к сераскиру отправлю за сутки до действия. Полевая артиллерия имеет снарядов только один комплект. Обещать нельзя божий гнев и милость зависит от его провидения...»².

Верный своему принципу «не презирать никогда неприятеля, каков бы он ни был, стараться знать его оружие и способ как оным действует и сражается»³, Суворов собирал сведения о расположении вражеских сил и состоянии крепости самыми различными способами: путем рекогносцировок, разведки, расспросов, через тайных агентов. Сущность этих сведений Суворов приказал сообщить армии так, чтобы они

были известны всем, от высших начальников до рядовых.

Дополнительно к высланным из-под Галаца материалам было заготовлено еще 40 осадных лестниц и 2 тысячи больших фашинов. В тылу русских войск выстроили укрепление с валом и рвом, воспроизводившими измаильские; расставленные вверху фашины изображали неприятеля. По ночам, чтобы не привлекать внимания турок, войска под непосредственным руководством Суворова упражнялись здесь в штурмовании укреплений.

В ночь на 7 декабря на флангах войск, полукругом обложивших крепость, в расстоянии 2 километров от нее, началась постройка батарей, имевших целью дезориентировать противника, заставив его ожидать длительной осады. Две десятипушечных батареи, придвинутые на 320 метров к крепости, начали обстрел Табии; две других, также в составе 10 орудий, предназначенные для бомбардировки восточного укрепления, строились в 400 метрах от него под огнем противника. Продолжались и работы по постройке и усилению батарей на острове Сулине.

5 декабря подошли отступившие в конце ноября (т. е. еще до приезда Суворова) части Потемкина, а на следующий день явилось подкрепление, высланное из-под Галаца. 7 декабря Суворов отправил сераскиру Измаила Айдозли-Метмет-паше письмо главнокомандующего с предложением сдать-ся. «Требую от вас добровольной отдачи города, — писал тот. — В таком случае все жители и войска Измаильские Турки Татары и прочие какие есть закона Магометанского отпустятся за Дукай и их име-

¹ Глинка С. «Жизнь Суворова, им самим описанная». М. Ч. 1-я, стр. 140.

² Орлов Н. Цит. соч. Приложения, стр. 131.

³ Глинка С. «Жизнь Суворова, им самим описанная». Ч. 2-я, стр. 253.

нием, но есть ли будете вы продолжать бесполезное упорство, то с городом последует судьба Очакова, и тогда кровь невинная жен и младенцев останется на вашем ответе»¹.

Лично от себя Суворов написал:

«Приступая к осаде и штурму Измаила российскими войсками в знатном числе состоящими, но соблюдая долг человечества, дабы отвратить кровопролитие и жестокость при том бываемую! даю знать чрез сие вашему превосходительству и почтенным султанам! и требую отдачи города без сопротивления, тут будут показаны всевозможные способы к выгодам вашим и всех жителей! о чем и ожидаю от сего, чрез двадцать четыре часа решительного от вас уведомления к восприятию мне действий, в противном же случае поздно будет пособить человечеству когда не могут быть пощажены не только никто, но и самые женщины и невинные младенцы от раздраженного воинства; и зато никто как вы и все чиновники пред богом ответ дать должны»².

За высокими валами Измаила турки чувствовали себя в безопасности. У них были громадные по сравнению с осаждающими силы. Сераскир Айдозли-Мегмет пользовался известностью как опытный военачальник и намеревался держаться до конца. Под его начальством находились выдающиеся турецкие паши и татарские султаны, среди которых выделялся брат крымского хана Каплан-Гирей, прославленный победой над австрийцами у Журжи (9 июня 1790 года), когда он захватил большую часть артиллерии противника, изрубил два батальона и заставил принца Кобурга снять осаду с Журжи и поспешно отступить к Бухаресту. Турецкий гарнизон был обеспечен продовольствием более чем на полтора месяца; боевые припасы имелись у турок в изобилии.

Сверх всего этого гарнизону Измаила был объявлен фирман (указ) султана, которым повелевалось в случае сдачи крепости казнить каждого из ее гарнизона, где бы он ни был обнаружен.

Желая протянуть время и дожидаться туманов и морозов, которые очень затруднили бы действия русских, сераскир не

отклонил предложения безоговорочно, а сообщил о намерении запросить визиря. В ожидании ответа он хотел заключить перемирие на 10 дней. Суворов отказал, но, так как штурм еще не был подготовлен, продлил срок «размышления» до утра 10 декабря.

В назначенное время ответ не поступил. Суворов приказал прочитать письмо сераскира ротам; объезжая полки, он говорил с солдатами, напоминая им о былых победах и внушая уверенность в необходимости и неизбежности взятия Измаила.

Накануне штурма был созван военный совет. После вдохновенной речи Суворова о необходимости овладеть крепостью или умереть под ее стенами никто не решился предложить половинчатых решений. При опросе все вслед за младшим из членов совета бригадиром Платовым повторили: «Штурмовать!» Днем штурма было назначено 11 декабря. План операции, составленный еще до совета, неоднократно доиспнялся и корректировался Суворовым³.

Согласно диспозиции, на штурм направлялись 3 группы войск в составе 3 колонн каждая. Со стороны Дуная 9 тысяч человек поручались командованию де Рибаса. Во главе 7500 человек, назначенных атаковать крепость с запада, был поставлен П. С. Потемкин; против восточного участка предназначались 12 тысяч человек под начальством генерал-поручика Самойлова. 2500 сабель выделили в резерв под командой бригадира Вестфалена.

Первая колонна (генерал-майора Львова) имела задачей, разрушив укрепление между берегом реки и Табией, атаковать Табию и прилегающую к ней куртину. Вторая колонна (генерал-майора Ласси) должна была атаковать куртину от Бросских до Хотянских ворот. К ним и к куртине слева направлялась третья колонна (генерал-майора Мекноба), четвертая колонна (бригадира Орлова) назначалась для удара на куртину восточнее Бендерских ворот; распространяясь отсюда вправо, она должна была поддерживать пятую колонну (бригадира Платова). Последняя, направляясь по ложине, отделявшей старую крепость от новой, должна была прорваться в крепость, а частью помогать высадке десанта. Обе колонны состояли из спешенных казаков. Их крайне неудовлетворительное вооружение состояло главным образом из укороченных пик. Шестая колонна (генерал-майора Голенищева-Кутузова) предназначалась для атаки вала у Килийских ворот и прилегающих к ним участков.

¹ Орлов Н. Цит. соч. Приложения, стр. 132.

² Там же, стр. 133—134. Обычно цитируется другое письмо Суворова: «...Я с войском сюда прибыл. 24 часа на размышление для сдачи...» и т. д. Однако этот вариант, известный по черновику Суворова (ЦВИА, ф. 52, оп. 194, связка 191), им же зачеркнут, вследствие чего надо полагать, что эта записка не была послана, а вместо нее отправлено цитируемое письмо.

³ Первый вариант плана был составлен де Рибасом и исправлен Кутузовым.

Штурм Измаила.

С гравюры того времени.

Конный резерв располагался группами позади наступающих: против Бросских, Хотинских и Бендерских ворот и восточнее последних.

Со стороны Дуная, первой (восточной) колонне (генерал-майора Арсеньева) предстояло действовать против новой крепости, кавальера и прибрежного бастиона. Ей должна была помочь группа казаков, демонстрировавших против примыкающего к Дунаю вала. Вторая колонна (бригадира Чепеги) направлялась против центра обороны, а третья (секунд-майора Маркова) — против старой крепости.

Флотилия должна была плыть двумя линиями: впереди — 145 легких судов с десантом, за ними — 58 более крупных судов, прикрывавших высадку огнем своих тяжелых орудий. Обоз намечалось отвести в тыл, построить в вагенбург¹ и поручить охране гусарского эскадрона из резерва. Выделенные (по 100 человек) из каждого батальона резерва люди несли охрану лагеря. Командующий штурмом должен был находиться близ района действий третьей колонны.

Начало штурма назначили на 5 часов, т. е. за 2½ часа до рассвета, с тем чтобы еще в темноте овладеть валом, а уличный бой вести после восхода солнца. Сигналом к штурму служили три ракеты. На всякий случай начальникам приказали сверить часы, с тем чтобы и без сигнала во-

ремя начать наступление. Для того чтобы сигналы не заставили турок насторожиться, каждый день перед рассветом в разных местах пускали ракеты.

Силы внутри колонн были заранее распределены, установлен порядок действия стрелков, способы забрасывания рва фашинами, доставки и установки штурмовых лестниц; четко определены действия частей внутри города.

Ранним утром 10 декабря 600 русских орудий начали бомбардировать крепость с воды и суши. Обстрел продолжался непрерывно около суток и окончился за 2½ часа до начала штурма. Эта подготовка имела не только тактическое, но и огромное моральное значение — положительное для русских, отрицательное для турок. Крепость первоначально отвечала, потом огонь стал слабее и, наконец, вовсе прекратился. Тем не менее русские потеряли под огнем противника 1 судно и до 400 человек.

В этот же день де Рибас произвел репетицию высадки десанта. Это, с одной стороны, дезориентировало турок, а с другой стороны, показало русским трудности операции и помогло избежать на следующий день той путаницы и суматохи, которую наблюдались на репетиции.

Перед вечером войскам читали приказ Суворова: «Храбрые воины! Приведите себе в сей день на память все наши победы и докажите, что ничто не может противиться силе оружия российского. Нам

¹ Вагенбург — полевое укрепление, составленное из обозных экипажей.

предлежит не сражение, которое бы в воле нашей состояло отложить, но непременно взятие места знаменитого, которое решит судьбу кампании и которое почитают гордую турки неприступным. Два раза осаждала Измаил русская армия и два раза отступала; нам остается в третий раз или победить или умереть со славою»¹.

Солдатам было приказано отдыхать. Их должны были разбудить не более чем за четверть часа до начала наступления (чтобы не увеличивать ожиданием первого возбуждения). Начальники должны были бесшумно вывести свои части и положить их в 300 шагах от контрэскарпа².

В ночь на 11 декабря в русском лагере, однако, почти никто не спал. Суворов обходил расположение войск, останавливаясь у костров, разговаривал с солдатами, вспоминал, как отличились полки в прошлые войны, кампании и сражения, хвалил доблесть солдат, говорил о предстоящем новом подвиге, и солдаты восторженно слушали его³. Во время обхода лагеря ему доставили письмо от австрийского императора Леопольда, которое он сунул в карман не читая.

В крепости царил сдержанное волнение. Сераскир Мегмет-паша приказал половине гарнизона бодрствовать и всю ночь об'езжал посты; дозоры ходили вдоль куртин; командиры отрядов проверяли часовых. Ночью с 10-го на 11-е два запорожца-изменника перебежали к туркам и осведомили их о готовящемся штурме. «Через всю ночь» в Измаиле «было молчание и токмо слышан был глухой шум, из'ясняющий внутреннюю заботу и осторожность»⁴.

В 3 часа пополудни, едва видная в густом тумане, поднялась первая сигнальная ракета; войска, построенные в колонны, заняли места, назначенные по диспозиции. По второму сигналу войска начали строиться в боевой порядок и в 5½ часов бесшумно пошли на приступ. Утро было темное, а туман так сгустился, что не все видели третью ракету. Внезапно крепость опоясалась огнем залпа: «От выстрелов... была вся в свету»⁵. В ответ тотчас загрела русская канонада. Зная, какое

значение солдаты придают действию артиллерии, но опасаясь, что под стенами крепости они попадут под свой же огонь, Суворов в целях поддержки духа войск приказал стрелять холостыми зарядами. Несмотря на темноту колонны двигались в полном порядке, под музыку.

В голове каждой колонны шли отборные стрелки, за ними — рабочие с шанцевыми инструментами; солдаты несли фашины и лестницы. Позади колонн следовал их частный резерв.

Суворов, окруженный небольшой группой штабных офицеров, принимал донесения и руководил действиями, посылая приказания через выделенных для этого ординарцев.

Первой приблизилась к крепости вторая колонна (Ласси). По диспозиции, она должна была атаковать куртину у Бросских ворот, но Ласси нашел более выгодным направить удар на соседний бастион. Под картечью и частым ружейным огнем противника солдаты забросали ров фашинами, полезли на вал по приставленным лестницам, взбирались, цепляясь за выступы, придерживаясь за воткнутые в вал штыки. Оставшиеся внизу егеря стреляли, целясь на огни турецких выстрелов.

Среди первых егерей, ворвавшихся на вал, был секунд-майор Неклюдов; за ним вместе с солдатами поднялись прапорщик Гагарин и командовавший колонною Ласси. Толпы турок окружили передовых, рубя их саблями, сбрасывая в ров пиками. Было много убитых. Неклюдова тяжело ранили. Группа солдат во главе с Ласси с трудом отбивалась от окружившего ее неприятеля. Егеря, собранные Гагариным, бросились снизу на выручку и оттеснили противника.

Между тем первая колонна, забросав ров фашинами, перебралась через каменный палисад, тянувшийся от редута Табии к Дунаю. За палисадом был второй ров. Его пришлось переходить под картечным огнем редута. На той стороне огромная толпа турок обрушилась на русских с холодным оружием. Фанагорийцы и алшеронцы пошли в штыки, отбросили турок, овладели несколькими батареями и, огибая редут, под гранатами и картечью ринулись к Бросским воротам. Командовавший колонной генерал Львов, любимец Потемкина, не выдержал ужаса боя, отстал и оказался раненым. Командование взял на себя суворовский ученик полковник Золотухин. Штыковой атакой он захватил Бросские ворота, пробился до Хотинских, отворил их, впустил русскую кавалерию и соединился со второй колонной.

Третья колонна (Мекноба), штурмовавшая большой северный бастион, куртину и

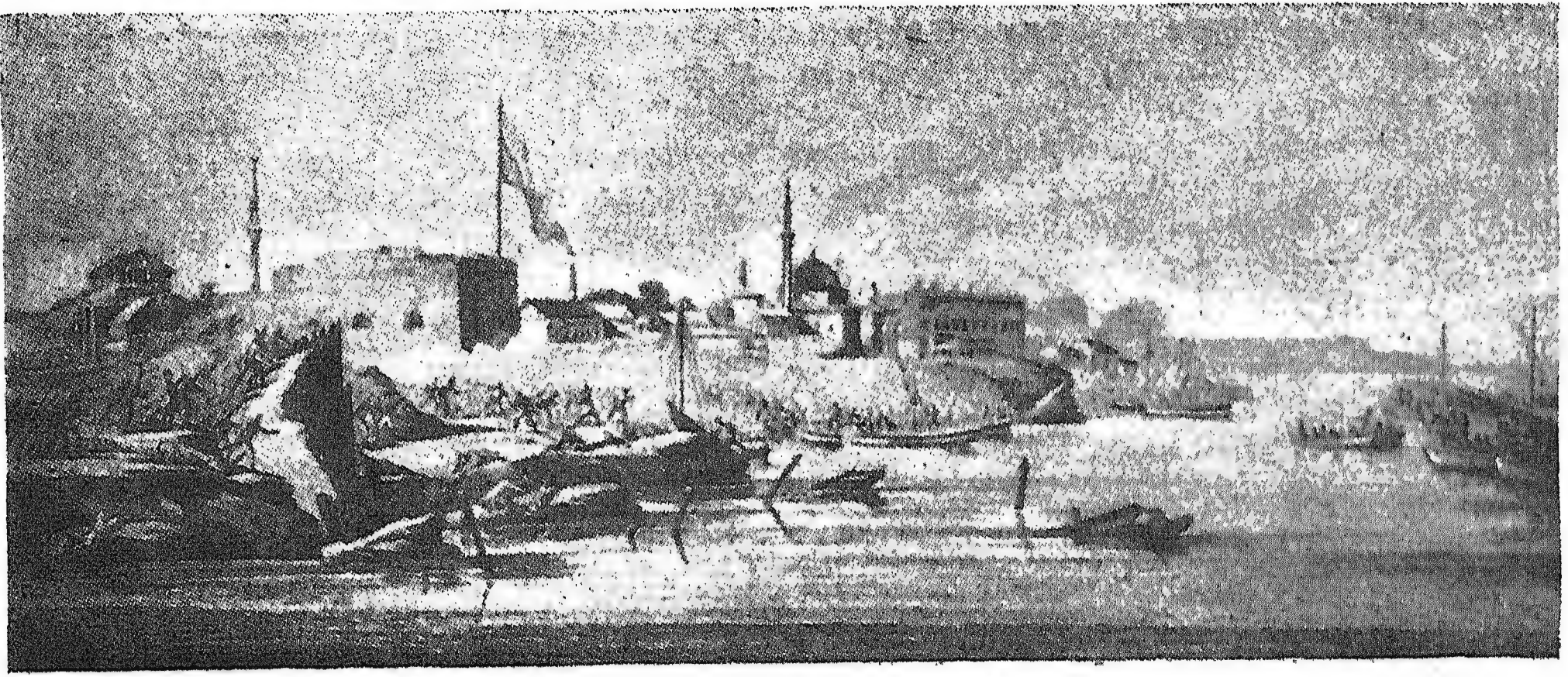
¹ Петров А. «Вторая турецкая война». СПб. 1880. Т. II. стр. 337—338

² Контрэскарп — боковая поверхность наружного рва укрепления со стороны поля. Контрэскарп делается с расчетом затруднить спуск в ров при штурме и выход из него при отступлении.

³ Смитт Ф. «Суворов и падение Польши». СПб. 1866, стр. 337—338.

⁴ Прибавление к № 11 «Санктпетербургских ведомостей» 1 февраля 1791 года, стр. 18.

⁵ «Рассказы старого воина о Суворове». М. 1847, стр. 374.

Штурм Измаила со стороны Дуная.

С гравюры Шифляра.

малый бастион за нею, очутилась перед столь высокой стеной, что десятиметровые лестницы оказались слишком короткими и их пришлось под жестоким огнем противника связывать по две. Эта задержка стоила многих жертв.

На валу русские встретились с яростным сопротивлением отборных янычар, которыми командовал сам сераскир. Туркам удалось сначала потеснить атакующих, но подоспевший русский резерв помог сломить сопротивление противника. Большой бастион был занят. Начался бой за куртину. Мекноб был тяжело ранен. Ранены были и все командиры егерского Лифляндского корпуса.

В очень тяжелом положении оказалась четвертая колонна (Орлова), атаковавшая укрепление левее Бендерских ворот. Когда часть колонны взбиралась на валы крепости и передовые наверху вступили уже в отчаянную схватку, а вторая половина была еще внизу, ворота раскрылись, и массы турок ударили на оставшихся во рву казаков. Последние своими укороченными пиками встретили противника, но это несовершенное оружие разлеталось под ударами сабель, и казаки гибли сотнями.

Русские во рву были бы вовсе истреблены, если бы Суворов сразу же не выслал им на подмогу конницу из своего резерва, поддержанную пехотой из резерва колонны. Атакованный со всех сторон, противник частью погиб, частью прорвался обратно к воротам, которые успел закрыть за собой.

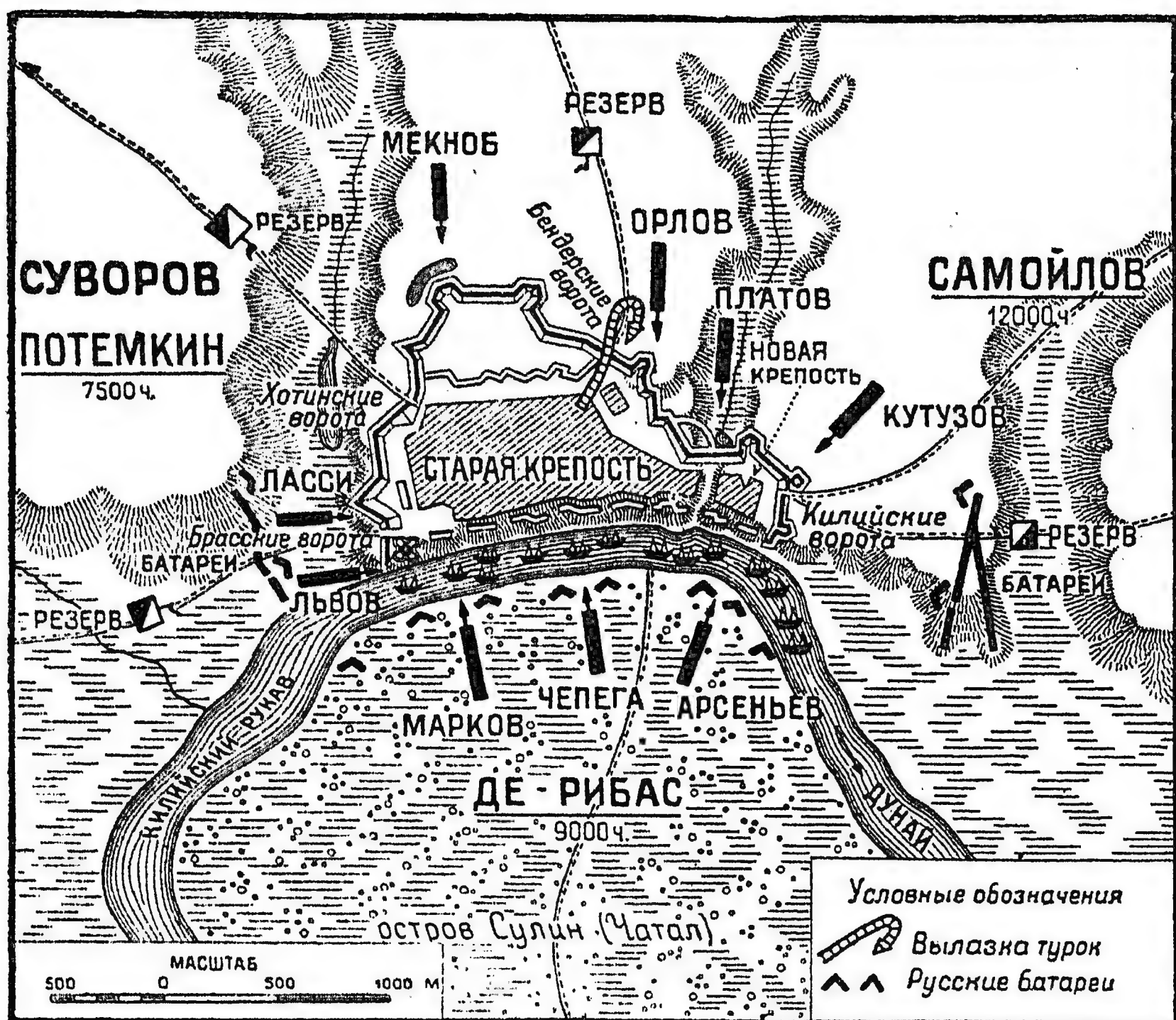
Орлов, наконец, овладел валом при поддержке действовавшей рядом пятой колонны (Платова). Последней, чтобы добраться до вала, пришлось перейти низину, залитую водой. Это обстоятельство, а также необходимость выделить часть сил на под-

держку погибавших во рву казаков Орлова и огромные потери задержали Платова. Однако при помощи батальона Бугских егерей, высланных Кутузовым из его резерва, Платов, наконец, отбросил противника, занял свой участок и сомкнулся с колонной Орлова. Вслед затем он проник в город и вступил в связь с войсками, высаживавшимися на берегу Дуная.

Между тем колонна Кутузова после отчаянного боя захватила бастион у Килийских ворот и выдержала натиск огромного скопища турок; поддержанная резервным Херсонским гренадерским полком, она штыками отбросила неприятеля и прочно заняла свой участок.

Со стороны Дуная штурм тоже был удачен. Десантные войска высадились на берегу между 7 и 8 часами утра под прикрытием огня с судов. Колонна Арсеньева быстро овладела высоким кавальером, батареями и укреплениями, но понесла при этом огромные потери. Менее успешно действовала вторая колонна (бригадира Чепеги). Задержка произошла уже при высадке, так как назначенные в авангард запорожцы, уstraшенные огнем крепости, отказывались высадиться. Пришлось пропустить вперед регулярную пехоту, которая и захватила вражеские батареи. Третья колонна (Маркова) выходила на берег под картечным огнем с редута Табии. Уже в это время она понесла большие потери, и ее командир был ранен. Плохо ориентируясь в темноте, колонна направилась на соединение с Ласси, в то время как отдельные ее солдаты уже проникли в город.

С наступлением рассвета все крепостные сооружения были в руках русских. Предстояло брать город. Суворов двинул вперед резервы. Конница и полевая артиллерия были введены в открытые во-

Штурм крепости Измаил. Схема составлена на основе архивных материалов и планов, приводимых Антингом, Орловым, Колубакиным.

рота крепости. С ружьями наперевес, под музыку пехота пошла в наступление. Жестокий бой закипел на узких улицах. Из домов стреляли, бросали гранаты. Вспыхивали пожары. Все крупные каменные постройки превратились в центры ожесточенного сопротивления. Суворов приказал бить картечью из 20 легких орудий вдоль улиц, занятых противником. Вместе с тем он выделил усиленную охрану к пороховым складам, которые турки пытались взорвать.

Колонна Ласси первая пробилась к центру города и атаковала здесь армянский монастырь, в котором засело около тысячи турок под начальством татарина Максуд-Гирея. После упорной борьбы русские ворвались в монастырь, истребили сопротивлявшихся и взяли в плен около 300 человек.

Четвертая и пятая колонны сражались в это время на площади, где их окружили массы турок. Плохо вооруженные казаки несли огромные потери, но их поддерживали высланные из резерва Бугские егеря, которые штыковыми ударами во фланг принудили противника к бегству. Силы неприятеля все еще не были истощены, и он пытался не только организовать правильное сопротивление, но и выбить русских из занятых ими участков.

Каплан-Гирей, собрав янычар и несколько тысяч конных турок и татар, атаковал наступающих. Напав на черноморских казаков, он нанес им большие потери и захватил два орудия, но, не выдержав схватки с подоспевшей русской пехотой, погиб геройской смертью вместе со своим отрядом.

После упорного сопротивления было взято каменное здание близ Бендерских ворот, где погибло около 1500 турок, а 250 сдались в плен.

Сераскир Айдозли-Метмет-паша с 2 тысячами отборных янычар и приближенными 2 часа сопротивлялся в каменном хане¹ неподалеку от Хотинских ворот. Его атаковал батальон фанаторийцев под командой полковника Золотухина. Наконец ворота были выбиты пушечными выстрелами, и солдаты ворвались внутрь здания. В ожесточенной схватке большая часть янычар была убита; несколько сот сдалось в плен. Их вывели во двор, чтобы обезоружить, но в это время один из янычар выстрелил и русские солдаты бросились в штыки. В живых тут осталось не более 100 турок. Среди погибших оказался и сераскир.

¹ Хан — гостиница, караван-сарай.

Город был залит кровью, трупы трудами лежали на улицах. Солдаты, приведенные в ярость упорным сопротивлением, уничтожали все встречавшееся на их пути. По обычаю того времени, город был отдан им «в добычу».

К 2 часам дня весь Измаил был в руках русских. Суворов отправил по улицам конные раз'езды, уничтожавшие последнее сопротивление. Турки, засевшие в мечети и укрывшиеся в каменных ханах, сложили оружие. Последним сдался редут Табия. В 4 часа дня сопротивление прекратилось.

Кутузов, которого Суворов назначил комендантом Измаила, расставил караулы и патрули, устроил огромный госпиталь. Город стали очищать от трупов. Пленных отправили в Николаев.

Турки потеряли при штурме более 26 тысяч убитыми и около 9 тысяч пленными. Из числа последних 2 тысячи тяжело раненых вскоре умерли. Кроме множества военного снаряжения, орудий, оружия и другой добычи в Измаиле, судя по донесениям, взято 400 знамен, 7 бунчуков¹ и 2 санджака², у русских было убито около 4 тысяч человек. Из 6 тысяч раненых более половины умерло вследствие тяжелых ранений и недостатка врачебной помощи. В официальных реляциях показаны другие, меньшие цифры, но они маловероятны.

5

Штурм Измаила — один из поразительных примеров русской военной истории. Позднее Суворов говорил о нем, что на такой штурм можно решиться только раз в жизни. Когда солдаты смотрели потом с высоты валов на верки и рвы Измаила, они поражались, что такую крепость можно было взять штыками. Успех подобного предприятия был возможен лишь при изумительных боевых качествах атакующих и образцовой подготовке и организации штурма.

Если с начала русских операций под крепостью много времени было пропущено зря, а бесполезная бомбардировка, не нанося существенного вреда противнику, только побуждала его лучше укреплять Измаил, то Суворов не потерял бесплодно ни одного часа времени. Едва получив ордер Потемкина, он тотчас отправился к месту назначения и прибыл туда через

¹ Бунчук — знак власти пашей — представлял собой древко с золоченым навершием, под которым прикреплялся хвост лошади или буйвола, в зависимости от положения паши.

² Санджак — знамя, штандарт. В данном случае, возможно, штандарты губернаторов областей.

двое суток. За 9 дней, прошедших до штурма, было сделано все, что возможно: заготовлены штурмовые припасы, войска специально обучены, их моральный дух поднят.

Из сил, имевшихся в распоряжении Суворова, ничто не осталось неиспользованным. Он не выделил даже сколько-нибудь значительного резерва, кроме того минимума, который был расположен позади атакующих.

Момент атаки был выбран чрезвычайно удачно. В самом плане ее не было ничего исключительного, но он был мастерски выполнен. Суворов нашел его настолько удачным, что по тому же почти принципу построил позднее (в 1794 году) не менее удачный штурм Праги.

Во все время штурма войска действовали дисциплинированно. Были очень умело использованы все роды оружия, действовавшие в полном взаимодействии. Начальники частей проявили не только точность в исполнении плана, но и большую находчивость. Следуя общей директиве, они в нужных случаях проявили ценную инициативу в соответствии с обстановкой боя. Вместе с тем они показали высокое личное мужество, причем из общего числа около 650 офицеров, участвовавших в штурме, выбыли из строя (убитыми и ранеными) до 400 человек. Наряду с этим имелись и единичные проявления трусости. Помимо упомянутого выше случая с командиром первой колонны Львовым можно указать на происшествие с полковником Хвостовым, который пытался уклониться от командования после ранения командира третьей колонны Мекноба.

Несравненную доблесть проявили солдаты. Старики, рассказывавшие про этот штурм, говорили: «Никто из нас не думал о смерти, но никто же не думал остаться живым»³. Солдаты рвались в бой, обгоняя командиров, не останавливаясь ни перед какими препятствиями.

По свидетельству Суворова, «мужество, твердость и храбрость всех войск в сем деле подвизавшихся оказались в полном совершенстве ни где более не могло означиться присутствие духа начальников расторопность и твердость штаб и обер-офицеров, послушание устройство и храбрость солдат, когда при всем силном укреплении Измаила со многочисленным войском при жестоком защищении продолжавшемся шесть с половиною часов, везде неприятель поражен был, везде сохранен был совершенный порядок»⁴.

³ «Рассказы старого воина», стр. 376.

⁴ «Суворовский сборник» Варшавского военного журнала, стр. 45. Варшава. 1900.

Падение Измаила произвело огромное впечатление как в Турции, так и во враждебной России Европе. Ждали появления русских на подступах к столице Порты: пути для наступления за Дунай и далее были открыты.

Нерешительный Потемкин не сумел, однако, использовать плоды победы. Талантливый военный администратор, умный политик и дипломат, он на всем протяжении войны проявлял себя как самый посредственный полководец.

Взятием Измаила Потемкин закончил кампанию. Он отправил Суворова обратно к Галацу и, расположив войска на зимние квартиры, уехал в Петербург, где за взятие Измаила получил шитый драгоценными камнями фельдмаршальский мундир, Таврический дворец и другие награды.

Первое свидание Суворова с Потемкиным в Яссах, после взятия Измаила, закончилось известной размолвкой, которая дорого обошлась Суворову. За свою победу он был произведен одиннадцатым подполковником Преображенского гвардейского полка (полковником этого полка числилась Екатерина); в память покорения Измаила была выдана медаль, с одной стороны которой изображен мало похожий на Суворова профиль. Эти натрады, полученные вместо заслуженного фельдмаршальского жезла, Суворов называл позднее «стыдом Измаильским».

По настоянию Потемкина Суворов был отозван из действующей армии и с второстепенным поручением отправлен в Финляндию.

«Пятьдесят лет практики обратили меня в класс захребетников, — писал оттуда Суворов секретарю Екатерины II Турчакинову, — стерли меня клеветы, ведая, что я всех старше службою и возрастом, но не предками и не камердинерством у равных...»¹.

¹ «Суворов в Финляндии». «Вестник Европы» № 10 за 1883 год, стр. 766—767.

Ужасное кровопролитие при взятии Измаила не раз вызывало порицания жестокости Суворова. Массовые потери казались особенно вопиющими на фоне иногда вовсе бескровных войн XVIII века. Стараясь избежать жертв, Потемкин бесконечно тянул, например, осаду Очакова и не обращал внимания на то, что люди в его армии во множестве умирали в это время от эпидемических болезней и недоедания. Та же медлительность, боязнь прямых жертв и непонимание огромности потерь, которые страна и армия несут при войне на истощение, угрожали затянуть на несколько лет третью Польскую войну. Суворов явился тогда как хирург, чтобы тяжелой, но быстрой операцией прекратить болезнь, конца которой не было видно. «Миролюбивые фельдмаршалы при начале Польской кампании провели все время в заготовлении магазинов, — говорил Суворов после кровопролитного штурма Праги. — Их план был сражаться три года... Какое кровопролитие! И кто мог поручиться за будущее!.. Одним ударом приобрел я мир и положил конец кровопролитию»².

Маркс и Энгельс позднее указывали: «...без насилия и железной решимости ничто в истории не делается... если бы Александр, Цезарь и Наполеон отличались... мягкосердечием... что случилось бы с историей!»³. Огромные жертвы при быстром, решительном и сокрушительном способе ведения войны в сущности гораздо менее ужасны чем последствия нерешительных, медлительных и затяжных военных действий⁴.

² «Польская война 1794 года в реляциях и рапортах Суворова». «Красный архив» № 4 за 1940 год, стр. 156.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VII, стр. 212.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. X, стр. 38.

ЛИТЕРАТУРА: Антинг Ф. «Жизнь и военные деяния Генералиссимуса князя Италийского гр. А. В. Суворова-Рымникого», Ч. II, стр. 132—181. СПб. 1800; Глинка С. «Жизнь Суворова, им самим описанная», Ч. I, стр. 115—143. М. 1819; Богданович М. «Походы Румянцева, Потемкина и Суворова в Турции», стр. 228—261. СПб. 1852; Боголюбов А. «Полководческое искусство А. В. Суворова», стр. 44—53. М. 1939; Елчанинов А. «А. В. Суворов». «История русской армии и флота», Т. II. Вып. 2, стр. 105—112, М. Изд-во «Образование». 1911; «История генералиссимуса князя Италийского гр. Суворова-Рымникого». Ч. I—II, стр. 73—83. М. 1812; Калинин С. «Суворов», стр. 36—44. М. 1938; Колубакин Б. «Суворов под Измаилом». «Суворов в сообщениях профессоров Николаевской академии генерального штаба», стр. 172—196. СПб. 1900; Песковский М. «Суворов. Его жизнь и военная деятельность», стр. 52—56. СПб. 1899; Петрушевский А. «Генералиссимус князь Суворов». Гл. II, стр. 231—252. СПб. 1900; Орлов Н. «Штурм Измаила Суворовым в 1790 г.». СПб. 1896; Петров А. «Вторая Турецкая война в царствование императрицы Екатерины II». Гл. V, стр. 165—190. СПб. 1880; Смитт Ф. «Суворов и падение Польши». Ч. I, отд. 9, стр. 303—362. СПб. 1866—1867; «Реляция о взятии приступом города и крепости Измаила». «Суворовский сборник» Варшавского военного журнала. Приложения, стр. 1—46. Варшава. 1900; «Собрание всех помещенных в ведомостях обеих столиц с 1787 по 1791 год включительно реляций о военных действиях против неприятелей Российской империи». Ч. IX. Москва. 1791; «Суворов в сообщениях профессоров Николаевской академии генерального штаба», стр. 246, 261—262, 270, 276, 305—306, 316, 341—346. СПб. 1901.

Сенат при Петре I

1

В системе административных реформ Петра образование Сената занимает центральное место.

В конце XVII века старая Боярская дума перестала играть существенную роль в государственном управлении. Она становилась помехой реформаторской деятельности Петра I, деятельности, направленной к созданию и укреплению военно-бюрократической империи.

После приезда Петра I в 1698 году из заграничного путешествия Боярская дума больше не собиралась. Вместо нее было создано новое учреждение — «Консилия», то есть систематические с'езды начальников приказов для решения различных государственных дел. Но это вновь созданное учреждение не было достаточно стройным, гибким и постоянно действующим высшим правительственным органом.

«Консилия» происходила в Ближней канцелярии, которая занималась вопросами государственных приходов и расходов и контролировала финансовую деятельность приказов. «Консилия» не была простым продолжением Боярской думы, которая всегда находилась при царе, непосредственно руководившем ее работой. С'езды начальников приказов собирались большей частью без царя, так как Петр, постоянно занятый разнообразными делами, редко бывал в столице.

Состав «Консилии» существенно отличался от состава Боярской думы. В заседаниях «Консилии» участвовали только руководители приказов. Совершенно отсутствовали представители духовенства, а из думных бояр присутствовали лишь те, которые руководили приказами.

С'езды начальников приказов в Ближней канцелярии были новым высшим правительственным учреждением, промежуточным звеном между старой Боярской думой и Сенатом, созданным Петром I только в 1711 году.

В буржуазной исторической и историко-юридической литературе имеются разноречивые суждения по вопросу о том, были ли идея и организация высшего правительственного учреждения в России — Сената — заимствованы у Западной Европы.

В. Т. Сергеевич писал: «...Сенат — название не русское, это может навести на

мысль, что и самое учреждение позаимствовано, особенно если вспомнить, что почти все петровские учреждения списаны с иностранных. Тем не менее сенатом мы никому не обязаны. Заимствовано лишь одно имя, а что касается существа дела, то это учреждение совершенно оригинальное, свое русское, созданное Петром из Боярской думы, на основании тех потребностей и нужд, которые сам Петр испытывал в деле управления государством»¹.

В. В. Ивановский высказал противоположное мнение. Он считал, что идея и организация Сената с некоторыми изменениями, приспособленными к русской действительности, были заимствованы у Западной Европы. «Сенат, — писал он, — учрежден в России при Петре Великом в 1711 году, по образцу подобного же учреждения, существовавшего в Швеции. Изучая государственные учреждения в Швеции, Петр Великий остановился именно на сенате; это учреждение с некоторыми изменениями, приуроченными к быту русской жизни, должно было, по его мнению, найти удобную почву и в системе нашего управления...»².

Э. Берендтс, который считается знатоком государственного устройства и хозяйства Швеции, дал отрицательный ответ на вопрос, был ли Сенат создан по типу Государственного совета Швеции. В 1710 году, после десятилетнего пребывания в Швеции, возвратились в Россию из плена генералы Адам Вейде и Головин. В Швеции они ознакомились с устройством шведской центральной администрации. От них Петр мог узнать об организации шведского Государственного совета, который во время отсутствия Карла XII управлял государством. Но был ли Сенат слепком со шведского Государственного совета? В этом Берендтс сомневается. Он ссылается на то, что шведский Государственный совет никогда не носил названия Сената, вел борьбу против политики Карла XII, когда тот находился в Турции, в то время как созданный Петром Сенат пользовался у него огромным доверием.

¹ В. Т. Сергеевич «Лекции и исследования по истории русского права», стр. 833. СПб. 1893.

² В. В. Ивановский «Русское государственное право». Т. I, стр. 218. Казань. 1896.

[illegible][illegible]

[Handwritten signatures and notes:]

В исторической литературе и в источниках нет прямых указаний на то, что принципы и структура Сената были заимствованы у Швеции. Петр I хорошо знал о существовании в ряде западноевропейских стран высших государственных учреждений, называемых сенатом. С некоторыми из них велась переписка (венецианским, шведским, польским), но нет никаких оснований предполагать механическое перенесение их устройства в Россию, так как каждое из них имело свои особенности.

Необходимо вообще иметь в виду, что в практике управления государством Петр I довольно часто называл иностранными именами должностных лиц и учреждения. Так возникли названия «министр», «губернатор», «канцелярия» и т. д. Несомненно, что административные реформы Петра в той или другой степени имели на себе отпечаток влияния Западной Европы. Иноземные названия учреждений и должностных лиц свидетельствуют о том, что Петр I, как преобразователь, стремился отделить старые учреждения и порядок их управления от новых, хотя в иных случаях под новыми наименованиями сохранялось старое содержание. Тем самым Петр хотел показать разрыв преемственной связи между старой администрацией и вводимой им новой.

Сенат, как высший орган власти, был учрежден без соответствующей подготовки и плана. Эта реформа была проведена Петром так же бессистемно, как и другие его административные реформы, до образования коллегий. Если бы Петр в основу учрежденного им Сената желал положить принципы и структуру какого-нибудь из западноевропейских сенатов, то, несомненно, он или его ближайшие со-

44

² Полное собрание законов Российской империи. Т. IV, № 2321 (в следующих сносках — сокращенно «ПСЗ»).

трудники вели бы в этом направлении определенную подготовку. А это, безусловно, нашло бы отражение в виде материалов и справок в огромной переписке Петра I и его сотрудников за первое десятилетие XVIII века. Такие материалы в архивах не обнаружены. Следовательно, можно утверждать, что, создавая подчиненный ему высший орган государственной власти — Сенат, — Петр I не брал за образец какой-либо из западноевропейских сенатов. Но он усвоил идею о необходимости для России централизованного, гибкого аппарата власти по образцу передовых европейских государств.

Сенат состоял из девяти человек, сенаторы назначались из представителей крупного дворянства. Они должны были возглавлять центральный аппарат власти, помогать царю управлять государством. Внутренняя и внешняя обстановка: народные волнения и восстания, непрекращающиеся войны, напряженное финансовое и экономическое положение, а особенно разрушение старого центрального приказного аппарата губернской реформой 1708—1710 годов — все это в совокупности настойчиво требовало создания нового центрального аппарата государственной власти для выполнения тех задач, которые стояли перед господствующим классом помещиков-крепостников и купцов.

Первоначально петровский Сенат по своей структуре и функциям во многом был похож на старые московские приказы и не имел никакого сходства с западноевропейскими учреждениями. Но с первого же дня своего существования он был бюрократическим учреждением, высшим центральным аппаратом государственной власти.

Учреждением Сената и рядом указов Петр I добивался такой организации центрального государственного аппарата, которая могла бы устранить исторически сложившуюся бесконтрольность местных и центральных учреждений. Эта бесконтрольность приводила к тому, что воеводы и приказные чиновники могли грабить не только население, но и государственную казну, нанося ущерб общегосударственным интересам.

В буржуазной исторической и историко-юридической литературе существовало довольно распространенное мнение о том, что Сенат в первый период его организации был временной комиссией, а не постоянным органом власти. Обычно ссылаются на указы от 22 февраля и 2 марта 1711 года, в которых говорится, что Сенат создан «для отлучек наших». Буржуазные историки и юристы толковали формально эти указы, что приводило их к ошибоч-

ному выводу. На самом деле Сенат с первого дня его организации являлся постоянным учреждением, которое постепенно совершенствовалось. В письмах и указах Петра Сенату и своим ближайшим сотрудникам нет ни малейшего намека на временный характер этого учреждения. Когда Петр I бывал в столице, то Сенат не прекращал своей деятельности.

Мысль о Сенате, как о высшем центральном государственном учреждении, высказанная в указе об учреждении Сената от 22 февраля 1711 года, в четкой и категорической форме подтверждена Петром I в его письме из Горок от 11 марта 1711 года А. Д. Меншикову, который в то время находился в Риге, командуя армией на захваченной у шведов территории. В этом письме Петр I сообщал о принятых им мерах для пополнения армии рядовым и командным составом: «...для дополнения беглых я накрепко Правительствующему Сенату наказал, чтоб несколько тысяч в Москве имели в готовности, и уже собрано не мало, и надеюсь, что то исправлено будет»¹. Далее в этом письме давались указания о формировании войск, расположенных в западных гарнизонах, и артиллерии. В конце письма Петр подчеркивал: «Еще-ж объявляю, уже вы известны, что мы определили Сенат Правительствующий, которому всю полную мочь дали, того ради извольте о всех требованиях писать к ним, а к нам только о том веление давать, дабы время не терять»².

Из этого письма Петра Меншикову очевидно, что Сенат являлся помощником царя, высшим органом власти во всей системе государственного аппарата, а не временной комиссией на время отлучек царя из столицы.

Реформы 1708—1710 годов и образование Сената в 1711 году означали огромный шаг вперед в деле централизации и упорядочения государственного аппарата. Наряду со старыми, разрозненными и потерявшими свое значение приказами создавались новые учреждения, более гибкие и централизованные.

Создалась такая структура государственного аппарата: Сенат — высшее административное, судебное и контролирующее учреждение; обломки старых приказов, которые или слились с аппаратом, губернских канцелярий или стали в зависимость от губернаторов положение (некоторые приказы формально сохранили свою самостоятельность, но были лишены многих функций, свойственных центральному аппарату); губернские центры во главе с губер-

¹ И. И. Голиков «Деяния Петра Великого» Т. IV, стр. 523. М. 1838. 2-е изд.

² Там же, стр. 524.

наторами, к которым были приписаны города и уезды. Таким образом создавался дифференцированный бюрократический аппарат, лучше чем старые приказы приспособленный для того, чтобы выколачивать из населения различные государственные повинности и подавлять растущее сопротивление народных масс. Этот аппарат обеспечивал Петру I проведение активной внешней политики и ликвидацию экономической и культурной отсталости России.

2

Изучая деятельность Сената и его роль в создании и укреплении централизованного бюрократического аппарата государственной власти помещиков-крепостников и торговцев, необходимо прежде всего выяснить классовый состав Сената в его первоначальном виде и проследить происшедшие в нем последующие изменения, вплоть до образования коллегий.

Нам известно из указа об образовании Сената от 22 февраля 1711 года, что состав Сената был определен в девять человек. Из них двое входили в состав Ближней канцелярии: Стрешнев, начальник разряда, и граф Мусин-Пушкин, начальник монастырского приказа. Остальные семь человек были преимущественно из крупных военных и гражданских чиновников: князь Голицын, архангельский губернатор, впоследствии один из представителей консервативной оппозиции, сторонник царевича Алексея Петровича; князь Волконский, обер-комендант Ярославской провинции; Самарин, кригс-цальмейстер, с 1708 года начальник мундирной канцелярии, привлекался по делу царевича Алексея; Апухтин, генерал-квартирмейстер; Племянников, управляющий казенными парусными заводами; князь М. В. Долгорукий, неграмотный, за которого приговоры Сената подписывал Племянников; Мельницкий, стольник. Обер-секретарь Сената — Шукин, который до образования Сената был прибыльщиком и президентом ижерских канцелярий.

В состав Сената до образования коллегий не входили верховные господа, или «принципалы», как их называл Сенат в своих приговорах: князь Меншиков, адмирал Апраксин, генерал-фельдмаршал Шереметев, канцлер Головкин, подканцлер Шафиров, начальник Ближней канцелярии Зотов. Но отсутствие этих, наиболее влиятельных, ближайших сотрудников Петра в Сенате не умаляло его значения как высшего правительственного учреждения в стране и не ставило его во второстепенное положение в системе государственных учреждений. Принадлежность сенаторов к крупным помещикам-крепостникам несо-

мненна. Большинство из них до образования Сената занимало высокое положение в государственном аппарате: Стрешнев и Мусин-Пушкин были членами Боярской думы и «Министерской консилией» в Ближней канцелярии и т. д. Совершенно очевидно ошибочность утверждения М. Н. Покровского, будто состав Сената был собранием чиновников, назначенных Петром I «без всякого внимания к их происхождению и социальному положению...»¹.

Сенат по своему составу коренным образом отличался от старой Боярской думы и Ближней канцелярии. Сенаторы были подобраны Петром I из дворянской знати, но по их личным заслугам и способностям, а не по родовитости и должностному положению, как это было раньше с составом Боярской думы и Ближней канцелярии. Местничеству был нанесен последний, сокрушительный удар.

Первоначальный состав Сената 1711 года не был устойчивым. В нем уже в 1712 году начали происходить перемены. В 1712 году из Сената ушел по старости сенатор Мельницкий. В 1713 году сенатор князь Голицын был назначен на должность рижского губернатора. С конца апреля 1713 года он не присутствовал на заседаниях Сената, хотя указа об освобождении его от сенаторских обязанностей не было.

В 1714 году на сенатских приговорах больше не встречается подписи Племянникова.

В связи с обнаружившимися злоупотреблениями и казнокрадством в приказах и канцелярии Ингерманландской губернии было арестовано и привлечено к ответственности несколько человек, в числе их сенаторы Апухтин, который управлял купеческой палатой и денежными дворами, и Волконский, управлявший Тульским оружейным заводом. Следствием было установлено, что они не только совершали злоупотребления в деле управления порученными им казенными предприятиями, но и злоупотребляли властью как сенаторы, используя в личных интересах свое положение: под чужими именами подрывались «на торгу в Сенате на поставку провианта по дорогой цене» и т. д. В 1714 году они были отстранены от занимаемых должностей, а в начале 1715 года осуждены, подвергнуты публичному наказанию и высланы.

Сенатор Самарин, привлеченный по делу царевича Алексея, по именному указу Петра I от 6 февраля 1718 года был

¹ М. Н. Покровский «Русская история с древнейших времен». Т. II, стр. 314. М. 1933.

[illegible]

Письмо Петра I Сенату от 19 мая 1711 года.
Последние 9 строк написаны собственноручно Петром I.

взят за «караул» к князю Мещишкову; его дом и вся переписка были опечатаны. Вскоре после ареста Самарина был в связи с делом царевича Алексея арестован Апраксин, который был назначен сенатором по именному указу от 9 июня 1715 года. Но так как в ходе следствия преступная связь сенаторов Самарина и Апраксина с царевичем Алексеем не была установлена, Петр I в своем письме от 7 марта 1718 года объявил Сенату, что «Петр Матвеевич Апраксин и Михайла Самарин по делам своим (для чего они взяты были к Москве) очистились и для того оные ныне отпущены в Питербурх по прежнему к делам; и для того ныне Михайла Самарина дом велите распечатать и людей его велите освободить. А какой был на них извет и чем они оправдались, тому прилагается при сем копия»².

После освобождения их из-под ареста Самарин и Апраксин некоторое время заседали в Сенате (первый — до 1718 года, второй — до 1719 года). Сенатор Стрешнев умер в 1718 году. Князь Долгорукий в том же году был отстранен от должности как сторонник царевича Алексея.

Таким образом, до указа от 8 декабря 1718 года «О должности Сената» в составе этого учреждения произошли большие изменения. Из девяти сенаторов, назначен-

ных указом от 22 февраля 1711 года, было восемь человек. Из первоначального состава Сената к моменту образования коллегий остался только Мусин-Пушкин. До 1719 года в Сенат были введены Я. Ф. Долгорукий и Апраксин.

Рассматривая причины огромной убыли сенаторов, нельзя не заметить, что из одиннадцати сенаторов, назначенных между 1711 и 1718 годами, четверо были отстранены ввиду политической неблагонадежности и недобросовестности. Хотя Сенат, как высшее государственное учреждение, бесспорно, был организованнее и работоспособнее чем старая Боярская дума или сменявшая ее «Консилия», он в своем первоначальном составе не соответствовал полностью тем задачам, которые перед ним ставил Петр I. Поэтому не случайно в указе от 8 декабря 1718 года говорится не только об изменении структуры Сената, но и о коренных переменах в его составе. «Сенату надлежит состоять из президентов коллегий, кроме них никакой названной персоне не входить в настоящее время, когда советы отправляются»², — писал Петр.

По указу «О должности Сената» в него вошли из его старого состава как президенты коллегий лишь Я. Ф. Долгорукий и Мусин-Пушкин.

С начала организации Сената все сенаторы были уравнены в своих правах. В указе Петра говорилось: «...голоса иметь равные и у всяких указов подписывать всем своими руками, что хотя один не подпишет и засвидетельствует неправо тому быть приговору, то и прочие недействительны суть; одинакож надлежит тому, кто оспорит, т. е. протестацию дать за своею рукою на письме... сенаторам места иметь по списку, кто после кого написан...»³.

Указ от 2 марта 1711 года совершенно не допускал в Сенате местничества, которое было обычным явлением в старой Боярской думе. Для решения дел в Сенате было обязательно единогласие. Сенаторы, которые были несогласны с решением большинства, подавали письменные «протестации». В случае несогласия хотя бы одного сенатора дело должно было переноситься на новое рассмотрение Сената (разумеется, в его старом составе). Если и при вторичном рассмотрении дела не удавалось добиться единогласного решения, спорный вопрос поступал на окончательное разрешение к царю.

Петр I требовал от Сената быстроты,

¹ «Сборник Русского исторического общества». Т. II, стр. 369. СПб. 1873.

² «ПСЗ». Т. V, № 3264.

в «ПСЗ». Т. IV, № 2331.

гибкости, самостоятельности и четкости в работе. Порядок решения дел в Сенате не отвечал этим требованиям. Заметив этот существенный недостаток, Петр указом от 4 апреля 1714 года установил, что дела в Сенате должны решаться большинством голосов.

В порядке работы Сената были некоторые черты сходства с порядком работы старой Боярской думы и «Консилии» министров в Ближней канцелярии: не были установлены точные сроки заседаний, которые созывались по мере накопления дел в канцелярии Сената; не было обеспечено постоянное присутствие кого-либо из сенаторов в канцелярии Сената для текущей работы, которой руководил обер-секретарь Шукин.

Этот недостаток был скоро замечен Петром, и 16 апреля 1714 года последовал именной указ, устанавливавший более четкий порядок работы канцелярии Сената. Каждому сенатору вменялось в обязанность активно участвовать в текущей работе Сената. Были установлены ежедневные дежурства сенаторов в канцелярии. Дежурные сенаторы должны были просматривать дела, готовить вопросы к очередным заседаниям Сената, созывать сенаторов на эти заседания, посылать «подтвердительные указы» соответствующим лицам и учреждениям о своевременном и точном выполнении ими именных указов и сенаторских приговоров. От каждого сенатора требовалось, чтобы он вел журнал, где он должен был записывать, что им сделано во время дежурства. Таким образом, на сенаторов возлагались определенные обязанности по руководству текущей работой Сената, и выполнение этих обязанностей контролировалось.

Однако установленный порядок работы сенаторов в канцелярии Сената соблюдался ими плохо. Вследствие этого 20 января 1716 года последовал именной указ, который требовал от каждого сенатора, чтобы он во время своего месячного дежурства не только каждый день заходил в Сенат для соблюдения порядка, установленного указом от 16 апреля 1714 года, но выполнял работу, возложенную на дежурного сенатора, не считаясь со временем: «...все дни сидеть не только, что с утра до обеда, но и после обеда, если дело случится...»¹. Это означало, что сенаторы должны не формально отбывать свое месячное дежурство, а руководить текущей работой канцелярии Сената, контролировать исполнение его решений и быстро решать те вопросы, которые не требуют участия всех сенаторов. Этим же указом устанавливалось календарное расписание за-

седаний Сената. Заседания должны были происходить три раза в неделю: по понедельникам, средам и пятницам.

За неявку на заседания без уважительных причин, засвидетельствованных сенаторами, налагался штраф в 50 рублей за каждый пропущенный день.

В делах Сената за 1718 год имеются указания, что количество заседаний Сената в неделю иногда не ограничивалось тремя днями и доходило до четырех и даже пяти дней в неделю. Заседания происходили в разных местах: «...в понедельник — в городе, вторник — майорские дела, среду — коллегии, четверг в адмиралтействе, пятницу — в сенате»². Заседания Сената начинались с 5 часов утра. «Майорские и коллегийные дела в казенном дому и чтоб в пятом часу по утру везде начинать»³. В определенные дни на заседаниях Сената слушались дела только одного ведомства.

Привилегии сенаторов по сравнению с другими должностными лицами заключались в том, что сенаторы в случае привлечения их к уголовной ответственности подлежали высшему суду Сената, минуя низшие и средние судебные инстанции, причем приговор Сената по их делам получал законную силу лишь после его утверждения царем. Других привилегий у сенаторов не было. Гражданские дела сенаторов шли обычным порядком через соответствующие судебные и административные инстанции.

Правом доносить на сенаторов и требовать суда над ними пользовался из всех фискалов⁴ только обер-фискал. В указе о должности обер-фискала от 5 марта 1711 года говорится, что низшие фискалы пользуются такими же правами, как и обер-фискал, «...кроме того, как вышнего судью (сенатора.— Г. А.) или генерального штаба на суд без обер-фискала позвать не могут»⁵.

Этот порядок очень скоро обнаружил свои недостатки: на сенаторов мог доносить только обер-фискал, и притом только самим сенаторам, которые должны были судить своего провинившегося коллегу. А так как далеко не все сенаторы отлича-

² Государственный архив феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ). «Доклады и приговоры Сената». Кн. 42-я, л. 412.

³ Там же.

⁴ Фискалы — должностные лица, в обязанности которых входил тайный надзор за действиями государственных учреждений и чиновников и за поведением жителей. Обер-фискал — высшее должностное лицо, контролировавшее деятельность фискалов и пользовавшееся правом тайного надзора за действиями высокопоставленных лиц.

⁵ «ПСЗ». Т. IV, № 2331.

¹ «ПСЗ». Т. V, № 2892.

лись безукоризненной честностью, то отношение Сената к доносам обер-фискала о злоупотреблениях сенаторов было не только недоброжелательное, но и враждебное.

Фискал Нестеров в 1713 году доносил Петру I, что сенаторы злоупотребляют своим положением в корыстных целях: «...некоторые из них не только по данным им пунктам за другими не смотрят, но и сами вступили в сущее похищение казны вашей под чужими именами, чего явно и отречься не могут; какой же от них может быть суд правый и оборона интересов ваших?»

Получив это письмо и другие доносы о нерадивом и неревностном исполнении своих обязанностей сенаторами, Петр писал 12 июня 1713 года: «Господа Сенат! По неже уведомлены мы, что вы по доносам фискальским ни единого главного дела не вершили, но все проманиваете время до времени, забывая бога и души свои, того ради сие последнее о сем пишу к вам, ежели пяти, или шти дел главных, буде более не успеете о которых вам будут фискалы доносить, до ноября первого числа не вершите и преступником [которые для своих польз интерес государственной портят], не учините смертную казнь, не щадя никого в том, и ежели иначе в том поступите, то вам сие будет»¹.

Но эти угрозы Петра не могли искоренить злоупотреблений сенаторов. Волокита в решении дел по доносам фискалов продолжалась попрежнему. Поэтому по распоряжению Петра дела о злоупотреблениях отдельных сенаторов были изъяты из ведения Сената и переданы особым судам, составленным из сенаторов и офицеров гвардии или только из гвардейских офицеров.

Эти чрезвычайные суды назначались именными указами. Так например для расследования по фискальским доношениям на сенатора Апраксина была создана чрезвычайная следственная тройка, в которую входили офицеры гвардии: майор Салтыков, капитан Панин, капитан-поручик Голенищев-Кутузов. Апраксин обвинялся в следующих преступлениях: в «неявленной покупке в г. Пскове льну, в заморский отпуск и в утайке пошлин»; в переводе с Караваевым из Архангельской губернии в Казанскую крестьян «не малого числа и неплатеже с оных крестьян всяких государственных полатей»; в снижении податных платежей без приговора на то сенаторов «по дружбе тайному советнику Долгорукову с юрковских его волостей складных доходов не малого числа»² и т. д.

¹ «Сборник Русского исторического общества». Т. XI. СПб. 1873.

² ГАФКЭ «Доклады и приговоры Сената». Кн. 51-я, л. 42.

По фискальским доношениям о злоупотреблениях сенатора Я. Ф. Долгорукого по распоряжению Петра I была создана следственная комиссия из офицеров гвардии под председательством лейб-гвардии майора Дмитриева-Мамопова в составе капитана Лихарева и поручика Бахметьева. Сенатор Я. Ф. Долгорукий обвинялся в следующих преступлениях: в отдаче трех подрядов на поставку сукна «иноземцам и приеме от них худых сукон»; в даче от своего имени для Сибирского торгового «казенных пятьдесят тысяч рублей»³; во взятках с подрядчиков иноземцев; в укрывательстве от службы офицеров, и т. д. Эта комиссия следствия не закончила и по распоряжению Петра I передала его новой комиссии, под председательством обер-секретаря Сената Шуккина, к которому сенатским приговором от 21 января были прикомандированы в качестве ассессоров офицеры гвардии Семеновского полка: подпоручик и прапорщик. В эту комиссию сенатским приговором от 3 января 1718 года был назначен дьяк Филипп Ключарев. Шуккин был назначен во главе этой следственной комиссии не как представитель Сената, а как доверенное лицо Петра I.

Сенаторов допрашивали не в помещении следственной комиссии, а в канцелярии Сената, куда приезжала следственная комиссия в полном составе. Такой порядок допроса сенаторов был их привилегией как особо важных должностных лиц. Если сенатор обвинялся в тяжелом преступлении, то Петр I лично назначал особый состав суда из сенаторов, генералитета и офицеров гвардии, который назывался «Высшим судом». На следствии по таким делам присутствовал сам царь, и приговор «Высшего суда» получал окончательную силу и приводился в исполнение только после его утверждения Петром.

Кроме привилегий, которыми пользовались сенаторы в случае их привлечения к уголовной ответственности, других юридических преимуществ у сенаторов формально не было. Но сенаторы сами создавали себе незаконные привилегии, используя свое высокое положение для личных целей. У сенаторов были слабо развиты чувства ответственности и государственного долга несмотря на постоянные попытки Петра I привить им, как высшим государственным чиновникам, эти качества. Среди них были еще достаточно сильны традиции безответственности и бесконтрольности, столь характерные для старого приказного аппарата. Взятничество, казнокрадство и служебные преступления были обычным явлением для государствен-

³ Там же.

ного аппарата петровской эпохи. Сенаторы в этом отношении не отличались от других чиновников.

4

При Сенате Петр I создал институт губернских комиссаров, для того чтобы удовлетворить насущную потребность вновь образованных губернских учреждений в руководстве. Еще преимущественница Сената—Ближняя канцелярия—остро нуждалась в регулярном получении сведений от губерний по различным вопросам государственного управления.

В именном указе от 22 февраля 1711 года об организации Сената очень четко, коротко и ясно говорится о губернских комиссарах при Сенате и их назначении: «...также со всех губерний в вышеописанном «суду-Сенате» для опроса и принятия указов быть по два комиссара с губерний»¹. Фактически права, обязанности и компетенция губернских комиссаров были значительно шире, чем это было определено указом от 22 февраля 1711 года. Это понятно, если иметь в виду, что все административные реформы Петра I до образования коллегий проводились без определенного плана.

Чтобы разобраться в правах и обязанностях губернских комиссаров и понять их назначение в системе петровской администрации, необходимо изучить их практическую работу и отношение к Сенату и губернаторам.

Для руководства губернскими учреждениями со стороны Сената и для проверки выполнения ими правительственных распоряжений требовалось постоянное представление из губерний различных сведений и отчетности. Но большим препятствием этому служили огромное расстояние, отделявшее столицу от губернских центров, плохое состояние дорог и старые феодальные традиции местной администрации. Петр I прекрасно учитывал эти трудности. В письме к Меншикову от 6 февраля 1711 года он писал о медленном выполнении губернаторами указов: «...до ныне бог вела в какой печали пребываю, ибо губернаторы зело раку последуют в происхождении своих дел, которым последний срок в четверг на первой неделе, а потом буду не словом, а руками со оными поступать»².

Учреждение губернских комиссаров при Сенате было вызвано потребностью Сената в наиболее быстрой связи с губерния-

ми и в проверке выполнения губернаторами различных распоряжений.

Функции губернских комиссаров были определены в приговоре Сената от 16 марта 1711 года, в котором предписывалось губернским комиссарам быть при Сенате. Губернаторам, не приславшим еще комиссаров, было приказано прислать их немедленно, а явившимся от губерний комиссарам «е. в. г. указ сказать чтоб они для приема указов и для вопроса о нужных тех губернии делах, были всегда безотлучно; грамоты и ведения о всяких губернских делах, для скорой к губернаторам посылки и воспринимания ответов отдавать им с расписками, а им посылать те распоряжения к губернаторам с нарочными и по получении ответа подавать в канцелярию Сената за своими руками»³. Ямскому приказу Сенат предписал для обеспечения постоянной связи комиссаров со своими губернаторами давать им почтовые ямские подводы. Сенат стремился обеспечить систематическую связь с губернской администрацией, что усиливало централизацию государственного аппарата.

Несмотря на то что именные и сенатские указы о должности губернских комиссаров при Сенате за время существования этого института не ввели в него других изменений или дополнений, губернские комиссары на практике значительно расширили свою компетенцию. Губернские комиссары давали ответ в Сенате, исполнен тот или другой указ губернатором или нет и почему. Например Сенат спрашивал комиссара Московской губернии, отправлены ли от этой губернии шесть подъячих в Ригу для армии по указу. «...А комиссарам той губернии говорено... что подьячие в Ригу отправлены и доношение о том внесено будет»⁴. Казанский губернский комиссар Поздняков доносил Сенату, что отправить положенных с его губернии троих подъячих для посылки в Кенигсберг обучаться немецкому языку губернатор не может, а также не может вносить денег на содержание других подъячих, посланных в счет Казанской губернии. Архангельский комиссар доносил, что подьячие от Архангельской губернии для обучения немецкому языку в количестве двух человек, а также положенные для этой цели деньги высланы.

Сенат спрашивал губернских комиссаров, сколько денег по различным сборам выслано из губерний в приказы и почему не высланы положенные суммы.

На комиссаров были возложены функции губернских казначеев по определенным платежам. Губернские комиссары по-

¹ «ПСЗ». Т. IV, № 2321.

² С. Соловьев «История России с древнейших времен». Т. XI—XV, стр. 37. СПб. Т-во «Общественная польза». 2-е изд.

³ «ПСЗ». Т. IV, № 2339.

⁴ ГАФКЭ «Доклады и приговоры Сената». Кн. 3-я, лл. 139 и 140.

давали в канцелярию Сената сведения о поступлении к ним денег для платежей разным приказам и канцеляриям. На основании этих сведений в канцелярии составлялась ведомость о количестве денег, которыми располагали губернские комиссары для соответствующих платежей.

Иногда Сенат по требованиям приказов и канцелярии, минуя губернаторов, обращался к губернским комиссарам с требованием внести причитающиеся от губернии платежи и угрожал строгими наказаниями. Не только Сенат, но и начальники отдельных канцелярий с его разрешения вызывали к себе губернских комиссаров, требовали от них копии бумаг, которые те писали к губернаторам о высылке им денег. Так например начальник подрядной канцелярии полковник Кошелев, которому было поручено взыскивать недоимки, несколько раз вызывал к себе губернских комиссаров с бумагами о платежах с губернии в городскую канцелярию. Просмотрев бумаги, он убедился, что комиссары писали по этому вопросу губернаторам «многожды»¹, но наличных денег у них для этих платежей не оказалось.

Нередко губернаторы возлагали на комиссаров поставку фуража и провианта для армии и флота. Губернским комиссарам поручалось заключать договоры с подрядчиками в столице и следить за выполнением этих договоров. Сенат не только требовал от губернских комиссаров отчета о количестве высланных и недосланных из губернии рекрутов, но и поручал им после медицинского осмотра рекрутов, приведенных в Москву и Петербург, помещать больных в лазарет, а годных сопровождать до места их назначения, снабдив деньгами и провиантом. Недоросли с именными списками присылались к комиссару, который их представлял на «смотр» Сенату. Беглых крестьян, сысканных и приведенных в столицу, комиссары были обязаны отсылать в свои губернии, к прежним их владельцам.

Таким образом, функции губернских комиссаров не ограничивались передачей в губернии именных и сенатских указов и отчетом об их выполнении Сенату. Практическая деятельность комиссаров вышла далеко за пределы, очерченные указами. Для выполнения самых разнообразных поручений губернским комиссарам необходимы были помощники и канцелярские сотрудники. Для выполнения этих обязанностей к ним из губерний высылались подьячие, а Сенат назначал им по 10 солдат для посылок. Так вокруг губернских комиссаров

создавался небольшой административный аппарат.

Губернские комиссары при Сенате назначались губернаторами и утверждались Сенатом. Они отбирались из царедворцев и армейских офицеров. Таким образом, по своему классовому составу это были помещики-крепостники. Они должны были хорошо знать работу своей губернской администрации и по посланным указам «о губернских всяких ведомостях» отвечать. Назначение на должность губернского комиссара было бессрочным, с годовым окладом жалованья в 120 рублей деньгами и 60 четвертей хлеба.

Ответственность губернских комиссаров при Сенате за невыполнение возложенных на них обязанностей не была регламентирована указами. Но это не значит, что они не отвечали перед Сенатом и были только передаточной инстанцией между ним и губернаторами. На практике они несли ответственность перед Сенатом и за деятельность губернских учреждений. Довольно часто губернских комиссаров наказывали не только за их проступки и неисполнительность, но и за проступки губернаторов.

В 1712 году Сенат отдал распоряжение, чтобы губернские комиссары ежедневно представляли в канцелярию Сената письменные сведения, сколько из их губерний отправлено в полки рекрутов, лошадей и амуниции по указам Сената и сколько недослано. Если же комиссары не явятся «в который день» и не представят требуемых ведомостей, «...на них иметь штраф в казну по рублю за день каждый и о том им приложить руки»². 14 мая 1715 года губернские комиссары были вызваны в канцелярию Сената, где им был объявлен указ, чтобы они в губерниях со всех подрядных дел начиная с 1711 года сняли копии и выслали их в течение первых чисел июня в подрядную канцелярию. Если эти сведения не будут в срок представлены, то комиссары будут оштрафованы. Штраф был одной из слабых мер наказания. К комиссарам довольно часто применялось более суровое наказание — правож. 15 мая 1713 года Аптекарский приказ донес Сенату о том, что ему за прошлые годы, начиная с 1710 до первой четверти 1713 года, не внесено со всех восьми губерний 126 944 рубля. На этом «доношении» была сделана пометка сенатского дьяка Окунькова: «...для правезу денег отослать тех губерний комиссаров». В декабре 1713 года по «доношению» Посольского приказа о неплатеже ему положенных денег за текущий год Сенат отдал приказание «тех губерний комиссаров бить на правезе до тех

¹ ГАФКЭ «Доклады и приговоры Сената». Кн. 37-я, лл. 265—278.

² ГАФКЭ «Доклады и приговоры Сената». Кн. 9-я, лл. 1042—1043.

пор, пока ему не будут сполна деньги высланы».

В том же году Сенат распорядился за невзнос денег в мундирную канцелярию отправлять комиссаров в военную канцелярию для правежа на два или три дня в неделю. Сенатский дьяк Окуньков сделал пометку на этом распоряжении: «послать в то канцелярию ведение и комиссаров для правежу... по понедельникам и четвергам...»¹.

Суровые наказания применялись не только к губернским комиссарам при Сенате, но и к другим должностным и частным лицам. В то время не особенно утруждались точным установлением виновности наказываемых. Сам Петр I не только угрожал кулачной расправой крупным сановникам и губернаторам, но при случае приводил эти угрозы в исполнение.

После учреждения коллегий в указе «О должности Сената» от 8 декабря 1718 года уже не упоминается о губернских комиссарах при Сенате. Они утратили свои прежние функции и превратились в фельд'егерей, служивших для связи между местными центральными учреждениями.

5

В конце XVII и начале XVIII века расширялся всероссийский рынок, развивались ремесла, крепостные мануфактуры, сельское хозяйство, усиливалась крепостническая эксплуатация, обострялась классовая борьба. По стране вспыхивали народные волнения и восстания. В 1705—1706 годах происходило астраханское восстание, в 1706—1711 — башкирское, в 1707—1708 — булавинское.

¹ ГАФКЭ «Доклады и приговоры Сената». Кн. 37-я, лл. 3—8.

Петр I проводил активную внешнюю политику, вел решительную борьбу с Турцией за берега Азовского и Черного морей, со шведами — за берега Балтийского моря.

Для того чтобы обеспечить успех во внешней и внутренней политике, необходимо было укрепить государственный аппарат, который бы помог Петру I одерживать военные победы, подавлять народные волнения и восстания и охранять интересы помещиков-крепостников и купцов.

После образования Сената при его непосредственном участии проводились дальнейшие реформы, в том числе и административные, но уже более систематично, по заранее намеченному плану. С помощью Сената укреплялись позиции военно-бюрократической империи Петра I, проводилась дальнейшая централизация и бюрократизация государственного аппарата во всех его звеньях.

Преобразования Петра не изменили классовой сущности государственного аппарата. Ленин указывает, что различные формы правления являются лишь разными формами классовой борьбы, причем каждая из этих форм «...проходит через различные этапы развития ее классового содержания, а с другой стороны, переход от одной формы к другой нисколько не устраняет (сам по себе) господства прежних эксплуататорских классов при иной оболочке. Например, русское самодержавие XVII века — с боярской Думой и боярской аристократией — не похоже на самодержавие XVIII века с его бюрократией, служилыми условиями...»².

Сенат был ближайшим помощником Петра I в его кипучей и многообразной деятельности. С помощью этого учреждения Петр I достиг огромных успехов во внешней и внутренней политике страны.

² Ленин. Т. XIV, стр. 18.

Предисловия и послесловия старопечатных книг

Среди литературных источников, которые могли бы дать внимательному историку немало важных сведений и фактов, один почему-то выпадает из поля зрения исследователя. Этот источник — предисловия и послесловия старопечатных книг.

Очевидно, эти книги вызывают к себе пренебрежительное отношение ввиду их специфического характера. Евангелие да Псалтырь, Апостол да Триодь, — казалось бы, что можно почерпнуть из таких источников? Однако предубеждение против них является несправедливым, так как при внимательном рассмотрении предисловий и послесловий этих книг мы обнаруживаем материалы исключительной общественной значимости¹.

¹ Существуют библиографические описания старопечатных книг. Из них наиболее полным является труд И. Каратаева, который насчитал 164 книги, вышедших с начала книгопечатания по 1600 год включительно. («Описание славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами». Т. I. П. 1883.) В 90 из этих книг Каратаев приводит предисловия или послесловия. Однако он не знал всех старопечатных книг. Вышедшая в 1903 году в Бухаресте на румынском языке книга Vianu и Nodos «Bibliografia romaneasca vesni 1508—1830», т. I, содержит подробное описание ряда изданий, неизвестных Каратаеву. Всего нами изучены 123 издания, имеющие предисловия и послесловия.

Исследователям придется, не ограничиваясь библиографическими указателями, обратиться непосредственно к первоисточнику, к самой старопечатной книге, ибо даже в экземпляре, казалось бы, подробно описанном библиографами, найдется новый ценный материал.

Фонд этих книг у нас не очень богат. В книгохранилищах Москвы, несмотря на то что после описания Каратаева прошло 60 лет, почти не прибавилось неизвестных ему книг. В Ленинграде, в библиотеке Академии наук СССР, мы видели две книги, не известные ни по одному описанию. Кое-что из неописанных материалов очевидно, уже находится в частных руках. Многие книги по интересующему нас вопросу находятся в заграничных библиотеках. Давно пора бы составить, по крайней мере, исчерпывающую фототеку их заглавных листов, предисловий и послесловий.

По своему содержанию и происхождению предисловия и послесловия могут быть разбиты на четыре основных группы.

1

Первую группу составляют книги, вышедшие на Украине и в Белоруссии с начала славянского книгопечатания и до 1569 года (год Люблинской унии и выхода первой книги, напечатанной в Белоруссии московским печатником Иваном Федоровым).

К 1491 году относятся первые известные нам послесловия в книгах, изданных Швайпльтом Фиоля² в Кракове. Они еще очень кратки, однако позволяют сделать уже некоторые выводы. Исследователь старопечатной книги П. Владимиров утверждал: «В лице Фиоля мы видим преимущественно типографика, завершившего только дело оставшихся неизвестными лиц, приготовлявших рукописи к печати. Послесловия ничего не говорят об этих лицах; но они свидетельствуют о русских³ предпринимателях и участниках в деле Фиоля»⁴.

Почти четверть века спустя после книг Фиоля и его безыменных соратников белорус Франциск Скорина, доктор медицины и разносторонний ученый, родом из Полоцка, издал (с 1517 по 1525 год) сначала в Праге (Чехия), а потом у себя на родине, в Вильне, ряд книг. Они снабжены уже гораздо более обстоятельными предисловиями и послесловиями. Франциск

² В подлинниках в фамилии Фиоля печаталась буква «ять». Новейшие исследования показали, что на Украине буквой «ять» выражался звук «и».

³ Старые исследователи не делали различия между белорусской, украинской и русской народностями. Мы должны иметь в виду это различие, которое в те времена выражалось и различным написанием слова «русский». Так, «русский» означало тогда обычно белорусский (см., например, книги Франциска Скорины); «руський» — украинский.

⁴ П. Владимиров «О краковских изданиях Фиоля 1491». «Чтения в Историческом обществе Нестора летописца», кн. 8-я, стр. 26—27. Клев. 1894.

Скорина даже в заглавиях настойчиво подчеркивал: книга «русская» (то есть белорусская), переведено на «русский» язык. Эти подчеркивания можно объяснить только твердым и вполне сознательным желанием отметить факт выпуска книг на родном языке — на языке, понятном народу.

Слово «перевел» («выложена», переведена) позволяет особенно наглядно увидеть здесь влияние реформации. Перевод церковных книг с мертвого, латинского языка на родной язык был одним из лозунгов реформации; это был прогрессивный лозунг, ибо он содействовал укреплению национального сознания, развитию у каждого народа собственного литературного языка и в конечном счете вел к созданию светской литературы и науки.

В предисловиях и послесловиях Скорина объяснял, что переводит и печатает книги именно на «руском» языке, потому, что это его родной язык, и хотя он, как ученый, владеет многими языками, его патристический долг призывает его пользоваться именно родным языком. «И видечи таковыя пожитки в так малой книзе, я Францишек Скоринин сын с Полоцька, в лекарских науках доктор повелед есми псалтырю тиснути рускими словами а словенским языком... Наболей с тое причины иже мя милостивый бог с того языка на свет пустил»¹.

Свои патристические чувства Скорина выразил не только этим замечанием: он воспользовался и содержанием печатаемых им книг для того, чтобы особо подчеркнуть идею любви к родине. С этой целью он написал предисловие к библейской книге «Юлифь», призывая читать ее для того, «чтобы как зеркало преславную жену сию (то есть Юлифь. — И. Б.) пред очами иметь в добрых делах и в любви к отчизне, чтобы не только женщины, но и мужчины следовали ее примеру и всякого труда и имущества для общего блага и для отчизны своей не щадили. Понеже от рождения звери, холящие в пустыне, знают ямы свои. Птицы, летающие по воздуху, ведают гнезда свои. Рыбы, плавающие по морю и в реках, чувствуют виры свои, пчелы и тому подобные обороняют улья свои. Также и люди, где родились и выросли, к тому месту великую любовь имеют. Потому же и эта вдовица Юлифь для родины своей подвергла жизнь свою опасности»².

Сам Скорина также стремился принести пользу родине, занимаясь издательской

деятельностью, которую считал важнейшим патристическим делом. Для выражения своего взгляда на издание книг он остроумно воспользовался библейской книгой Леувит, название которой объясняется в предисловии к ней: «...еже по-руски сказуется Книга о жертвах. Пишет бо в ней найпервей, что приносить имели сынове Израилевы. Яко от зверей стадных вола, агнецы а (и) козлы. От птиц-голуби а голуби. От родящихся з земли — муку пшеничную, масло дрянное, латан и иные оwoце. Кто убо не можаше принести, для недостатку своего, телца тучного на жертву богу, той приношаше мерцу муки пшеничное на потребу господу.

Тако ж и мы, братиа, не можем ли во великих послужити посполитому люду рускаго языка, сие малые книжки праца (труда. — И. Б.) наше е приносимо им»³.

Таким образом, в предисловиях Скорины мы обнаруживаем настойчивую пропаганду идей патристизма, призыв служить родному народу.

Этим не исчерпывается, однако, их содержание: Скорина выступает и как просветитель. Наряду с церковной книгой он признает и светскую науку и даже семь «свободных искусств», что указывает на близость его к идеям Возрождения. С представителями эпохи Возрождения его сближает также высокое мнение о древних философах и общественных деятелях, например о Солоне.

И Фиоль и Скорина действовали в эпоху, когда в силу ряда экономических условий складывались белорусская и украинская народности. Этот процесс сопровождался тягой к культуре в национальных формах. Историк В. Пичета говорит о «Белорусском Возрождении XVI века»⁴. Характерные для Возрождения рост городов, экономических связей, расширение рынка и т. д. влекут за собой обострение классовой борьбы между феодалами, крестьянством, горожанами. На Украине и в Белоруссии переплет общественных отношений был особенно сложным, ибо крестьянство и пань часто принадлежали к разным национальностям. Классовая борьба, развернувшаяся особенно остро во второй половине XVI и в XVII веке, принимала здесь форму борьбы за сохранение национальной самостоятельности украинского и белорусского народов.

¹ Предисловие в псалтырь. Цит. по книге П. В. Владимирова «Доктор Франциск Скорина», стр. 327. 1888.

² Цит. по экземпляру, хранящемуся в Историческом музее; перевод на современный язык — наш.

³ Цит. по экземпляру Исторического музея; Библия, книга Леувит, лист В, оборот, и лист Г.

⁴ См. статью того же названия в кн. «Чатырохсотлецьце беларускага друку». Минск. 1926.

Белорусские и украинские помещики быстро перешли на сторону польского правительства. Но так как местные крупные феодалы все же лишались кое-каких привилегий, некоторые из них выступали под флагом защиты своей народности на борьбу против политики польского правительства.

Формирование нации (конец XV — начало XVI века), а затем ее защита требовали борьбы за родной язык, за родную культуру. Польские паны, стремясь упрочить свое положение, старались, напротив, прививать украинцам и белоруссам чуждые этим народностям обычаи, культуру, язык. Они не щадили на это средств. Так как в феодальном обществе крупную идеологическую роль играла религия, то паны усиленно поддерживали католическую пропаганду. Это облегчалось тем, что «русские» попы были невежественны. Православные церкви приходили в упадок, часто не было книг, по которым можно было бы учиться грамоте, вести церковные службы. Пред лицом опасности окатоличения нужно было укреплять национальное сознание масс, развивать в них чувство любви к родине и готовность бороться за нее, нужно было поднимать свою культуру. Скорина уже тогда прекрасно понимал, что именно печатная книга на родном языке является самым важным средством борьбы за дело народа, и книги Скорины действительно стали на службу родному народу¹. Рядом с книгами Скорины можно поставить и книги Фиоля, выполнявшие ту же общественную роль. В этом их большое значение.

На книгах Скорины и изданиях Фиоля можно увидеть влияние прогрессивной стороны реформации — внимание к родному языку. Это внимание было особенно важно, ценно и необходимо именно на Украине и в Белоруссии, где формирование народности, складывание наций происходили не так, как в западноевропейских странах, а в борьбе против чужеземцев, имевших в своих руках государственный аппарат. Правда, в Литовском княжестве феодальная культура была «русской», однако несомненно, что по крайней мере с конца XV века началось энергичное наступление на эту «русскую» культуру.

В это время среди украинских и особенно белорусских горожан, а также и феодалов наблюдалось тяготение к протестантству. В 1562 году появились «русские» книги, изданные протестантами. В

их послесловиях мы снова встречаем знакомые нам мотивы: обращение к «рускому» народу с призывом заботиться о родном языке и т. д. Интересно, что наряду с этим авторы-протестанты выступали и со смелой, правдивой характеристикой «православного» духовенства. Второе предисловие «Катихизиса» прямо говорит о попах: «Не надобе о том много писати, вси бо ведаем, яковых теперь учителей маем. Ведаеть вес свет, яко на свои степенни вьступаютъ (намек на приобретение церковных должностей подкупом и т. п. средствами), не тanno теже, яко на них стоять и справуются (намек на невежество и недостойные поступки попов). Ленней илакати, нежелн их поровы выписовати: оно певная речь, ижъ напрасно их поправления в науце или в житии ждати»².

Как видим, новые издания делают шаг вперед по сравнению с предыдущими (Скорины). Они становятся настоящими злободневными произведениями, переходят на обличительный тон, что придает им еще более ярко выраженный публицистический характер.

2

В то же время развивалось книгопечатание на Балканском полуострове. Балканские книги составляют вторую группу изданий, подлежащих нашему рассмотрению. Группа эта довольно обширна. Всего на Балканах в XV — XVI веках была напечатана 51 книга (сюда относятся и книги, печатавшиеся в Венеции балканскими эмигрантами)³.

Первая книга — «Октоих» — была напечатана в городе Цетинье, в Черногории. В ней уже даны достаточно обстоятельные предисловие и послесловие. Характерен мотив, повторяющийся почти в одних и тех же словах и в предисловии и в послесловии. Издавший эту книгу черногорский воевода Гюрг Церпоевик (или Черпоевич) горько сетует на тяжкую участь южных славян (как и других балканских народов), страдающих под игом турецких завоевателей: «Постигла нас немаильская железная палица, увы, не просто бьющая, но убивающая... церкви разрушили. Видев умаление святых книг расхищением и

² «Катихизис». Несвиж. 1562. Цит. по экземпляру Исторического музея, лист В. Особенности орфографии не соблюдаем.

³ Напоминаем, что, соответственно нашей теме мы все время говорим о книгах, имеющих предисловие или послесловие. Нужно, однако, отметить, что книг без предисловий и послесловий выходило тогда сравнительно мало и общих выводов изменить они не могут.

¹ Заметим, что книги Скорины распространялись не только в Белоруссии, но и на Украине и даже на Московской Руси.

разграблением агаранских чель, я, воевода Зети (старинное название Черногории. — И. Б.) Гюрг Черноевич возревновал и составил формы, на них же в один год восемь человек совершили (напечатали. — И. Б.) Октоих...»¹.

По этому поводу П. Владимиров писал: «...знаменитый черногорский воевода Иван Бег, Иво Черноевич, тщетно отыскивая помощи против турок, жил в Венеции в 80-х годах и, не найдя этой помощи, воротился на родину, в Черногорию. Здесь в Ободе он и основал первую южно-славянскую типографию...»².

Чрезвычайно характерно это соединение в одном лице энергичного борца против турецкого гнета и основателя книгопечатания на своей родине. Ярким доказательством того, что такое соединение — не простая случайность, служит предисловие, которое мы выше цитировали. Боль за угнетенную родину, стремление развить деятельность, направленную против чужеземных завоевателей, приводят Черноевича к мысли о создании типографии.

О значении книгопечатной деятельности в этих условиях можно сказать то, что уже было сказано в отношении Украины и Белоруссии. И здесь книга на родном языке должна была служить тем же целям сплочения народа. Уже самый факт этой деятельности, начатой вопреки тяжелым обстоятельствам, должен был свидетельствовать о возможности борьбы.

Патриотическая мысль пронизывает также почти все остальные балканские издания. И потому мы и здесь должны признать предисловия и послесловия острыми публицистическими произведениями; они усиливали национально-освободительные позиции южнославянских народов, чье существование находилось под прямой угрозой со стороны турецких завоевателей.

Борьба балканских славян за свое национальное существование (конец XV — начало XVI века) оказала влияние и на румынский народ. Румыны пользовались тогда славянской письменностью (кириллицей), книгами на славянском языке. В XVI веке появились книги, напечатанные кириллицей, но уже переведенные на румынский язык. При этом в послесловиях опять-таки специально подчеркнуто значение родного языка.

Так, книгопечатник Кореси (сначала печатавший на славянском языке) в послесловии к румынской книге

1570 года писал: «Божиею милостью я, дьякон Кореси, видя, что большинство народов имеют божественное слово на родном языке и только мы, румыны, не имеем... начал я писать (то есть печатать. — И. Б.) эту святую Псалтырь в месяце феврале 6-го дня и окончил в месяце мае 24-го дня в городе Брашове в лето 7078-е (1570)»³.

Религиозная терминология — естественная дань времени, и она не должна скрывать от нас главного: ясного указания на значение родного языка. Надо помнить слова Энгельса о прогрессивной роли книгопечатания, вырвавшего литературу и науку из рук монополистов-церковников⁴. Таким образом, религиозная оболочка первопечатных книг не может помешать вышлущить из нее ядро нового, светского и прогрессивного содержания. Этим новым было обращение к народам, угнетавшимся турецкими завоевателями, стремление сплотить народность, организовать ее с помощью родного языка, родной культуры.

Этот факт необходимо отметить, ибо изучение послесловий позволяет отвергнуть кое-какие неверные взгляды, имевшие место в буржуазной исторической литературе.

Так, в «Истории Румынии» Н. Борецкого-Бергфельда, вышедшей в 1909 году, читаем: «Шестнадцатое столетие, которое для многих государств было своего рода золотым веком культуры и национального подъема, это столетие... прошло бесследно для румын...»⁵. Старопечатная книга показывает, что это фактически неверно, что XVI век и в Румынии был периодом роста культуры, о чем свидетельствует появление печатных книг на родном языке.

Причину печального положения автор видит в том, что румыны тогда находились под славянским влиянием, а не под влиянием католических стран — Венгрии, Польши.

Не останавливаясь на ряде фактически неверных положений Борецкого-Бергфельда, необходимо отметить, что говорит он, очевидно, только о Сербии и Болгарии, забывая об Украине, Белоруссии и Московской Руси, связь с которыми у Румынии существовала и влияние которых она, несомненно, чувствовала. Борецкий-Бергфельд забывает также, что именно славянские народы вместе с Румынией боролись против турецкого ига вплоть до того, что посылали свои вооруженные силы в по-

¹ Каратаев. Назв. соч., стр. 17. Перевод на современный язык — наш.

² П. Владимиров «Начало славянского и русского книгопечатания в XV и XVI веках». «Чтения в Историческом обществе Нестора летописца». Кн. 8-я, стр. 15.

³ А. И. Яцимирский «Новый труд по старой славянской библиографии», стр. 11—12. П. 1898.

⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VIII, стр. 120.

⁵ Н. Борецкий-Бергфельд «История Румынии», стр. 66. Петербург. 1909.

54

ского государства под властью враждебных Москве правительств жили народы, связанные с русским народом кровными и культурными узами. Внешняя политика Москвы требовала внимания к этим народам и усиления связи с ними. Авторитет Москвы еще более возрос бы, если бы из Москвы шла печатная книга. Таким образом, не только внутренние, но и внешнеполитические задачи требовали введения типографского дела в самой Москве.

В московских послесловиях, несмотря на влияние Запада и заимствование отдельных выражений южнославянских книг, сохраняются самостоятельность, оригинальность, самобытность содержания.

Уже самое начало послесловия к Апостолу останавливает наше внимание. После нескольких слов, звучащих как известная дань религиозной традиции, автор немедленно переходит к делу, к основной теме, а тема, оказывается, чисто земная — новое строительство, производимое царем, и обнаружившиеся при этом пужлы: «Изволением отца и споспешением сына и совершением святого духа, повелением благочестиваго царя и великаго князя Ивана Васильевича всея великия Россия самодержца, и благословением преосвященнаго Макария митрополита всея Руси многи святыя церкви воздвизаеми бываху во царствующем граде Москве и по окрестным местом и по всем градом царства его паче же в новопросвещенном месте во граде Казани и в пределах его. И сия вся святыя храмы благоверный царь украшае честными иконами и святыми книгами...»¹.

Если в балканских изданиях писали, что бог наполнил церкви книгами, то здесь это делает не бог, а царь. Далее послесловие сообщает, что все это делается Иваном IV «по изложению благочестивых царей греческих во Цареграде царствовавших, великаго Константина, и Устинияна, и Михаила и Феодоры, и прочих благочестивых царей, в своя времена бывших»².

Обильная рукописная литература, которая к тому времени развилась в Московской Руси, доказывала, что величие и былое мировое значение Византии после ее падения перешло к России и к русским царям. Эти идеи повлияли на послесловие Апостола. Уже в первой печатной книге московское правительство пропагандировало свои политические идеи, прославляло царскую власть. Послесловие второй книги, изданной в Москве (Часовник), не менее важно в этом отношении. Короткое, но очень стройное сочинение

целиком посвящено восхвалению силы слова. Ход мысли здесь таков: слово — это именно та сила, благодаря которой бог просветил людей и их разум. Бог хотел, чтобы слово помогало людям во всех их делах. Для распространения слова и нужны печатные книги³.

Высокая оценка силы слова (хотя и не очищенная от церковной шелухи), указание на необходимость книгопечатания — эти мысли, достаточно ясно выраженные в послесловии, конечно, являлись прогрессивными для Московского государства. И, изучая историю русской общественной мысли XVI века, изучая сочинения того времени, исследователь не может пройти мимо этого произведения, в котором так явно чувствуется веяние западноевропейского гуманизма с его высокой оценкой человеческого разума, слова и печатной книги.

Вскоре после выхода Часовника Иван Федоров и его помощник Петр Мстиславец, обвиненные в ереси, вынуждены были бежать из Москвы от преследований. Обвинение в ереси — под которую в те времена подвели все вольнодумное — показывает, что современники сумели правильно понять прогрессивный смысл послесловий первых московских книг (известно, что еретики — Феодосий Косой, а еще раньше «жидовствующие» — высоко ценили силу слова и разума, требуя поэтому критического отношения к «писанию»).

Но после бегства Ивана Федорова и Петра Мстиславца книгопечатание в Московском государстве не прекратилось: книги выходили и при Иване IV и при его преемнике — Федоре Ивановиче.

Слабоумный и болезненно религиозный сын Ивана IV пришел к власти, когда страна переживала тяжелый экономический кризис, когда резко обострилась классовая борьба. Если в первой печатной книге царь явно и без стеснения отодвигал все божественное в сторону и заставлял говорить о себе, о своих действиях и т. д., то в книгах, вышедших при Федоре Ивановиче, начал усиленно звучать и подчеркиваться религиозный мотив.

Достаточно привести для сравнения хотя бы начало послесловия Триоди Цветной, напечатанной в Москве в 1591 году:

«Отца безначална и сына соприисносущна, и духа святого сопребстолна и единосущна отцу и сыну, неизреченными щедротами за человеколюбие сошедый и с небес нашего ради спасения, едиnorodный сын слово божие, от святого духа воплотися, и

¹ Каратаев. Цит. соч., стр. 153—154.

² Там же, стр. 154.

³ См. Каратаев. Цит. соч., стр. 156—157.

вочеловечился от пречистыя девы Мариа, и волею распялся и погребся, и в третий день воскрес, на небеса вознесся с пречистою плотию, и седе одесную бога отца, утешителя посла на святых своя ученики и апостолы, посылаше их на спасение роду человечесю, глаголя, шедше, научите вся языки, крестяще их во имя отца и сына и святого духа во едино божество неразделно. Они же заповедь приемше всю вселенную проходяще. Словом и делом проповедаху благочестие, и от того богоразумие всему миру возсия и человеческий род просветися и от мучительства дьяволя свободися и неначаемая явися спасеная благодать...»¹ и так до конца.

Если вспомним содержательное, конкретное послесловие первопечатного Апостола, то почувствуем всю разницу между этими книгами. Там яркое публицистическое произведение, пронизанное глубоким убеждением в значительности и необходимости деятельности царя Ивана IV; здесь бегство от жизни в область религии, отказ от прославления земных дел царя.

Конечно, неверно было бы утверждать, что послесловия книг, изданных при Федоре Ивановиче, не имели ничего общего с действительностью и не стремились воздействовать на нее. Наоборот, эта повышенная религиозность есть совершенно очевидная форма воздействия, влияния на читателей. Кризис, крестьянские восстания должны были отражаться в сознании господствующего класса как результат падения религиозности, падения влияния церкви, проповедующей послушание, и т. п. Отсюда усиленная религиозность послесловий. Не случайно в них упоминается об апостолах, которые проповедывали благочестие. Феодалы теперь испытывали особенно острую нужду в такой проповеди, обращенной к крестьянину. Крестьянские восстания всегда трактовались феодалами и их идеологами как козни дьявола. Так, когда началась крестьянская война в Германии, Лютер объявил ее делом самого дьявола. Не случайно и в московском послесловии 1591 года упоминание о «мучительстве дьявола», упоминание новое, неизвестное в предыдущих предисловиях или послесловиях, а значит, и не заимствованное отсюда, а самостоятельно внесенное как актуальный мотив. Таким образом, и эти насыщенные религиозностью послесловия — не оторванные от жизни, отвлеченные сочинения, а произведения, имеющие публицистическую тенденцию. Но характер их явно реакционный в отличие от первопечатных московских книг, чьи послесловия носили

ясно выраженный просветительский и прогрессивный характер.

Вынужденный прекратить книгопечатание в Москве, Иван Федоров бежал в Литву. Здесь при поддержке крупного магната Ходкевича он создал в его имении Заблудове (Белоруссия) типографию, положив начало новому ряду изданий в Белоруссии и на Украине. Послесловия этих книг образуют четвертую группу. Нам известны 45 книг, вышедших здесь до 1600 года. Число их, очевидно, было еще больше.

Вторая половина XVI века — время усиленного наступления на права и жизненные интересы украинского и белорусского народов. Люблинская уния 1569 года отдала под власть польских панов ряд новых областей. Стремясь окончательно подчинить население этих областей, польские паны усиленно насаждали среди него католичество. Это вызывало ожесточенное сопротивление крестьянства и горожан. Борьба обострялась; естественно, в этих условиях роль книги, потребность в книгопечатании очень возросли.

В предисловии к Заблудовскому Евангелию 1569 года Ходкевич прямо писал: «Наипаче же в нынешний мятеж мира сего, понеже мнози христианские людие новыми и различными учения в вере поколебашася и мнением своим разсверещаша и от единого согласия в вере живущих отвратися»².

Ходкевич стремился привлечь возможно больше читателей, специально разъясняя с этой целью, что язык издаваемой им книги достаточно прост и ясен.

Таким образом, Ходкевич продолжал развивать те мысли, которые мы встречали и в книгах Скорины. Но если у того еще не было прямых выпадов против современного положения дел, то Ходкевич уже открыто выступал против зла своего времени. Послесловия заблудовских изданий более активны, актуальны, полемичны.

Эта книга, напечатанная Иваном Федоровым, сыграла особенно выдающуюся роль в Белоруссии и на Украине. Это видно из того, что она неоднократно переиздавалась. При этом сохранялась и та часть послесловия, в которой говорилось о роли книги в борьбе против окатоличения.

В 1570 году Заблудовская типография прекратила свою деятельность. Иван Федоров отправился во Львов, где основал собственную типографию и издал в 1574 году книгу Апостол.

¹ Каратаев. Цит. соч., стр. 248.

² Цит. по экземпляру Государственной Публичной библиотеки имени Ленина. Лист 2, оборот.

В послесловии к Апостолу он высказал те же идеи, которые нам известны из предыдущих книг его печати, но здесь они прозвучали еще более громко и страстно. Так, мы видели, какое значение он придавал печатному слову, распространению печатной книги. В львовском Апостоле эта мысль получила дальнейшее развитие: Иван Федоров убедился в том, что дело книгопечатания требует усилий и жертв, упорства в борьбе, готовности терпеть лишения. И Федоров идет на все это. Он утвердился в мысли, что дело книгопечатания является его призванием; его привлекала не материальная, а именно духовная сторона этого дела. Таким образом, Федоров сознательно стал в ряды идейных борцов за общенародное дело.

Первопечатник вовсе не был склонен рассматривать себя только как слепое орудие в чужих руках, и когда магнат Холкевич решил прекратить борьбу, то для Федорова это вовсе не означало, что и он должен бросить дело книгопечатания. Очевидно, чтобы в дальнейшем не зависеть от чужой воли, Иван Федоров решил делать свое дело самостоятельно. Однако после издания Апостола у него не хватило средств на дальнейшую работу, он залутался в долгах и через некоторое время вынужден был снова пойти на службу к другому магнату — князю Острожскому. В городе Остроге Федоров устроил типографию и в 1580 году отпечатал «Псалтырь и Новый завет».

Книга открывается предисловием, которое слова свидетельствует о крупном публицистическом таланте Ивана Федорова; он продолжает в нем развивать свои основные идеи. Уже в послесловии к львовскому Апостолу он образно писал о том, что не смел зарыть в землю свой талант — искусство книгопечатания — и считал себя обязанным продолжать свое дело даже в ущерб личным интересам. Ту же мысль он повторил и в предисловии к Острожской псалтыри. Отмечая трудности работы над этой книгой, Федоров писал: «Но съюза ради духовных любве, наипаче же убохся реченного съкрывшему таланту..., устремихся нерассудным помышлением, вашего благочестия повеление сотворити»¹.

В Острожской типографии было осуществлено исключительное по своему объему предприятие: тщательно подготовленное издание Библии (1581 год). Эта книга, прекрасно отпечатанная Федоровым, так и вошла в историю под названием Острожской Библии. Каноническому тексту предшество-

вала целая тетрадь различных предисловий (всего 8 листов).

Почти все предисловия посвящены теме борьбы против окатоличения. Но в книге появляется и новый момент: все писания (кроме послесловия самого И. Федорова) проникнуты безмерными восхвалениями князя Острожского. Так, уже на обороте заглавного листа находим герб князя Острожского со стихами в его честь, в которых стихотворец сравнивает его с воином, с Георгием Победоносцем и призывает:

«Боди (т. е. поражай) в князех избранный мыслного сопостата

Сего бо побеждающим вечная заплата.

И иным подавай сие непобедимо оружие
Острейшее меча обоюдоострое слово бо-
жие...»².

Как видим, автор призывает бороться против «мысленного супостата», то есть врага, пользующегося оружием слова. Это не только поэтический образ, а совершенно актуальное указание на современность. Иезуиты в это время уже проникли в Польшу и широко развили католическую пропаганду — устную и печатную. Этой враждебной «мысленной» деятельности автор и призывает противопоставить такое же оружие — книгу.

Но автор стихов обращается не к народу, а лишь к одному герою — Константину Острожскому.

В следующем затем предисловии от своего собственного имени князь Острожский тоже не поскупился на подробное описание собственных заслуг по изданию книги. Далее, в стихотворении Герасима Даниловича так же восторженно восхваляется Константин Острожский, который сравнивается с киевскими князьями Владимиром и Ярославом Мудрым:

«...Владимер бо свой народ крещением
просветил,

Константин же богоразумия писанием
осветил...

Ерослав зиданием церковным Киев и
Чернигов украси,

Константин же едину соборную церковь
писанием възвыси...»³.

Сопоставляя предисловия и послесловия Ивана Федорова с этими статьями и стихами в Острожской Библии, мы не можем не отметить, что в федоровских послесловиях гораздо больше демократичности. В них господствует восхваление слова и книгопечатания, а не личности князя Острожского.

Вскоре Иван Федоров покинул Острог. Надо думать, что конфликт между И. Федо-

¹ П. Строев «Описание старопечатных книг библиотеки... Толстова», стр. 47—48. П. 1829.

² Цит. по экземпляру Исторического музея. Лист 1, оборот.

³ Там же. Лист 7, оборот.

ровым и князем Острожским возник не только из-за каких-то личных мотивов. Причина была глубже: это был конфликт между представителями различных общественных слоев, выражавших разнородные интересы. Анализ книг, изданных магнатами, городскими церковными братствами и такими одиночками-типографами, как И. Федоров, В. Тяпинский (напечатал Евангелие на белорусском языке около 1580 года), показывает различие между ними, явно соответствующее тому различию, которое существовало и по всем другим линиям политической борьбы между феодалами (в том числе белорусскими и украинскими) и богатыми горожанами, с одной стороны, и крестьянством и примыкавшей к нему плебейской частью городских жителей — с другой.

Уже из рассмотренных материалов мы могли видеть, как коротенькие, в несколько строк, послесловия постепенно вырастали в крупные произведения, как все более сильно звучали в них ноты патриотизма, призыва к национальному единению и борьбе против окатоличения.

На протяжении XVI века борьба украинского и белорусского народов за свою национальную независимость перерастала в классовую борьбу украинских и белорусских крестьян против польских панов и перешедших на сторону последних — украинских и белорусских магнатов и богатых горожан. Это отражено и в литературе. К концу века в предисловиях и послесловиях книг начали звучать призывы к вооруженному восстанию.

Так, в конце XVI века (в 1598 году) вышла книга Апокрисис, подписанная псевдонимом — Христофор Филалет. В посвящении автор пишет о «пламени внутреннего междоусобия»¹.

Это не случайно обретенная фраза: в заключении той же книги автор развил свою мысль достаточно широко. По поводу насильственного окатоличения он пишет: «Ничего другого не может произвести оно, кроме наружного лицемерия, так сказать передразнивающего веру и весьма омерзительного господу богу — в людях малодушных, и кровопролития — в людях безбоязненных»².

Из текста книги можно заключить, что автор смотрит на крестьянскую войну глазами помещика, хотя и стремится изменить пагубную национальную политику польских панов. Но если сам автор книги (близкий к князю Острожскому) говорит о нависшей угрозе восстания с искренним

ужасом, то читатели книги вовсе не обязаны были разделять это чувство. Как известно из показаний современников, книга пользовалась огромным успехом и влиянием и среди ее читателей, несомненно, было немало «людей безбоязненных»; больше того: она сама должна была воспитать немало таких «безбоязненных» людей.

Уже современники ясно понимали эту роль полемической литературы. Когда Стефан Зизаний, деятель, близкий к князю Острожскому, издал около 1595 года Катикизис (до нас не дошедший), то вопреки воле католики немедленно издали брошюру Желиборского (1595 год, Вильно), который обвинил Зизания в десяти ересьях; это сейчас мало интересует нас, но замечательно, что, закончив перечисление еретических грехов Зизания, Желиборский предъявил ему еще и другое обвинение: «Недовольствуясь этим, на своих пачальников, как духовных так и светских, дерзко направляешь язык; о нашем пане короле не хорошо отзываешься в своих казаниях. На митрополита лаешь. Латинников проткнуешь. Русь к бунту и раздору подстрекаешь. Сказать вкратце: исполняешь на земле дьявольские обязанности»³.

Мы видим, таким образом, что в момент уже начавшихся крестьянских восстаний, накалу ожесточенной крестьянской войны в Польше, в конце XVI века, печатные произведения мобилизовали массы на борьбу. Этот факт нельзя расценивать иначе, как идеологическую подготовку восстания. Недаром автор Апокрисиса напоминал об уроках крестьянской войны в других странах, имея в виду прежде всего Германию. Аналогия действительно напрашивалась сама собой. Печать сыграла выдающуюся роль в организации крестьянской войны в Германии. Маркс подчеркнул это в своих Хронологических выписках: «В 1542 крестьяне (крепостные и зависимые) пришли в движение; сотни листов и брошюр...»⁴. Фридрих Энгельс в работе «Крестьянская война в Германии» подробно осветил огромную роль печатного стака во время крестьянской войны.

Можно считать, что аналогичную роль в подготовке крестьянской войны против польских панов играла печать и на Украине и в Белоруссии. Дело не только в прямых намеках на гражданскую войну,

³ Цит. по статье С. Голубева «Библиографические замечания о некоторых старопечатных церковно-славянских книгах, преимущественно конца XVI и XVII столетий», «Труды Киевской духовной академии». Т. I, январь, стр. 132. Киев. 1876. Подчеркнуто нами. — И. Б.

⁴ Архив Маркса и Энгельса, Т. VII, стр. 179.

¹ См. «Апокрисис Христофора Филалета, в переводе на современный русский язык», стр. 2. Киев. 1870.

² Там же, стр. 314—318.

встречавшихся в книгах того времени; печатная книга на родном, понятном народу языке, на языке преследовавшемся, мобилизовала массы на борьбу и без прямого лозунга восстания, своим призывом любить и хранить родной язык, даже молиться на родном языке и стоять за «свою православную веру», ибо этот призыв воспринимался не в узко-религиозном смысле, а как лозунг борьбы за свой народ, за свое национальное сознание и единство.

Богдан Хмельницкий в листках, обращенных к народу, умело сочетал призывы к вооруженному восстанию с пропагандой тех самых идей, которые развивались в предисловиях и послесловиях книг XVI века. Народ сумел вложить нужный смысл в эти идеи, сделать из них правильные выводы и претворить их в жизнь. Тот факт, что эти идеи дошли до народа, подтверждается прежде всего самим крестьянским восстанием, но помимо того следы этого остались и в народном творчестве. Недаром одна из дум о Богдане Хмельницком приписывает ему такие слова:

«Ей, козаки, діти, друзі-молотці!
Прошу я вас, добре дбайте,
Од сна уставайте,
Руський «отчинаш» читайте,
На лядські табури найджайте,
Ляхів, мостивих панів у пені ру-
байте...»¹.

В строке «руський (то есть украинский.— И. Б.) «отчинаш» читайте» звучит тот же мотив, характерный для старопечатной книги всего XVI века,— мотив защиты своей национальной культуры, облеченный в религиозную форму.

¹ Цит. по статье акад. Ф. М. Колесса «Хмельниччина в українських народних піснях і думах», в книге «Записки історичного та філологічного факультетів». Т. I., стр. 44. Львов. 1940.

С конца XVI века предисловия и послесловия начали утрачивать свое значение, поскольку стала появляться не только церковно-служебная, но и полемическая, публицистическая литература. Публицистические элементы предисловий переходили в основной текст книги. Но предисловия и послесловия сыграли крупную роль, явившись предшественниками этой литературы.

По мере того как предисловия и послесловия стали уступать место полемическим и светским произведениям, церковно-служебная книга целиком переходила в руки реакционных групп, утратив всякое значение в смысле собирания сил народа. Массы переходили к новым формам идеологической борьбы. Но эта тема выходит за пределы нашей статьи.

* * *

Произведенный выше разбор предисловий и послесловий не является, разумеется, всесторонним и исчерпывающим. Специалисты различных областей исторической науки найдут здесь еще много конкретных фактов и деталей, важных для них. Мы показали только на нескольких примерах, что предисловия и послесловия книг XV и XVI веков содержали немало публицистических элементов, сыграли крупную общественную роль, а в настоящее время являются богатым историческим источником. Этот источник особенно ценен для нас сейчас, когда народы Западной Украины и Западной Белоруссии с помощью братского русского народа осуществили, наконец, свою вековую мечту, освободившись от национального и классового гнета польских панов; когда свободные народы Советского Союза, патристически трудясь над укреплением своей социалистической родины, обращаются и к своему славному прошлому, в котором находят яркие примеры доблестных дел, мужественных характеров, беззаветной преданности родине.

Соединенные штаты Америки в 1919—1920 годах

1

США в результате первой мировой империалистической войны разбогатели на экономическом разорении Европы и превратились в одну из самых могущественных империалистических держав мира.

Война дала толчок дальнейшему развитию в США важнейших отраслей тяжелой промышленности. В 1914 году на автомобильных заводах США работало 139 тысяч рабочих, а в 1919 году — около 400 тысяч. В 1910 году в США насчитывалось 500 тысяч автомобилей, в 1923 году — 13 миллионов. Производство искусственного шелка выросло с 700 тысяч килограммов в 1913 году до 11 миллионов килограммов в 1920 году. Значительно выросла также резиновая, химическая и сталелитейная промышленность.

Еще в 1916 году Ленин писал о концентрации промышленности в США: «Почти половина всего производства всех предприятий страны в руках одной сотой доли общего числа предприятий! И эти три тысячи предприятий-гигантов охватывают 268 отраслей промышленности»¹. После войны 1914—1918 годов этот процесс концентрации еще более ускорился. В то время как количество рабочих фабрично-заводской промышленности увеличилось с 1914 по 1919 год на 30,9%, число предприятий выросло только на 5,2%. Железнодорожные компании объединились в 4 мощных группы. Медный трест «Анаконда» сосредоточил в своих руках добычу меди не только в США, но и во всем мире. Американские тресты протянули свои шупальца во все уголки мира.

Доля США в мировом производстве важнейших товаров значительно выросла. К 1920 году США, занимавшие 7% земной поверхности и насчитывавшие 6% мирового населения, сконцентрировали 20% мировой добычи золота, 50% каменного угля, 60% алюминия, 66% нефти, 60% меди, 85% мирового производства автомобилей и т. д.

¹ Ленин. Т. XIX, стр. 82.

Со времени мировой войны 1914—1918 годов США значительно укрепились на внешних рынках. Из страны, импортирующей капитал, США превратились в страну, экспортирующую капитал. Из государства-должника США стали государством-кредитором. Если до 1914 года сумма инвестированного в США иностранного капитала равнялась 6 миллиардам долларов, то в годы войны США ссудили союзникам свыше 10 миллиардов долларов.

«Американские миллиардеры, — писал Ленин в 1918 году американским рабочим, — были едва ли не всех богаче и находились в самом безопасном географическом положении. Они нажились больше всех. Они сделали своими данниками все, даже самые богатые, страны. Они награбили сотни миллиардов долларов. И на каждом долларе видны следы грязи: грязных тайных договоров между Англией и ее «союзниками», между Германией и ее вассалами, договоров о дележе награбленной добычи, договоров о «помощи» друг другу в угнетении рабочих и преследовании социалистов-интернационалистов. На каждом долларе — ком грязи от «доходных» военных поставок, обогащавших в каждой стране богачей и разорявших бедняков»².

Согласно правительственному отчету 1917 года, прибыль американских промышленников в период войны 1914—1918 годов редко была ниже 25%. Прибыль в 50, 100 и 500% в год являлась обычной. Больше всего наживалась военная промышленность³.

О мощном экономическом развитии США свидетельствовал также колоссальный рост американского экспорта.

За 6 лет, с 1915 по 1920 год, избыток вывоза над ввозом составил 18 миллиардов долларов⁴. Произошли структурные изменения в американском экспорте. Если в довоенный период сельскохозяйственные продукты занимали первое место в экспорте

² Ленин. Т. XXIII, стр. 179.

³ См. Р. Ф. Петигру «Торжествующая плутократия», стр. 343—344. «Московский рабочий». 1922.

⁴ Statistical Abstract of the United States. 1924, p. 420.

США, то в годы войны и в послевоенные годы процент сельскохозяйственных товаров в общем экспорте страны снизился. В 1917 — 1921 годах доля сельскохозяйственных товаров в общем экспорте составила только 42,7%, а в последующие годы она упала еще ниже.

2

Экономический рост Соединенных штатов Америки наложил свой отпечаток на внешнюю политику страны. По окончании первой мировой империалистической войны финансовый капитал США поставил перед своей дипломатией задачу — добиться такого соотношения сил, при котором США могли бы играть роль верховного арбитра и закрепить за собой мировую гегемонию.

Перед окончанием войны президент Вильсон выступил с «демократической» программой мира, преследовавшей усиление гегемонии США. Вильсон стоял за мир «без аннексий», что на языке американского империализма означало потерю Германией всех захваченных ею территорий, расчленение Австро-Венгрии, воспрепятствование чрезмерному усилению Англии и Франции, а также усилению Японии на Тихом океане. Вильсоновский лозунг «разоружения», уничтожения постоянных армий и замены их наемными армиями также был рассчитан на ослабление конкурентов — Англии и Японии. Ту же цель преследовало и другое требование Вильсона — требование свободы морей, — направленное против мощного английского флота, контролировавшего мировую торговлю.

Программа Вильсона в сильнейшей степени определялась также страхом перед большевизмом. Вильсон видел рост революционного движения в капиталистических странах и считал, что для борьбы с ним необходимо внести некоторую «демократизацию» в политику империалистических держав. Лига наций должна была стать главным проводником внешней политики США и не только усилить гегемонию США, но и служить орудием для борьбы с большевизмом.

Во время первой мировой войны Вильсону удалось сплотить вокруг себя не только демократическую, но и республиканскую партии. Расходиться во взглядах с президентом, благодаря политике которого буржуазия нажила миллиарды на войне, считалось непатриотичным.

Но уже к концу войны, когда встал вопрос о том, как закрепить достигнутые успехи, против Вильсона образовалась оппозиция, считавшая, что он не в состоянии полностью обеспечить стремление американской буржуазии к мировой гегемонии. Немедленно после заключения мира

были опубликованы заявления ряда политических деятелей, противоречившие политике Вильсона. Бывший президент Теодор Рузвельт считал, что мир должен быть разделен на сферы влияния между Антантой и США. Лодж, руководитель республиканской партии в сенате и председатель сенатской комиссии по внешним делам, возглавлял группу, считавшую, что Германия должна быть обезоружена, связана по рукам и ногам контрибуцией и, если возможно, расчленена, причем США должны получить солидную долю контрибуции. Группа Лоджа считала, что в вопросах о заключении договоров права сената равны правам президента. Другая группа политических деятелей, руководимая сенатором Бора, выступила в защиту традиционной политики изоляции, политики невмешательства США в европейские дела.

Растущая оппозиция против вильсоновской политики нашла свое отражение в состоявшихся накануне заключения перемирия выборах в конгресс.

25 октября 1918 года Вильсон обратился к народу США с посланием, в котором он призывал массы голосовать за демократическую партию и этим самым оказать доверие внутренней и внешней политике президента. Этот призыв вызвал возмущение республиканцев. Видные политические деятели из республиканского лагеря во главе с Теодором Рузвельтом выступили с резкой критикой Вильсона. Результаты выборов совершенно отчетливо показали, что массы разочаровались в политике президента Вильсона. Республиканская партия одержала победу, получив большинство в обеих палатах конгресса.

В этих условиях Вильсон решил принять личное участие в работах Парижской мирной конференции. 18 ноября было объявлено о желании президента поехать в Париж. Не считаясь с правом сената на участие в переговорах с другими державами, Вильсон назначил делегацию США из следующих лиц: государственного секретаря (министра иностранных дел) Роберта Лансинга, малоизвестного деятеля республиканской партии и отставного дипломата Генри Вайта, личного друга президента полковника Хауза и генерала Блисса. Делегацию сопровождали многочисленные эксперты по военным, экономическим, географическим, юридическим и другим вопросам.

Решение Вильсона лично участвовать в работах конференции и состав назначенной им делегации вызвали негодование в рядах противников президента. Они указывали, что в истории США не существовало такого прецедента, когда бы президент оставил пределы страны. В сенате было сильное возмущение тем, что Вильсон не считал

необходимым включить в состав делегации видных сенаторов из обеих партий. Республиканцы считали, что такие государственные деятели, как Рут, Рузвельт и Тафт, должны были быть членами делегации.

4 декабря Вильсон и его делегация отправились в Париж на мирную конференцию. В Европе президент был восторженно встречен массой обывателей как «миротворец» и «борец за справедливость и демократию». Социал-реформисты немало поработали над созданием Вильсону подобной репутации. В частности ренегат Каутский изображал Вильсона спасителем человечества, призванным вести борьбу за идеальный мир. Вильсон об'ехал Францию, Англию и Италию, выступая перед многочисленными аудиториями. Отрава пацифистскими иллюзиями настолько широко распространилась, что мелкобуржуазные массы с энтузиазмом встречали президента, который благодаря своей демагогии стал «...идолом мещан и пацифистов, вроде Кейнса и ряда героев II Интернационала и даже Интернационала «два с половиной»...»¹.

В годы мировой войны Ллойд-Джордж, Клемансо, Черчилль и другие не считали возможным возражать против программы Вильсона. Проповеди Вильсона о «демократии», о «почетном мире» без аннексий и контрибуций и т. д. помогли дипломатам Антанты ускорить распад Четверного союза. Однако, достигнув этой цели, дипломаты Антанты не хотели больше считаться с программой Вильсона, так как они не желали помогать установлению мировой гегемонии США.

В борьбе против дипломатов Англии, Франции и Японии Вильсон, как известно, потерпел полное поражение. Он оказался не в состоянии добиться признания гегемонии США. Решения Парижской конференции и устав Лиги наций передавали гегемонию в руки Англии и Франции. Передача Японии Шандуна и островов в Тихом океане, принадлежавших Германии, усиливала соперника США на Дальнем Востоке. Английские и французские войска стояли в Европе во всеоружии. Моря и океаны находились под контролем английских, французских, японских и итальянских эскадр. В этих условиях империалисты стран-победительниц и не думали отказываться от плодов своей победы в пользу США.

3

Как только в США стал известен проект Лиги наций, оппозиция в сенате и в стране усилилась.

24 февраля 1919 года Вильсон прибыл в США, чтобы ознакомить сенат с проектом Лиги наций и посоветоваться с руководя-

щими политическими деятелями вроде Тафта и Рута, которые выступали за Лигу наций. На конференции, созванной в Белом доме 26 февраля, Вильсон изложил перед членами комиссии по иностранным делам сената свои взгляды на проект Лиги наций. На заседании сенаторы открыто выступили против проекта, ссылаясь на то, что он противоречит традиционной политике США, что он несовместим с конституцией страны, и т. д.

4 марта, за день до обратного от'езда Вильсона в Европу, сенатор Лодж опубликовал в прессе заявление, подписанное 37 сенаторами (1/3 всего состава), в котором говорилось, что эти сенаторы будут голосовать против проекта Лиги наций, и предлагалось отложить обсуждение вопроса о Лиге наций до окончательного заключения мира. Хотя было ясно, что проект Лиги наций осужден в сенате на провал, Вильсон не соглашался ни на какие существенные изменения в проекте Лиги наций. Накануне своего от'езда в Европу Вильсон выступил в Нью-Йорке с большой речью, в которой вновь подтвердил свое желание добиться включения устава Лиги наций в версальский договор. «Первое, о чем я расскажу народам по ту сторону океана, — сказал Вильсон, — это то, что подавляющее большинство американского народа поддерживает Лигу наций».

Это выступление Вильсона показало, что он надеялся, в конце концов, мобилизовать общественное мнение страны и этим заставить оппозиционно настроенный сенат ратифицировать мирный договор и устав Лиги наций.

28 июня был подписан версальский договор. 8 июля Вильсон возвратился в США и 10 июля изложил сенату содержание версальского договора. Президент заявил, что те уступки, которые ему пришлось сделать, «не идут вразрез ни с одним принципом». Большинство демократических сенаторов безоговорочно поддерживало Вильсона и выступало за ратификацию договора без всяких поправок; группа «непримиримых» во главе с сенатором Бора стояла за безусловный отказ от ратификации договора; третья группа, к которой примыкало большинство республиканцев и возглавлявшаяся Лоджем, выступала за внесение в договор ряда поправок и оговорок. Наконец, последняя группа, состоявшая из республиканцев и демократов, выступала за ратификацию договора при условии принятия «умеренных» оговорок.

Изоляционисты и крайние националисты утверждали, что присоединение к Лиге наций может привести к потере национального суверенитета США. Особенно сильны были возражения против X статьи устава Лиги, гарантировавшей целостность и по-

¹ Ленин. Т. XXV, стр. 337.

литическую независимость государств — членов Лиги наций. Империалистические политики США не хотели ни защищать, ни гарантировать целостность Британской империи. Они считали, что некоторые статьи устава Лиги наций противоречат доктрине Монро и стесняют независимость внешней политики США, что статьи эти дают другим державам право вызвать американскую армию в любую часть света. Многие не могли примириться с тем, что в Ассамблее Лиги наций Великобритания получила 6 голосов, а США — только один голос. Не могли простить Вильсону и того, что он допустил усиление Японии на Дальнем Востоке, приняв пункт о Шандуне. В то же время широкие народные массы выступали против версальского договора, как договора грабежа и насилия, и против Лиги наций, созданной для защиты Версаля и для борьбы против Советской России. Против Вильсона выступило также многочисленное ирландское население США вместе со всеми сочувствующими борьбе ирландского народа за свое освобождение, так как президент отказался поставить вопрос о допущении представителей ирландского народа на Парижскую конференцию.

Лидеры республиканцев, учтя, что в стране нарастает общее недовольство президентом, решили окончательно дискредитировать Вильсона и расчистить путь для избрания в 1920 году в президенты представителя республиканской партии. Комиссия по иностранным делам под председательством Лоджа с 31 июля до 12 сентября занималась изучением версальского договора и устава Лиги наций.

Убедившись, что опасность провала договора велика, Вильсон попытался привлечь массы на сторону Лиги наций и с этой целью предпринял агитационную поездку на Запад, где выступил в ряде городов перед многотысячными аудиториями, ратуя за версальский договор и за Лигу наций. Однако ожидаемого прилива симпатий общественного мнения к Лиге наций не последовало. Противники Вильсона — республиканцы — также послали своих людей в агитационное турне. Утомленный тяжелой поездкой, Вильсон на обратном пути серьезно заболел, и его спешно отвезли в Вашингтон.

10 сентября комиссия по иностранным делам внесла свой отчет на обсуждение сената. В отчете говорилось, что Лига наций представляет собой союз держав, что она не содействует установлению мира, а, наоборот, порождает новые войны, что, принимая устав Лиги, США жертвуют своей независимостью, и т. д. Комиссия предложила 45 поправок и 4 оговорки к договору, принятие которых, по ее мнению, обеспечивало национальную безопас-

ность и независимость страны. Обсуждение, продолжавшееся свыше двух месяцев, показало, что принятие поправок к договору повлекло бы за собой необходимость пересмотра договора в целом со стороны Англии, Франции и других держав. Тогда комиссия Лоджа решила внести на обсуждение только 14 оговорок.

Первая оговорка устанавливала, что в случае выхода США из Лиги наций только правительство США, а отнюдь не Лига, может решить вопрос о том, выполняли ли оно свои международные обязательства; вторая оговорка относилась к статье X устава Лиги наций и указывала, что США не могут взять на себя никаких обязательств по гарантированию территориальной целостности и политической независимости членов Лиги наций и не могут вмешиваться в распри других стран, связанные с выполнением X статьи, а использование Лигой военно-морских сил США допустимо только в том случае, если конгресс примет соответствующее решение; третья оговорка запрещала правительству брать мандат на какую-либо территорию без разрешения конгресса; четвертая — указывала, что только страна имеет право решать все свои внутренние вопросы, вмешательство Совета или Ассамблеи Лиги в эти вопросы недопустимо; пятая — относилась к доктрине Монро и констатировала, что право истолкования этой доктрины сохраняется исключительно за США; шестая — устанавливала, что США не могут признать статью версальского договора, касающуюся Шандуна, оставляют за собой свободу действий во всех спорах, которые по этому вопросу могут возникнуть между Японией и Китаем; седьмая — запрещала назначение представителей США на какие-либо должности в Лиге наций без согласия сената; восьмая — отрицала за репарационной комиссией всякое право вмешательства в торговые отношения между США и Германией; девятая — устанавливала, что США не должны брать на себя никаких расходов, связанных с Лигой наций, без соответствующего решения конгресса; согласно десятой оговорке, США оставляли за собой право увеличивать свои вооружения без разрешения Совета Лиги в случае угрозы войны; одиннадцатая — сохраняла за США право разрешать коммерческие и другие отношения между живущими в США подданными державы, нарушившей устав Лиги наций, и гражданами США; двенадцатая — защищала права американских граждан; тринадцатая — устанавливала, что США не могут признать ту часть договора, которая касается Международного бюро труда, до тех пор, пока конгресс не примет соответ-

ствующего постановления; четырнадцатая — констатировала, что США отказываются считать для себя обязательным решение Совета или Ассамблеи Лиги, если в этих органах какая-либо держава имеет больше чем один голос.

Все эти оговорки были приняты большинством голосов. 19 ноября договор с принятыми оговорками, поставленный на голосование в целом, был отвергнут 55 голосами против 39. Все другие предложения, связанные с ратификацией договора, также были отвергнуты большинством голосов.

Стало совершенно очевидным, что договор не будет ратифицирован без серьезного компромисса между сенатом и президентом. Несмотря на это Вильсон 8 января 1920 года опубликовал письмо, в котором предложил, чтобы вопрос о Лиге наций был поставлен на решение народных масс во время президентских выборов 1920 года. 9 февраля 1920 года сенат вновь передал договор на рассмотрение комиссии по иностранным делам. Последняя предложила в дополнение к прежним еще одну оговорку, выражавшую сочувствие ирландскому народу, борющемуся за свою независимость, и требовавшую приема Ирландии в Лигу наций. Когда 19 марта 1920 года версальский договор снова был поставлен на утверждение сената, 49 сенаторов высказались за ратификацию договора, 35 — против.

На следующий день секретарь сената поставил президента в известность о том, что сенат не ратифицировал версальского договора¹. Таким образом, США юридически еще оставались в состоянии войны с Германией и ее союзниками².

4

США не сразу присоединились к интервенции против Советской России из опасения, что интервенция может толкнуть Советскую Россию на союз с Германией. Вильсон проводил более «тонкую» политику, оказывая помощь контрреволюции в тщательно замаскированных формах. Опубликованные позже государственным департаментом США документы по внешней политике, содержащие переписку департамента с американским послом в Петрограде Френсисом и с американскими консулами в других городах Советской России, полностью обнаруживают, что правительство Вильсона помогало Колчаку деньгами, оружием и другими материала-

ми. В частности оно перевело на имя Колчака те суммы, которые были в свое время предназначены для Временного правительства. Со второй половины 1918 года правительство Вильсона изменило свою тактику и перешло от скрытой интервенции к открытой.

Еще в 1918 году американское правительство переслало Колчаку и чехословацким войскам в Сибири свыше 200 тысяч винтовок, 100 пулеметов, 22 орудия и т. п. США оказывали громадную помощь белогвардейским армиям своими военными поставками. Помощь посылалась не только Колчаку, но и Юденичу, Деникину, Миллеру и другим контрреволюционным генералам. Не довольствуясь этим, правительство США высадило войска во Владивостоке, перейдя, таким образом, к открытой вооруженной борьбе против Советской России.

Однако американская интервенция в Сибири заранее была обречена на провал. Это объясняется рядом причин, одной из которых были противоречия в лагере империалистов, в особенности противоречия между США и Японией. Во время интервенции в Сибири эти противоречия проявились в очень острой форме. Вместо договоренных 10 тысяч человек Япония направила в Сибирь около 150 тысяч, намереваясь закрепить за собой все завоевания в Китае и захватить всю Восточную Сибирь до Байкала. Такое поведение Японии вызвало сильное недовольство в правительственных кругах США. Правительство Вильсона, не заинтересованное в усилении своего соперника на Дальнем Востоке, неоднократно протестовало против действий Японии. Ленин в своих работах не раз указывал на американо-японский антагонизм как на одну из основных причин провала сибирской авантюры. «Большие державы Антанты,—писал Ленин,—не могут объединиться для борьбы с советской властью, так как слишком враждуют друг с другом... Япония, имеющая в Сибири более сильную, чем наша, армию, не может с нами бороться, боясь нападения Америки, с которой враждует из-за колониальных интересов империализма в Китае»³.

Провал интервенции в Сибири был обеспечен не только героической борьбой Красной Армии, партизанских отрядов и трудящегося крестьянства Сибири, но и братской поддержкой со стороны американских рабочих.

Влияние Великой Октябрьской социалистической революции и революционных событий в Европе на развитие революционной борьбы рабочего класса США выразилось в росте стачечного движения и в вы-

¹ По конституции США, для ратификации договора сенатом требуется не менее $\frac{2}{3}$ голосов.

² США подписали сепаратный мир с Германией лишь в июле 1921 года.

³ Ленин. Т. XXV, стр. 14.

ступлениях рабочих против интервенции, в защиту Советской России.

Большую роль в мобилизации масс на борьбу с антисоветской интервенцией сыграли «Лига социалистической пропаганды», возникшая еще в 1915 году, и левое крыло социалистической партии. Лозунг левых крыла социалистической партии «Руки прочь от Советской России!» напел широкий отклик среди американских рабочих и показал их глубокую классовую солидарность с советской властью. Рабочими были организованы «Лига друзей Советской России» и «Общество технической помощи Советской России». Повсюду происходили демонстрации и массовые митинги протеста против интервенции. Тредюнионы вопреки антисоветской политике руководства Американской федерации труда выносили резолюции протеста против вмешательства империалистических держав в дела Советской России. Рабочие отказывались грузить военное снаряжение, предназначенное для белогвардейцев. Весь порт Сиэттля (в штате Вашингтон) был охвачен движением против отправки амунции для белогвардейской и американской армий в Сибири. Моряки и докеры Балтимора в 1919 году объявили стачку протеста против погрузки военного снаряжения для оккупационных войск.

Когда Советская республика приступила к организации Красной Армии, энтузиазм рабочих масс в Соединенных штатах Америки был так велик, что возникло даже течение в пользу посылки в Красную Армию американских добровольцев. На устроенных по этому поводу «Лигой социалистической пропаганды» митингах каждый раз записывались сотни желающих отправиться в Россию и вступить в ряды Красной Армии. На вопрос, будет ли разрешена отправка красных добровольцев в Россию, правительство США ответило, что помощь России может быть оказана только в форме записи в американскую армию, отправляющуюся на французский фронт¹.

Ньюйоркская организация «Лиги друзей Советской России» провела широкую петиционную кампанию за прекращение интервенции и блокады. Около 90 тредюнионов, насчитывавших сотни тысяч членов, присоединилось к петиции.

После разгрома Колчака Красной Армией США отзывали свои войска из Сибири. Но, прекратив интервенцию, американское правительство продолжало свою политику непризнания СССР (до конца 1933 года).

5

Борьба американских рабочих против

¹ См. «Коммунистический Интернационал» № 7—8 за 1919 год, стр. 1000—1001.

интервенции была неразрывно связана с их борьбой за свои экономические и политические права. Рост дороговизны, свертывание военной промышленности, постепенная демобилизация более чем трехмиллионной армии, вызванный этим рост безработицы наряду с известиями о первых успехах Советской России способствовали росту боевых настроений среди американских рабочих.

Наибольшего подъема экономическая борьба рабочих США достигла в 1919 году. В течение этого года произошло 3577 стачек, в которых участвовало свыше 4 миллионов рабочих². Бастовали не только организованные, но и неорганизованные рабочие, квалифицированные и неквалифицированные. Многие забастовки происходили вопреки руководству АФТ.

Весной 1919 года в Сиэттле под руководством местных советов профсоюзов, где «прогрессивные» элементы пользовались значительным влиянием, вспыхнула всеобщая забастовка. Причиной забастовки послужил отказ правительственной арбитражной комиссии удовлетворить требование 32 тысяч судостроительных рабочих об оставлении в силе существующих расценок. Все организованные рабочие города решили объявить пятидневную всеобщую забастовку солидарности для поддержания требований судостроителей. Сто десять профсоюзов примкнули к забастовке. Вся жизнь города замерла. Выбранный рабочими стачечный совет стал центром, контролирующим деятельность всех предприятий города.

Исполком АФТ объявил забастовку незаконной и пригрозил исключением «прогрессивных» вождей из ряда отделов профсоюзов города Сиэттля. Открытое предательство руководства АФТ и нерешительность «прогрессивных» вождей всеобщей забастовки привели к ее срыву. Начавшие забастовку судостроители оказались изолированными. Они продолжали борьбу в течение месяца и были разбиты объединенными силами предпринимателей и местных властей, поддержанных руководством АФТ.

Наиболее ярким эпизодом выступлений американских рабочих в 1919 году была стачка в стальной промышленности, охватившая 350 тысяч неорганизованных рабочих. Ее вдохновителем и руководителем был один из выдающихся вождей американского рабочего класса, тов. Фостер, ныне председатель коммунистической партии США. Бастовавшие требовали 8-часового рабочего дня, повышения ставок, права организации в профсоюзы и т. д.

Стальной трест решил во что бы то ни стало не допустить организации рабочих.

² См. «American Labor Year Book», p. 111. 1925.

сталелитейщиков. В этом ему помогли правительство и руководство АФТ. Во всех центрах сталелитейной промышленности было введено военное положение. Специальные организации занялись вербовкой для Стального треста штрейкбрехеров, которые были привезены из разных штатов. Были приложены все усилия, чтобы расколоть ряды стачечников, используя их националистические предрассудки (среди рабочих этой отрасли промышленности насчитывается 17—18 разных национальностей). Реформистские профбюрократы со своей стороны прилагали все усилия, чтобы сорвать забастовку. АФТ за все время стачки ни разу не стала на ее защиту, а союзы железнодорожников не только не объявляли стачки солидарности, но всячески содействовали перевозке штрейкбрехеров в районы стальной промышленности со всех концов страны. Поражение стачки рабочих сталелитейной промышленности было тяжелым ударом для рабочих других отраслей промышленности.

Вспыхнувшая в ноябре 1919 года стачка 500 тысяч углекопов, требовавших увеличения тоннажных расценок на 60%, соответствующего увеличения заработной платы и т. д., была объявлена президентом Вильсоном незаконной. Правительство и председатель АФТ Гомперс требовали прекращения забастовки. Руководство объединенного союза горняков призвало рабочих к прекращению борьбы. «Мы,— заявляли профбюрократы рабочим,— не можем бороться против нашего правительства».

Стачка все-таки продолжалась. И только после того, как правительственная комиссия постановила увеличить расценки и заработную плату на 27%, большинство бастовавших возвратилось на работу.

6

Под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в 1918 году внутри социалистической партии организационно оформилось левое крыло. Левое крыло проводило большую работу как внутри социалистической партии, так и среди рабочих масс. Оно издавало ряд печатных органов, спланировавших революционных рабочих в борьбе против предательской политики руководящей верхушки социалистической партии. Борьба велась вокруг следующих вопросов: выхода из II интернационала и присоединения к III Интернационалу; устранения всех реформистских пунктов в платформе партии и агитации за социалистическую революцию; установления тесной связи между партией и профсоюзами, стоящими на точке зре-

ния классовой борьбы. Левое крыло активно выступало в защиту Советской России, против антисоветской интервенции. Оно издавало информационный бюллетень и множество брошюр, освещавших важнейшие вопросы борьбы и деятельности советской власти. Однако левое крыло социалистической партии США, еще далекое тогда от марксистско-ленинского понимания задач партии, занимало сектантскую позицию в вопросах борьбы за частичные требования, недооценивало значения борьбы за союзников пролетариата. В программе левого крыла совершенно отсутствовали какие-либо пункты по аграрному и негр-тянскому вопросам.

Тем не менее преданность делу рабочего класса, борьба против реформистов, защита Советской России и выступления против антисоветской интервенции привели к росту влияния левого крыла. Его агитация и пропаганда пустили глубокие корни среди членов социалистической партии. При выборах на руководящие посты социалистической партии в 1919 году левое крыло одержало победу. Из 15 мест в исполкоме социалистической партии левые завоевали 12. Но реформистские вожди партии объявили выборы незаконными, исключили из партии 60 тысяч сторонников левого крыла (всего в партии было 100 тысяч членов) и назначили на 30 августа 1919 года чрезвычайный съезд партии.

Состоявшийся в июне 1919 года в Нью-Йорке съезд левого крыла обсудил вопрос об отношении к раскольнической деятельности реформистского руководства социалистической партии. Основной спор на этом съезде шел вокруг вопроса, продолжать ли борьбу внутри старой партии или организовать новую, коммунистическую партию. Большинство левого крыла стояло за продолжение борьбы внутри социалистической партии.

На учредительном съезде, созванном меньшинством левого крыла 1 сентября 1919 года, была образована коммунистическая партия Америки. Делегаты большинства левого крыла созвали свою конференцию и образовали особую организацию—коммунистическую рабочую партию Америки. Таким образом, в США создались две коммунистических организации. Их объединение, тормозившееся из-за фракционной борьбы и суровых правительственных репрессий, произошло значительно позже, лишь в декабре 1921 года.

В 1919—1920 годах правительство Вильсона направило свой главный удар против коммунистов и их организаций. Обе коммунистические партии были запрещены и вынуждены были уйти в подполье. Конгресс постановил ассигновать 3 мил-

лиона долларов на борьбу с «радикализмом». В течение 1919—1920 годов около 30 штатов провело законы против синдикалистов. Эти законы карали долгосрочным тюремным заключением за пропаганду насильственного свержения правительства или упразднения частной собственности.

5 июня 1919 года конгресс принял закон, подписанный в тот же день Вильсоном, о высылке из США иностранцев, агитирующих устно или письменно за насильственное свержение существующего строя в США. В середине июля 1919 года из США были высланы группы итальянских, испанских, шведских, английских и ирландских коммунистов, синдикалистов и анархистов. Затем последовало постановление о высылке русских, которые были временно задержаны в тюрьме «вплоть до снятия блокады с России».

Мировая война 1914—1918 годов и ограничительные нормы для иммигрантов значительно сократили приток иностранной рабочей силы. Промышленники Северных штатов начали искать новый источник дешевого труда и нашли его на Юге, среди недовольных своим положением негров. Негры стали массами покидать хлопководческие плантации, на которых они надрылись в непосильном труде за нищенскую оплату, и фермы, которые они арендовали на кабальных условиях, и переселялись в города. На Севере для них раскрывались двери всевозможных промышленных предприятий.

В 1920 году в США насчитывалось больше 10 миллионов негров, из которых в городах в 1920 году жило уже 34%. На Севере негры сконцентрировались главным образом в промышленных городах: Филадельфии, Чикаго, Детройте, Нью-Йорке и т. д. Переселение негров в города усилило процесс пролетаризации и революционизирования негров.

Под видом борьбы за «американизм» культивировались самые безобразные формы шовинизма и преследований негров, евреев и католиков. Американский легион, Ку-Клукс-Клан и другие черносотенные организации, поощряемые правительственными кругами, устраивали охоту на «радикалов»; в Сент-Луисе, Чикаго и других городах толпы хулиганов избивали негров, «зараженных большевизмом». В 1920 году было 65 случаев линчевания негров.

На заседании сенатской судебной комиссии 66-го конгресса Пальмер вынужден был признать, что с июля 1919 года по январь 1921 года правительство издало 6328 предписаний об аресте революционно настроенных иностранцев.

Начавшаяся в 1920 году подготовка к президентским выборам отвлекла внимание страны от незаконных актов министров юстиции и труда, вызвавших возмущение не только среди трудящихся масс, но и среди прогрессивной части буржуазии. Крупная буржуазия не могла простить Вильсону неудачи, постигшей его на Парижской конференции. Этот провал Вильсона, а следовательно, и демократической партии привел к усилению республиканской партии.

После упорной борьбы разных клик за своих кандидатов в президенты республиканская партия остановилась на кандидатуре Гардинга — креатуре нефтяного короля Рокфеллера, бездарного и малоизвестного политика.

В своей предвыборной платформе республиканская партия обвиняла правительство Вильсона в том, что оно не подготовилось ни к войне, ни к миру. Она обещала покончить с президентским «самодержавием», ввести более справедливую систему налогов и протекционистский тариф, провести законы против линчевания негров и против применения детского труда, организовать сильную армию и сильный флот, и т. д. Платформа осуждала внешнюю политику Вильсона, высказывалась против Лиги наций.

Демократическая партия выдвинула в противовес Гардингу другого, такого же заурядного политического деятеля из Огайо, губернатора Джемса Кокса. Платформа демократической партии восхваляла режим Вильсона, высказывалась за Лигу наций, обвиняла республиканцев в том, что они не допустили установления мира ни в США, ни в Европе, подтвердила требования партии по вопросу о тарифах, обещала провести снижение налогов, запретить детский труд и т. д. Платформа демократической партии высказывалась за независимость Филиппин, за превращение Порто-Рико в штат и подтверждала свое сочувствие борьбе Ирландии за независимость.

В президентской кампании приняли также участие социалистическая партия, социалистическая рабочая партия и рабочая фермерская партия. Социалистическая партия выставила кандидатом в президенты Дебса, сидевшего в тюрьме за выступление против империалистической войны.

Рабоче-фермерская партия была основана в 1920 году. Она ведет свое начало от созданной в 1918 году «прогрессистами» рабочей партии Иллинойса и ряда фермерских организаций. Сторонники рабоче-фермерской партии рекрутировались главным

образом из числа враждебных АФТ организованных рабочих и из радикальных фермеров. Программа партии включала национализацию важнейших отраслей промышленности, общепользованных учреждений и не обрабатываемой земли, рабочее законодательство, гражданские свободы, всеобщее разоружение.

Во время предвыборной кампании все политические партии высказались за скорейшее проведение 19-й поправки к конституции — о предоставлении женщинам избирательных прав. В августе более $\frac{3}{4}$ штатов приняло поправку, и 18 августа 1920 года она вступила в силу. Женщины получили возможность голосовать на предстоящих выборах.

Президентские выборы закончились поражением демократической партии. Гардинг получил небывалое в истории США большинство в 7 миллионов голосов. За него голосовало 404 выборщика, в то время как за Кокса голосовало только 127 выборщиков¹.

¹ По конституции США, выборы президента производятся следующим образом: избиратели каждого штата выбирают количество выборщиков, равное числу избираемых штатом сенаторов и членов палаты представителей, каждый штат избирает двух сенаторов и число представителей, пропорциональное его населению). Выборщики избирают президента. Избран-

* * *

Так закончилось президентство Вильсона — «идола всех мещан». Годы 1919—1920 были годами острой борьбы в лагере господствующего класса США как по вопросам внутренней, так и по вопросам внешней политики, а также годами роста революционной активности рабочего класса. Империалистическая буржуазия США, разочаровавшаяся в результатах мировой войны, отвернулась от своего ставленника Вильсона и решила опереться на республиканскую партию. В течение последующих 12 лет у власти стояла республиканская партия, последовательно проводившая политику империалистических крутов США. Отказавшись от ратификации Версальского договора и от вхождения в Лигу наций, США отнюдь не отстранились от решения вопросов международной политики. Представители финансового капитала США добивались концессий в Китае и Японии. Увеличивались американские капиталовложения в Азию и Южной Америке. США вели ожесточенную борьбу за рынки и естественные богатства, в первую очередь за нефть. США принимали активное участие в разрешении репарационной проблемы. Капиталы США устремились и в европейские страны, в особенности в Германию.

ным в президенты считается кандидат, получивший абсолютное большинство голосов выборщиков.

Из истории дальневосточного средневековья

(Японо-корейская война XVI века)

XVI век в Японии — век крупнейших исторических событий, имевших огромное значение для ее дальнейших судеб.

Уже в IX—X столетиях в Японии вполне оформился феодальный строй. Многочисленные феодалы лишь номинально признавали верховную государственную власть («старшего среди равных») и вели между собой бескончаемые войны. В XVI столетии этой так называемой эпохе «сенгоку дзидай» («воюющих феодалов») был положен конец, и страна была объединена сильнейшими из феодалов, сумевшими путем ряда войн подчинить себе остальных и установить в стране единую государственную власть.

Этому новому этапу в истории Японии предшествовало появление городов, начало торговли с европейцами (первые европейцы — португальцы — «открыли» Японию в 1542 году), познакомившими японцев с огнестрельным оружием, усиление торговли с Китаем, зарождение товарно-денежных отношений и т. п.

К концу того же, XVI столетия относится и первая в истории Японии внешняя завоевательная война — первая попытка захватить Корею с целью сделать ее плацдармом для завоевания Китая. Попытка эта окончилась тяжелым поражением Японии.

1

Для того чтобы получить представление об обстановке и условиях этой войны, необходимо вкратце охарактеризовать положение в Японии, Китае и Корее к этому периоду.

Отличительная особенность государственного строя Японии того времени заключалась в том, что ее монархи — микадо, или тенно. — никогда, за крайне редкими исключениями, не пользовались фактической верховной властью. В течение всей феодальной эпохи истории Японии страной управляли не монархи, а одна из приближенных к микадо фамилий, члены которой становились наследственными фактическими правителями страны. С 1186 года

власть, оставаясь наследственной, перешла к сйюгунам, или шюгунам¹, т. е. главнокомандующим армией, державшим и страну и японских императоров в неограниченном своем подчинении.

Интересно отметить, что эти фактические правители никогда не делали попыток свергнуть императорскую династию и овладеть короной, хотя это было вполне достижимо. За пост же сйюгуна шла непрерывная борьба между феодалами еще с тех времен, когда власть фактического правителя распространялась на очень небольшую территорию, прилегающую к столице, а в более или менее отдаленных феодах почти вовсе не признавалась.

Фактическими организаторами централизованного японского государства были три крупнейших сйюгуна, последовательно возглавлявшие японское правительство в XVI веке: Ода Нобунага² (1538—1582), Тойотоми Хидэёси (1536—1598) и Токугава Иэясу (1542—1616). Это были действительно незаурядные личности.

Нобунага, сын мелкого феодала района Нагоя, вступил на военно-политическую арену очень рано, 13 лет от роду. Он прежде всего захватил поместья своих родственников. Еще юношей различными способами он овладел всей провинцией Овари. Выгодная женитьба еще больше увеличила его владения. В 1562 году к нему обратился с просьбой о помощи в борьбе против сйюгуна сам император. Но Нобунага предпочел вести борьбу с соседями и вскоре покорила еще одну провинцию. В 1568 году, получив вторичную

¹ В японском языке нет отдельных звуков «с» и «ш», вместо них существует звук, представляющий нечто среднее между этими звуками. Также нет у японцев звука «л», он заменяется звуком «р»; у китайцев, наоборот, нет звука «р», он заменяется звуком «л». Отсюда, например, название архипелага Лю-Кю по-китайски и Рю-Кю по-японски.

² В японских именах впереди ставится фамилия, а затем имя. Деятели феодального периода японцы обычно называют не по фамилиям, а по именам.

Хидэйоси, правитель Японии. XVI век.

просьбу о помощи от микадо, Нобунага явился со своей дружиной в столицу Киото и помог свергнуть сёгуна.

К этому времени Нобунага был уже широко известен. В 1573 году новый сёгун, получивший свой пост благодаря Нобунага, испугавшись его авторитета и популярности, выступил против него, но был разбит и свергнут. Это был последний, 15-й сёгун династии Асикага, владычествовавшей над Японией почти два с половиной века (1334—1573 годы).

Сёгуном стал Нобунага. Но он не удовлетворился этим. Молодой талантливый полководец, которому были уже подчинены многие вассалы-феодалы, стремился подчинить своей власти и остальных феодалов. Оставив своим заместителем в столице своего соратника Хидэйоси¹, он начал войну с рядом сильнейших феодалов и к 1581 году подчинил себе почти треть всей Японии. Но в следующем, 1582 году он погиб от руки своего же вассала.

Хидэйоси — не менее яркая фигура описываемой эпохи. Сын крестьянина, Хидэйоси еще ребенком был отдан отцом в буддийский монастырь, а затем в ученики к различным ремесленникам. Буйный мальчишка нигде не мог ужиться, и его неизменно возвращали к отцу. В конце концов, отец, потеряв терпение, прогнал его из дому.

Беспризорный юнец отправился бродяжничать и вскоре очутился в отряде отокодаке². Научившись здесь владеть оружием, Хидэйоси, однако, и тут не ужился. Покинув отряд он поступил слугой к одному из чиновников феодала Имагава, врага Нобунага. Получив как-то от господина деньги на покупку доспехов, он купил их, но для себя и, сбежав от хозяина, поступил под чужим именем на службу к Но-

бунага. При этом Хидэйоси возобновил связи с отокодаке, а позже даже организовал из них под своим командованием отряд для Нобунага. Хидэйоси оказался блестящим военачальником и быстро выдвинулся.

После смерти Нобунага Хидэйоси был назначен опекуном нового сёгуна — малолетнего внука Нобунага. Сделавшись повелителем страны, Хидэйоси успешно продолжал начатое Нобунага покорение феодалов и объединение страны. К 1585 году он уже владел более чем половиной Японии. В том же году он был «назначен» регентом малолетнего императора («кампаку») и стал, таким образом, фактическим императором Японии. В 1590 году Хидэйоси имел уже в полном своем подчинении 47 главных провинций (всего их числилось 66) и 300-тысячную армию.

Объединив под своей властью Японию, Хидэйоси не считал свою миссию законченной. У него были более широкие замыслы. Еще до объединения Японии он лелеял мысль о покорении Китая, Кореи, Формозы и Филиппин и переносе столицы будущей огромной империи, включая и Японию, в китайский портовый город Нинбо³.

Некоторые историки склонны приписывать цель похода Хидэйоси в Корею и Китай стремлению его дать «работу» своим самураям, поскольку с ликвидацией внутренних войн эта грозная сила оставалась не у дел и могла именно по этой причине стать оружием феодалов в их борьбе против единой власти. Но если это и входило в намерения Хидэйоси, то во всяком случае лишь как задача второстепенная. Еще в 1577 году, когда Нобунага поощрял Хидэйоси овладеть всем островом Кюсю, Хидэйоси выразил готовность взяться за выполнение этой явно непосильной тогда для него задачи, но за покорение острова он просил предоставить ему доход с него за один год. Доход этот он намеревался использовать на подготовку судов и снаряжения для похода в Корею.

«Если хотят дать мне награду, — говорил он, — то пусть дадут мне Корею. Там я наберу силы для борьбы с Китаем и с помощью этих сил покорю его, чтобы все три государства (Китай, Корея и Япония) составили одно целое. Это — мое давнишнее желание»⁴.

Подготовку к борьбе с Китаем и Кореей Хидэйоси начал еще в 1583 году, т. е. вслед за назначением его фактическим сёгуном, когда объединена была еще только треть Японии и для его самураев было

¹ Хидэйоси — имя. Фамилии он как выходец из низшего сословия не имел. Позже, по его возвышению, он присвоил себе фамилию Тойотоми.

² Нечто вроде русских казаков XVI века.

³ В нынешней провинции Чжэцзян.

⁴ Murdoch «A History of Japan». Vol. II, p. 305. London. 1910.

еще достаточно серьезной «работы» внутри страны.

Известно, что, намечая планы будущих завоеваний, Хидэйоси основательно ознакомился с историей Китая, знал о тяжелом внутреннем положении этой страны и о свойственном китайцам миролюбию. Китайское побережье безнаказанно громили даже мелкие шайки японских пиратов, а в распоряжении воинственного сёгуна была сильная, закаленная в боях армия, располагавшая огнестрельным оружием и пушками. Естественную же преграду — море — Хидэйоси надеялся преодолеть, переправив войско на материк кратчайшим путем через остров Цусиму и Корею. Он был уверен, что слабая маленькая Корея не только не осмелится оказать сопротивление, но и сама будет вынуждена помогать японцам в покорении Китая.

2

Несмотря на свои огромные размеры Китайская империя в XVI веке была внутренне очень слаба. Внешне она процветала. Китайцам раньше других народов удалось свергнуть монгольское иго и даже на некоторое время овладеть самой Монголией; немного времени спустя Китай расширил свои границы, подчинив себе Корею, Бирму и Аннам.

Однако государственный организм империи все больше раз'едали внутренние противоречия. Все более и более сказывалось быстро прогрессирующее разорение крестьянства. Уже к началу XV века в Китае появились огромные латифундии, вытеснявшие мелких землевладельцев. Все более учащались неурожаи и голодовки. Сильно разрослось ростовщичество. Крестьяне под тяжестью долгов, недоимок по уплате налогов, неурожаев и голодовок бросали свои земли и уходили из деревни. Даже распоряжение о казни беглецов не могло приостановить этот процесс.

В довершение всех бед в середине XV века началось создание так называемых дворцовых имений, которые отдавались родственникам императора, придворным и высшим чиновникам и для которых сгонялись с земли крестьяне. К середине XVI столетия таких имений насчитывалось много сотен по всей империи, причем размеры каждого из них доходили до 1 миллиона му¹.

В разных частях страны начались крестьянские волнения, местами переходившие в восстания. На больших дорогах хозяйничали многочисленные разбойничьи шайки бежавших с земли крестьян. Посевная площадь резко уменьшилась: с воцарения Минов (1368 год) по 1532 год

она уменьшилась с 8,3 до 4,3 миллиона цюаней², т. е. почти вдвое, да и эти 4 миллиона давали меньший урожай чем раньше.

Казна была пуста, и для ее пополнения правительство вынуждено было ввести систему откупов от наказаний: от любого наказания приговоренный мог откупиться деньгами или зерном. Взятничество чиновников приняло грандиозные размеры. Положение внутри страны становилось катастрофическим. К тому же на границах шли непрерывные войны с соседними государствами.

Этот тяжелый период в истории Китая, длившийся около 200 лет (XV—XVII века), именуется историками Китая «периодом гниения».

Немногим отличалось положение дел и в Корее.

Покоренная в XIII веке монголами, Корея вскоре после свержения власти монголов в Китае подпала под китайское владычество. В знак полного подчинения Кореи китайский император потребовал, чтобы в Корее были введены китайский календарь и китайское летосчисление. С этого времени началось слепое подражание Китаю во всех областях жизни Кореи, вскоре приведшее к полному ее окитаению. Однако политическая зависимость Кореи от Китая оказалась чисто формальной и выражалась лишь в периодических плате-

² Цюань, или цюй, равен почти гектару.

Японские крестьяне.

¹ Му равен $\frac{1}{16}$ гектара.

Ворота Великой стены в Шанхайгуане, ведущие из Китая в Маньчжурию.

жах дани. Во внутренних делах и в своей внешней политике Корея сохраняла полную самостоятельность.

Но внутренняя жизнь Кореи почти непрерывно потрясалась дворцовыми интригами, заговорами, борьбой придворных партий, сменой фаворитов короля, хозяйничавших в стране от его имени, и т. п. Эта внутренняя борьба продолжалась в течение двух столетий, вплоть до 1592 года, т. е. до самого начала японо-корейской войны.

Культурные и политические взаимоотношения Кореи с Японией начались задолго до XVI столетия. Мифологические сказания японцев повествуют о легендарном походе японской императрицы Дзингу в Корею в 201 году нашей эры, со времени которого якобы все три тогдашних корейских княжества начали платить Японии дань. Сказания эти не находят никакого подтверждения. История Кореи ни о чем подобном даже не упоминает, а по китайским источникам в этот период еще не существовало и само японское государство. Япония, называвшаяся тогда государством У, представляла собой более 30 отдельных самостоятельных племенных княжеств, ничем не объединенных, занятых тяжелой борьбой с туземцами.

После завоевания Китая и Кореи монголами Кубилай-хан дважды (в 1273 и 1281 годах) пытался овладеть и Японией, организовав морские экспедиции, в которых Корея, располагавшая сильным по тому времени флотом, была вынуждена

принимать участие. В тот же период начались набеги японских пиратов на корейское побережье. Чтобы положить конец этим враждебным отношениям, корейцы начали посылать к японским сёгунам посольства с подарками. Японцы считали эти подарки данью. К середине XV века, когда внутренняя борьба создала в Японии полный распад и неразбериху и корейцам трудно было решать, к кому персонально направлять посольства, а, с другой стороны, набеги японских пиратов на Корею несмотря на посольства и подарки не только не прекращались, но даже участились, — посылка корейских посольств и дани в Японию прекратилась.

В 1583 году Хидэйоси отправил в Корею своего посла Тацибана с требованием возобновить посылку дани. Требование было отклонено. Хидэйоси был удивлен смелостью корейцев и, считая, что Тацибан злобно не выполнил данное ему поручение, казнил его.

В 1587 году Хидэйоси поручил ведение переговоров с Кореей цусимскому феодалу Со. Но и тот ничего не добился от корейского правительства.

В 1590 году Хидэйоси снова послал Со в Корею с требованием из'явить ему покорность. На этот раз корейский король ответил присылкой к Хидэйоси своего канцлера с подарками, которые при желании можно было считать данью. Хидэйоси милостиво принял посла, а при возвращении его в Корею послал с ним посольство с письмом к корейскому королю, в котором

сообщил, что предполагает предпринять поход в Китай через Корею, и высказал свое желание, чтобы корейский король и его войска служили его проводниками, «если этот поход состоится». Корейский король принял послов вежливо, но намерение Хидэйоси предпринять поход в Китай счел простым хвастовством и никакого ответа по этому поводу не дал.

В 1591 году Хидэйоси в третий раз отправил Со в Корею. Тот просидел в Фузане десять дней, но вновь не получил ответа на свои требования.

После этого Хидэйоси в том же году приступил к подготовке похода¹.

Летом 1591 года Хидэйоси созвал в Осака совещание вождей своей армии и изложил им свой план похода на Корею и Китай, заявив, что поход он намерен возглавить лично. При этом он выразил уверенность, что корейская армия будет служить для него авангардом. Но если корейцы, паче чаяния, почему-либо не станут на его сторону, он уничтожит их армию и двинется через Мальчжурю на Пекин, чтобы покорить весь Китай и передать его во владение им, вождям своей армии. Обрисовав слабость и развал Китая, он спросил их, готовы ли они к выступлению.

Смущенные вожди не решились противоречить и только молча переглядывались.

Хидэйоси признал это молчание знаком согласия и распорядился готовить армию и провиант для похода.

Во времени вторжения японцев вследствие продолжительного мира и придворных дразг корейские военные силы пришли в упадок: дисциплина в ее армии пала, крепости обветшали и разрушались, войско было плохо вооружено. Японская же армия была закалена в боях, отлично вооружена огнестрельным оружием и пушками. Все это давало Хидэйоси все основания рас-

считывать на то, что Корея, не справлявшаяся даже с отдельными шайками японских пиратов, не осмелится отвергнуть его требование пропустить через ее территорию к границе Китая сильную японскую армию.

3

Весной 1592 года в японском порту Нагойя была сконцентрирована крупная японская армия. О численном ее составе точных сведений нет. Данные японских историков в этом отношении расходятся. Называют цифру в 201 тысячу человек (Tensho-ki), в 205 570 (Taiko-ki), в 208 650 (Seibastuki) и даже в 305 тысяч человек (Toiotomi Taiko). Историк Мардок приводит как наиболее вероятную цифру в 200 тысяч человек и даже указывает численность каждого из отрядов в отдельности. Однако и эта цифра явно преувеличена. Японский флот того времени, уступавший корейскому, был слишком слаб для переброски морем, хотя бы и на короткие расстояния, такой огромной армии с лошадьми, пушками, боевыми припасами и провиантом. Поэтому можно предположить, что более близко к истине мнение некоторых европейских историков, определяющих численность японской экспедиционной армии, направленной в Корею, примерно в 150 тысяч человек.

В мае 1592 года экспедиционные войска, разделенные на три армии, переправились на ближайший к Нагойя остров Ики. Здесь между начальниками армий начались раздоры. Командующий одной из армий Юкинага Кониси, лучше других знавший местность, тайком от остальных ночью отправился на остров Цусиму и оттуда к корейскому порту Фузан, где и высадился 11 июня.

Этот день, 11 июня 1592 года, и можно считать датой фактического начала военных действий.

Кониси занял Фузан и две соседние бухты, почти не встретив сопротивления, и двинулся на север.

Через три дня после Кониси в Фузане высадилась вторая группа войск под командой Като Киёмаса. Узнав здесь, что Кониси ушел на север, он пошел другой дорогой — на северо-запад, овладел укреплением Пинцзю и оттуда повернул на север.

Еще через несколько дней в Фузан прибыл возглавлявший экспедиционные силы брат Хидэйоси — Укида Хидэйе с главными силами (сам Хидэйоси отказался от намерения лично участвовать в походе) и направился вслед за Кониси.

Корейская армия почти не оказывала сопротивления, и операции японцев первоначально были необыкновенно успешны.

¹ Об этом походе, который несмотря на шестилетнюю длительность ограничился пределами Кореи и потому именуется японо-корейской (а не японо-китайской) войной, имеется обширная литература. Со стратегической точки зрения эта война подробно освещена в большом двухтомном труде японского генерального штаба, представляющем значительный интерес для военных историков. Очень подробно поход этот описан в *Nihon gaisi* (кн. XV—XVII). Много внимания уделяют ему и другие исторические труды о Японии как на японском, так и на европейских языках. Мы в основном излагаем историю этой войны по классическому трехтомному труду об истории Японии проф. Мардока, основателя восточного факультета в Австралии (James Murdoch «A History of Japan». Vol. II, pp. 302—359. London, 1910—1926).

Уже на 18-й день Кониси занял без боя столицу Кореи — Сеул. Корейские войска ушли отсюда до прихода японцев, а король эвакуировался в Ляодун. Несколько позже сюда подошли также Като и Укида. Японцы не имели никакого представления о силах корейцев и их местонахождении. Они были уверены, что основные корейские силы уже разбиты, а остатки их ушли на север, поэтому японское командование решило направить свои войска дальше на север, «добивать остатки» корейской армии.

Но у переправы через реку Нин-Цзин, в 15 километрах от Сеула, их ждала сильная корейская армия, занимавшая выгодные позиции на возвышенностях. Это оказалось неожиданностью для японцев. Они не рискнули завязать бой с корейцами, а те, не переходя в контрнаступление, терпеливо ждали нападения японцев. 10 дней обе стороны оставались на своих позициях в полном бездействии. Наконец, японцы прибегли к военной хитрости. Они сделали вид, что начали отступление. Корейцы оставили свои позиции и перепра-

вились через реку для преследования отступающих. Завязался бой. Заранее подготовленная японцами засада отрезала корейцев от их прежних выгодных позиций и опрокинула их строй. Потерпев поражение, корейцы отступили к древней столице Кореи — Пеньяну.

Японцы переправились через реку и тремя отрядами двинулись дальше по разным направлениям, преодолевая сопротивление противника, пытавшегося разбить их отряды по отдельности.

Первым к Пеньяну подошел Кониси. Здесь путь его отряду снова преградили корейские войска, занимавшие противоположный берег реки. Ночью корейцы напали на войска Кониси, но разбить их не смогли и вернулись на свои позиции, за реку. Кониси заметил мост, где корейцы переправлялись через реку вброд, переправился через нее, разбил корейцев и овладел Пеньяном.

Этот разбитый им отряд Кониси считал последним остатком корейских войск; он вернулся в Сеул и доложил находившемуся там главнокомандующему Укида, что

«путь в Китай свободен», предлагая поскорее двинуться туда, пока на помощь корейцам не подоспели китайские войска.

В распоряжении японцев к этому времени находились уже все укрепленные пункты между Фузаном и Сеулом. В них были японские гарнизоны; сообщение между отдельными пунктами поддерживалось с помощью ракет. В Фузане размещен был резерв в 60 тысяч человек.

Однако двинуться дальше японцы не могли. Они узнали, что корейская армия располагает еще крупными нетронутыми силами на юге, которые могли ударить по японцам с тыла; самое же главное — необходимо было пополнить войска и провиант, которые со дня на день должен был подвезти японский флот. Японцы перешли на оборонительное положение. Тем временем японский флот в количестве до тысячи судов, шедший в Корею кружным путем, был выслежен корейским флотом, более сильным и «бронированным» (прикрытиями сверху и с боков), перед которым мелкие пушки японских судов оказались бессильными. Близ острова Квель-порта японский флот был атакован корейским и разгромлен, а остатки его принуждены были бежать в Японию.

Осенью 1592 года в Северную Корею пришел первый двинутый на помощь Корее небольшой китайский отряд. Не считая японцев серьезным противником, китайские войска шли без разведки, сторожевого охранения и вообще каких-либо предосторожностей. Эту беспечность японцы удачно использовали. Ночью, когда китайцы отдыхали, на них неожиданно напал небольшой отряд, высланный Кониси. Китайцы его отразили и успокоились, уверенные, что японцы разбиты. А утром на утомленных ночным боем китайцев ударили главные силы Кониси. Китайцы были оттеснены к болоту, принуждены принять здесь бой и потерпели поражение.

Но к этому времени корейский король сосредоточил на севере свои войска. Они перешли в наступление, разбили несколько мелких японских отрядов и едва не разгромили основные силы Като. Ему удалось отступить с сравнительно малыми потерями лишь благодаря подоспевшей помощи. А в конце 1592 года к Пенъяну неожиданно для японцев подошли новые китайские войска и нанесли здесь первое серьезное поражение войскам Кониси. Он отступил к Сеулу, преследуемый по пятам китайцами. Сюда же стянуты были и остальные, теснимые китайцами и корейцами японские войска. Ряд занятых японцами пунктов был у них отнят, их сообщение с Фузаном было прервано. Однако в 15 километрах к северу от Сеула китайские войска, налегке преследовавшие япон-

цев — без пушек, без ружей, только с холодным оружием, — были с боем остановлены сгруппировавшимися здесь в ожидании подкреплений японскими армиями.

В марте 1593 года в Фузан прибыли, наконец, сильные японские подкрепления. Японцы попытались возобновить наступление, но на этот раз их операции были менее удачны, чем ранее. Корейцы успели подготовиться: они были научены опытом первой кампании, а к тому же к ним также успела прибыть помощь — крупная китайская армия. Японцы снова достигли Сеула, но здесь были остановлены. Вскоре корейцам удалось сжечь японские склады припасов и продовольствия в Сеуле.

Положение обеих сторон оказалось очень тяжелым. Японские войска были изрядно потрепаны, очутились во вражеском окружении и без боевых припасов и продовольствия. О дальнейшем наступлении не могло быть и речи. Но китайцы и корейцы тоже терпели недостаток в продовольствии (вследствие военных действий посевы в Корее были значительно сокращены) и были не в силах окончательно разгромить японские войска. Вдобавок обе стороны жестоко страдали от развившихся в их армиях эпидемий.

С целью обмануть бдительность японцев и выиграть время, необходимое для подхода новых, более крупных китайских сил, китайское командование вступило с японцами в мирные переговоры. Оно предложило японцам через Кониси заманчивые условия мира, по которым японцы должны были получить три южные провинции Кореи, а Китай признавал за Хидэйоси титул вана (император, князь). Хидэйоси охотно согласился на эти условия. Японцы получали возможность стать твердой ногой на материке и создать здесь базу для дальнейших завоеваний, а признание Хидэйоси ваном истолковывалось им как признание Китаем его сюзеренитета. Когда условия были приняты, японские войска, по требованию китайцев, предварительно очистили те местности, которые, по условиям мира, им не предназначались, т. е. всю занятую ими территорию, и ушли в Фузан, где и расположились на отдых в ожидании триумфального возвращения на родину.

В то время когда японцы с нетерпением ожидали китайских делегатов для подписания мирного договора, китайское правительство сменило договаривавшегося с ними главнокомандующего китайскими войсками, а новый главнокомандующий оказался «неосведомленным» о мирных переговорах...

Не дождавшись китайских послов для оформления мирного договора, Хидэйоси от-

дал приказ возобновить военные действия. Он сам собирался стать во главе свежего 300-тысячного пополнения (цифра, вероятно, сильно преувеличена), но в последний момент отказался от этого намерения.

В августе 1593 года борьба возобновилась. Однако японцы несмотря на полученные ими подкрепления все же были не в состоянии продвинуться вперед, ибо китайцы тоже подослали свежие силы.

До конца 1594 года — почти полтора года — обе стороны бездействовали: китайцы надеялись взять японцев измором.

В начале 1595 года китайский император принял посла от Хидэйоси, от которого якобы впервые узнал о переговорах японцев с бывшим главнокомандующим китайскими войсками в Корее. Император заявил, что он согласен на возведение Хидэйоси в ваны, и обещал прислать делегатов в Японию для подписания мирного договора. Об уступке японцам трех корейских провинций речи уже не было.

Весь год Хидэйоси терпеливо ждал китайских делегатов, но они все не являлись...

В начале 1596 года к Хидэйоси прибыл, наконец, китайский посол. Он привез подарки, но ни на какие переговоры он уполномочен не был. В июле прибыло новое посольство с новыми подарками и, наконец, с грамотой на титул вана для Хидэйоси.

11 октября 1596 года в присутствии всех феодалов китайские послы на торжественной аудиенции вручили Хидэйоси долгожданную грамоту. Когда она по повелению Хидэйоси была прочитана вслух, он рассвирепел. Оказалось, что китайский император признавал его, по этой грамоте, ваном... Японии. Это означало, что Китай дает ему это звание, как будто Хидэйоси — вассал Китая и нуждается в его санкциях.

Послов с позором прогнали и издали приказ собрать к весне следующего, 1597 года новое пополнение для японской экспедиционной армии в Корее в 140 тысяч человек с целью возобновления военных действий. Возглавить новый поход должен был лично Хидэйоси. Но и на этот раз Хидэйоси, прибывший уже было в Нагойя, воздержался от личного участия в военных действиях, сославшись на болезнь матери. Главнокомандующим был назначен Хидэаки (приемный сын Хидэйоси), а

прежний главнокомандующий — Укида — его помощником.

В 1597 году японцы возобновили военные действия. Вначале они с помощью прибывших пополнений продвинулись несколько на север от Фузана, но попытка снова занять Сеул встретила решительный отпор. Японцы были разбиты и вынуждены отступить на юг. При отступлении жертвой их ожесточения стал, между прочим, город Кион-чжю, древняя столица государства Силла, славившийся своей красотой, богатством своих храмов и произведениями искусства.

В январе 1598 года китайские войска с помощью прибывших новых подкреплений перешли в контрнаступление. На этот раз китайцы перехитрили японцев. Часть китайских войск обложила отряд Като, паходившийся в одном из укреплений на пути к Фузану. На помощь ему японцы выслали почти все свои резервы из Фузана. Воспользовавшись этим искусственно вызванным ими оголением, два других китайских отряда ударили по Фузану, этой основной базе японских экспедиционных сил, и овладели им. Положение японской армии в Корее стало критическим.

Получив известие об этом поражении, Хидэйоси в апреле 1598 года отдал распоряжение японским войскам готовиться к возвращению в Японию, признав, что победить Китай он не в состоянии.

Эвакуация японцев под жестокими ударами китайской армии превратилась в бегство. Особенно плохо пришлось войскам Бэниси: их с большим трудом спасли от полного истребления полуспевшие на помощь отряды Като и Симазу. Китайский и корейский флоты громили сильно поредевшие японские части, которые успели кое-как погрузиться на суда. Остатки самурайских отрядов (об их численности японские историки умалчивают) с большими трудностями лишь к осени добрались до Цусимы. Судьба избавила горлого Хидэйоси от печального зрелища возвращения на родину его самураев после поражения: он умер до их приезда.

Единственным «трофеем» японцев и памятником этой тяжелой для Японии войны является «мимицука» («Мотила ушей») в Киото, в которой были зарыты уши и носы, отрезанные самураями у 214 752 убитых ими корейцев и китайцев.

Так плачевно закончилась первая завоевательная война Японии.

Раскопки в Рас Шамре

1

За последние десятилетия раскопки, произведенные в Передней Азии, значительно углубили наши сведения по истории древнего Востока и расширили хронологические рамки известного нам исторического материала. Так например раскопки 1910—1935 годов на месте древнего вавилонского города Ура подтвердили считавшиеся мифологическими сообщения вавилонского историка, жреца Бероса, о так называемых допотопных царях. Ряд раскопок вскрыл памятники материальной культуры, предшествовавшие сумерийской эпохе. Археологическая экспедиция в финикийском городе Библосе обнаружила храм, построенный за 3000 лет до нашей эры, и различные предметы (вазы, печати), свидетельствующие о древнейших связях этого города с Египтом. Позже в Библосе же были найдены надписи, считающиеся наряду с полуиероглифическими надписями, открытыми на Синайском полуострове, первыми переходными ступенями от иероглифического к алфавитному письму.

Среди всех этих раскопок видное место занимают находки, сделанные в местечке Рас Шамре, расположенном в северной части сирийского побережья Средиземного моря, на месте столицы древнефиникийского государства Угарит. Они позволили значительно расширить наши представления о древнейшем периоде истории Финикии и дали совершенно новый, очень ценный материал как о финикийской культуре, так и о культуре других семитических народностей Сирии и Палестины.

В найденном в 1888 году в Египте, в Тель-эль-Амарне, дипломатическом архиве, содержащем многочисленные письма азиатских властителей к правителям Египта, неоднократно упоминается государство Угарит. Некий Мишту, возможно царь Угарита, сообщает египетскому царю, что его город находится в опасности. Из письма царя Тира Абимилки к Эхнатону¹ становится известным, что в Угарите был

сожжен дворец в результате набега хеттов. Но более подробно об этом государстве ничего не было известно вплоть до 1929 года, когда в Рас Шамре были начаты раскопки французским археологом Клодом Шеффером (раскопки эти велись до 1939 г. включительно).

Через государство Угарит, расположенное на побережье Сирии, напротив северо-восточной оконечности Кипра, в 50 километрах от устья Оронта, проходили большие торговые пути древности. Угарит рано вошел в соприкосновение с различными государствами Передней Азии. Уже в четвертом слое Рас Шамры, относящемся к середине IV тысячелетия до нашей эры, встречается тонкая многокрасочная керамика, близкая по типу к керамике, найденной при раскопках в Тель-Калафе, около Ниневии, и в Эль-Убейде, на месте древнего вавилонского города Ура. Значит, в это время Угарит находился в сношениях с северной Сирией и Месопотамией. Выгодное положение города на дороге, ведущей от берега моря в крупный торговый город Алеппо, привлекало к нему финикийцев. В третьем слое, соответствующем III тысячелетию, появляется простая, без рисунков, красная и черная керамика — так называемого хананейского типа, характерного для Финикии. Это показывает, что уже с середины III тысячелетия до нашей эры финикийцы обосновались в Угарите. Можно предполагать, что эта финикийская колония была главным образом тирского происхождения².

Насколько широки были уже тогда связи Угарита, видно из того, что в храме Ваала, построенном в начале II тысячелетия до нашей эры, найдены посвященные статуэтки, присланные туда женой египетского фараона Сенусерта II (1906—1887 до нашей эры). Очевидно, храм этот вообще пользовался известностью, так как там же найдена стелла, посвященная Ваалу египтянином Мами.

Наибольшего расцвета Угарит достиг в середине XV — начале XIV столетия до нашей эры, при царе Никмаде, или Никмеаше, который, как явствует из письма к нему знаменитого хеттского царя Супи-

¹ Эхнатон — египетский фараон, правивший с 1370 до 1352 года до нашей эры.

² Тир — виднейший экономический и культурный центр южной Финикии.

лулиумы¹, был современником фараонов Аменхотепа III и Аменхотепа IV. Найденная в Рас Шамре табличка, относящаяся приблизительно к этому же времени, перечисляет 90 городов, входивших в состав государства Угарит, которые платили дань и поставляли солдат в пользу столицы.

Население Угарита было многочисленным и разнородным: в состав его входили финикийцы, сирийцы, хетты, митаннийцы, киприоты и даже микенцы. Главными занятиями были торговля и ремесло, рассчитанное на вывоз в другие страны. Маркс замечает, что «...чистота (абстрактная определенность), с которой в древнем мире выступают торговые народы — финикийцы, карфагеняне, — дана как раз самим преобладанием земледельческих народов»². Таким именно торговым народом было население государства Угарит. Обслуживало оно главным образом транзитную торговлю. Финикийцы возили через Угарит в северную Сирию и Месопотамию вино, зерно, золото, ароматические вещества, а ввозили лес, кожу, бронзовые изделия, оружие, орудия производства. В Угарите был центр торговли лошадьми с Финикией и Египтом, как можно заключить из найденного в Рас Шамре трактата о лечении лошадей.

Уже очень рано здесь начинаются взаимоотношения с крито-микенским миром. В одной из гробниц найдена ваза критского происхождения, принадлежащая к типу камарес³. Там же обнаружены своеобразные сосуды в виде хижин с дверью, которая закрывается поперечным брусом. Сосуды эти часто встречаются на Крите, в Греции и в северной Европе, что последний раз указывает на то, какой широкий круг охватывали торговые связи Угарита. Однако, очевидно, наиболее оживленные сношения поддерживались с областью, ограниченной долиной Тигра на востоке, сирийскими пустынями на юге и владениями хеттов на севере.

Большинство исследователей считает, что Угарит входил в комплекс аморитских⁴ государств и в течение II тысяче-

летия до нашей эры находился в сфере влияния то Египта, то хеттов, лавируя по возможности между большими азиатскими государствами и Египтом. В XIII веке, во время вторжения в Сирию войск египетского царя Рамзеса II, Угарит продолжал эту политику, поддерживая отношения и с хеттами и с Египтом, как это видно из найденных текстов. После битвы при Кадеше (1295 год) Угарит отошел от хеттов и сблизился с Египтом.

Однако с конца XIII века значение Угарита начинает падать. Неправильный удар был нанесен городу нашествием «народов моря» — ахейцев, киприотов, данайцев и др., — обрушившихся на Сирию и Египет в начале XII века до нашей эры. Во время раскопок последующих слоев обнаружены были только выродившаяся микенская керамика, грубые статуэтки, неотесанные стеллы. Окончательно Угарит гибнет после завоевания его ассирийским царем Тиглатпаласаром I (1115—1093 годы до нашей эры), армия которого начисто разгромила этот древний культурный центр.

2

Наиболее интересные находки в Рас Шамре относятся ко времени расцвета Угарита, к XV—XIII векам до нашей эры.

В этот период развитие ремесла и торговли позволяло разбогатевшим купцам и ремесленникам строить себе обширные дома, украшенные различными предметами роскоши. Дома стояли близко друг к другу и отделялись только маленькими переулками, что свидетельствует о густоте населения. Они насчитывали несколько этажей и имели двадцать и больше комнат. Обычно дом строился со внутренним двором, в котором помещались колодец и лестница из камня, ведущая в верхние этажи. В каждом доме была комната с ванной из камня или глины и стоком для воды, отведенным в центральный водосточный колодец. Под домом устраивались подземные сводчатые гробницы микенского типа, рассчитанные на целые семьи. В одном из таких склепов были найдены погребения сорока четырех человек. В подвальном этаже находились кладовые и комнаты для слуг. В первом этаже помещался сам хозяин. Там же нередко была и его мастерская, если он занимался ремеслом.

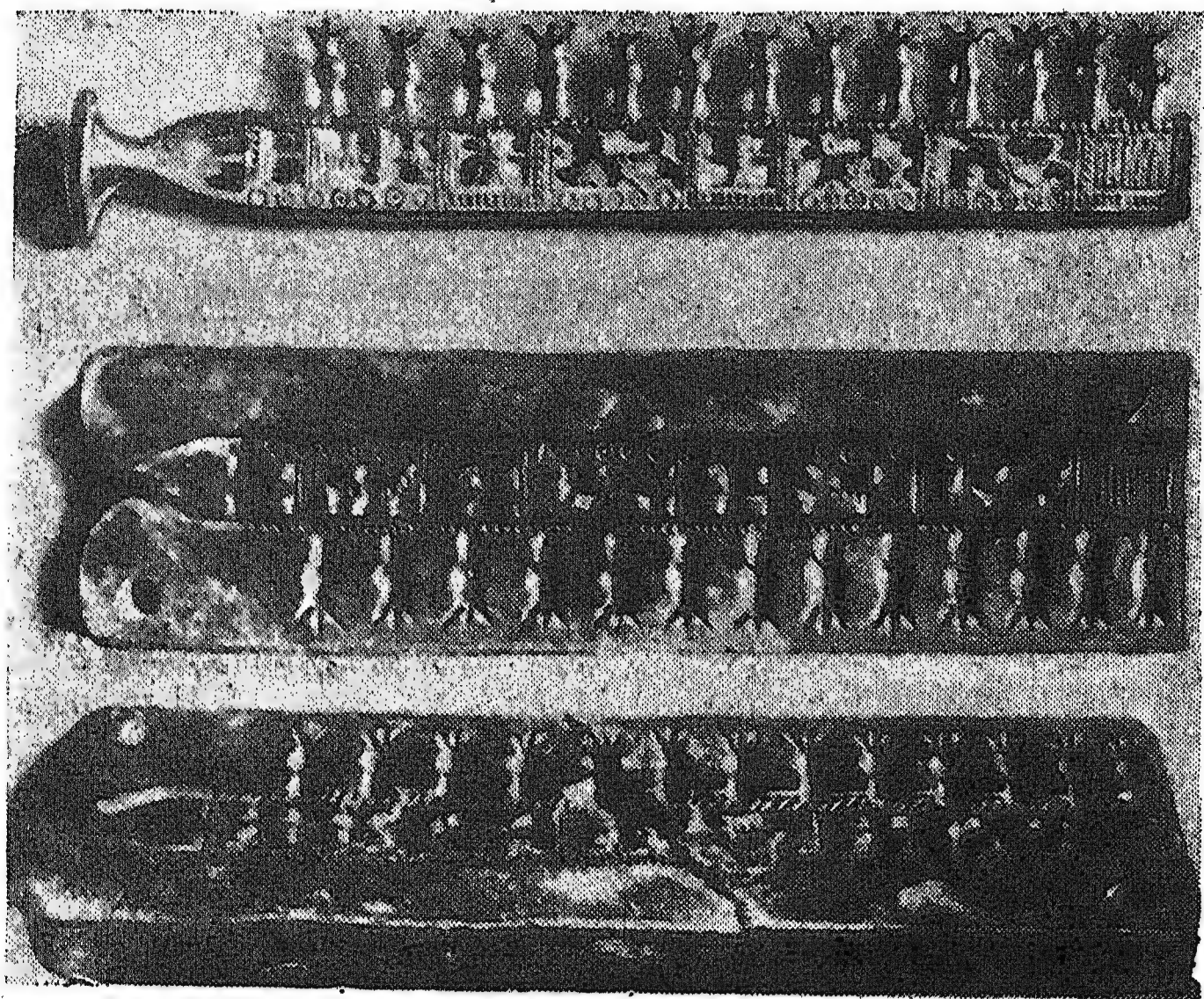
Так например была раскопана мастерская ювелира, в которой найдены многочисленные золотые подвески, фигура Астарты и группа из трех божеств: два крайние изображены в виде людей в высоких шапках, а среднее — с головой

¹ Супилулиума — хеттский царь, объединивший в середине XIV века до нашей эры под своей властью большую часть Малой Азии и подчинивший царство Митании в северной Сирии и Месопотамию.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XII. Ч. 1-я, стр. 198.

³ Камарес — пещера горы Иды на острове Крите, где был обнаружен ряд характерных критских ваз, относящихся к XX—XVIII векам до нашей эры.

⁴ Амориты — семитическая народность, обосновавшаяся в Сирии в конце III тысячелетия до нашей эры и создавшая здесь ряд мелких рабовладельческих государств.

Форма для золотого украшения. Раскопки в Рас Шамре.

быка. В другой мастерской ювелира сохранилась форма для изготовления золотого украшения с фигурками птиц и золотыми гранатами по краю, весы ювелира с бронзовыми гириями от $\frac{1}{4}$ сикля (около двух граммов) до 1 мины (470 граммов). Самая большая гиря сделана в виде человеческой головы. Другой гире придан вид лежащего быка. Весовая система в Угарите соответствовала системе, упоминаемой в Библии: 1 талант равен 60 минам, 1 мина — 50 сиклям, в отличие от Вавилона, где 1 мина равнялась 60 сиклям.

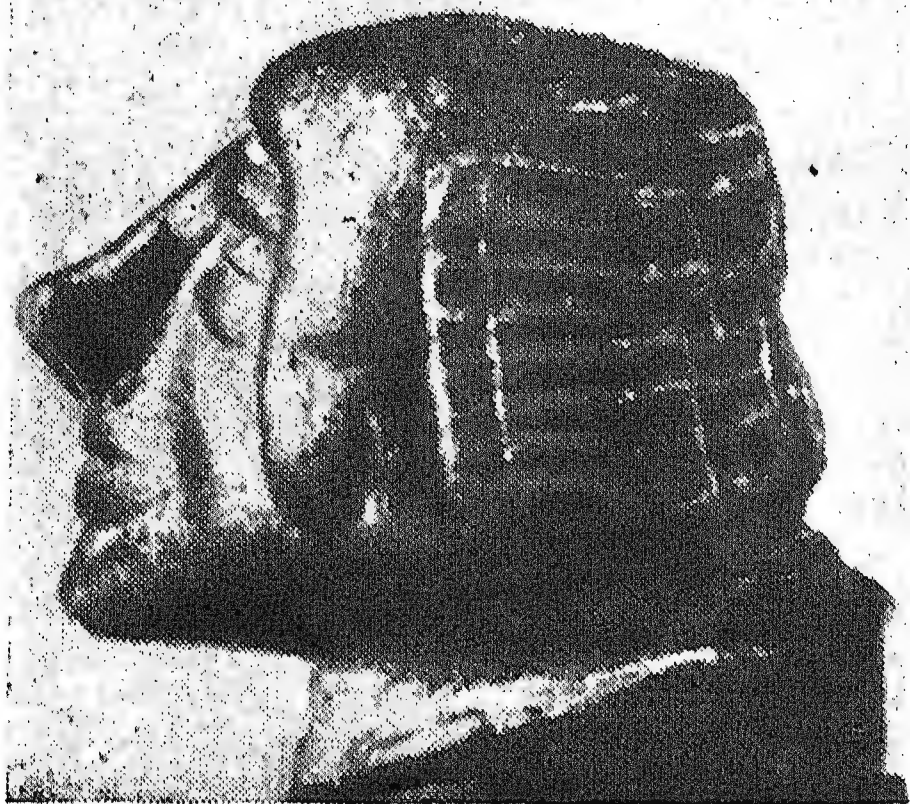
Кроме ювелирного дела в Угарите было значительно развито производство оружия и орудий производства из бронзы, которых при раскопках было найдено большое количество. Как и в Финикии, большую роль в Угарите играло производство высоко ценившегося пурпура из водившейся на сирийском побережье специальной породы улиток. Сохранилась табличка, содержащая инвентарь мастерской, окрашивавшей шерсть в пурпур. Жители Угарита производили также изделия из стекла, в разработке которого финикийцы достигли особого мастерства. Из стекла изготавливались различные ювелирные безделушки, статуэтки, сосуды. О развитии ремесла свидетельствует большое количество различных изделий из золота (подвески, бусы, кольца, булавы), а также из слоновой кости, бронзы, керамики. Во всех этих изделиях наблюдается смешение различных стилей, вызванное влиянием различных государств и народов, с которыми сталкивалось население Угарита. Все эти разнородные влияния не были

достаточно ассимилированы, и поэтому свое, оригинальное искусство не было создано. В древнейшее время в Угарите преобладало влияние Ассирии, по образцу храмов которой построены храмы Ваала и Дагона; позже преобладало египетское и микенское влияние.

Очень характерны, с точки зрения этого смешения стилей, найденные в Рас Шамре блюдо и чаша из золота. На блюде, на котором представлена охота, люди изображены по образцам, распространенным в северной Сирии, а животные — по типу микенских изображений. Чаша с мифологическим сюжетом — борьбой времен года — указывает на египетское влияние. Такое же смешение представляет большая стелла с Ваалом: при преобладающем египетском влиянии обращает на себя внимание ряд азиатских элементов — тиара с рогами, кинжал с загнутым концом у пояса.

Наибольшее искусство мастера Угарита обнаруживали в изготовлении изделий из бронзы. Некоторые бронзовые статуэтки их работы являются наиболее высокими образцами искусства той эпохи. Как пример может быть приведена бронзовая статуя Ваала, покрытая тонким слоем золота. Многочисленны бронзовые подвески в виде египетской богини Гатор, окруженной лотосами и змеями. Разнообразные цилиндрические печати показывают, что процветала и глиптика (искусство резьбы по камню и металлу). Статуэтки изготавливались и из глины.

Наряду с изделиями местного производства было множество ввозных, главным образом с Кипра и из Микен.

Бронзовая гиря в виде головы человека.
Раскопки в Рас Шамре.

Кроме всех указанных производств развито было и строительное искусство. Раскопки 1939 года дали в этом отношении новый интересный материал. Было обнаружено здание с большим залом, крыша которого поддерживалась четырьмя столбами из каменных плит. Повидимому, это была конюшня и манеж для тренировки лошадей. Широкий вход был украшен деревянными колоннами на каменном основании диаметром в 75 сантиметров. Такие колонны, ставившиеся попарно при входе, типичны для общественных зданий Угарита. Здесь же помещался арсенал, в котором найдены таблички с записью оружейного инвентаря и выдач, произведенных воинам, а также крупные камни, употреблявшиеся угаритскими пращниками. С другой стороны сохранился вход в государственный архив, где были обнаружены счета, письма к царю и царице (здесь, между прочим, находилось и вышеупомянутое письмо Супилулиумы к Никмаду) и т. д.

Очень интересно укрепление, служившее защитой дворцу и городу. Оно обращено в сторону моря, со стороны которого, очевидно, ожидалась главная опасность. И действительно, как известно, решительное поражение, послужившее началом гибели города, Угарит потерпел от народов моря. На выравненном откосе холма устроена была тяжелая облицовка из камня с наклоном в 45 градусов. От основания склона подымалась квадратная башня со сторонами в 14 метров и шириной стен в 5 метров. Вход в башню был через дверь шириной в 4 метра, расположенную посередине стены. Для сообщения защитников башни с портом из нее был устроен подземный ход высотой в 5 метров, со сводчатым потолком и лестницей с низкими

широкими ступенями, по которым можно было сводить лошадей. Этот ход приводил к потайной двери, у подножия которой столбы шириной в 6 метров поддерживали плиту из цельного камня в 2 метра шириной. Это укрепление, свидетельствующее о высоком развитии военной архитектуры, относится к середине XIV века до нашей эры.

Кроме этих различных памятников материальной культуры в Рас Шамре найдено большое количество письменных памятников.

Как показывают таблички, служившие для обучения писцов и найденные в здании, где, очевидно, помещалась школа, в Угарите говорили на языках аккадийском, шумерийском, митаннийском, а главным образом на языке, близком финикийскому и древнееврейскому; некоторое сходство он обнаружил и с аккадийским языком. Была в ходу также и аккадийская система письма, но наибольшее распространение получило алфавитное письмо. Тексты начала II тысячелетия до н. э., найденные при раскопках древнего финикийского города Библоса, свидетельствуют уже о попытках перехода к буквенному письму. Но если на юге за основу брались египетские иероглифы, то на севере алфавит был создан по образцу клинописных знаков. В этом алфавите 30 знаков, обозначающих 28 букв. В позднейшем финикийском алфавите 22 знака. Гласные отмечались очень редко. Алфавит Рас Шамры похож несколько на древнеарабский. Документы написаны на глиняных табличках, благодаря чему они и дошли до нас, в отличие от папирусов южной Финикии, которые погибли от сырости.

Содержание табличек самое разнообразное. Много деловых документов, относящихся к торговле, счетов, списков товаров, что естественно для такого оживленного торгового центра, каким был Угарит. Встречаются также завещания, например завещание XV века до нашей эры, которым какой-то житель Угарита оставляет своей жене имущество и рабов; различные письма: письмо царя Кархемиша к царю Угарита о рабе, купленном кочевниками и проданном в Кархемиш, и о 900 пленниках в Кархемише, или письмо царя Бейрута к своему сыну, бывшему тогда правителем Угарита, и пр.

3

Но наибольший интерес представляют найденные в Рас Шамре мифологические поэмы. До этого нам же были известны никакие образцы финикийской литературы, несмотря на свидетельства античных авторов о ее существовании. О финикийской религии также сохранились только упомин-

нация о безличных богах — Ваалах, — не связанных ни с какими мифами, и позднейшие искусственные космогонические и теогонические построения Филона Библосского (II век нашей эры). Но поэмы Рас Шамры не только проливают свет на древнейшую финикийскую литературу и мифологию: они имеют также большое значение для выяснения общих корней других семитических религий, в частности и для библейской критики. Эти поэмы, как видно из соответственных надписей, были собраны и записаны по приказанию царя Никмада, — значит, в конце XV—начале XIV века до нашей эры. Но происхождение их надо отнести к гораздо более раннему времени. Если в других современных документах упоминаются хетты, митаннийцы, ассирийцы, субарийцы и др., то поэмы знают только области южной Сирии.

Французский ученый, специалист по истории религии, Дюссо, исследовавший поэмы, делает из этого вывод, что авторами их были хананеи, впоследствии называвшиеся финикийцами. Возможно, что они происходили из района, расположенного вблизи моря, так как в поэмах все время говорится, как и в патриархальных легендах евреев, о местности между Средиземным и Красным морями. Датский исследователь семитических религий Нильсен считает, что финикийцы, так же как и евреи, вышли из Аравии.

Из поэм Рас Шамры мы получаем представление о финикийском пантеоне. Во главе его стоит бог Эл. Все в мире делается по его повелениям. Эл—одновременно и царь, и мудрец, и судья. Он живет не на небе, а в отдаленном краю, где реки впадают в океан. Он считается отцом богов и людей, хотя о создании мира и человека никаких упоминаний в поэмах нет. Значительную роль играет также бог Ваал, что означает «господин». Настоящее его имя — Адад — происходит от слова «гром». Адад был богом грома, молнии и дождя. Его изображали с палицей и копьем, символизировавшим молнию. Он был северным богом, и финикийцы узнали его и стали ему поклоняться только тогда, когда в своем продвижении на север достигли Ливана. Южные финикийцы считали Ваала богом севера, откуда и произошло его прозвище Сафон. С культом Ваала было связано почитание его сына Алийана, божества источников, которому финикийцы поклонялись, когда еще жили в пустыне на юге. Алийан часто заменял Ваала. Когда он вошел в цикл мифов о Ваале, его атрибутами стали ветер, дождь и сосулы с брызжущей из них водой.

Врагом Ваала и Алийана был бог Мот, «царствовавший на равнинах, лишенных

небесных вод». Французский ориенталист Виролло считает Мота богом смерти, но скорее прав Дюссо, переводящий слово «мот» словом «воин» и приписывающий ему функции бога лета и жатвы. Женой Эла была Ашерат-Ям, покровительница моря. У нее и Эла было семьдесят детей-богов, которые, по толкованию Нильсена, представляли собой обожествленные звезды, начавшие принимать человеческий облик и впоследствии превратившиеся в ветхозаветных ангелов. Женой Ваала была тоже Ашерат. Из богинь большую роль играла сестра Алийана — Анат, богиня-воительница, которую Виролло считает воплощением жизни в природе. Она соответствовала Астарте и впоследствии слилась с ней в малоазиатскую богиню Атаргатис, культ которой был чрезвычайно распространен.

Борьбе Алийана, Анат и Ваала против Мота посвящена самая большая из поэм Рас Шамры, представляющая один из древнейших вариантов многочисленных мифов об умирающем и воскресающем боге весенней растительности.

Поэма начинается с описания гнева богини Анат, вызванного тем, что люди забыли должное уважение к Ваалу и стали пренебрегать его культом. Она жестоко на-

Голова Ваала. Раскопки в Рас Шамре.

Глиняная статуэтка. Реконструкция. Раскопки в Рас Шамре.

казывает людей города, людей, живущих на берегу моря и живущих там, где восходит солнце. Наконец, она идет в храм и скамьями избивает неверных жрецов. Удовлетворившись мстью, Анат решает построить Ваалу роскошный храм, так как у него нет собственного храма. Вместе с Ваалом она отправляется на север. В дороге они выдерживают борьбу с драконом и с чудовищем Лотаном (библейский Левиафан). Свергнув царя севера и захватив его золото, они приступают к постройке храма Ваала с помощью богов — архитекторов и ювелиров. Для украшения нового храма купцы, земледельцы и водители караванов приносят подарки.

Когда работа, наконец, закончена, Алийан, принимавший в ней большое участие, устраивает для богов роскошный пир. Ваал торжественно вступает во владение своим храмом, причем в этот момент разверзаются тучи и начинает идти дождь. Очевидно, строительство храма Ваала было приурочено к началу дождливого сезона. Ваал, водворившись в храме, говорит, что отныне он один будет царствовать и насыщать богов, людей и земные стада. Он посылает гонцов в ад, где в это время томится его враг Мот, чтобы уведомить последнего о своем возвышении. Мот в свою очередь посылает гонца к Ваалу и тщетно старается задобрить его жертвами. Он умоляет позволить ему вернуться к жизни, так как уделом мертвых в аду является вечный ужас. Ваал отказывает Моту.

Однако, когда деревья начинают приносить плоды и солнце освещает их своими лучами, Ваал должен уступить свое место Моту. Он встречается на охоте Пожирателей — чудовищ с человеческими головами и рогами быка, — которые его уби-

вают. Ваал уходит под землю, в ад, и приказывает Алийану следовать за ним. С уходом Алийана на земле прекращается любовь среди людей и животных, как в одном из вавилонских мифов во время схождения в ад богини любви и плодородия Иштар. Анат оплакивает погибших богов и исполняет траурные обряды. Она идет к Моту, просит, чтобы он возвратил ей брата, но теперь настала его очередь быть неумолимым. Анат уходит, продолжая предаваться скорби. Но затем, воспрянув духом, она возвращается и вступает в борьбу с Мотом. «Анат схватывает Мота, сына богов, она срезает его клинком, она развеивает его, огнем его она обжигает, жерновом его она толчет, в поле она рассыпает его тело, чтобы птицы его съели»¹.

В этом описании нетрудно узнать ритуальное жертвоприношение последнего снопа, олицетворяющего бога жатвы и произрастания зерна, каковым в данном случае является Мот. Как показал знаменитый английский исследователь первобытной магии и религии Фрезер, этот обряд свойствен на определенной ступени развития всем земледельческим народам (поэмы эти сложились в отдаленную эпоху, когда главным занятием еще было земледелие) и имеет целью освятить жатву и обновить силы бога хлеба, который, погибнув, должен вернуться с новым урожаем, более мощным. С гибелью Мота оживает Алийан, который принесет необходимый для новых посевов дождь. Поэма кончается последней битвой Ваала и Мота, который, потерпев поражение, снова занимает свое место в аду, а Алийан и Ваал возвращаются на землю.

На почве аграрных культов сложилась и легенда о Данеле, «божественном помощнике», мудром царе и полубоге. Он справедлив, оказывает милость вдовам и сиротам и творит правый суд, сидя под большим деревом у ворот города. Он покровительствует земледелию, заботится, чтобы пошедший не вовремя дождь не помешал обильному урожаю. У Данеля рождаются сын Акат и дочь Пагат. Мудрая Пагат, которая знает ход небесных звезд, помогает Данелю в его заботах о зерне и винограде. Она указывает сроки, когда нужно выполнять различные сельскохозяйственные работы. Когда Эл заставляет созреть колос, чтобы дать его в пищу людям и богам, сын Данеля Акат собирает урожай. В это время его убивает посланный Анат Ятпан. Акат, так же как и Мот, является духом зерна и приносится в жертву, чтобы увеличить

¹ Dussaud «Le Mythe de Ba'al et d'Aleyan d'après des documents nouveaux».

производительную силу земли и обеспечить хороший новый урожай. Данель погребает сына, приглашает плакальщиц и семь лет оплакивает его. Но когда дочь его Пагат хочет отомстить за смерть брата, он не дает ей своего согласия. Тогда она мирится с Ятпаном и в знак мира принимает от него чашу вина.

Таким же любимцем и сыном богов, как Данель, был Керет. Он жил в Негебе, на границе страны Эдома. На юге Палестины жил Терах, возглавлявший ряд племен. Терах был лунным божеством; в Библии он назван отцом Авраама. Бог Эл приказывает Керету изгнать терахитов из их страны, чтобы они вернулись к кочевой жизни в пустыню. Керет сперва колеблется, но Эл, явившись ему во сне, подтверждает свое приказание и обещает в случае повиновения наградить его потомством. Керет, проснувшись, приносит в жертву богам животных, мед и вино и выступает со своей армией в поход. Выгнав терахитов, Керет подходит к Эдому, но Эл требует, чтобы он не трогал этой страны — «дара Эла, зеницу ока отца людей». Царь Эдома присылает к нему послов с дарами, и Керет соглашается уйти, но требует за это в жены внучку царя Пибель-Мелека — Мешет-Хори, которая была прекрасна, как Анат. Эл благославляет этот брак и предсказывает, что у Керета родятся восемь сыновей и восемь дочерей. Конец поэмы не дошел до нас целиком. Из сохранившихся отрывков Виролло делает вывод, что Керет грешил и поэтому стал смертен, как все люди. Эл спрашивает, может ли кто-нибудь из богов помочь Керету, но они молчат, так как против смерти бессильны и боги. Сыновья Керета оплакивают его.

Кроме этих поэм известен также гимн в честь шумерийской богини Никаль. В гимне описывается ее свадьба с лунным богом Терахом и рождение ее сына, а также рассказывается, что она ведала течением времени и правильной сменой месяцев.

По мнению Дюссо, поэмы и гимны, подобные гимну в честь богини Никаль, исполнялись на различных праздничных церемониях.

Найденные в Рас Шамре легенды дают много материала для сравнительного изучения древних религий и критики содержания Библии. Так, Виролло доказывает, что миф об Алийане, Ваале и Анат представляет собой один из древнейших ва-

риантов известного мифа об Адонисе, который впоследствии был так распространен во всей Передней Азии и был заимствован оттуда греками. Адонис, прекрасный юноша, погиб, как и Ваал, на охоте, убитый венером; любившая его богиня Астарта или Афродита, прототипом которых являлась Анат, оплакивала его и старалась воскресить.

Нильсен считает, что религия, отразившаяся в мифах Рас Шамры, представляет собой до сих пор отсутствовавшее переходное звено от примитивной древнеарабской религии небесных светил к более развитой библейской религии. Так, по его мнению, Эл и Ашерат-Ям — это принявшие человеческий вид солнце и луна, родители прочих богов-звезд, которые в расшамревских поэмах обратились в 70 сыновей Эла. В Библии же, в дальнейшем развитии, верховный бог становится из родителя творцом всего существующего, а его прежние дети — боги; бывшие раньше звездами, — становятся подчиненными ему ангелами.

Неоднократно отмечалось в литературе сходство между финикийскими ритуалами и описаниями древнеизраильского и иудейского культа в Библии. Профессор А. Б. Ранович замечает, что наличие в финикийском пантеоне лунного божества Тераха, названного в Библии отцом Авраама, подтверждает предположение о происхождении израильско-иудейских «патриархов» из богов — эпонимов¹ древнеизраильских племен. Общие черты в пантеоне обоих народов лишней раз указывают на пантеистический характер древнееврейских верований, согласно которым древние израильтяне и иудеи также почитали бога Эла и жену Ягве — Анат-Ягу. В своих «Очерках по истории древнееврейской религии» А. Б. Ранович подчеркивает, что раскопки последних лет, и в частности открытые в Рас Шамре древнефиникийские мифы, лишней раз подтвердили замечание Энгельса о том, что в Библии «главное содержание было арабского или, вернее, общесемитического характера»².

¹ Эпонимы — в данном случае мифические родоначальники племен, которые дали последним свое имя.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXI, стр. 484.

Ф. Немченко

Древний Восток в художественной литературе

В преподавании истории и в развитии интереса к исторической науке очень большую роль играет художественная литература. Исторические романы и повести воссоздают обстановку и ход событий в наиболее доступной и увлекательной форме.

Но как бы ни был интересен этот вид литературы, следует все же всегда помнить, что даже самый лучший исторический роман или повесть — не история. Художественное произведение наряду с описанием подлинных исторических фактов обязательно содержит вымысел. Поэтому педагог должен руководить чтением учеников, помогая им отделять действительность от вымысла. Особенно это важно в 5—7-х классах, где дети еще не понимают этого и принимают все за чистую монету.

Кроме того нужно также всегда помнить, что дворянские и буржуазные писатели в большинстве случаев тенденциозно освещали события, часто сознательно извращая историю. Поэтому важнейшая обязанность преподавателя предупредить вредное влияние этой литературы на учеников.

Задача настоящей статьи — охарактеризовать наиболее выдающиеся романы и повести из истории древнего Востока, имеющиеся на русском языке, с точки зрения отражения в них исторической действительности.

* * *

Романов из истории древнего Востока очень немного, и почти все они построены на материале истории Египта. Это не случайно, так как Египтом интересовались больше других стран Востока греческие историки, сообщившие много анекдотов, очень удобных для художественной обработки. Немалую роль играет здесь и античная традиция, рассматривавшая Египет как страну чудес.

Первое место среди романов по истории древнего Востока принадлежит, бесспорно, романам Эберса. Георг Эберс (1837—1898), профессор Лейпцигского университета, был одновременно крупным египтоло-

гом и незаурядным писателем. Благодаря такому сочетанию его романы дают яркие исторические картины и справедливо считаются лучшими по истории древнего Востока.

Первым и наиболее интересным романом Эберса является «Дочь египетского царя». Сюжетом для него служат бурные события двадцатых годов VI века до нашей эры: последние годы независимого существования Египта, завоевание его персидским царем Камбизом, правление Камбиза и начало правления Дария I.

Действие романа начинается в 528 году до нашей эры. Египтом управляет фараон Амазис. Страна находится в тяжелом положении. Армия слаба. Власть фараонов и независимость страны давно уже держатся на наемном греческом войске, и поэтому фараоны всячески покровительствуют грекам. Но в стране есть и другая сила, с которой фараоны должны считаться. — жречество. Ревниво оберегая свое исключительное положение в стране, реакционное до мозга костей, оно является ярким врагом всего нового и всего чужеземного. Особенно жрецы ненавидят греков. Под их влиянием народ также относится к грекам неприязненно. Фараон Гофра (Априс), особенно покровительствовавший грекам, был свергнут и убит египетскими солдатами, восставшими под влиянием жрецов. На престол был возведен один из командиров, выходец из солдат, Амазис. Но и он вынужден был покровительствовать грекам, так как они являлись единственной серьезной военной силой. Жрецы, среди которых особо важную роль играет Нейтотеп, верховный жрец богини Нейт, ненавидят за это фараона. Они хотят добиться изгнания греков и в конце концов добиваются изгнания начальника греческих наемников афинянина Фанеса. На стороне жрецов стоит царевич Псамметих.

Вся первая часть романа построена на противопоставлении египетской и греческой культур. Первая умирает, она вся в прошлом, окостенела, не терпит нового. Вторая только расцветает, ей принадлежит будущее. Центром греческой образованно-

сти является дом богатой гречанки Родопис в Навкратисе.

На Египет с востока надвигается гроза. Вся Азия в руках персидского царя Кира, а после его смерти — его сына Камбиза. Камбиз шлет богатое посольство к Амазису, в которое входят его брат Бартия и родственник Дарий. Послы просят выдать дочь египетского царя, Тахот, за Камбиза. Амазис не смеет отказать, но, не желая расставаться с Тахот, отдает под видом своей дочери дочь бывшего фараона Гофры, Нитетис. Нитетис едет в Вавилон к Камбизу. Она быстро приобретает его любовь, но вызывает этим к себе зависть прежней фаворитки, которая из мести обвиняет ее в связи с Бартией. Царь приговаривает Бартию и группу его друзей, а также Нитетис к смерти. Невинность их выясняется благодаря приехавшему в Вавилон Фанесу, но уже поздно.

Узнав, что Амазис его обманул и Нитетис — не дочь его, Камбиз идет походом на Египет. Тем временем Амазис умирает, и фараоном становится Псамметих III. Под Пелузиумом Камбиз разбивает Псамметиха. Египет в его руках. После этого Камбиз идет на Эфиопию, но поход кончается неудачно.

В это время начинается восстание в Персии. Камбиз спешит вернуться в Персию, но по дороге гибнет.

Роман заканчивается рассказом о провозглашении царем Дария и о подавлении им восстания.

Таков сюжет романа «Дочь египетского царя». Насыщенный большим количеством драматических эпизодов, он читается с огромным интересом. Роман построен на довольно точных данных Геродота и частично Бегистунской надписи Дария I и в общем соответствует исторической действительности. Но в нем имеется ряд неточностей, связанных с состоянием науки того времени. Ассириология была еще в зародыше, даже Бегистунская надпись известна была не целиком, не говоря уже об ассиро-вавилонских документах. Поэтому, например, убийство Бартии Эберс относит, по Геродоту, ко времени пребывания Камбиза в Египте. По Бегистунской же надписи это произошло до похода в Египет. Вавилон описывается, по Геродоту, преувеличенно громадным. Храм Бела (по Эберсу Ваала) в Вавилоне был не круглый, а прямоугольный. Фараон Амазис, по последним данным, является не выходцем из рядовых воинов, а родственником фараона Гофры.

Очень хорошо дана Эберсом картина состояния Египта накануне падения: ослабление власти фараона, всемогшие жрецы, военная слабость страны. Характеристика Амазиса в общем совпадает с данными

источников. Нейтотеп — вымышленная личность, ярко характеризующая положение и роль жрецов. Красочно описан и Псамметих. Нитетис нам известна только по имени, и ее образ является целиком плодом художественной фантазии Эберса.

Наиболее яркой фигурой романа является, конечно, Камбиз, изображенный типичным восточным деспотом. Фигуры других персов сильно идеализированы.

Особенно это относится к Бартии (о нем источники ничего не сообщают, кроме имени) и Дарию, будущему царю. Дарий был, несомненно, выдающимся государственным деятелем, но ему отнюдь не присуще было то сусальное благородство, которое приписывает ему Эберс. Совершенно фантастична фигура бывшего лидийского царя Креза, о котором после гибели его царства источники ничего не сообщают.

Центральным героем романа является все же не Камбиз. Это коллективный герой — греки. Весь роман построен не только в плане противопоставления греков египтянам, но и Эллады Востоку вообще. И в этом Эберс целиком идет за Геродотом. Восток исчерпал свои силы, он окостенел, и его наследие переходит к эллинам. Они чужды консерватизма, охотно учатся у египтян, но отбрасывают все ветшалое и смело двигают культуру вперед. Сильно идеализирована в романе Эберса гречанка (вернее эллинизированная фракиянка) Родопис, дом которой в Навкратисе становится центром эллинизма. Родопис мечтает об объединении Эллады в единое демократическое государство. Это идеальная фигура, являющаяся целиком плодом художественного вымысла автора.

Эберсу удалась его основная задача — показать греков наиболее передовым народом того времени.

Очень удались Эберсу картины быта Египта и Персии, особенно быта придворного.

Мы уделили роману «Дочь египетского царя» так много внимания потому, что он, несмотря на большую давность его написания, является до сих пор лучшим художественным произведением из истории древнего Востока, написанным с большим знанием истории того времени.

Вторым по значению романом Эберса является «Уарда». Сюжет для него взят из времен царствования фараона Рамзеса II (XIII век до нашей эры). Материалом для романа послужили песнь в честь победы Рамзеса при Кадеше и царские надписи. Писец Пентуар, автор копии песни, становится в романе Эберса главным героем.

Сюжет романа вкратце таков. В Фивах жила певица, прекрасная Беки. Она любила молодого вельможу Ассу, но тот вско-

ре бросил ее. Беки с горя заболела, потеряла голос и красоту, потом занялась колдовством и стала называться Гект. Она не переставала мечтать о мести. Однажды ей принесли только что родившегося мальчика садовника, для того чтобы свести у него шестой палец на ноге. Одновременно ее позвали помочь жепщине, у которой внезапно начались роды вблизи дома колдуньи. Женщина была женой сына Ассы. Колдунья, воспользовавшись этим, подменила детей. Сын садовника стал внуком Ассы и получил имя Паакера. Внук Ассы оказался сыном садовника и получил имя Пентаура. Паакер вырос грубым, жестоким человеком, которого все ненавидят. Пентаур оказался талантливым юношей, поэтому был принят в храм Сети и стал любимым учеником верховного жреца Амени. После ряда сложных перипетий Пентаур в битве под Кадешом спасает жизнь фараона Рамзеса II. Паакер же становится изменником и гибнет. Тайна рождения Пентаура выясняется, и в заключение он становится царским зятем. На победном пиру Пентаур воспекает битву при Кадеше.

Роман написан с большим знанием истории древнего Египта, его нравов и быта. Хорошо обрисована роль жречества, стремящегося к власти. Ярko показано, как египетская религия препятствовала развитию медицины, запрещая вскрывать трупы. С большой теплотой обрисована фигура врача Небсехта, подвергающегося гонениям за это. Следует сказать, что Эберс был вообще большим знатоком египетской медицины. Он опубликовал знаменитый папирус, носящий его имя. Поэтому к тому, что он говорит о египетской медицине, следует отнестись с доверием.

В романе подлинно исторической фигурой является только Рамзес II. Остальные персонажи — целиком плод художественной фантазии автора. Обрисованы они гораздо слабее, чем основные герои «Дочери египетского царя». Исключение составляет только Амени, верховный жрец храма Сети в Фивах. Амени — яркий представитель верхушки жречества, стремящейся к власти и не останавливающейся для достижения этой цели ни перед какими средствами.

Серьезным недостатком романа является реакционность его основных положений. По Эберсу, благородство есть врожденное качество аристократа, а грубость — качество простолюдина. Пентаур, сын придворного, и в доме садовника остается благородным человеком. А Паакер, сын садовника, сохраняет свою грубую натуру и в богатом доме. Все представители знати обрисованы, как ходячие добродетели: благороден сын Рамзеса Рамери, добродетельна дочь

его Бент-Анат и т. д. О Рамзесе уж и говорить нечего.

Кроме того совершенно неверно утверждение Эберса, что египетские жрецы будто втайне верили в единого бога, представляя многобожие народу. Единобожие (монотеизм) есть плод длительного исторического развития и определенных исторических условий. Идея мирового бога оформляется окончательно только во II веке до нашей эры у евреев. Широкое же распространение ее в виде христианства начинается уже в Римской империи.

Совершенно мифической является фигура Моисея, искусственно вставленная Эберсом в роман. Здесь Эберс целиком находится во власти библейско-христианской традиции.

Есть в романе и ряд других, менее значительных недостатков, связанных с тогдашним уровнем исторической науки. Эберс путает хеттов и арамеюв. Кадеш он называет хеттской столицей, в то время как он был только центром небольшого сирийского княжества. Столицей же хеттского царства был город Хаттушаш в Малой Азии. Не совсем верно и описание битвы при Кадеше. Здесь Эберс целиком доверяет победным надписям Рамзеса II, описывающим эту битву, как величайшую его победу. На самом деле победа была пирровой. Мир был заключен не непосредственно после этой битвы, а только после упорной пятнадцатилетней войны. Из договора не видно, чтобы Египет был победителем. Составлен он на равных условиях для обеих стран. Ничем не мотивировано появление в войске хеттского царя греков (данаев). Появление так называемых «морских народов», среди которых были и предки будущих греков, относится уже к царствованию сына Рамзеса II, Мерненты.

В общем роман «Уарда» может быть использован педагогами для ознакомления с бытом и жизнью Египта той эпохи.

Наиболее слаб третий роман Эберса — «Иисус Навин». Эберс взял здесь просто библейский миф об исходе евреев из Египта, искусственно вставил его в обстановку Египта конца XIII века до нашей эры и превратил в описание будто бы действительно имевшего место события. В роман включены даже чудеса: египетские казни, переход через Красное море и т. д. Роман этот антинаучен и представляет собой сделку ученого с своей совестью в угоду церкви.

Таковы романы Эберса из истории древнего Востока. Помимо сказанного выше, для них всех характерна еще одна черта: они дают описание преимущественно верхов общества. Жизнь трудящихся не интересует романиста.

В этом отношении несколько отличается роман «Фараон», принадлежащий перу известного польского писателя Болеслава Пруса (псевдоним Александра Гловацкого, 1847—1913). Поскольку этот роман выпущен в советском издании и пользуется большим распространением, на нем следует остановиться подробнее.

Сюжетом романа «Фараон» являются события начала XI века до нашей эры, времени правления последнего фараона XX династии (Рамессидов), Рамзеса XII. В этот период власть фараонов совершенно упала, и фактическими правителями стали жрецы храма Амон-Ра в Фивах во главе с верховным жрецом Херихором. Положение Египта было крайне тяжелым: страна была разорена, внешнеполитическое положение также было очень напряженным, нависла угроза со стороны возвышающейся Ассирии. Молодой царевич Рамзес, будущий фараон, путешествуя по Египту, видит страдания крестьян. Он хочет помочь им, хочет поднять военное могущество Египта, но на его пути стоит жречество, уже с детства внушающее ему ненависть. Ненависть усиливается, когда Рамзес становится взрослым, наследником, а потом фараоном. Завязывается борьба, полная драматизма, заканчивающаяся победой жрецов, гибелью Рамзеса и провозглашением фараоном Херихора.

Таков сюжет. Роман Пруса выгодно отличается от романов Эберса тем, что здесь большое место уделено жизни трудящихся масс Египта. Ярко обрисована и роль жречества. Каждая строка этого резко антиклерикального романа дышит ненавистью к нему. Порой кажется, что перед нами не египетское жречество, а католическое духовенство со всей тонко выработанной им системой интриг. Роман показывает хорошее знание автором быта и нравов древнего Египта. Очень удачно использованы многочисленные подлинные египетские документы.

И все же роман Пруса нельзя назвать историческим в строгом смысле этого слова. Верно в нем только то, что при Рамзесе XII власть в Египте целиком перешла в руки фиванского жречества и что Херихор стал фараоном. Все остальные события созданы фантазией писателя. Фантастической является фигура демократически настроенного Рамзеса XIII, сына Рамзеса XII. История такого вообще не знает. Автор предисловия к советскому изданию романа профессор В. И. Авдиев прав, считая, что прототипом Рамзеса XIII послужил для Пруса фараон Аменхотеп IV (Эхнатон), царствовавший за три века до этого. Для Пруса, исходящего из положения о над-

классовом характере монархии, Рамзес XIII—идеальный фараон, стремящийся облегчить судьбы своего народа.

Исторически неверно и описание внешнеполитического положения Египта в это время. По Прусу, Египет составляет единое государство; на самом же деле уже с 5-го года царствования Рамзеса XII Нижний Египет оказался во власти вельможи Несубанебдеда, провозгласившего себя фараоном. Херихору, когда он стал фараоном в Фивах, не удалось объединить страну. Совершенно не соответствует действительности рассказ о подчинении Египту Финикии и Сирии. Там с авторитетом Египта давно уже перестали считаться. Документом, свидетельствующим об этом, является знаменитый рассказ о злоключениях Уну-Амона, которого Херихор послал в Библ за кедровым деревом.

Никакого посольства из Ассирии и договора Египта с нею история тоже не знает. Известно, что какой-то фараон (вероятно, Несубанебдед) послал ассирийскому царю Тиглатпалассару I послов с подарками, признав этим ассирийскую гегемонию в Передней Азии. Самое имя ассирийского посла — Саргон — очень неудачно. Это царское имя «Шаррукин», что значит в переводе «законный царь», и его не мог носить вельможа. Неверно сообщение о хеттском царстве, оно уже не существовало в это время.

Фантазией автора являются все рассказы о финикиянах и роли финикийских ростовщиков в Египте. То же самое можно сказать и о греческих наемниках; они появляются в Египте только в середине VII века, т. е. на 400 лет позже. Все рассказы о евреях также являются вымыслом. Они не подтверждаются источниками. У Пруса евреи причесаны на библейский манер, и в этом несомненная дань автора религии.

Много исторически неверного и в описании египетского жречества. Научные знания жрецов сильно преувеличены: по Прусу, им были известны порох, компас, увеличительные стекла, они пользовались диаграммами, географическими картами, они знали не только о шарообразности земли, но и о причине солнечных затмений. Один из жрецов даже изучал движущую силу пара и предсказывал изобретение паровой машины.

Не соответствуют действительности и рассказы Пруса о взаимоотношениях египетских жрецов с вавилонскими, да еще вдобавок о том, что египетские жрецы признавали приоритет вавилонских. Этого никогда не было. Наоборот, египетские жрецы всегда с величайшим отвращением и презрением относились ко всем ино-

странцам и считали Египет единственной страной мудрости.

Есть и другие, противоречащие историческим данным сведения в романе. Египтяне не употребляли осадных и метательных орудий (таран появляется впервые в Ассирии в IX веке, а метательные орудия — у греков, в IV веке до нашей эры), не знали платины (открыта в XVI веке нашей эры), не возделывали хлопка (индийское растение). В Египте никогда не существовало сословного представительства на мапер средневекового. В так называемом Лабиринте (храм времен XII династии) не хранилось никаких сокровищ. Не существовало в XI веке городов Навкратиса и Береники; первый был основан греками в VII веке до нашей эры; второй — уже при Птолемах.

Таковы недостатки этого романа. Они искупаются в значительной мере увлекательностью повествования. Роман, как отмечалось, пользуется широкой популярностью. Его вполне можно рекомендовать старшим школьникам, предупредив о тех искажениях истории, которые в нем имеются.

* * *

Из русских дореволюционных писателей историей древнего Востока интересовался Мордовцев (1830—1905), перу которого принадлежит роман «Замурованная царица».

В основе романа «Замурованная царица» лежит исторический факт — заговор против фараона Рамзеса III (XII век до нашей эры), раскрытый в конце его царствования. В заговоре принимали участие жены фараона, верховные жрецы некоторых храмов и военачальники.

До нас дошло судебное дело по этому заговору, которое и использовано Мордовцевым в качестве основного документа. Ход следствия по заговору и представляет, собственно, наиболее интересную часть романа. В целом же роман написан довольно бледно. В научном отношении он весьма устарел. Кроме того он содержит значительные погрешности против истории даже для тогдашнего уровня науки. Например мифической является личность троянской царевны Лаодики, дочери Приама (саркофаг с мумией которой был будто бы обнаружен известным египтологом Масперо и хранится в Каирском музее). Мордовцев, посетивший Египет в 1881 году, видимо, доверялся гидам и с их слов записывал самые разнообразные басни. В действительности же ничего о Лаодике источники не сообщают.

Неверно указано и время заговора. По Мордовцеву, он произошел в начале царствования Рамзеса III, на самом же деле — незадолго до его смерти, т. е., по

крайней мере, на 33 года позже. Рамзес не принимал лично, как это указывается в романе, участия в ведении следствия и в вынесении приговора. Согласно источникам, фараон был настолько огорчен, что совершенно отстранился от дела, заявив судьям: «О чем эти люди говорили, я не знаю, вы испытайте. Ступайте и выслушайте их; казните, кого следует, их собственной рукой, чтобы я только не знал об этом ничего...»¹.

Есть и мелкие погрешности в романе. Рамзес не мог поход против ливийцев закончить в 8 дней, так как этого срока едва хватило бы, чтобы дойти от Фив до Ливии. При описании религиозных церемоний указывается, что священный бык Апис был белым. На самом деле Апис всегда был совершенно черным, с белым пятном на лбу.

Роман «Замурованная царица» может пригодиться педагогу только в той части, которая касается раскрытия заговора. В остальном же ценность его весьма незначительна.

* * *

В советской литературе была сделана попытка создать роман, рассказывающий о революционной борьбе египетских трудящихся масс. Мы имеем в виду «Багровый хамсин» Арт. Феличе (Л. Ямшиковой). По попытка эта не особенно удачна. Материалом для романа служат события, описанные в знаменитом Лейденском папирусе или папирусе Ипувера. Папирус рассказывает о крупнейшем восстании трудящихся масс Египта против власти фараона и знати. Но он рисует только общую картину восстания, не сообщая конкретных фактов. Из папируса неясно даже, к какому времени относятся эти события. Среди историков древнего Востока существуют на этот счет различные мнения: одни считают, что события эти произошли в конце Древнего царства (т. е. конец III тысячелетия до н. э.), другие относят их к концу Среднего царства (приблизительно XVIII в. до н. э.). Уже из этого видно, что задача романиста очень трудна. Необходимо тщательное изучение материала истории Египта и для того, чтобы примкнуть к той или иной точке зрения, и для того, чтобы нарисовать картину, близкую к действительности. Автор не справился с этой задачей. Роман производит впечатление схемы, паспех набросанной. Арт. Феличе относит восстание ко времени XIV династии, т. е. к концу Среднего царства. За это никто упрекать ее не может. Но, став на такую позицию, надо было до конца оставаться на ней.

¹ Б. А. Тураев «История древнего Востока». Т. I, стр. 316. 1935.

Автор, например, указывает как непосредственный повод к восстанию на строительство громадной пирамиды. Это было бы характерно для Древнего царства, но не для Среднего, тем более для XIV династии, совершенно незначительной, правившей короткое время и фактически владевшей только небольшим округом города Ксоиса, в Нижнем Египте.

Самое восстание описывается, как кратковременный взрыв, оно протекает чрезвычайно быстро и подавляется вторгшимися в Египет гиксосами. На самом деле оно длилось, видимо, несколько десятилетий. Неправильна также тенденция автора преуменьшать стихийность этого движения, так как естественно, что уровень сознательности и организованности был тогда еще крайне низок. Образ вождя восстания Нугри сильно модернизирован. Нугри говорит, например, о необходимости союза крестьян и рабов, так как рабы — «наши братья». А между тем нельзя забывать, что не только участники этого восстания, но даже стоявшие на гораздо более высоком уровне сознания рабы, восстававшие во II—I веках до нашей эры, не дошли еще до мысли об уничтожении рабства вообще.

С историей у автора то и дело получается разлад. Например о XIV династии говорится, что она была очень могущественной и правила Египтом чуть ли не 500 лет. На самом же деле она существовала весьма недолго и правила, как уже отмечалось, только небольшим округом Ксоиса в период полного политического распада Египта.

Автор пытается передать колорит эпохи тем, что имена дает не в традиционном произношении, а по-египетски, но делает это очень неудачно. Например имя последнего фараона XIV династии мы знаем в греческой транскрипции историка Манефона — Тимайос. Арт. Феличе переделывает его в совершенно фантастическое Тимеос. Нибмаутри Гор-ка-нахту-хам-маит. Таким же образом вождь гиксосов Салатис переделывается в Шалати, что придает будто бы его имени семитический оттенок. Царица, мать фараона, носит имя Нефтис Менхопрури; для чего-то к женскому имени Нефтис присоединено тронное имя фараона XVIII династии Тутмоса III. Особенно неудачна переделка греческого имени Фив в Ипет. Фивы в египетских памятниках называются Уасет, а Ипетом назывался Карнакский храм в Фивах.

Автор иногда пользуется подлинными египетскими документами, в частности известными поучениями Дуау и особенно Лейденским папирусом. Но все это сдела-

но неудачно. Выдержки из документов механически вставлены в роман. Получается впечатление, что персонажи романа говорят не от своего имени, а читают документы.

* * *

Из романов, посвященных другим странам древнего Востока, существует на русском языке только один — «История одного финикиянина» — французского писателя Каэна. Роман берет Финикию X века до нашей эры, эпохи расцвета финикийских торговых городов, в особенности Тира. Герой романа, сидонский моряк Магон, совершает ряд далеких путешествий, сопровождающихся разнообразными приключениями. Каэну безусловно удался тип купца-разбойника, хищного, предприимчивого, какими и были финикийские мореходы, первые мореходы в истории. Хорошо показан характер финикийской торговли, переходящей в грабеж, где только это возможно, и в охоту за живым товаром — рабами. Очень хороши описания морских сражений. Педагог здесь может многое взять для рассказов в классе. Это тем более необходимо, что ученики 5-го, а иногда и 6-го класса совершенно не представляют себе кораблей того времени. Корабли они называют «пароходами» и не представляют себе сражения без пушек.

Роман вообще написан очень увлекательно и читается с большим интересом. Но погрешности против истории есть и в нем. Анахронизмом является путешествие вокруг Африки в X веке до н. э., в действительности имевшее место в начале VI века до н. э. Фантастичны рассказы о греках и в особенности о народах севера Европы, куда будто бы ездили финикияне. В описании торговли с дикарями Африки говорится, что финикияне меняли стеклянные изделия на золото. Вряд ли стекло в то время было много дешевле золота. Это больше похоже на XVI—XVII века нашей эры, а не на X век до нашей эры. В романе Ассирия изображается могущественной державой, которой принадлежит Вавилония. На самом деле Ассирия в X веке переживала упадок, который и обусловил политическое возвышение городов Финикии. Фантастическими являются рассказы об израильских царях Давиде и Соломоне и царице Савской. Карфаген в X веке еще не существовал. Метательных орудий у финикиян не было.

Но в общем несмотря на недостатки Каэн прекрасно справился с задачей освещения эпохи, и роман его полезно прочесть как преподавателю, так и старшему школьнику.

О работе с исторической картой

1

Задача данной статьи — обратить внимание преподавателей на работу по локализации исторических событий, показать, что в обычных школьных условиях можно поставить эту работу вполне удовлетворительно.

Учитель должен, не ограничиваясь заучиванием исторической и географической номенклатуры карты, оценить ее как наглядное пособие, выяснить различные методы ее использования на уроке и, наконец, проверить, насколько данная карта отвечает конкретным условиям работы в классе.

За последние годы издан целый ряд исторических карт различной методической ценности, но они не всегда могут быть признаны полностью удовлетворительными для работы в средней школе. Поэтому в первую очередь нужно проверить, насколько карта отвечает основным требованиям, предъявляемым к ней как к наглядному пособию.

1. Карта должна быть точна. Ни в коем случае не следует думать, что тщательность и точность географических контуров для исторической карты необязательны. Нельзя, например, допускать, чтобы на карте было обозначено течение реки в направлении, противоположном реально существующему (как это сделано, например, с рекой Вольтурн в исторической карте древней Италии издания Московского Государственного Исторического музея).

Существует также мнение, будто для исторической карты необязательны такие географические обозначения, как градусная сетка и рельеф. Между тем без градусной сетки не может быть карты. Также нельзя выпускать исторические карты без рельефа, как это делали наши картографические организации до последних лет. (См. исторические карты по древней истории Исторического музея, карты проф. Будряшова, перепечатки иллюстровских карт и др.)

Однако за последнее время положение изменилось. С удовлетворением следует отметить, что новые исторические карты: «Древний Восток», «Европа VIII—XI веков» и другие — вполне удовлетворяют требованиям точности и полноты географических обозначений.

2. В карте не должно быть лишней «нагрузки». Стремление составителя учебной карты нанести на нее как можно большее количество наименований и обозначений превращает ее в своеобразный справочник, но не карту, приспособленную к занятиям в классе. Примером перегрузки могут служить некоторые дореволюционные карты, составленные Иллюстровым, немецкие карты Kiepert'a и др. Детали и подробности уместны в атласе, а не в учебной карте. На карте должны быть лишь точные географические ориентиры и необходимая для курса историческая номенклатура.

3. Учебная карта должна быть легко «читаемая». Все географические и исторические контуры на карте должны быть четкими и достаточно крупными, чтобы их легко было различать даже с задних парт. Окраска карт должна быть яркой, цвета должны быть чистые. В этом отношении многие карты, имеющиеся в распоряжении учителя, оставляют желать лучшего. Блеклость красок, нанесение одноцветной краской контуров (например рек и государственных границ), большие пространства, вовсе не окрашенные, — таковы весьма распространенные недостатки выпускаемых карт. В большей или меньшей степени такими недостатками отличаются карты Государственного Исторического музея, часть кудряшовских карт, перепечатка и оригиналы карт Иллюстрова. Новые, изданные за последние годы карты свободны и от этих недостатков.

4. Имеющиеся на карте названия должны соответствовать данному историческому периоду. Странно было бы видеть на карте XIX века надпись «Ленинград» вместо С.-Петербурга, «Осло» вместо Христиании и т. д. Однако в ряде исторических карт можно встретить современные названия, несмотря на то что карта предназначена отражать совсем другое время. Например на многих картах древнего Египта можно найти Телль-Амарну, на карте древнего Двуречья — Багдад и т. д.

В случае необходимости современные названия могут быть указаны на карте, но в таком случае их обязательно следует выделить иным, более мелким шрифтом,

более слабой краской или заключить в скобки.

5. Карта должна хронологически соответствовать теме урока. Нельзя, например, принести на урок о крестьянских войнах в Германии политическую карту современной Европы или пользоваться картой Европы VIII—XI веков для работы по теме «Наполеоновские войны».

6. Карта должна охватывать всю территорию, на которой разворачивались данные события. Было бы ошибкой пользоваться картой Африки (даже если бы там и были очертания северного берега Средиземного моря) для рассказа о завоеваниях арабов или картой Европы для темы о монгольских завоеваниях XIII века.

Таким образом, изучая карту, учитель взвешивает все возможности ее использования и разбирает все ее недостатки.

Однако критика карты не должна привести к отказу от использования данной карты. Задачей учителя является исправление ее недостатков до урока или соответствующая обработка карты на самом уроке.

2

Свою работу с картой в классе преподаватель должен начать с немедленного подробного аннотирования ее.

Каждому учителю истории в своей практике приходилось встречаться с таким явлением: хороший ученик у только что вывешенной незнакомой для него исторической карты неожиданно обнаруживает полную беспомощность в ориентировке. Он ищет Волгу где-то около Рейна, Москву — в Италии и т. д. Объясняется это тем, что привычные для ученика физико-географические контуры морей, рек, отдельные пункты обрамлены совершенно незнакомыми для него группами цветных пятен, контуров, границ, среди которых ученику трудно отыскать контуры пространств, известных ему из географии. Если он пытается ориентироваться на надписи, то не всегда они могут выручить. Например только что он нашел знакомый контур Каспийского моря, а на нем надпись: «Гирканское море». Поэтому первая задача учителя при экспозиции новой карты — разобрать, что на ней изображено, дать общую ориентацию. Это — неперемнное условие. Вести разбор надо примерно так:

а) Часть земной поверхности, изображенная на карте. б) Хронологические рамки карты. в) Отбор главнейших географических ориентиров. г) Характерные особенности политических границ данного периода. д) Главнейшие политические объедине-

ния, изображенные на карте, их взаиморасположение. е) Исторические и современные названия на карте.

Конечно, не следует думать, что уже при первой экспозиции карты нужно сразу изложить ученикам все ее историческое содержание. Ясно, что такой подход привел бы лишь к отрицательным результатам. Речь идет о выяснении с учениками знаковых им географических пунктов и линий на карте и установлении общего понятия об ее исторической части. Весь же новый исторический материал должен быть изложен постепенно, в процессе уроков.

В учебнике «Древней истории», в первом уроке по истории Греции на тему «Страна и ее население» (§ 28, стр. 74—76), имеется громадное (около 30) количество новых названий. Было бы ошибкой давать их сразу ученикам для заучивания. В лучшем случае это привело бы к бессмысленной зубрежке, так как с новой номенклатурой у учащихся еще не связаны никакие конкретные представления.

Правильно будет на первом уроке дать лишь географический обзор древней Греции, указать на особенности ее поверхности, береговой линии и т. д., а ознакомлением с отдельными областями, городами и заучиванием их заняться лишь по мере упоминания о них в курсе. Так, Троя, Микены, Крит появятся в уроке о крито-микенской культуре, Спарта впервые встретится в уроке о древнегреческом эпосе и т. д. Такое постепенное ознакомление с картой не будет механическим, и все географические наименования будут ассоциироваться у учеников с конкретным историческим содержанием.

Для успешного усвоения учениками историко-географического материала следует терпеливо и упорно добиваться сознательной ориентировки учащихся по карте. Например совсем не достаточно при рассказе о восстании в Лаврийских рудниках (курс VI класса) ограничиться показом местоположения их. Обязательно надо дать ориентировочные указания: «В Греции, в средней ее части, в Аттике, на самой южной оконечности Аттики, там, где аттический полуостров острым углом к югу вдается в море».

Место какой-либо битвы, скажем Каталаунское поле, следует тоже обязательно ориентировать по знакомым географическим пунктам, например по Луаре, и т. д.

Кроме того нужно делать эти указания таким образом, чтобы они прочно закрепились в сознании учеников. Весьма целесообразно пользоваться для этого различными условными знаками: флажками, маленькими изображениями предметов, о ко-

торых идет речь, или их символами, разноцветными шнурками и т. д.

Так например, рассказывая о восстании Болотникова (VIII класс), недостаточно указать район восстания и отдельные пункты наиболее значительных событий этого движения, так как получится простое перечисление (Путивль, Кромь, Елец, Коломенское, Москва, Калуга, Тула): нужно при последовательном упоминании этих пунктов в рассказе ставить в соответствующих местах карты какие-нибудь знаки, например флажки.

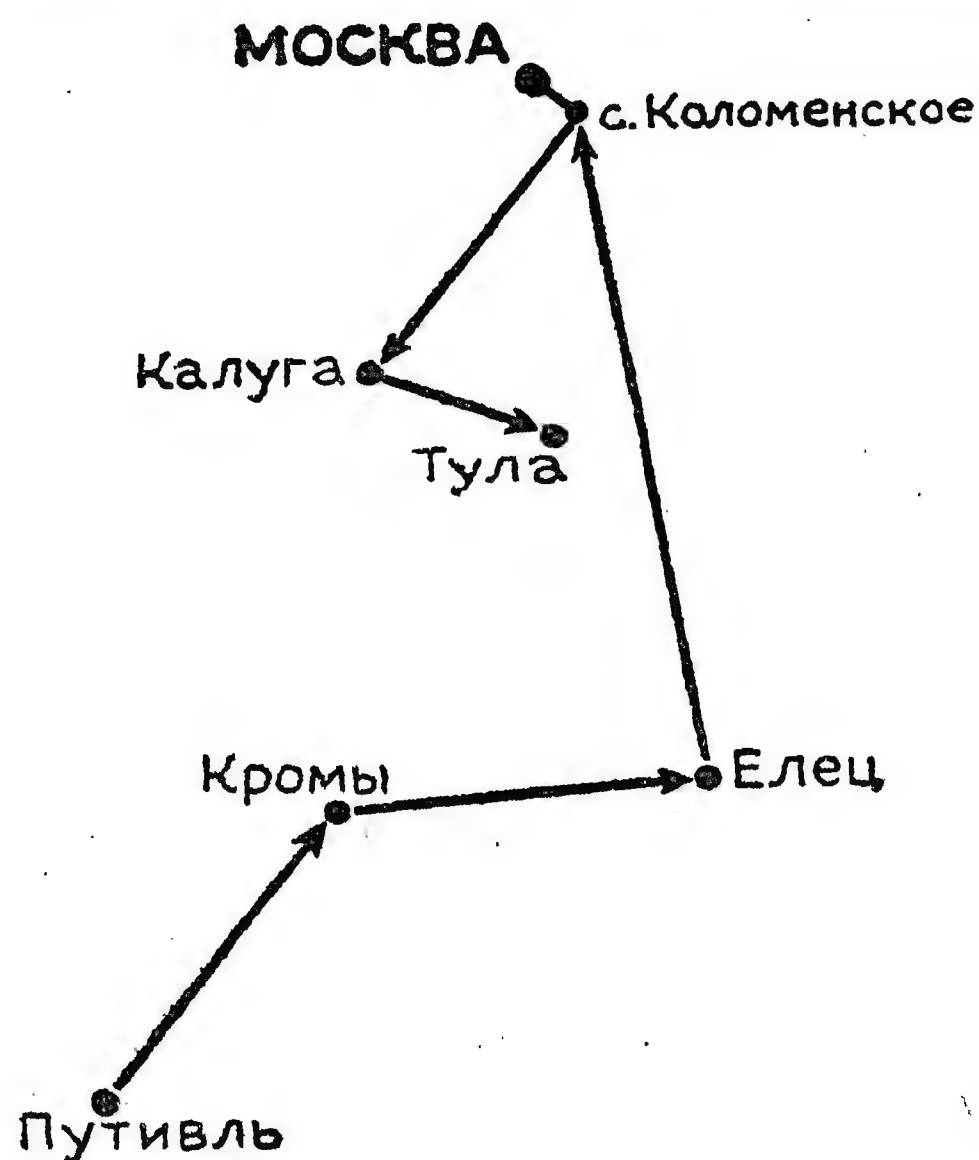
МОСКВА
• с. Коломенское

Калуга
Тула

Кромь
Елец

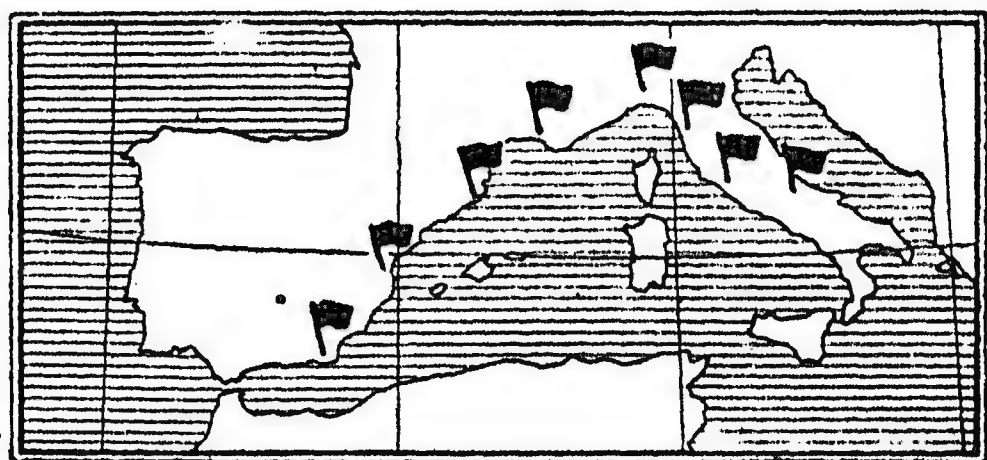

Путивль

Затем отдельно на доске мелом нарисовать направление движения Болотникова.

Если кроме этого учитель даст в качестве самостоятельного задания извлечение этого маршрута из карты учебника, то ученики прочно усвоят движение Болотникова.

В VI классе недостаточно ярко отмечен на исторических картах поход Ганнибала. Флажки сразу сделают его заметным для всей аудитории, до самых задних парт. В самом деле, поставив первый флажок на Новый Карфаген, затем на Сагунт, затем на переход через Пиренеи, переправу через Роду, на переход через Альпы, отметив флажками места битв у Требии, Тразменского озера, Канн, преподаватель сделает путь Ганнибала очень наглядным, и ученики запомнят его без труда.

Работа над сознательной ориентировкой учащихся по карте не может ограничиваться только правильной экспозицией карты. Нужно найти наиболее удобный прием, который бы укрепил в сознании ученика данное пространственное впечатление. Например на уроке во время рассказа очень полезно иметь рядом с исторической картой немую географическую с изображением той же части земной поверхности (физическую, отнюдь не политическую!) и, показывая по исторической карте те или иные пункты, линии, пространства, требовать от учеников, чтобы они находили эти места на немой физической карте.

При географических определениях следует добиваться максимальной точности как в показе, так и в ответе. Нельзя, например, показывать небрежно границы какой-нибудь области, государства; вести следует указкой точно по границе, с обязательным перечислением всех известных ученику ориентиров.

3

Не всегда в школе можно найти подходящую для данной эпохи историческую карту; для ряда стран и исторических периодов такие карты еще не изданы.

Тогда выходом явится соответствующая обработка географической карты. Приемы этой обработки очень разнообразны, и для

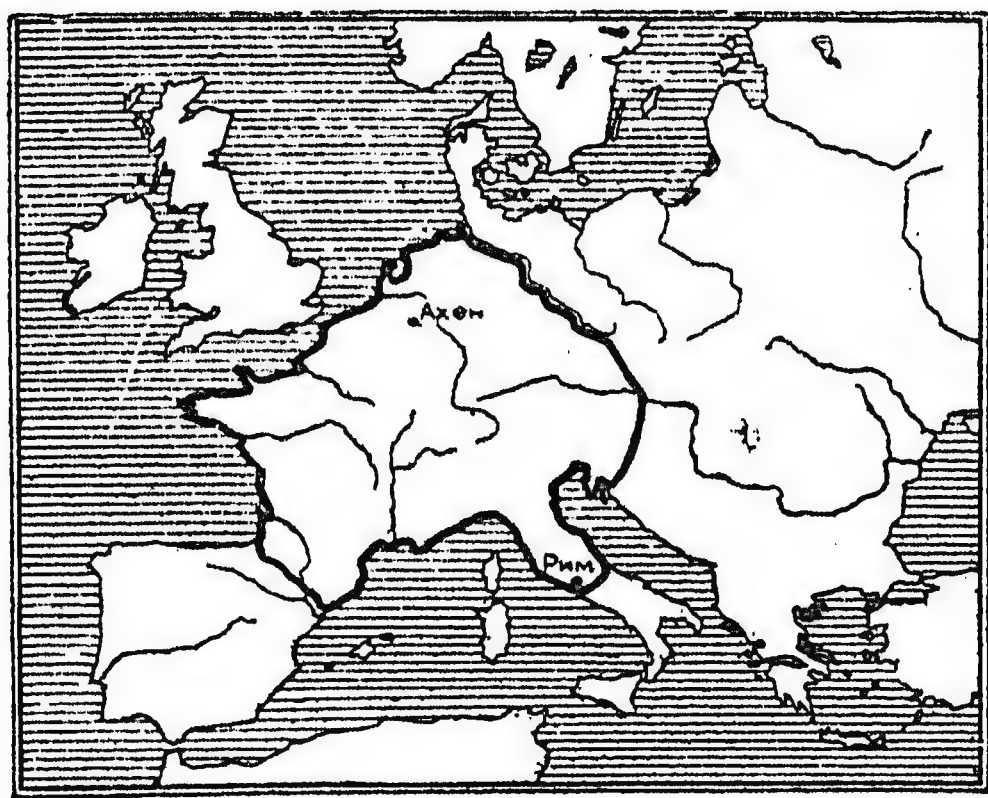
учителя, любящего свое дело, тут открыто широкое поле для изобретательства.

Пользоваться можно в этом случае только физической картой, так как политическая (современная) карта будет своей расцветкой запутывать ученика.

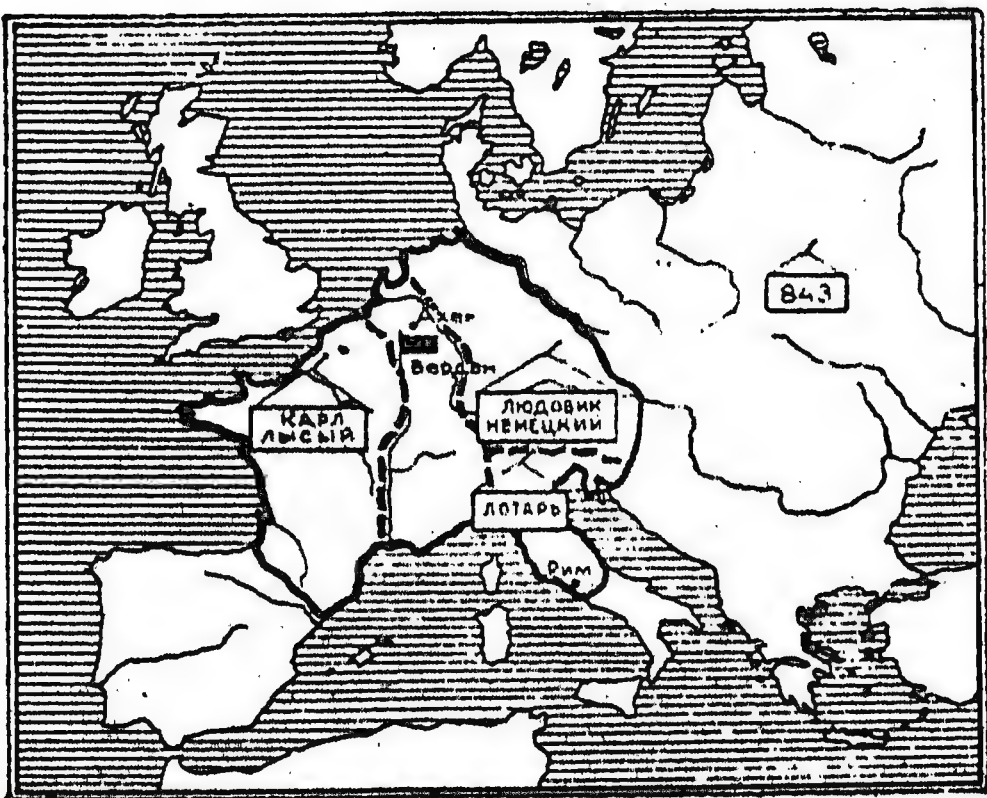
Задача состоит в том, чтобы превратить физическую карту в историческую, указав на ней границы, пункты, территории, соответствующие эпохе, их характерные связи и взаимоотношения.

Рассмотрим наиболее доступные и простые приемы такой обработки на конкретных примерах. Тема — «Распад империи Карла Великого: набеги норманнов, арабов и венгров на Западную Европу» (VI класс).

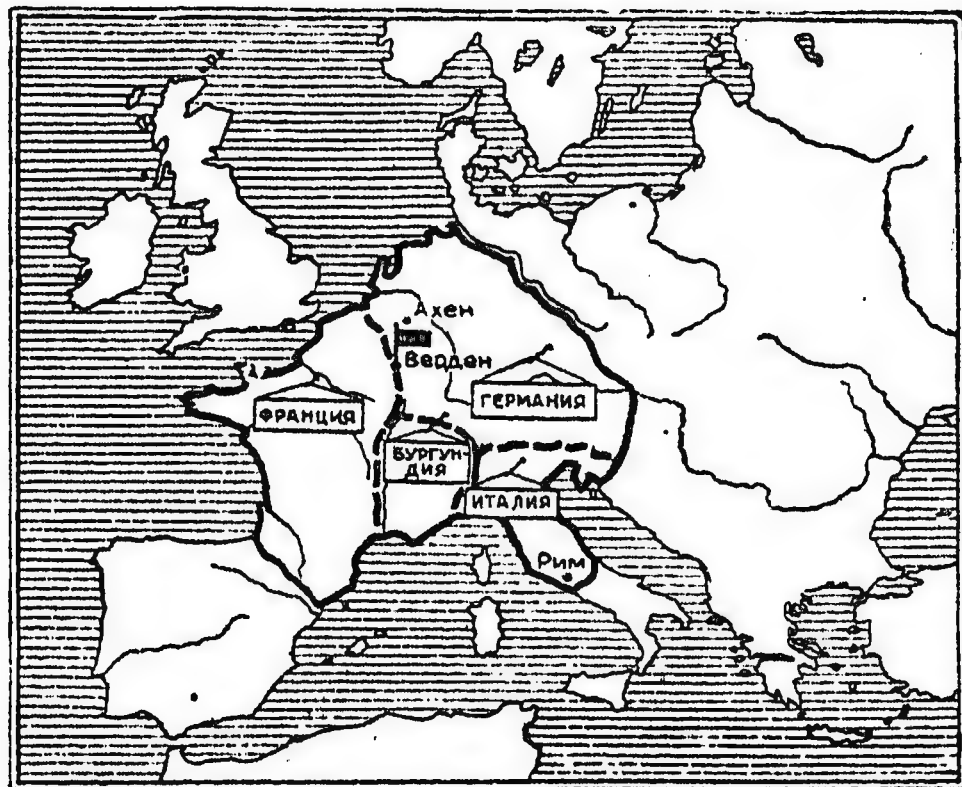
По заданию учителя, в порядке повторения уже известного материала, ученик отметил на карте цветным шнурком границы империи Карла Великого.

В процессе рассказа, одновременно с перечислением ориентиров границ между владениями Карла Лысого, Лотаря и Людовика Немецкого, учитель воспроизвел эти границы шнурком другого цвета на карте. Имена преемников Карла Великого, четко написанные на полосках белого картона, были повешены на ниточках в соответствующих местах карты.

При рассказе о дальнейшем распадении империи и зарождении современных европейских государств учитель передвинул шнурки с таким расчетом, чтобы показать, что Лотарингия присоединилась к германским землям, Бургундия выделилась, а итальянские земли сделались самостоятельными. После этого остается перевернуть полоски с надписями на обратную сторону, где заблаговременно вместо имен королей было написано «Франция», «Германия», «Италия», повесить новую полоску с надписью «Бургундия» — и обработку карты в этой части урока можно считать законченной.

Такая обработка карты вполне совместима с рассказом и не отнимает лишнего времени; кроме того ее преимущество состоит в том, что подвижные границы наглядно показывают происходящие политические изменения.

Дальше обработка карты шла так: рассказывая о норманнах и их набегах на Европу, учитель прикрепил к Скандинавскому полуострову полосу картона с вороном (гербом норманнов). Затем к картону было прикреплено несколько черных шнурков, которые быстро под умелой рукой учителя тянулись к побережью Балтийского моря, врезались в глубь Европы по крупным рекам, перерезали Британские острова, направлялись к берегам Испании и, далее, огибали Европу, проникали в Средиземное море, останавливались на юге Апеннинского полуострова, упирались в Египет, а на северо-востоке — в устье Невы и дальше, по водному пути «из варяг в греки», доходили до Константинополя. На кончике каждого шнурка посредством маленького шарика из пластилина прикреплялось изображение норманнской ладьи. Стоило только воткнуть в Нормандию и южноитальянское Норманнское королевство по флагу с вороном — и обработку карты во второй части урока тоже можно было считать законченной. Впечатление от этой карты было сильное и долго сохранялось в памяти.

Набеги арабов с северного берега Африки были показаны тем же приемом (взяты были зеленый шнурок, суда были с зеленым знаменем пророка и полумесяцем), а территория Венгрии была заполнена заранее вырезанным по контуру страны заготовленным бумажным макетом со стрелками, указывавшими главные направления набегов и украшенными силуэтами скачущих всадников. В результате у учащихся создавалась очень яркая картина беспомощности раннефеодальной Европы перед внешним врагом.

Приведем пример еще одной обработки карты по теме «Нидерландская революция» (VII класс), раздел «Экономика Нидерландов перед революцией».

Стремясь закрепить в сознании аудитории обрисованную им картину экономики Нидерландов, обычно плохо запоминающейся, преподаватель обработал карту очень простым приемом: заранее заготовив маленькие, ярко раскрашенные символы и условные знаки торговли, промышленности и занятий населения, он по ходу рассказа прикреплял маленьким кусочком пластилина эти значки в соответственных местах карты. Так, около Амстердама были прикреплены селедка, мешок с хлебом и якорь, в северных провинциях — корова и тюльпан, около Антверпена — деньги и корабль, в Брабанте и Фландрии — кружево и кусочек материи, а на юге и в Артуа — скрещенные колосья.

Значки оставались до конца урока и были использованы учениками при контрольных вопросах преподавателя.

Наглядность и легкость ориентировки при этом способе очевидны. Кроме того когда значки долгое время остаются на карте, то их взаиморасположение ассоциируется у учащихся с определенным пространством, что, собственно, и является нашей задачей.

Интересна следующая обработка карты. На уроке по новой истории в IX классе на тему «Международные отношения в конце XIX века», воспользовавшись тем, что большая часть материала была известна ученикам по прежним урокам, учитель поставил себе задачу обобщения этого разрозненного материала на картах. Им было выделено три пункта: 1) взаимоотношения на Ближнем Востоке (Англия и Россия), 2) Дальний Восток, 3) борьба за раздел Африки.

Когда речь шла о противоречиях между Россией и Англией в Средней Азии, на физической карте Азии появлялись флаги царской России с наклейкой дат запятия среднеазиатских городов. В соответствующих местах были поставлены флаги Англии, тоже сопровождаемые датами. Затем цветным шнуром были зафиксированы гра-

ницы между Россией и Индией с узеньким афганским коридором между ними. Учитель у этого коридора приклеил пластилином две фигуры в угрожающих позах: северного медведя (Россия) и льва с британского герба.

Возможно, что подобные фигуры в старшем классе малоуместны, так как старших учеников следует приучать обходиться без таких методов закрепления материала, но в наглядности этому приему отказать нельзя.

Такие же приемы применимы при прохождении самых различных тем, например «Брестский мир и борьба за передышку» — в X классе, «Первая мировая империалистическая война» — в IX классе и т. д.

4

Заранее приготовленная учителем и демонстрируемая на уроке схема показывает в пространстве основные направления исторических событий.

Например при прохождении в IX классе темы «Парижская коммуна» заготовленная схема укреплений Парижа, на которой отмечены боевые позиции Коммуны, чрезвычайно облегчает рассказ о борьбе коммунаров с версальцами. Схема не должна нести лишней нагрузки: в ней должен быть лишь минимум названий, например форты Мон-Валерьен, Исси, Ванв, Венсен, ворота Сеп-Клу, Севрские, Версаль (или дорога оттуда), Нейи, затем Монмартр и кладбище Пер-Лашез. Кроме того должны быть также указаны фамилии командиров — Врублевского и Домбровского — и обозначено расположение пруссаков и версальцев (то есть лишь то, о чем идет речь в рассказе).

Таких схем может быть сделано очень много для самых различных целей. Например схемы городов — Москвы 1613 года, Парижа 1848 года; походов полководцев — Ганнибала, Суворова в Италии; революционных движений: восстания коммунаров в Испании, гражданской войны в Англии (XVII век), восстания Болотникова; сра-

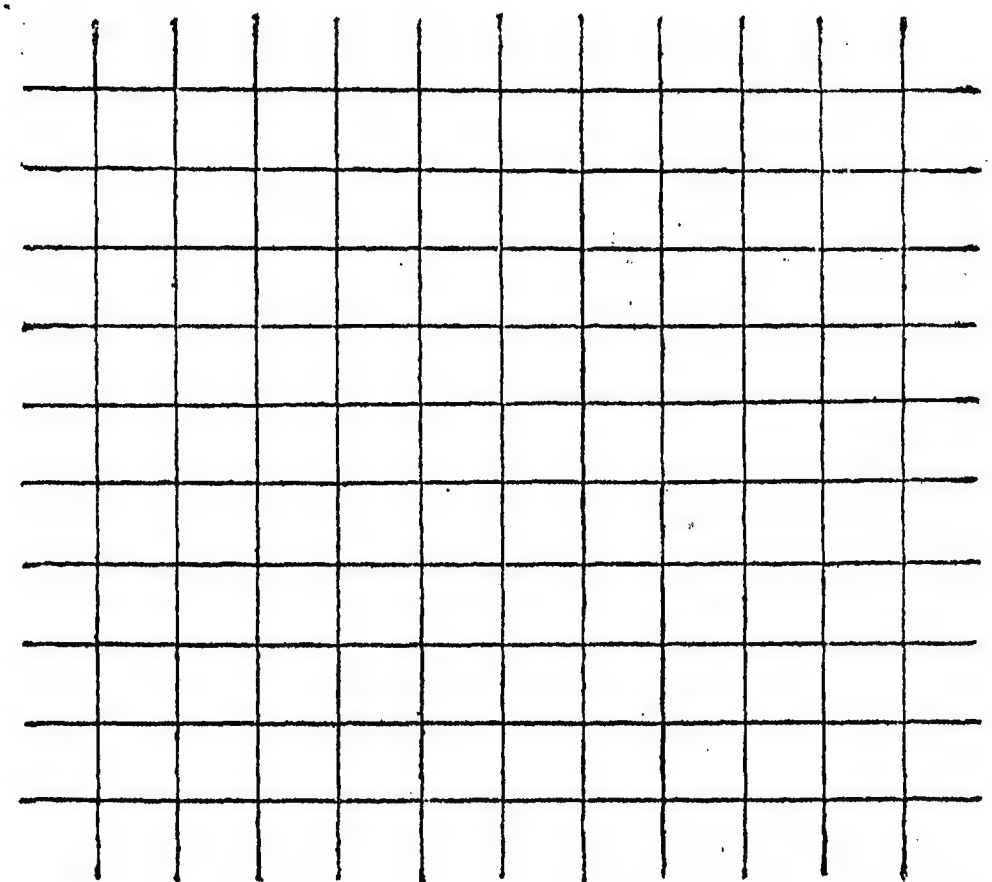
жений: под Полтавой, при Аустерлице, у Волочаевки; передвижений разных народов: движения кочевников в Причерноморье, монгольских завоеваний; изменений границ в результате войн — Балканских войн (1912—1913 годов) и т. д. и т. д., — то есть во всех классах при различнейших темах такие схемы могут принести громадную пользу.

Особенно следует обратить внимание преподавателей истории древнего мира (V и VI классов) на этот вид работы. Учебник «Древней истории» недостаточно снабжен картографическим материалом, и, для того чтобы локализовать в сознании учеников исторические события, нужно обязательно иметь такие схемы или карты-схемы; при этом работу с ними на уроке следует сочетать с самостоятельной работой учащихся дома.

Изготовление таких схем чрезвычайно несложно. Увеличить схему «по квадратикам» может не только учитель, но и любой аккуратный ученик. Лишь об одном при этом не следует забывать: и в схеме нужны та же тщательность и точность, что и в географической карте.

Наглядность всех перечисленных приемов бесспорна, однако у заранее приготовленных наглядных пособий есть один крупный недостаток: они статичны. Преодолеть эту статичность удастся с помощью классной доски, на которой можно изобразить события во всей их динамике.

Образцы таких схем приведены в «Методическом пособии по I периоду новой истории» издания 1940 года (курс VIII класса). Делать их очень несложно. Нужно взять кусочек кальки и разграфить его вертикальными и горизонтальными линиями на квадратик:

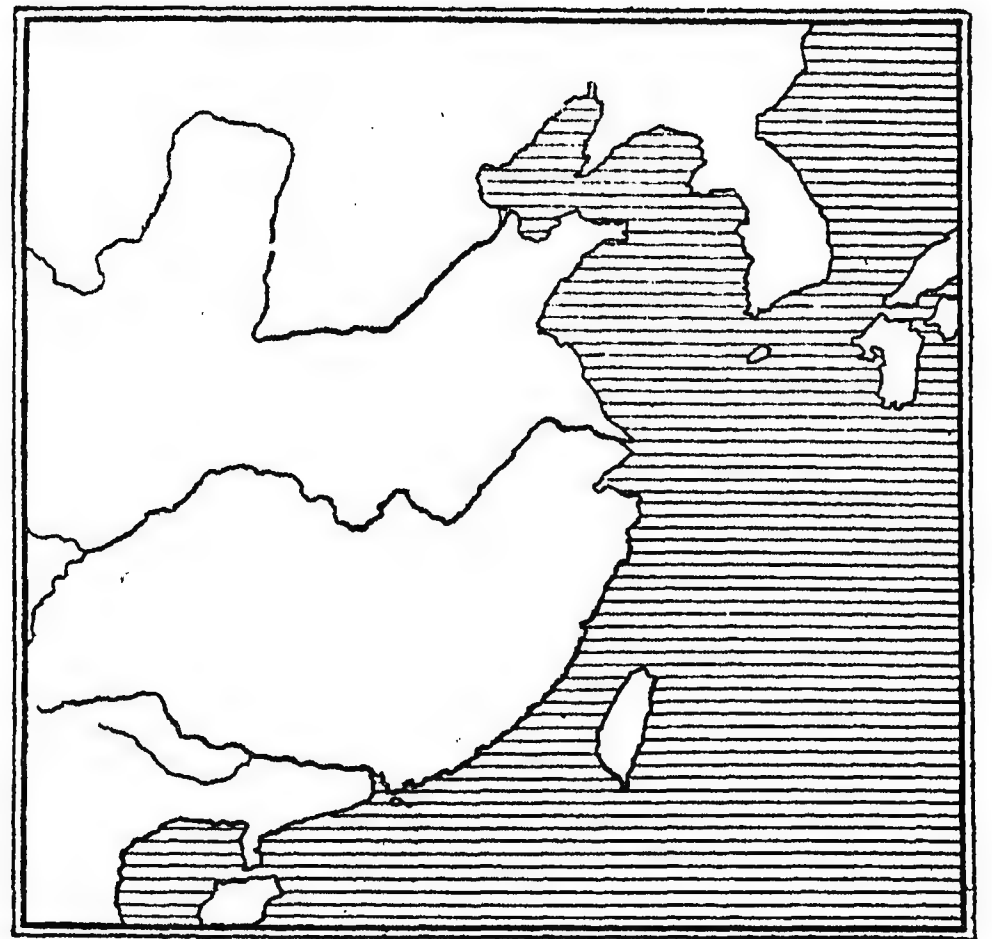

Затем эту кальку наложить на нужное пространство на карте и обвести контуры лишь тех географических элементов, которые понадобятся в процессе рассказа.

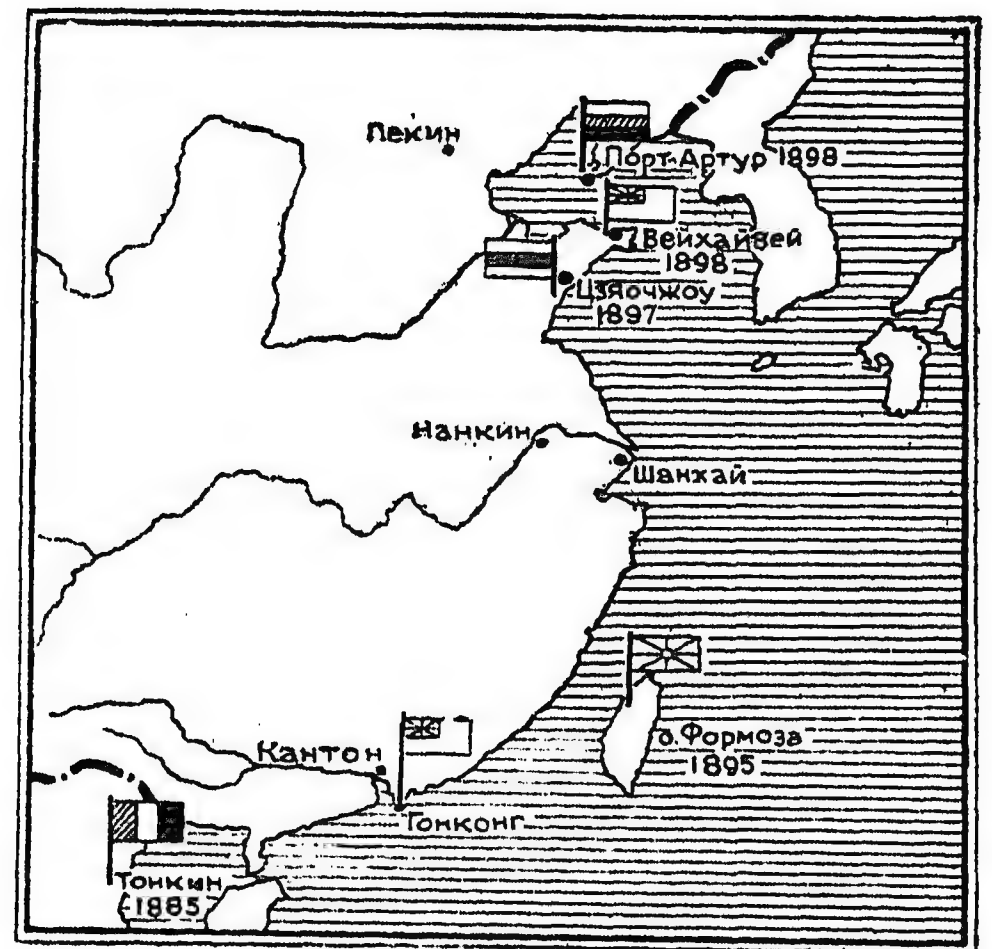
В классе доска делится на равные квадраты в нужном количестве, а затем в каждом квадратике поочередно отмечается то, что уже зарисовано на кальке.

Даже при небольшом навыке такие схемы получаются очень быстро, не отнимают времени у рассказа, вызывают большой интерес у слушателей и выглядят очень эффектно, особенно если пользоваться цветными мелками (например для береговой линии — белыми, для рек — синими, для границ — красными, для других условных обозначений — желтыми, зелеными и т. д.).

На упомянутом нами уроке в IX классе на тему «Международные отношения в конце XIX века» вопрос о разделе Китая учитель оформил так:

При рассказе о захватах прибрежных пунктов Китая империалистическими державами в соответствующих местах появлялись отметки: название пункта, дата захвата — и ставился флаг данной страны:

Попросив одного из учеников с целью проверки расставить на висевшей рядом физической карте соответствующие флаги, учитель перешел к рассказу о дележе Китая на «сферы влияния». Рассказывая об империалистической драке за раздел «китайского пирога», учитель провел жирные пограничные линии между сферами влияния отдельных империалистических держав.

Таким путем был наглядно показан раздел страны.

Учитель добавил к этому следующую таблицу и потребовал, чтобы учащиеся записали ее в тетради:

Страны	Захваты	Дата захвата	Сферы влияния
Япония	О. Формоза	1895	Корея
Россия	Порт-Артур	1897	Маньчжурия и район к северу от Великой китайской стены
Германия	Цзяочжоу	1897	Шаньдун и бассейн р. Хуан-Хэ
Англия	Вей-хай-вей	1898	Бассейн р. Ян-цзы-цзян
Франция	Тонкин	1885	Южная часть Китая

Следует обратить внимание, что в таблице сферы влияния расположены в той же последовательности, что и на карте-схеме.

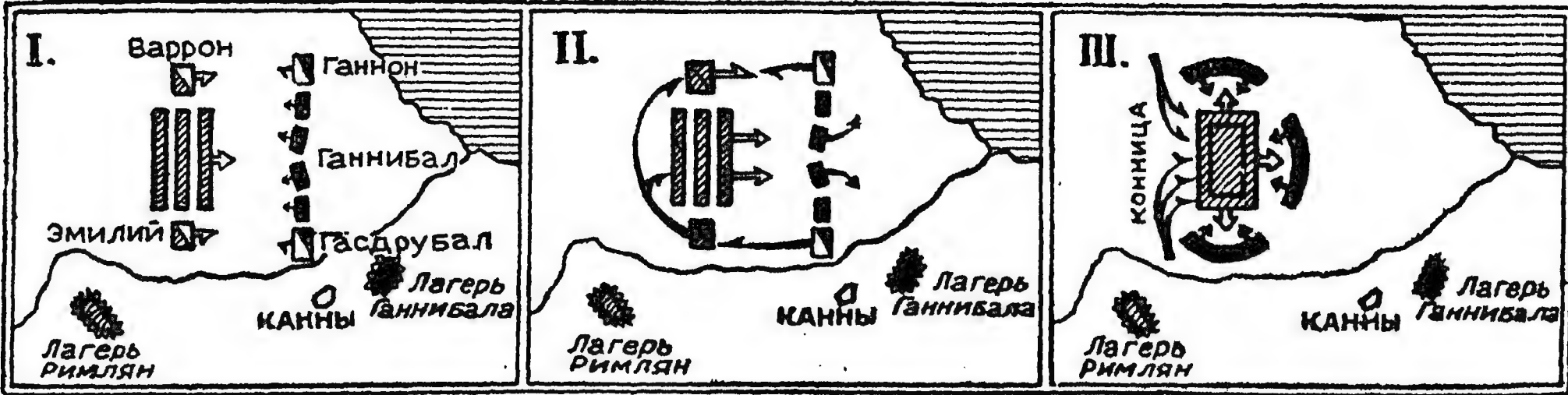
При рассказе о Соединенных штатах, опоздавших к дележу, преподаватель прилепил пластилином к углу схемы (на северо-востоке) изумленную физиономию «дяди Сама» — в цилиндре с полосами и звездами американского флага, а затем разъяснил сущность настоячиво проводимого США требования «политики открытых дверей» в Китае.

Битва под Каннами (курс VI класса) также становится очень наглядной, если ее представить так:

Урал, часть Каспийского моря и пункты наиболее значительных событий пугачевского восстания.

Широкой красной полосой по мере рассказа учителя росла линия продвижения пугачевских войск. К местам, охваченным восстанием, прикреплялись кусочком пластилина красные кружки с желтым языком пламени; в местах присоединения к Пугачеву союзников появлялись изображения крестьянина, уральского рабочего, башкира на коне, чуваша, мордвина и т. д.

Возможности использования таких наглядных приемов встречаются во всех курсах всех классов на каждом шагу. Следует лишь проявить некоторую инициативу и

Очень ярко один из методистов Москвы¹ давал урок о пугачевском восстании. Он пользовался небольшим количеством географических данных: Волга,

привлечь на помощь учеников, заинтересовав их этой увлекательной работой.

Нужно, однако, отметить, что если учитель на уроке, умело используя различные

¹ Д. Н. Никифоров.

методические приемы, наглядно покажет места исторических событий, то это будет все же только частью работы. Самое главное — позаботиться о том, чтобы эта работа была зафиксирована в виде записи, таблицы, рисунка в ученических тетрадах. Лишь тогда можно быть уверенным, что урок хорошо запомнится.

Внимание учителя в первую очередь следует обратить на работу с контурными картами, как покупными, так и сделанными руками самих учеников. Способ их изготовления очень прост. Из любого географического атласа сводятся карандашом на прозрачную бумагу контуры нужной территории, а затем через копировальную бумагу переводятся на обычную.

Для массового изготовления самодельных контурных карт очень хорош способ так называемых «трафареток», применяемый передовыми учителями географии. Нужная карта нужного масштаба (размер — страница тетради и менее) рисуется предварительно на куске фанеры или плотного картона, затем контур аккуратно выпиливается, полученный трафарет прикладывается к чистой странице тетради, обводится карандашом — и карта готова. При таком приеме соблюдается полное единообразие всех ученических работ и достигаются большая быстрота и точность рисунка. Следует добавить, что на данной «трафаретке» можно отметить города пробитыми дырочками, а направления — пробитым точечным пунктиром.

Такие карты, или «заготовки», и служат тем материалом, на котором отмечается все, что делалось на уроке. Обычно учитель советует делать записи в классе аккуратно тонким карандашом, а затем дома обработать контурную карту цветными карандашами или тушью.

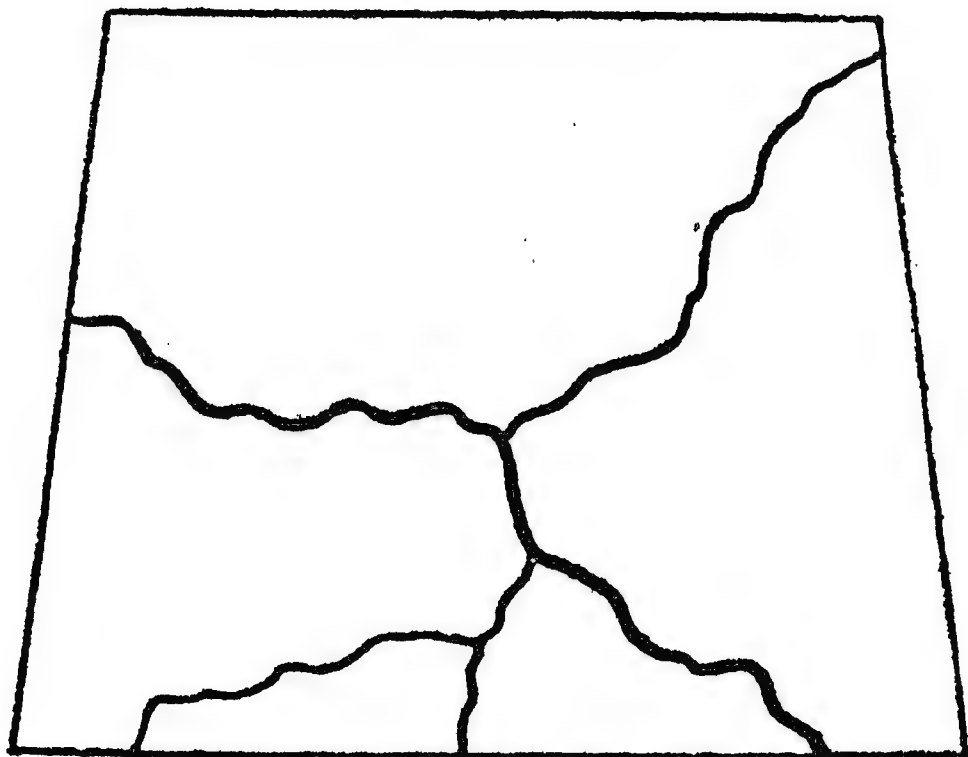
Однако надо помнить, что не всякая схема на доске или обработка физической карты требует переноса их на контурную карту. Иногда достаточно несложного рисунка или таблицы, и материал будет основательно усвоен.

Три года назад в 94-й школе Москвы, при прохождении курса VI класса по истории раннего средневековья, мы зацелились целью добиться того, чтобы каждый ученик сделал небольшой исторический атлас. Это и было достигнуто следующим образом.

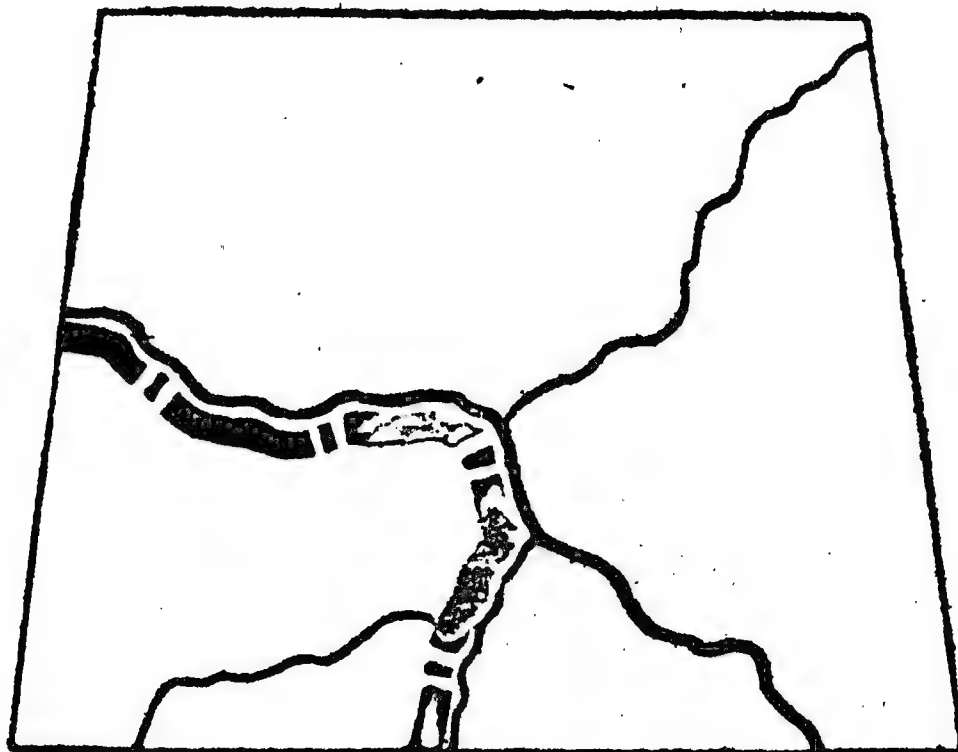
Приобретенные учениками контурные карты Европы были размечены буквами по меридианам, а цифрами — по параллелям. Таким образом, каждая клетка градусной сетки (которая не менялась до конца года) имела свой шифр.

Заканчивая урок минут за 5—6 до звонка, учитель, имея заранее сделанный образец карты, рисовал на доске в круп-

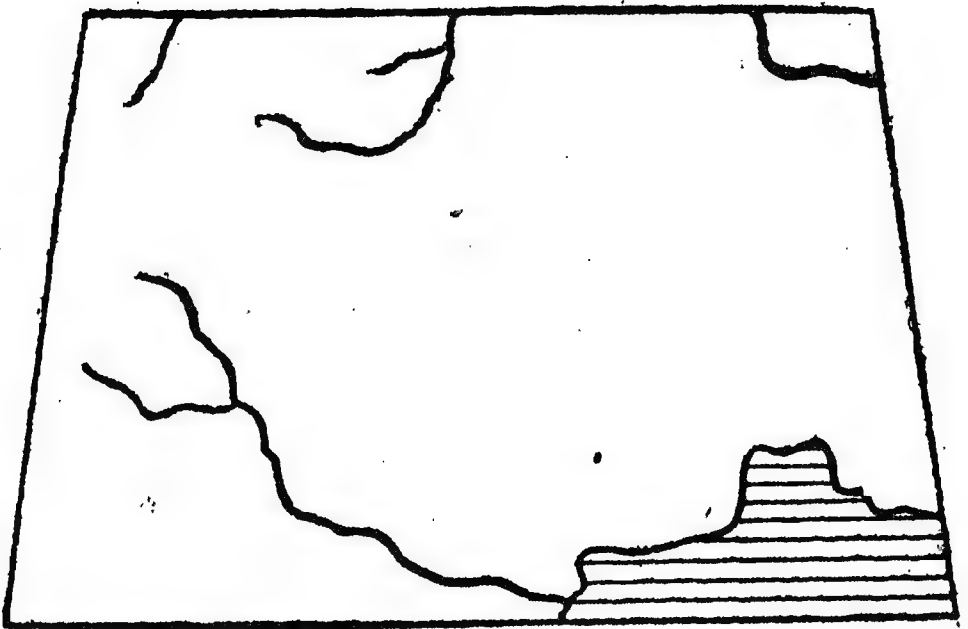
ном виде приблизительно одну из клеток карты, например клетку К 7:

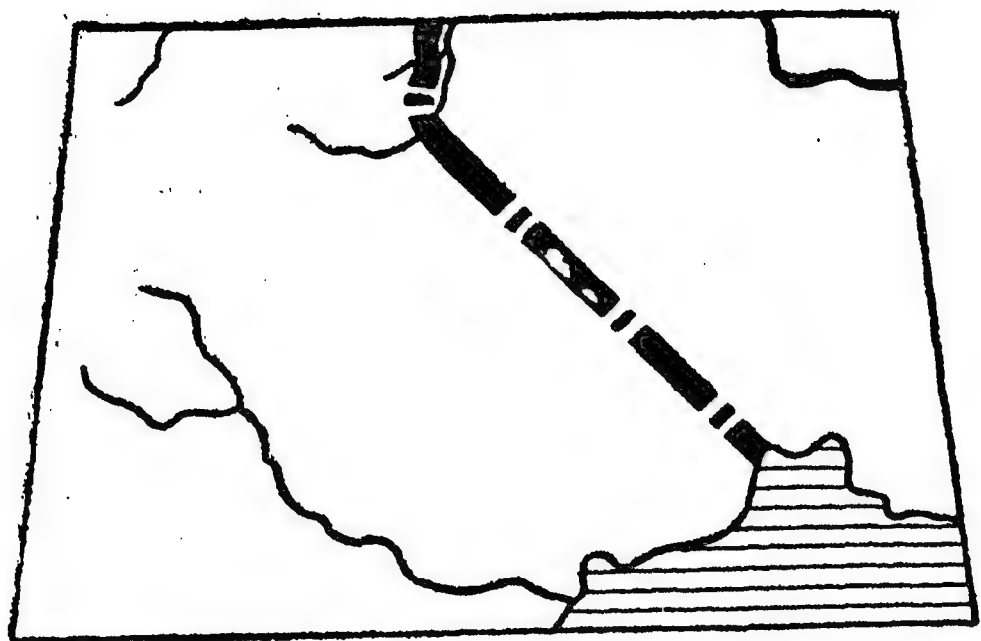
«Вы видите, — говорил учитель, — реку, протекающую с северозапада на юговосток. Граница империи идет с запада по реке к востоку приблизительно до середины клетки, а затем поворачивает к югу и идет по притоку до конца клетки...»

Дальше клетка Л 7. Вот ее вид:

«...граница продолжается по тому же притоку, пока он направлен к югу, а затем прямой линией идет к выступу морского берега, имеющемуся в юговосточном углу клетки».

Ученики, внимательно следя за учителем, заполняли свои карты. Конечно, за 5—6 минут нельзя было заполнить всю карту, однако за 5—6 уроков границы бывали нанесены. Затем вывешивался образец карты, сделанной учителем, давался срок для обработки, и, наконец, все карты сдавались на проверку учителю, ставившему за них отметки (как за исполнение домашнего задания).

За второе полугодие таким образом учениками были сделаны карты: 1) «Распадение Римской империи», 2) «Великое переселение народов», 3) «Империя Карла Великого», 4) «Распад империи Карла Великого», 5) «Византия и арабы (по северной части карты Африки)», 6) «Крестовые походы».

Следует отметить, что дети быстро привыкли к этой работе, и последние карты делались гораздо скорее, чище и аккуратнее. Если при проверке первых карт приходилось упорствовать в борьбе за географическую грамотность, то последние уже были вполне удовлетворительны.

Однако к такому приему следует прибегать, если в учебнике нет соответствующей карты. Если же она имеется, то работа значительно облегчается. Перекопировка карты из учебника не представляет особого труда. Следует лишь предупредить, что прямая «сводка» карт непосредственно с учебника через копировальную бумагу портит учебники. Лучше произвести предварительную копировку с помощью прозрачной бумаги или кальки, а затем перевести карту через копировальную бумагу в тетрадь.

Не следует думать, что наличие в учебнике карт снимает с учителя обязанность работать указанными приемами. Наоборот, карты учебника могут принести пользу только тогда, когда они подвергнутся самостоятельной обработке учеником. Поэтому было бы большой ошибкой ограничиться требованием следить за работой учителя по соответствующей карте учебника. Также нельзя считать достаточной рекомендацию посмотреть дома данную карту при приготовлении урока.

Какие же приемы можно рекомендовать для самостоятельной работы ученика с картой учебника?

1) Перерисовка карты с последующей раскраской ее. Одноцветные карты, даваемые в учебниках, как правило, плохо читаются и запоминаются учениками. Другое дело, если ученик, тщательно перекопировав данную карту (с соблюдением условий, указанных выше), аккуратно раскрасит ее и перенесет на нее всю пугную по теме номенклатуру.

Например карты Италии от Венского конгресса до революции 1848—1849 годов (учебник «Новой истории», стр. 147), завоевания Средней Азии Российской империей (учебник «Истории СССР». Ч. 2-я, стр. 152—153), Византийской империи с VI по X век (учебник «Истории средних веков», стр. 37) и целый ряд других определенно нуждаются в такой обработке.

Следует отметить, что совершенно недопустимо в этой работе, как, впрочем, во всех видах работы с картой, рисовать карты или схемы «на глаз». Только аккуратнейшая копировка может дать ту необходимую точность, которая является обязательным условием всей картографической работы.

Ряд одноцветных карт учебника читается плохо из-за крайне мелкого масштаба, например карта Европы в конце XI века (учебник «Истории средних веков», стр. 77). Такие карты нужно учащимся переносить на контурную карту больших масштабов. Удобно использовать для этих целей изданную для занятий по географии контурную карту Европы, однако гораздо больше цены картам, увеличенным «по квадратикам» самими учениками. Процесс переноса дает очень хорошие результаты в смысле закрепления пространственных знаний ученика.

2) Более сложное задание извлечения из карты учебника нужного по теме материала. Примером может служить такое задание: перерисовать из карты «Кавказ XVIII—XIX веков» (учебник «Истории СССР». Ч. 2-я, между стр. стр. 144—145) основные районы борьбы горцев за независимость и места крупнейших крестьянских восстаний; или из карты «Образование и рост Русского государства до конца XVI века» (учебник «Истории СССР». Ч. 1-я, между стр. стр. 136—137) выделить территорию Литовского государства и отвоеванные у него Москвой русские княжества. Ряд таких заданий, даваемых ученикам, приносит большую пользу: внимание учащихся приковывается к определенному месту в пространстве, связанному с данным историческим событием, событие локализуется, отделившись от других.

Извлечения необходимы и потому, что целый ряд карт учебников, охватывая длительные периоды, содержит события разновременные. Примером может служить карта «Крестьянская война и борьба с польской и шведской интервенцией в Русском государстве в начале XVII века» (учебник «Истории СССР». Ч. 1-я, между стр. стр. 152—153). Из этой карты можно и должно сделать много разнообразных извлечений, не ограничиваясь выделением пространств, по работая и над направлениями. Примеры заданий по этой карте: а) походы Болотникова, Лжепетра и район восстания, б) польская интервенция и борьба с нею, в) национальные восстания и т. д.

Таковыми же извлечениями направлений могут быть походы Карла XII (из карты учебника «Истории СССР». Ч. 2-я, между стр. стр. 16 и 17), Пугачева, Разина и т. д.

Следует использовать для самостоятельной работы учеников схемы, помещенные в учебнике. Однако давать соответственное домашнее задание можно лишь после тщательного разбора схемы на классной доске во время урока. Пример: схема Полтавского боя (учебник «Истории СССР». Ч. 2-я, стр. 18) содержит все главные перипетии его. Нужно разобрать схему на уроке, воспользовавшись классной доской, сначала наметив положение противников перед боем, затем передвижение войск, атаки конницы, — словом, шаг за шагом «разыгрывая» сражение. Лишь после этой работы можно дать задание учащимся зарисовать дома отдельные этапы боя.

Работу над укреплением пространственных навыков можно всячески разнообразить. Например во время урока о международных отношениях третий вопрос, поставленный учителем (о разделе Африки), был им разрешен так: в классе была продемонстрирована заранее вычерченная разбортная карта Африки. Способ ее изготовления довольно несложен. Сначала на двух отдельных листах ватманской бумаги были сделаны две совершенно одинаковых контурных карты Африки (увеличенные «по квадратикам» из «Методического пособия»). Затем у одной из них были закрашены голубой краской моря, светлоричной — части Европы и Азии, имевшиеся на карте, Африка же была оставлена белой, на ней были лишь нанесены светлоголубым цветом реки и легким пунктиром — границы колоний.

На другой же карте закрашена была сама Африка яркими цветами: английские владения — одним, германские — другим, французские — третьим и т. д., — а затем аккуратно вырезаны по границам (практический совет: чтобы отдельные кусочки не загибались, полезно карту, предназначенную для разрезывания, предварительно наклеить на плотную бумагу или картон).

На уроке была прикреплена к доске первая карта, а колонии любой страны появлялись по желанию учителя. Умелое использование этой карты учителем произвело большое впечатление на аудиторию.

Так, используя различные приемы, преподаватель в разнообразной и увлекательной форме закрепляет в памяти учащихся пространственные представления.

Вл. Лабунский

Как пользоваться иллюстрациями в учебнике по истории СССР для девятого класса

Во второй части «Истории СССР» (учебник для 9-го класса средней школы под редакцией проф. А. М. Пянковой) имеется достаточное количество иллюстраций, с помощью которых преподаватель истории может дать учащимся более наглядное представление об изучаемой эпохе, чем то, которое они получают только из текста.

Возьмем помещенные в учебнике изображения воинов-бойцов разных эпох. На стр. 20 и 31 нарисованы петровские воины, на стр. 45 — башкирский воин, на стр. 48 —

сражающиеся казаки, на стр. 58 — яицкие казаки, на стр. 99 — Кутузов со свитой, на стр. 129 — конница 20-х годов XIX века, на стр. 131 и 142 — николаевские солдаты и на стр. 199 и 216 — солдаты 70-х годов.

Петровский солдат — сначала потешный, потом настоящий воин, обученный военному искусству передовыми западноевропейскими инструкторами. Это воин-профессионал. Первое столкновение петровских солдат со стрельцами показало все

преимущества солдат. Одет петровский солдат в короткое платье и имеет узкую саблю и ружье. Воины-казаки и башкиры — не профессионалы, а вооруженный пиками и стрелами народ. Эти воины-всадники были очень храбры, но военная техника их была крайне отсталой, соответственно общему уровню развития этих народов в то время. Ницкие казаки, охранявшие границы от кочевников, были одновременно военными колонизаторами. Подобно кочевникам-всадникам они были вооружены копьями и саблями, но вместо лука со стрелами у казаков уже было огнестрельное оружие. Солдат первой половины XIX века — настоящий профессионал. Это крепостной, обученный военному делу, вымуштрованный на основе штигистики. Бессмысленная, устаревшая система палочной муштры в армии потерпела поражение в Крымскую войну, как и вся система разлагающегося крепостничества.

Развитие капитализма потребовало нового солдата-воина и создало вместо крепостной армии буржуазную, основанную на всеобщей воинской повинности.

Так, рассматривая воинов различных эпох в неразрывной связи со всей экономической и политической системой царской России, следует показать эволюцию военного дела в России.

На рисунках, сложных по композиции или по содержанию, следует остановиться более подробно.

Особое место занимают батальные рисунки: «Взятие Нотебурга» (стр. 13), «Победа русского флота при Гангуте» (стр. 22), «Полтавская битва» (стр. 20). Как и вообще рисунки со многими деталями, их необходимо рассматривать по частям, раскрывая таким образом их содержание в целом.

Рисунок «Корабельная верфь в Петербурге при Петре I» (стр. 11) не имеет описания в тексте, отчего приобретает самостоятельный характер и требует особого внимания. На основании его нужно рассказать, что после Азовских походов на речных судах, после Гангутской победы на небольших гребных судах Петр должен был для закрепления за Россией Балтийского и Азовского морей построить настоящий морской флот. Стройка его происходила в Петербурге на верфях.

На рассматриваемом рисунке показана постройка двух многопушечных кораблей (в верхней части борта левого корабля видны амбразуры для пушек). Отчетливо видны подводные части корабля. Представление о высоте корабля дает остов, еще не обшитый лесом. Корабли строились из дерева и оснащались мачтами и парусами. За левым строящимся кораблем видны высокие мачты больших кораблей, уже спу-

щенных на Неву. Постройка морских кораблей сопряжена была с большими трудностями: нужны были квалифицированные рабочие, техники и особый, корабельный лес. Большие корабли строились при тогдашней технике больше года. Управлять кораблем тоже было нелегкое дело.

Рисунок «Торговый порт и склады в Петербурге в XVIII веке» (стр. 27) иллюстрирует текст на стр. 25. Он дает представление о большом масштабе внешней торговли в то время.

Рисунок «Прилучие» (стр. 57) не связан непосредственно с текстом. Основываясь на нем, преподаватель должен рассказать о почной работе барщинной крепостной, не имеющей времени днем заниматься своими делами, обратить внимание учащихся на крайне убогую обстановку деревенской избы.

Рисунок «Барщина» (стр. 56), наивный, напоминающий детский рисунок, все же очень интересен, так как он дает представление о взаимоотношениях между помещиком и крепостными и о том, как выглядела помещичья усадьба того времени: большой двор со службами, церковь, выгон для скота и тут же нива.

«Моды конца XVIII века» (стр. 71). Российское дворянство 2-й половины XVIII века находилось под сильным влиянием королевской Франции. Русские придворные и столичные дворяне старались подражать во всем и прежде всего в модах французской придворной знати. Моды доходили до карикатур, особенно в прическах: на голове сооружались корабли с парусами, огороды и т. п. К этому рисунку нет текста, его следует объяснить, используя литературный и сатирический материал писателей и журналов того времени о «детиметрах».

Рисунок «Разгром восставшими крестьянами помещичьей усадьбы в конце XVIII века» (стр. 82) следует включить в рассказ о восстании крестьян, подчеркнув изображенную на рисунке расправу крестьян с барином и указав на остро классовый характер крестьянских восстаний.

Рисунок «Расстрел поджигателей в Москве» (стр. 103) является как бы продолжением помещенного на стр. 102—103 рассказа о пожаре Москвы. Французы, преследуемые неудачами, срывали злобу на случайно захваченных на улицах русских, которых они обвиняли в поджогах и тут же на месте расстреливали. Преподавателю следует при этом отметить, что среди оставшегося в Москве населения преобладали трудящиеся, так как всякий, кто имел возможность покинуть захваченную врагами столицу, бежал оттуда.

Показывая карикатуры «Крестьяне-партизаны Сычевского уезда» (стр. 104) и

«Старостиха Василиса» (стр. 105), преподаватель должен обратить внимание учащихся на фигуры и позы изображенных на карикатурах лиц, отметить, как униженно и беспомощно выглядят французы и сколько мощи чувствуется в крестьянах.

Рисунки «Будочник» (стр. 132), «Обучение рекрутов при Николае I» (стр. 131), «Наказание шпицрутенами» (стр. 133) и «Чиновники николаевского времени» (стр. 137) служат как бы лейтмотивом характеристики николаевской монархии. Поэтому рассказ «Самодержавие Николай I» преподаватель может строить по рисункам, воссоздавая с их помощью яркую картину военно-политическо-бюрократической николаевской монархии. Образы чиновников, данные в немного карикатурном виде, следует дополнить характеристиками по Гоголю, Щедрину и другим писателям-классикам.

На рисунке «Каторжанки-крестьяне за сбором подаяния» (стр. 143) показаны крестьяне, брошенные за участие в восстаниях в тюрьмы. Они собирают на пропитание себе подаяние. Среди каторжан находится «колотник» под сильным конвоем. При виде изнуренных и голодных арестантов руки трудящихся невольно тянутся к карману за «копеечками». На этом рисунке можно построить самостоятельный небольшой рассказ.

Крымская война удачно представлена рисунком «Обозы под Севастополем» (стр. 163), прекрасно характеризующим экономическую и техническую отсталость крепостной России. Волы, телеги вязнут в глубокой грязи разбитой дороги, в то время когда союзники имели уже паровой морской флот и железную дорогу от Балаклавы к Севастополю.

Рисунки—«В. Г. Белинский перед смертью» по картине Наумова (стр. 169), «Гражданская казнь Чернышевского» (стр. 195), рисунок «Суд над П. Алексеевым» (стр. 229)—дают хороший материал для рассказа. В картине Наумова все детали (обстановка, портреты, книги, жандарм в дверях, литераторы, собравшиеся около Белинского) ярко передают политический и культурный облик «неистового Виссариона» — «первого революционного разnochинца».

Картина «Суд над П. Алексеевым» дает много материала для рассказа о роли Петра Алексеева в революционном движе-

нии. На картине видно, как речь, произнесенная им на суде, которую В. И. Ленин называл «великим пророчеством русского рабочего революционера», вызвала смятение среди всех находившихся в зале царских судей и привилегированной публики.

Прекрасными иллюстрациями к тексту учебника, органически с ним связанными, являются рисунки Шевченко (стр. 179 и 180).

Рисунок «Сбор недоимок» (стр. 205) служит продолжением рассказа в тексте о том, как крестьяне вынуждены были продавать хлеб по крайне низким ценам, чтобы вовремя уплатить налоги. А у бедняков полиция выколачивала недоимки принудительной продажей за бесценок скота.

Картина «Ремонтные работы на железной дороге» Савицкого (стр. 209) включается в рассказ преподавателя о развитии капитализма в России. Следует обратить внимание учащихся на измученные лица работающих на железной дороге, рассказать, как тяжел был их труд, в каких ужасных бытовых условиях они жили и как ничтожно мало им платили. В дополнение к этой картине хорошо было бы показать картину Савицкого-сына «Строительство железной дороги» и напомнить учащимся стихотворение Некрасова «Железная дорога».

Фото «Горняцкие жилища 70-х годов в Юзовке» (стр. 212) и рисунок «Выселение бедноты из квартиры зимой» (стр. 213) рассказывают о жизни рабочих на «вольных» квартирах. С текстом они непосредственно не связаны и могут служить темой самостоятельного рассказа о быте рабочих.

Рисунок «Спор на меже» (стр. 221) помещен в связи с текстом о борьбе крестьянства за землю в 70-х годах, во время происходившего тогда размежевания помещичьих и крестьянских земель. Картина рассказывает о том, что помещик добился узаконения отнятой у крестьян земли и поставил свои вешки, по которым приступил к новому межеванию земли. На защиту своей земли, политой потом, выступили крестьянки, ломая и уничтожая новые межевые знаки и прогоняя «законных» захватчиков.

Внимательно рассматривая с помощью педагога рисунки, учащиеся узнают целый ряд деталей, оживляющих и дополняющих их сведения об изучаемом периоде.

Е. Колокольцева

IV (Объединительный) съезд РСДРП

23 (10) апреля—8 мая (25 апреля) 1906 года

1

35 лет прошло со времени IV съезда РСДРП, названного Объединительным. В действительности этот съезд «...только сохранил и несколько укрепил формальное единство партий»¹.

Задачи развивавшейся буржуазно-демократической революции 1905 года настоятельно требовали единства рабочего класса. Благодаря меньшевикам РСДРП после II съезда была расколота на две фракции, которые «...очень напоминали две различные партии...»². Своими раскольническими действиями и своим оппортунизмом меньшевистская фракция мешала единству действий рабочего класса, ослабляла его революционную силу в самый разгар революции.

Объединение РСДРП путем съезда, решения которого могли бы связать действия меньшевиков, прекратить их вредную деятельность, помогли бы рабочим разобраться в сущности разногласий между большевиками и меньшевиками, было в это время в интересах единства рабочего класса, единства партии, в интересах революции. Такое объединение способствовало бы образованию широкого единого фронта рабочих и крестьян для вооруженного восстания. Среди самих рабочих масс под давлением революционных событий росла тяга к единству, сознание его необходимости. Немало было рабочих, которые просто еще не могли разобраться в сущности разногласий. Вместе с тем даже те рабочие, которые вследствие своей политической незрелости шли с меньшевиками, вовлекаясь ходом революции в революционную борьбу, по существу, отходили от позиций своих меньшевистских лидеров, сближались с большевиками, могли быть ими завоеваны. Все это создавало возможности для объединения революционных сил. Большевики были за объединение РСДРП, но

именно за такое объединение, которое способствовало бы росту единого революционного фронта.

А для этого надо было провести объединение на основе четкого идейного размежевания большевиков с меньшевиками, провести это размежевание так, чтобы сущность разногласий стала наиболее понятной и для рабочих масс. «Ленин был за объединение, но он был за такое объединение, при котором не смазывались бы разногласия по вопросам революции»³. Ленин требовал, «...чтобы рабочим ясно было, на каких позициях стоят большевики и на какой основе происходит объединение»⁴. На III съезде партии была принята следующая резолюция о подготовке объединения партии, не подлежавшая тогда опубликованию: «Третий съезд РСДРП поручает ЦК принять все меры к подготовке и выработке условий слияния с отколовшейся частью РСДРП, причем окончательное утверждение таких условий должно быть предоставлено новому партийному съезду»⁵. Помимо этого в соответствии с опубликованной резолюцией III съезда — «Об отколовшейся части партии» — необходимым условием объединения было признание законности III съезда и подчинение партийному уставу, принятому им.

Руководствуясь этими решениями, большевики после III съезда сделали меньшевикам предложение об объединении, и под давлением рабочих масс меньшевики вынуждены были согласиться на это предложение. Но они пытались противодействовать осуществлению объединения на условиях, выдвинутых большевиками, борясь таким образом и против самой цели объединения, как ее понимали большевики.

³ Там же, стр. 81.

⁴ Там же.

⁵ «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. 1-я, стр. 53. Госполитиздат. 1940.

¹ «История ВКП(б)», стр. 90.

² Там же, стр. 60.

Меньшевики выставили требования, противоречившие уставу партии и решениям III съезда, добивались объединения «снизу», без съезда, и того, чтобы при слиянии партийных центров существовало два центральных органа.

Члены ЦК Красин и Богданов, выделенные для переговоров с меньшевистской Организационной комиссией (ОК), занимали примиренческую позицию и явно стремились уклониться от решений III съезда. В «Письме ЦК Организационной Комиссии» об объединении, написанном Богдановым, разногласия между большевиками и меньшевиками, как известно, тогда уже коренные, характеризовались как незначительные. Примиренцы даже готовы были вести переговоры на основании вышеупомянутых предложений меньшевиков об объединении без съезда и с нарушениями устава партии.

Ленин решительно воспротивился этой линии примиренцев и в ряде писем в ЦК требовал строгого выполнения решений III съезда. В письме в ЦК РСДРП 12 июля (29 июня) 1905 года Ленин предлагал не торопиться с объединением, считая, что лучше «...выждать несколько месяцев, пусть все оценят нелепость решений конференции (речь идет о меньшевистской конференции 1905 года в Женеве.—Е. К.), пусть опыт разрушит их идиотский «организационный устав», пусть опыт посократит их претензии... А теперь надо бороться»¹.

Примиренческий ответ ЦК на неприемлемые предложения меньшевистской ОК вызвал особенно резкий отпор Ленина. 14 августа 1905 года он писал Центральному Комитету: «Ваш ответ Организационной Комиссии возбуждает целый ряд недоумений. Ничего не могу понять, — хитрите вы, что ли??»².

В письме от 3 октября (20 сентября) 1905 года Ленин критиковал ЦК за допущение слияния ряда местных большевистских организаций с меньшевистскими без того, чтобы меньшевики определили свое отношение к III съезду. В этом письме Ленин снова настаивал: «Мы не должны смешивать политику объединения двух частей с спутыванием обеих частей. Объединить две части — согласны. Спутать две части — никогда»³. И далее: «Давайте готовить реальное объединение, увеличивая свою силу и разрабатывая ясные проекты уставных и тактических норм. А пустых болтунов об объединении, которые спутывают отношения между частями партии, по моему

следует устранять из нашей среды беспощадно»⁴.

Помимо борьбы с беспринципным примиренчеством ЦК, Ленину пришлось противостоять попыткам вмешаться в дело объединения со стороны Международного социалистического бюро (МСБ), которое во главе с Бебелем и Каутским было целиком на стороне меньшевиков и хотело такого объединения, которое подчинило бы большевиков меньшевикам. Каутский перед этим выступал в центральном органе германской социал-демократии «Vorwärts» («Вперед») с «советами» не распространять резолюций III, большевистского съезда РСДРП на немецком языке.

В это время ЦК собирался послать представителем РСДРП в МСБ Плеханова. Несмотря на непризнание Плехановым решений III съезда и вопреки настояниям Ленина ЦК долго не выдвигал вместо Плеханова другой кандидатуры в МСБ. Ленин предлагал кандидатуру Воровского. Наконец ЦК согласился вместо Плеханова выдвинуть представителем в МСБ Ленина. Ленин предложил ответить на письмо МСБ о посредничестве согласием лишь на предварительные переговоры, не имеющие обязательной силы.

В конце концов, под нажимом Ленина примиренческий ЦК занял более твердую линию в переговорах с меньшевиками. Меньшевики сначала отвергли предложения большевиков и прервали переговоры. Однако они должны были под давлением партийных масс пойти на уступки и принять большевистские условия объединения. Во время этой борьбы большевики провели большую разъяснительную работу по вопросу об объединении и о сущности разногласий.

В деле объединения инициативу проявили местные комитеты. Большинство местных партийных организаций признавало необходимость объединения и высказывалось за осуществление его на основе решений III съезда. Для объединения действий во время крупных революционных выступлений в Петербурге, Харькове, Баку, Николаеве и других городах были созданы на федеративных началах объединенные советы и т. п. органы из представителей большевиков и меньшевиков.

Большую работу по подготовке IV съезда провел Кавказский союзный комитет под руководством товарища Сталина. В Тифлисе, в Баку, в Кутаисе и в ряде других городов Закавказья в течение 1905 года были проведены дискуссии среди социал-демократических рабочих. В результате этих дискуссий большевистские организа-

¹ Ленин. Т. VIII, стр. 8.

² Ленин. Т. XXVIII, стр. 492.

³ Ленин. Т. VIII, стр. 247.

⁴ Там же.

ции приобрели много новых сторонников, а в Чиапурах даже большинство социал-демократических рабочих примкнуло к большевикам. Аналогичное движение происходило в Петербурге, Москве, на Урале, в Донбассе, в Сибири и других центрах.

IV съезд был назначен ЦК на 23 (10) декабря 1905 года. Параллельно с этим должен был происходить и меньшевистский съезд. Оба съезда должны были окончательно выработать условия объединения, после чего должен был состояться объединительный съезд. ЦК объявил о созыве IV съезда в «Обращении ко всем партийным организациям», опубликованном в легальной большевистской газете «Новая жизнь» (№ 9). Но вследствие вспыхнувшего вооруженного восстания в Москве, железнодорожной забастовки и ареста части делегатов на съезд прибыл всего 41 делегат от 26 организаций. Ввиду этого собравшиеся решили объявить себя не съездом, а конференцией.

Эта первая конференция большевиков, происходившая в Таммерфорсе с 25 (12) по 30 (17) декабря 1905 года, приняла решение о немедленном слиянии партийных центров большевиков и меньшевиков, а также и центральных органов и о созыве объединенным центром объединительного съезда.

Вскоре после Таммерфорсской конференции образовался объединенный ЦК, а 20 (7) февраля вышел № 1 объединенного ЦО — «Партийные известия». Объединенный ЦК приступил к непосредственной работе по созыву съезда. Выборы на съезд происходили на собраниях и конференциях партийных организаций после обсуждения тактической платформы большевиков и тактической платформы меньшевиков, опубликованных в связи со съездом большевиками и меньшевиками.

Тактическая платформа большевиков, состоявшая из проектов резолюций к съезду, показывала рабочим, на каких позициях стоят большевики и на какой основе шли они к объединению.

В оценке революционного момента и в задачах, какие она ставила перед рабочим классом, большевистская платформа исходила из тактической линии III съезда, из основ большевистской тактики, гениально разработанных В. И. Лениным в его книге «Две тактики социал-демократии в демократической революции». В то же время эта платформа опиралась на новый накопленный опыт и на уроки боев всего первого года революции, вплоть до декабрьского вооруженного восстания.

«Две линии боролись в РСДРП во время революции, линия большевиков и линия меньшевиков. Большевики держали курс на развертывание революции, на

свержение царизма путем вооруженного восстания, на гегемонию рабочего класса, на изоляцию кадетской буржуазии, на союз с крестьянством, на создание временного революционного правительства из представителей рабочих и крестьян, на доведение революции до победного конца. Меньшевики, наоборот, держали курс на свертывание революции. Вместо свержения царизма путем восстания они предлагали его реформирование и «улучшение», вместо гегемонии пролетариата — гегемонию либеральной буржуазии, вместо союза с крестьянством — союз с кадетской буржуазией, вместо временного революционного правительства — Государственную думу, как центр «революционных сил» страны»¹.

Платформы большевиков и меньшевиков к IV съезду снова обнаружили полную противоположность тактических линий революционного и оппортунистического крыла социал-демократии. Об этом будет подробнее рассказано дальше, в связи с освещением работы съезда.

2

После поражения декабрьского вооруженного восстания в Москве и ряда вооруженных восстаний в других местах России самодержавие перешло в наступление, но революционная борьба масс еще продолжалась. И посылка карательных экспедиций (на Кавказ, в Прибалтику, Сибирь, Польшу), и расправы против революционных рабочих, крестьян и солдат, и локауты, и увольнения революционных рабочих, и разгром Советов рабочих депутатов, и (позднее) разгон I думы — все это вызывало забастовки, демонстрации рабочих, крестьянские бунты и волнения среди солдат и матросов. Но надо отметить, что такие революционные выступления происходили не только в ответ на репрессии, но и по инициативе масс. Правда, стачки уже не носили характера всеобщих, но их было много, и многие из них носили массовый характер. В Петербурге, в Лодзи, Варшаве, Домбровском бассейне, в Тифлисе, в Харькове, в Риге и других местах произошли политические забастовки и демонстрации 22 января 1906 года, в день годовщины «Кровавого воскресенья».

11 января 1906 года в Петербурге рабочие мастерских Варшавской железной дороги в ответ на увольнение 400 рабочих за участие в политической забастовке объявили под бойкотом места уволенных рабочих и потребовали немедленного возвращения их на работу, а также устранения представителей администрации, ви-

¹ «История ВКП(б)», стр. 90.

новных в этом увольнении. 14 января была объявлена забастовка на заводе «Сименс и Гальске» в Петербурге для поддержки требования о возвращении на работу 700 уволенных рабочих и т. д. Подобных примеров можно привести много.

С большим оживлением проходила кампания, проводившаяся социал-демократическими организациями в связи с выборами в I государственную думу. Рабочие в большинстве случаев примыкали к большевикам, высказываясь за бойкот.

Одновременно происходил усиленный рост пролетарских организаций. Рабочий класс использовывал всякие возможности для организации массовых профессиональных союзов. В Петербурге, Москве и других промышленных центрах были созданы советы безработных, руководившиеся большей частью большевиками. Эти советы проводили борьбу с локаутами и с увольнениями революционных рабочих. Рабочие энергично собирали новые силы, пополняя потери, понесенные в боях и в результате репрессий.

С весны 1906 года рабочее движение снова приняло массовый характер, вошло в полосу нового подъема, продолжавшегося и летом 1906 года. Этот подъем начался как раз в дни IV съезда и особенно усилился после съезда, со времени первомайских политических забастовок, охвативших ряд крупнейших промышленных районов страны. В общем в течение 1906 года в стачечном движении участвовало более миллиона рабочих, причем в борьбу непрерывно втягивались новые слои.

Не прекращалось и аграрное движение. Так например черниговский губернатор в январе 1906 года доносил Витте об усмирении крестьян, производимых в его губернии в связи с новыми бунтами¹. В феврале 1906 года аграрное движение охватило Екатеринославскую, Херсонскую, Саратовскую, Пензенскую и Могилевскую губернии и затем распространилось по всей стране.

«Крестьянское движение в первой половине 1906 года охватило около половины уездов царской России, во второй половине года — одну пятую всех уездов»².

В Грузии, в особенности в Гурии, под руководством большевистского Имеретинско-Мингрельского комитета, созданного по инициативе товарища Сталина, аграрное движение широко развернулось в 1905 году. Несмотря на карательные расправы оно вновь стало развиваться весной 1906 года. Даже среди наибо-

лее забытых национальных меньшинств, каким например при царизме были чуваша, развернулось широкое движение. В отчете казанского губернатора о борьбе с революционным движением чувашей в 1906 году говорится об «одновременном демонстративном выступлении народа» в разных местах Чебоксарского уезда и в самых Чебоксарах с требованиями земли, свободы, учредительного собрания и проч.³.

Наряду с крестьянским движением в сельских местностях приняла значительные размеры стачечная борьба сельскохозяйственных рабочих. Для ее подавления царское правительство издало в апреле 1906 года «Правила против возникновения стачек сельскохозяйственных рабочих», которыми предусматривались дополнения к «Уложению о наказаниях».

Не прекращалось революционное брожение в армии и во флоте. Военные организации большевиков продолжали вести энергичную работу. Дело дошло до того, что военные власти почувствовали недостаточность репрессивных мер и наряду с многочисленными арестами среди солдат и особенно матросов приступили с начала 1906 года к созданию так называемых советов, комитетов и т. п. учреждений для контрпропаганды.

Однако успеха они не имели.

Во флоте начальство насчитывало «неблагонадежных» матросов тысячами. Наиболее крупные военные восстания имели место летом 1906 года, уже после IV съезда РСДРП. Они возникли не только в защиту солдатских и матросских требований, но одновременно и в связи с разгоном Думы. Восстания в крепости Свеаборг 17 — 20 июля, в Кронштадте 20 июля 1906 года, восстание на крейсере «Память Азова» в Ревеле, выступления в Либаве и др. были крупнейшими событиями в этот период.

Революционная борьба, следовательно, продолжалась и достигала такого высокого уровня, что ко времени и после IV съезда РСДРП еще нельзя было думать об отступлении революции. Только впоследствии выяснилось, что декабрьское вооруженное восстание 1905 года представляло собою наивысший пункт революции, после которого началось ее отступление, хотя и медленное и сопровождавшееся арьергардными боями. В период же подготовки IV съезда и во время самого съезда не было еще оснований для такого вывода и можно было ожидать приближения нового подъема революции.

¹ Сборник документов «Царизм в борьбе с революцией 1905—1907 гг.», стр. 119. Соцэкгиз. 1936.

² «История ВКП(б)», стр. 80.

³ См. Сборник документов «Царизм в борьбе с революцией 1905—1907 гг.», стр. 177. Соцэкгиз. 1936.

Большевики держали курс на дальнейшее развитие революции, боролись за новый ее подъем. Эту позицию они и защищали на Об'единительном съезде.

Меньшевики, ориентировавшиеся на половинчатый исход революции и на победу буржуазии, спешили провозгласить конец революции, преждевременно ее хоронили.

Естественно, что IV (Об'единительный) съезд прошел под знаком непримиримой борьбы большевиков и меньшевиков, борьбы тем более напряженной, чем напряженнее был переживаемый тогда Россией момент.

Выше было упомянуто, что «Обращение» ЦК с об'явлением о созыве IV съезда было напечатано в легальной большевистской газете. В этом, принимая во внимание условия того периода революционного подъема, не было ничего странного.

Хотя партия большевиков еще оставалась нелегальной, она в то же время использовала возможности революционного периода и осуществляла свою открытую деятельность явочным порядком. Нелегальная партия созывала открытые митинги, собрания, создала легальную большевистскую печать, открыто об'явила о созыве съезда. Но самый съезд партии еще не мог быть легальным, тем более что к моменту его созыва царское правительство перешло в наступление. Поэтому и этот съезд, как и предыдущие, происходил за границей. Съезд открылся 23 (10) апреля 1906 года в Стокгольме (Швеция). На съезде присутствовало 111 делегатов с решающим и 22 с совещательным голосом. Вследствие разгрома большевистских организаций во время и после декабрьского вооруженного восстания не все они могли послать на съезд делегатов, и потому на съезде у меньшевиков оказался перевес. Большевиков было 46 делегатов, меньшевиков — 62, остальные — неопределившиеся. Меньшевистское большинство съезда предопределило характер его решений по ряду важных вопросов. Надо отметить, что меньшевики, повидимому, не особенно соблюдали нормы, установленные для выборов. На съезде был оглашен протест тифлиских рабочих за 200 подписями против раздутого состава тифлисской делегации, состоявшей почти сплошь из меньшевиков, численность которой, по словам Ленина, выделялась из ряду вои (11 человек).

Уже с самого начала съезда атмосфера была крайне накаленной. Страстные споры, начавшись с момента выборов бюро съезда, сопровождали все доклады и прения, всю работу съезда.

В избранном на съезде бюро преобладали меньшевики. От большевиков в него вошел В. И. Ленин.

Много споров вызвали вопросы о порядке дня съезда, о составе комиссий и даже о регламенте. Исключительно бурными были заседания, посвященные докладам мандатной комиссии. При всяком удобном случае меньшевики старались кассировать большевистские мандаты. В результате разногласий мандатная комиссия, состоявшая из 2 большевиков и 2 меньшевиков, при председателе-тримиренце, подала в отставку. Съезд выбрал другую мандатную комиссию, уже целиком из меньшевиков.

Меньшевики, хотя и располагали большинством, принимали и другие меры для того, чтобы обеспечить себе перевес голосов. Так, из этих соображений они провалили предложение национальных социал-демократических организаций, поддержанное большевиками, — об обсуждении первым вопроса об об'единении с этими организациями.

Фракционная борьба, которую вели меньшевики, отразилась даже на ведении протоколов. Неоднократное требование Ленина о том, чтобы секретари съезда вели протокольную запись и чтобы протоколы утверждались на съезде, не было выполнено. Протоколы велись с большими пропусками, речи большевистских ораторов записывались неточно и неряшливо. Окончательная обработка протоколов и их утверждение были поручены комиссии, которая делала эту работу уже после съезда, пользуясь консультацией преимущественно делегатов-меньшевиков. Доклады Ленина об аграрной программе и о текущем моменте, его доклад и заключительное слово о Думе и др. не были записаны и не вошли в протоколы. Ленин, однако, восполнил этот недопустимый пробел протоколов своим «Докладом об об'единительном съезде Российской Социал-Демократической Рабочей Партии». В этой брошюре, которую Ленин как делегат Петербургской организации на Об'единительном съезде опубликовал под названием «Письмо к петербургским рабочим», Ленин обстоятельно изложил действительную картину съезда и дал глубокий анализ разногласий и решений. К этому докладу были приложены все решения съезда и все проекты резолюций большевиков и меньшевиков, чтобы члены партии имели возможность сравнить их и самостоятельно разобраться в них.

Первым па повестке дня съезда стояло обсуждение аграрной программы. Аграрная программа большевиков, разработанная Лениным, выдвигала требование конфискации всех помещичьих, монастырских, государственных и прочих земель, немедленного создания крестьянских комитетов для

распоряжения конфискованной землей, а в случае полной победы демократической революции и установления «самодержавия народа» (т. е. революционно-демократической диктатуры рабочих и крестьян) выдвигала требование национализации земли. Это была новая программа, отвечавшая задачам начавшейся аграрной революции, рассчитанная на доведение до конца буржуазно-демократической революции и на ее перерастание в социалистическую.

Как известно, аграрная программа, принятая II съездом социал-демократической партии в 1903 году, требовала лишь возвращения крестьянам отрезков, т. е. земель, отрезанных в пользу помещиков во время крестьянской реформы 1861 года. В свое время это требование сыграло положительную роль в развитии аграрного движения против остатков крепостнического строя. Но в период революции 1905 года старая программа оказывалась уже недостаточной.

Ввиду этого еще III, большевистский съезд партии принял резолюцию о поддержке всех революционных мероприятий крестьянства, вплоть до конфискации всей государственной, церковной и помещичьей земли. Первая Таммерфорская конференция большевиков (в декабре 1905 года) приняла предложение Ленина удалить из программы пункты об отрезках и выкупных платежах и заменить их решением по этому вопросу, которое было вынесено на III съезде.

Но, ориентируясь на доведение до конца буржуазно-демократической революции и на перерастание ее в революцию социалистическую, революционная социал-демократия должна была пойти еще дальше и вывинуть в своей программе требование национализации земли при условии полной победы демократической революции. Национализация земли представляла собой «...возможный максимум буржуазно-демократического переворота» и «...естественный и необходимый шаг вперед от победы буржуазного демократизма к началу настоящей борьбы за социализм»¹.

Первым докладчиком на съезде по вопросу об аграрной программе был Ленин, автор большевистского проекта национализации земли. Докладчиком меньшевистского проекта был П. Маслов, изложивший программу так называемой муниципализации, т. е. передачи помещичьей земли в распоряжение крупных органов местного самоуправления (земств и т. п.).

По аграрному вопросу на съезде было еще 3 докладчика: Румянцев, который защищал большевистскую программу с изменениями, предусмотренными так назы-

¹ Ленин. Т. IX, стр. 72.

ваемым вариантом «А» (этот вариант допускал возможность переходных мер в деле отмены частной собственности на землю как подготовку к национализации), Борисов (С. Суворов), защищавший требование раздела между крестьянами конфискованной земли, и Плеханов, поддерживавший в основном меньшевистскую программу Маслова и яростно нападавший на программу Ленина.

Ленин подверг меньшевистскую программу уничтожающей критике, выдвинув следующие 3 главные пункта: 1) программа муниципализации неревolutionонна; она требует не конфискации земли, а вообще отчуждения, что может означать и выкуп, а главное, не содержит призыва к революционному способу осуществления аграрного переворота; она, таким образом, сводит дело не к аграрной революции, а к бюрократической реформе; 2) меньшевистская программа неприемлема для крестьянства: муниципализация означает, что крестьяне владели бы только своей наделной землей, а лучшую, отобранную у помещиков землю должны были бы арендовать у местных самоуправлений; крестьяне не могли согласиться на такую программу: они стояли либо за раздел, либо за передачу земли в собственность всего народа; победившая революция не могла бы остановиться на муниципализации, в случае же поражения революции никакой муниципализации не могло бы получиться; 3) муниципализация вредна, если она не обусловлена полной победой демократической революции, потому что реакционная центральная власть не допустила бы никакой автономии местных самоуправлений в разрешении земельного вопроса и из муниципализации получилось бы только одурачивание крестьян.

Меньшевистская муниципализация на деле не содержала никакой реальной программы разрешения аграрного вопроса в пользу крестьян. Она была проникнута боязнью крестьянской революции, была рассчитана на половинчатый исход революции, на сделку буржуазии с самодержавием и ничего общего не имела с подлинными интересами народа.

Плеханов, не скупившийся на распространенные среди меньшевиков демагогические обвинения большевиков в заговорщичестве, в бланкизме и в народничестве, говорил, что национализация вызовет опасность реставрации и что нужны гарантии от реставрации. Разбивая этот довод, Ленин в своем заключительном слове сказал, что абсолютной гарантией от реставрации в России может служить только социалистическая революция на Западе. Что же касается относительной, т. е. внутренней, гарантии от реставрации, то

такой гарантией является доведение буржуазно-демократической революции до конца. Большевистский проект национализации давал в этом отношении наибольшую гарантию.

Ленин высказался также против программы раздела конфискованной земли, изложенной Борисовым. Программа раздела, говорил Ленин, содержала ту ошибку, что не выражала ориентации на будущее, т. е. на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. Она могла быть приемлемой для крестьянства и способствовать ликвидации крепостнических остатков в деревне. Однако этим ее положительное значение и ограничивалось.

На съезде прошла меньшевистская резолюция, но с рядом поправок, так что, в конце концов, программа допускала наряду с муниципализацией в известных случаях и раздел и даже частичную национализацию.

Ленин квалифицировал эту аграрную программу как программу, хромающую на все четыре ноги. Ясно было, что жизнь пойдет мимо этой программы, и так оно и произошло.

4

Анализируя большевистскую тактику в революции 1905 года, В. И. Ленин писал о том, что тогда историей была поставлена на очередь дня «...борьба за форму ближайшего пути развития... борьба за непосредственно-революционный путь или (на известное время) за путь монархической конституции»¹. Пролетариат и крестьянство были кровно заинтересованы в торжестве первого пути. Буржуазия стремилась ко второму пути, к сделке с царизмом и скорейшему подавлению революции. Большевики показывали рабочему классу и крестьянству путь к победе революции; меньшевики шли на поводу у буржуазии, держали курс на свертывание революции и заняли позицию целиком реформистскую.

Лозунги большевиков о вооруженном восстании, о бойкоте Думы, о захвате земель крестьянскими комитетами, о Советах рабочих депутатов как органах восстания и зародыше революционной власти нашли свое воплощение в период поступательного движения революции 1905 года. Впоследствии Ленин писал по этому поводу, что «...сначала осилил революционный народ, вырвал у старой власти возможность немедленно перевести революцию на монархически-конституционные рельсы, создал на месте представительных учреждений полицейски-либерального типа представительные же учреждения чисто революционного типа, Советы Рабо-

чих Депутатов и т. д. ...Декабрьская борьба решила вопрос в иную сторону: старая власть победила, отбив натиск народа, удержав за собой позицию. Но, само собою разумеется, эту победу не было еще тогда оснований считать решительной победой»².

Лишь впоследствии, в 1907 году, выяснилось, что после декабрьского восстания началось отступление революции 1905 года, в период же IV съезда и некоторое время после него еще имелись основания, как уже было сказано, предполагать приближение нового подъема и победы революции.

Важно было, чтобы этот вероятный еще тогда подъем революции рабочий класс и его партия превратили в действительность и встретили бы его во всеоружии. Эту цель и преследовала тактическая платформа большевиков к IV съезду.

Платформа указывала рабочему классу на неправильность перенесения центра тяжести движения на парламентскую борьбу «на квази-конституционной почве», приковывала его внимание к задаче объединения отдельных выступлений, стачек, восстаний, крестьянских и военных бунтов во всероссийское вооруженное восстание; платформа рассеивала конституционные иллюзии, рассчитанные на обман масс и ослабление их боевой готовности.

Противоположную позицию занимали меньшевики. Вся меньшевистская платформа состояла из трусливых недомолвок и намеков. Она не отрицала прямо возможности революционного подъема и в то же время делала выводы против него, но все это в замаскированной и неясной форме, из страха перед судом пролетарских масс.

Ленин и Сталин без всякой пощады разоблачили эти скрытые пружины меньшевистской тактики.

Заслуга IV съезда состояла как раз в том, что он помог разоблачить эту предательскую, оппортунистическую линию меньшевиков перед широкими массами сознательных рабочих.

Оппортунизм меньшевиков ярко обнаружился даже в их отношении к постановке на съезде вопроса об оценке текущего момента. Большевики добивались включения в повестку дня обсуждения вопроса об оценке политического момента и задач рабочего класса. Меньшевистские лидеры яростно противились этому, обнаруживая тем самым свой страх перед принципиальной постановкой вопросов тактики, перед подлинно научным, марксистским обоснованием тактической линии.

Однако даже часть рядовых делегатов-меньшевиков вопреки своим лидерам под-

¹ Ленин. Т. XII, стр. 20.

² Там же.

держала предложение большевиков, и вопрос об оценке текущего момента революции и задачах пролетариата был поставлен на обсуждение съезда.

Все же меньшевики добились того, что резолюции по этому вопросу не было вынесено. Это свидетельствовало о том, что они боялись открыто высказать свое мнение и хотели оставить себе руки свободными для дальнейших, еще более оппортунистических действий.

Ленин в своем «Докладе об объединительном съезде» характеризовал доклад меньшевика Мартынова о текущем моменте следующим образом: «Как и все меньшевики, он пассивно приспособлял нашу тактику к малейшему изгибу в ходе событий, подчинял ее интересам момента, нуждам (или кажущимся нуждам) минуты...»¹.

Немудреный смысл меньшевистской тактики заключался в том, чтобы плестись в хвосте масс, когда те не слушали меньшевиков и шли на борьбу, и первыми бить отбой при неудаче. Та же «линия» обнаружилась и в выступлениях других меньшевистских ораторов: «...дескать, когда Дума, — пойдем за Думой, когда стачки и восстание, — пойдем за стачками и восстанием, а учесть неизбежность той или другой формы движения они не хотят или не могут»².

Это значит, говорил далее Ленин, «...не поднимать пролетариат до роли передового вождя революции, оценивающего ее глубже и шире, осмысливающего свою тактику общими и коренными интересами демократии, а принижать пролетариат до роли пассивного участника и скромного «чернорабочего» буржуазно-демократической революции»³.

В своем выступлении на Объединительном съезде товарищ Сталин остро и прямо поставил вопрос о сущности разногласий в оценке положения. В своей речи о текущем моменте он сказал: «...если классовые интересы пролетариата ведут к его гегемонии, если пролетариат должен идти не в хвосте, а во главе текущей революции, то само собой понятно, что пролетариат не может отказаться ни от активного участия в организации вооруженного восстания, ни от захвата власти. Такова «схема» большевиков. Или гегемония пролетариата, или гегемония демократической буржуазии — вот как стоит вопрос в партии, вот в чем наши разногласия»⁴.

Оппортунизм меньшевиков обнаружился еще ярче при обсуждении вопроса о Государственной думе. По этому вопросу до-

кладчиками выступали от большевиков Ленин, а от меньшевиков Аксельрод.

Так как ко времени съезда выборы в Думу уже почти закончились, то составленные раньше проекты резолюций устарели, и на съезде была создана комиссия для выработки новой резолюции. Комиссия не пришла ни к какому соглашению, и обе части ее — большевистская и меньшевистская — выставили свои самостоятельные проекты.

Меньшевистский докладчик Аксельрод, по выражению Ленина, витал в поднебесье, развивая общие теории парламентаризма, причем целью этого витания было «...оставить в тени конкретную политическую действительность России периода февраля—апреля 1906 г.»⁵ и те острые противоречия между самодержавием и пролетариатом и крестьянством, которые в ней существовали.

Плеханов стоял за соглашение с кадетами. Акимов, наиболее правый и законченный оппортунист, не постеснялся сказать, что кадеты являются партией народной свободы, только более умеренной. Меньшевики не осмелились сказать этого в своей резолюции. Но Владимир Ильич в своем докладе сопоставил большевистскую и меньшевистскую резолюции и разоблачил антипролетарскую сущность последней.

Большевистская резолюция считала правильной проведенную тактику бойкота I государственной думы. Но в предвидении возможности разгона этой Думы большевистская резолюция заявляла, что вопрос об участии в новой избирательной кампании «...будет решаться российской с.-д.-ей в зависимости от конкретных обстоятельств момента»⁶.

Впоследствии в «Детской болезни «левизны» в коммунизме» Ленин писал, что поскольку декабрьское восстание было высшей точкой революции 1905 года, за которой последовал отлив революции, было бы правильнее участвовать в выборах в I думу. Бойкот I думы поэтому был ошибкой. «...хотя и небольшой, легко поправимой...»⁷.

Ленин, выступая на IV съезде, говорил о том, что социал-демократы «...стоят за использование парламентской борьбы, за участие в ней, но они беспощадно разоблачают «парламентский кретинизм», т.-е. веру в то, что парламентская борьба есть единственная или при всяких условиях главная форма политической борьбы»⁸.

¹ Ленин. Т. IX, стр. 201.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Сборник произведений к изучению истории ВКП(б). Т. I, стр. 457.

⁵ Ленин. Т. IX, стр. 207.

⁶ Там же, стр. 160.

⁷ Ленин. Т. XXV, стр. 183.

⁸ Ленин. Т. IX, стр. 204.

Меньшевики как раз страдали этим парламентским кретинизмом. Поэтому в своей резолюции они не дали оценки выборов, признавали I думу орудием революции, требовали оказания ей поддержки и считали, что нужно ее сделать центром деятельности социал-демократии. Ленин в своем докладе специально остановился на том, что меньшевистская резолюция затушевывала подлинный характер думы — то обстоятельство, что дума эта была кадетская. Резолюция меньшевиков заявляла, что дума будет искать опоры в широких массах, но она умалчивала о том, что кадеты колебались между стремлением опереться на народ и боязнью его революционной самостоятельности, что они стремились ослабить и подавить его революционный подъем. Умолчать же об этом было равносильно тому, что сказать народу прямую неправду, ввести в заблуждение пролетариат и весь народ. Так квалифицировал Ленин меньшевистскую резолюцию.

В своей резолюции меньшевики умолчали о том, с какой частью буржуазной демократии должен пролетариат заключать соглашение. Большевики же говорили прямо и ясно: с крестьянской, революционной демократией, нейтрализуя своим соглашением шаткость и непоследовательность кадетов. Дело было в том, что меньшевики не признавали революционной роли крестьянства, считали нужным соглашение с буржуазией, с кадетами.

Махровый оппортунизм меньшевиков выразился, наконец, и в заключительном пункте резолюции — о создании в думе социал-демократической фракции. При том условии, что почти повсеместно социал-демократические организации бойкотировали выборы, а люди, прошедшие в думу и называвшие себя социал-демократами, на деле не были представителями социал-демократических организаций, причем открытый контроль со стороны партии был затруднен общей обстановкой полицейского террора, — создание социал-демократической фракции означало возложение на социал-демократическую партию ответственности за безответственную политику случайных людей. Большевики голосовали против этого и внесли в протокол свое особое мнение.

С'езд принял меньшевистскую резолюцию о думе.

Следующим обсуждался вопрос о вооруженном восстании. Меньшевистское большинство с'езда, вообще не сочувствовавшее постановке этого вопроса, предоставило докладчикам лишь по 15 минут.

Докладчик меньшевиков Череванин, по существу, осуждал декабрьское вооруженное

восстание, перепевал плехановское «не надо было браться за оружие».

Большевистская резолюция, обобщившая опыт московского и других декабрьских вооруженных восстаний, явилась дальнейшим развитием основных положений по тому же вопросу резолюции III с'езда и ленинской работы «Две тактики социал-демократии в демократической революции» и призывала к организации сил рабочего класса и крестьянства для вооруженного восстания, к широкой пропаганде восстания, к изучению опыта, к изучению, в частности, восточной стороны вопроса, к работе в армии.

Меньшевики, стремясь обойти основную сущность дискуссии, отводили прения в сторону критики большевиков за их мнимое «заговорщичество» и «преувеличение вопросов техники». Ленин, разоблачая этот маневр, писал: «Фразы о технике и о заговорществе — это только прикрытие вашего отступления по вопросу о восстании»¹.

В своей резолюции меньшевики побоялись прямо отречься от восстания, но все же она была направлена против вооруженного восстания.

5

Остальные вопросы меньшевики старались еще больше скомкать или совсем снять. Резолюция о партизанских выступлениях прошла как придаток к резолюции о вооруженном восстании. Решения по вопросам о профессиональных союзах и об отношении к крестьянскому движению прошли единогласно; соглашение по ним было достигнуто в комиссиях. Большевики настаивали на том, чтобы в резолюции об отношении к крестьянскому движению была дана правильная оценка аграрной политики кадетской партии, а восстание признано единственным средством завоевания победы.

При обсуждении вопросов об объединении с национальными организациями (социал-демократией Польши и Литвы, латышской социал-демократией и Бундом) споры вызвали лишь вопрос о Бунде. Против выработанного с Бундом соглашения, в основу которого были положены принципы единства местных комитетов РСДРП и выборов на с'езд на общих основаниях, из фракционных соображений выступили меньшевики. Часть меньшевиков, впрочем, присоединилась к большевикам, и соглашение прошло большинством голосов.

Обсуждение устава партии на с'езде прошло быстро. Меньшевики пытались увеличить с половины до двух третей число требующих с'езда членов партии, необходимое

¹ Ленин. Т. IX, стр. 215.

для созыва экстренного съезда. Эта поправка была направлена против большевиков. Тогда Ленин заявил, что если меньшевики попытаются умалить права членов партии, неизбежно произойдет раскол. Меньшевики уступили, и было сохранено прежнее положение, утвержденное III съездом партии.

Первый пункт устава — о членстве — меньшевики вынуждены были, чтобы не оттолкнуть от себя рабочих, принять в ленинской редакции. Это была крупная победа большевиков. Правда, чтобы себя вознаградить, меньшевики провалили примечание к § 1, предложенное большевиками, о том, что за каждым членом партии, меняющим место жительства, признается право входить в местную организацию. Это примечание было направлено против фракционных склоков, устраивавшихся меньшевиками. Большевизм съезда отклонил это примечание как якобы само собой разумеющееся.

Меньшевики уклонились от обсуждения вопроса об отношении к буржуазным партиям в России. Вместо этого они провели на съезде решение о присоединении к резолюции Амстердамского интернационала о буржуазных партиях. «Это была самая неудачная, способная лишь вызвать насмешки, форма оставления вопроса открытым»¹, — иронически отмечал Ленин.

Вопреки настояниям большевиков, меньшевистское большинство съезда провело решение, восстанавливавшее двоецентризм: ЦК и ЦО были выбраны съездом. Пятерку ЦО меньшевики составили целиком из своих, в ЦК вошло 3 большевика и 6 меньшевиков.

* * *

Положительное значение съезда заключалось в том, что произошла еще более ясная идейная размежка большевиков и меньшевиков. Это было необходимо «...в интересах здорового развития партии, в интересах политического воспитания пролетариата, в

интересах отсекаания от с.-д. партии всяких чрезмерных уклонов от правильного пути»².

Объединение на съезде было лишь формальным.

Большевистские делегаты съезда издали «Обращение к партии», в котором разъясняли половинчатость и неправильность решений съезда по большинству важнейших вопросов.

В своем «Докладе об объединительном съезде» и в других произведениях Ленин со свойственной ему глубиной, полнотой и ясностью рассказал членам партии и рабочим о существовании разногласий между большевиками и меньшевиками. Этим вопросам были посвящены также брошюра товарища Сталина «Текущий момент и объединительный съезд рабочей партии», вышедшая в 1906 году, его же «Предисловие к брошюре Каутского «Движущие силы российской революции» и другие работы.

«В местных, формально объединенных организациях, очень часто с отчетами о съезде выступали два докладчика: один — от большевиков, другой — от меньшевиков. В результате обсуждения двух линий, большинство членов организаций становилось в большинстве случаев на сторону большевиков.

Жизнь все больше доказывала правоту большевиков. Меньшевистский ЦК, выбранный IV съездом, все больше обнаруживал свой оппортунизм, свою полную неспособность руководить революционной борьбой масс»³.

Массы не шли за оппортунистическими лозунгами этого ЦК, большинство партийных организаций выступило против политики меньшевистского ЦК. Большевики нашли выход в борьбе за новый, V съезд, который и состоялся в мае 1907 года. На этом съезде победила большевистская линия Ленина и Сталина.

² Там же, стр. 222.

³ «История ВКП(б)», стр. 83.

ЛИТЕРАТУРА: «История ВКП(б)», стр. 81—83; Ленин. Центральному Комитету. Т. XXVIII, стр. 492—493; Ленин. Письмо Центральному Комитету РСДРП. Т. VIII, стр. 246—247; Ленин. Доклад об объединительном съезде РСДРП. Письмо к петербургским рабочим. Т. IX, стр. 175—226; Там же. Тактическая платформа к объединительному съезду РСДРП. стр. 37—50; Там же. Пересмотр аграрной программы рабочей партии, стр. 51—76; Там же. «Объединительный съезд РСДРП», стр. 148—169; И. Сталин. «Речь на IV объединительном съезде РСДРП». Сборник произведений к изучению истории партии. Т. I, стр. 456 и 457; И. Сталин. Из предисловия к брошюре Каутского «Движущие силы российской революции». Сборник произведений к изучению истории партии. Т. I, стр. 419—422; Л. Берия. «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье». Гл. II (особенно стр. 38—58).

Ценный вклад в сокровищницу марксизма-ленинизма*

В вышедшем недавно из печати XIII томе (часть 2-я) сочинений Маркса и Энгельса опубликованы их работы с начала франко-прусской войны (июль 1870 года) до середины 1873 года.

Крупнейшим историческим событием этого периода была Парижская коммуна, которая нанесла первый удар по капитализму и явилась ярчайшим триумфом идей марксизма, идей, под знаменем которых Маркс и Энгельс выковывали международную пролетарскую партию, Первый Интернационал.

Большая часть работ, помещенных в данном томе, является незаменимым источником для изучения истории Интернационала в эти годы; многие из них были написаны Марксом и Энгельсом в качестве официальных документов Интернационала: достаточно указать на воззвания Генерального совета Международного товарищества рабочих по поводу франко-прусской войны; на манифест Генерального совета о гражданской войне во Франции, написанный Марксом по поручению Генсовета в 1872 году; на негласный циркуляр «Мнимые расколы в Интернационале».

В рецензируемом томе впервые собраны вместе документы, связанные с борьбой Маркса и Энгельса против бакунистов, которые в эти годы особенно широко развернули свою подрывную, дезорганизаторскую деятельность в Интернационале. Некоторые из этих работ публикуются в русском переводе впервые. К числу таких работ относятся, например, брошюра «Альянс социалистической демократии и Международное товарищество рабочих».

Большой интерес представляют впервые публикуемые в русском переводе резолюции Гаагского конгресса Первого Интернационала, происходившего в 1872 году (остальные материалы и документы конгресса еще не опубликованы).

Все эти работы Маркса и Энгельса являются яркими образцами борьбы основопо-

ложников коммунизма против оппортунизма и сектантства, за гегемонию марксизма в рабочем движении, за пролетарскую партию.

* * *

Как только началась франко-прусская война, Генеральный совет Интернационала выступил с принадлежащим перу Маркса воззванием от 23 июля 1870 года. Здесь был дан мастерский анализ причин и характера этой войны и было показано, что не рабочий класс, не народы Франции и Германии, а правящие классы этих стран затеяли войну. Констатируя, что для Германии война являлась на данном этапе оборонительной, так как в результате ее должно было быть завершено воссоединение страны, Генеральный совет одновременно разоблачал антинародную политику прусской военщины и предупреждал германских рабочих, что если они допустят превращение войны в завоевательную войну против французского народа, «тогда и победа и поражение будут одинаково губительны» (стр. 8). Уже в этом воззвании Маркс предсказывает неизбежность падения Второй империи: «Чем бы ни кончилась война Луи Бонапарта с Пруссией, — похоронный звон по Второй империи уже прозвучал в Париже» (стр. 7).

С огромной силой звучит здесь пламенный призыв к интернациональному единению рабочих всех стран, призыв «Манифеста Коммунистической партии».

Тактика Интернационала по отношению к войне 1870—1871 годов являлась образцом подлинно интернационалистской пролетарской тактики, основанной на глубоком анализе расстановки классовых сил. Это была глубоко продуманная, гибкая тактика.

В одном из своих писем Марксу в августе 1870 года Энгельс так сформулировал задачи Интернационала и, в частности, его германской секции в этой войне:

«1) примкнуть к национальному движению... поскольку и до тех пор, пока оно ограничивается защитой Германии...

2) подчеркивать при этом различие между национально-германскими и династически-прусскими интересами;

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. XIII. Ч. 2-я. Статьи, корреспонденции, документы Интернационала. 1870—1873. Институт Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б).

3) противодействовать всякой аннексии Эльзаса и Лотарингии—повидимому Б[ис-марк] хочет присоединить их к Баварии и Бадену;

4) как только в Париже у кормила окажется республиканское, не-шовинистическое правительство, — добиваться почетного мира с ним;

5) постоянно выдвигать единство интересов немецких и французских рабочих, которые не одобряли войну, а также и не воюют друг с другом;

6) отношение к России остается, как в Адресе Интернационала»¹.

Уже ближайшие месяцы наглядно показали гениальную прозорливость руководителей Интернационала и всю правильность их тактики.

Чрезвычайно интересны публикуемые в томе заметки Энгельса о франко-прусской войне, систематически печатавшиеся в лондонской «Pall Mall Gazette» с начала войны до февраля 1871 года.

Уже задолго до этого Энгельс уделял очень большое внимание изучению военных вопросов. Буквально все крупные военные конфликты 50—60-х годов XIX века нашли блестящее освещение и были предметом глубочайшего анализа в статьях и корреспонденциях Энгельса, являющегося выдающимся теоретиком по военным вопросам.

В томе XIII (часть 2-я) собраны воедино все 40 написанных Энгельсом «Заметок о войне» и 19 статей, также непосредственно относящихся к этой серии, но носящих другие заглавия.

К таким работам относятся, например, корреспонденции от 8 августа 1870 года «Прусские победы», «Кризис войны» от 20 августа, статья «Французские поражения» от 3 сентября, напечатанная на другой день после капитуляции французской армии при Седане, «Расцвет и упадок армий» от 10 сентября, «Как разбить пруссаков» от 17 сентября, «Шансы войны» от 8 декабря, «Прусские партизаны» от 9 декабря, и т. д., и т. д.

Как и «Заметки о войне», эти статьи Энгельса содержат не только блестящие страницы, являющиеся ценнейшим источником для всех изучающих историю франко-прусской войны: в них читатель найдет и ценные материалы по истории французской и германской армий, важные замечания о значении крепостей и о других вопросах военного искусства. Уже первые корреспонденции Энгельса, публиковавшиеся в «Pall Mall Gazette» без его подписи, содержавшие ряд гениальных прогнозов, вызвали в Англии сенсацию. «Если война

продолжится некоторое время, ты будешь скоро признан первым военным авторитетом в Лондоне»²,—писал Маркс своему другу Энгельсу.

Уже в первых своих корреспонденциях Энгельс раскрыл стратегические планы как французского, так и прусского командования и сделал блестящий прогноз о дальнейших перспективах войны. Так, в корреспонденции, опубликованной 29 июля, Энгельс объяснил смысл планов Наполеона III, а в ближайшие дни вслед за тем—планов Мольтке и предугадал неизбежность поражения французской армии:

«Если этот план удастся и немцы выиграют первое большое сражение, французская армия рискует оказаться не только отрезанной от своей ближайшей базы—Меца и Мозеля, но и быть отброшенной на такую позицию, которая позволит немцам очутиться между ней и Парижем» (стр. 20).

Как подлинно пролетарский военный теоретик, Энгельс сочетает марксистское освещение чисто военной стороны событий с глубоким анализом их социальной основы. Энгельс не только предсказывает неизбежность катастрофического поражения французской армии, но и вскрывает внутренние причины, ведущие к этой военной катастрофе и к краху Второй империи.

Еще задолго до падения Наполеона III Бонапарта, вслед за появлением на свет Второй империи, Маркс и Энгельс заклеймили действия этого политического авантюриста, изображавшего себя «патриархальным благодетелем всех классов», на деле же стремившегося «...превратить всю собственность, весь труд Франции в долговое обязательство на себя лично»³.

В своей корреспонденции от 26 августа 1870 года Энгельс разоблачает безумные планы Наполеона III и его клики. «Это более похоже на акт отчаяния (coup de désespoir), чем на что либо другое»,—пишет он.

«Это план не стратега, а «алжирца», привыкшего сражаться против иррегулярных войск, план не солдата, а политического и военного авантюриста, какие господствовали во Франции в течение последних девятнадцати лет... Вот Вторая империя во всей своей красе. Сохранить видимость, скрыть поражение — вот что требуется больше всего... Чем скорее Франция избавится от таких людей, тем лучше для нее. В этом единственная надежда» (стр. 67—68).

После того как разразилась катастрофа французской армии при Седане и насквозь

² Там же, стр. 371.

³ К. Маркс. Избранные произведения. Т. II, стр. 338. 1940.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXIV, стр. 382.

прогнившая Вторая империя пала под натиском парижских рабочих, Маркс и Энгельс со всей отчетливостью указали международному рабочему классу на новые задачи, выдвигаемые перед ним изменившейся обстановкой.

В написанном Марксом втором воззвании Генерального совета о войне (см. стр. 93) подчеркивалось, что теперь война со стороны Германии уже потеряла свой оборонительный характер и превратилась в захватническую, завоевательную войну против французского народа; в воззвании указывалось, что немецкие рабочие должны требовать почетного для Франции мира и признания Французской республики.

Горячо протестуя против плана захвата Эльзаса и Лотарингии Германией, Маркс предостерегает против того, что такой захват бросил бы Францию в объятия царской России и вызвал бы впоследствии ряд новых кровопролитнейших войн. Дальнейший ход всемирной истории целиком подтвердил этот блестящий прогноз Маркса.

В воззвании от 9 сентября разоблачался истинный характер ставшего у власти после падения Второй империи правительства. Уже на основании первых шагов деятельности этого правительства Маркс указал французским рабочим, что «оно унаследовало от империи не только пруду развалин, но также и ее страх перед рабочим классом» (стр. 99).

Маркс предостерегал рабочих против увлечения «национальными» традициями 1792 года и призывал их ко всемерному укреплению своих пролетарских организаций. Воззвание заканчивалось горячим призывом к активному выступлению рабочих всех стран против продолжения захватнической войны, к деятельной поддержке Французской республики:

«Если рабочие забудут свой долг, если они останутся пассивными, настоящая ужасная война станет предтечей новых, еще более ужасных международных войн и приведет в каждой стране к новым победам над рабочими рыцарей шпаги, землевладения и капитала» (стр. 100).

Эти пророческие слова с особенной силой звучат сейчас, когда бушует пожар второй мировой империалистической войны, ежедневно поглощающей все новые тысячи человеческих жертв.

В относящихся ко второму этапу франко-прусской войны корреспонденциях в «*Pall Mall Gazette*» Энгельс горячо призывает французский народ к развертыванию подлинно народной войны против чужеземных захватчиков.

«...Мы имеем смелость заявить, — писал Энгельс в заметке от 8 декабря 1870 года, — что, если дух сопротивления в народе не ослабнет, позиция французов, даже

после последних поражений, еще очень сильна. Владея морем для подвоза оружия, имея достаточное количество людей, которых можно превратить в солдат, проделав в течение трех месяцев — первых и самых трудных трех месяцев — организационную работу, имея шансы получить еще один месяц, если не два, передышки, притом в такое время, когда пруссаки проявляют уже признаки истощения, — славиться при таких условиях было бы явным предательством» (стр. 206—207).

Энгельс придавал большое значение развертывавшемуся во Франции партизанскому движению против иноземных захватчиков. Протестуя против зверских расправ, организованных прусской военщиной против французских партизан, Энгельс напомнил о весьма одобрительном отношении прусского правительства к партизанской народной войне, которая велась против наполеоновской армии в Пруссии после разгрома последней в 1806 году, т. е. после тильзитского мира, который был, как указывал Ленин, величайшим унижением Германии и в то же время поворотом к величайшему национальному подьему.

Энгельс напоминает о прусском офицере-партизане Шиле, который, руководствуясь патриотическими чувствами, организовал партизанский отряд, действовавший в тылу французов.

Выдающийся прусский генерал и военный теоретик фон Гнейзенау, автор закона о ландштурме, не только очень высоко ценил партизанское движение, но и занялся теоретическим изучением партизанских методов борьбы против чужеземного наполеоновского гнета.

«Если бы он теперь был жив, имея за собой весь опыт Пруссии, — писал Энгельс, — то он, вероятно, во французских партизанах увидел бы если не полное, то приблизительное осуществление своего прекрасного идеала народного сопротивления» (стр. 211—212).

Таким образом, Энгельс настойчиво призывал французский народ к организации активной борьбы против прусских захватчиков, одновременно разоблачая предательскую, антинародную политику правительства национальной обороны.

Когда 28 января 1871 года был подписан акт о капитуляции на тягчайших для Франции условиях, Маркс и Энгельс со всей силой заклеили подлинных виновников этого предательства. В своем письме к Кугельману от 4 февраля Маркс писал, что Трошю, этот «солдафон и идиот», «...считал гораздо более важным держать в подчинении красных в Париже — при помощи своей бретонской лейб-гвардии, — которая оказывала ему те же услуги, что корсиканцы — Луи Бонапарту, чем побеж-

дать пруссаков. Вот в чем настоящий секрет поражений не только в Париже, но и везде во Франции! Повсюду буржуазия — в согласии с большинством местных властей — действовала по этому же самому принципу»¹.

* * *

Когда 18 марта 1871 года парижские рабочие взяли власть в свои руки и впервые в истории человечества начали осуществлять диктатуру пролетариата, Маркс и Энгельс во всеуслышание солидаризировались с Парижской коммуной и отзывались о героической борьбе коммунаров с восторгом и восхищением. «Какая гибкость, какая историческая инициатива, какая способность к самопожертвованию у этих парижан! После шестимесячного голода и разорения, вызванного гораздо более внутренней изменой, чем внешним врагом, они встают под прусскими штыками, как будто войны между Францией и Германией и не было, как будто бы враг не стоял еще у ворот Парижа! История не знает другого примера подобного героизма!»², — писал Маркс в своем письме к Кугельману.

Маркс поддерживал связь с коммунарами, давал им ценнейшие указания, предостерегал их от ошибок. На ряде заседаний Генсовета Маркс и Энгельс выступали с речами о Коммуне. В своем выступлении на заседании Генсовета от 23 мая 1871 года Маркс разоблачил союз Тьера с Бисмарком, заключенный для подавления Коммуны, и заявил, что «...если Коммуна будет разбита, борьба будет только отсрочена. Принципы Коммуны вечны и не могут быть уничтожены; они вновь и вновь будут заявлять о себе до тех пор, пока рабочий класс не добьется освобождения» (стр. 655).

Маркс рассылал сотни писем по всем секциям Интернационала, мобилизуя их для оказания моральной и материальной поддержки коммунарам. Но коммунары, не имея своей пролетарской партии, которая могла бы возглавить их борьбу и предотвратить ряд тяжелых, роковых ошибок, не сумели использовать тех указаний, которые давал им Маркс.

Коммуна была «...первой, славной, героической, но все же безуспешной попыткой пролетариата повернуть историю против капитализма»³ и нанесла капитализму лишь первый удар.

Когда Парижская коммуна была разбита объединенными силами версальцев и прусской военщины, когда героический Париж

был подавлен «волками, свиньями и подлыми псами старого общества»⁴, Генеральный совет выступил с написанным Марксом манифестом «Гражданская война во Франции» (см. стр. 293—337).

Через два дня после того, как последние баррикады, на которых сражались героические бойцы Коммуны, были захвачены версальцами, Маркс прочитал на заседании Генерального совета этот замечательный документ, в котором так глубоко оценил великое, всемирноисторическое значение Коммуны.

На основе опыта Коммуны Маркс и Энгельс развили свои идеи о пролетарской революции и диктатуре пролетариата. Задолго до Коммуны, накануне революции 1848 года, Маркс и Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии» во всеуслышание заявили о необходимости коммунистической революции, насильственного ниспровержения буржуазии и превращения пролетариата в господствующий класс. Следовательно, уже в 1848 году основоположники марксизма сформулировали идею диктатуры пролетариата. В 1852 году на основе опыта революции 1848 года Маркс в своей работе «18-е Брюмера Луи Бонапарта», развивая эту идею, делает тот дальнейший вывод, что пролетариат не может просто использовать старую государственную машину, что он должен сломать старый бюрократический военный государственный аппарат. В дни Коммуны в письме к Кугельману от 12 апреля Маркс напоминает об этих выводах и указывает, что как раз в этом и состоит «...попытка наших героических парижских товарищей»⁵.

В своем предисловии к новому немецкому изданию «Коммунистического манифеста», написанном в 1872 году (см. стр. 460). Маркс и Энгельс, подчеркнув, что основные положения его остаются совершенно правильными, указали, однако, что «эта программа теперь местами устарела». «В особенности, — писали они, — Коммуна доказала, что «рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей»» (стр. 461). (Здесь Маркс и Энгельс цитируют слова из «Гражданской войны во Франции».)

На основе опыта Коммуны Маркс и Энгельс показали далее, чем пролетариат должен заменить разбитую государственную машину. Подвергнув в «Гражданской войне во Франции» самому внимательному анализу этот опыт, Маркс охарактеризовал основные черты пролетарской диктатуры, т. е.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVI, стр. 90.

² Там же, стр. 105.

³ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 203. 10-е изд.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVI, стр. 106.

⁵ Там же, стр. 105.

той политической формы, «при которой может происходить экономическое освобождение труда» (Ленин). Этот гениальный анализ Маркса был блестяще подтвержден опытом Великой пролетарской революции в СССР, продолжившим в иных условиях, в иной обстановке великое дело парижских коммунаров.

* * *

После подавления Коммуны господствующие классы обрушились на Интернационал и его секции градом репрессий и потоками чудовищной клеветы.

«...Против него объединились почти все европейские правительства: Тьер и Горчаков, Бисмарк и Бейст, Виктор-Эммануил и папа, Испания и Бельгия. Интернационал травят со всех сторон: все силы старого мира, суды военные и гражданские, полиция и пресса, помещики и буржуа соревнуются в преследованиях Интернационала, и на всем континенте вряд ли найдется такое место, где не пускались бы в ход все средства, чтобы поставить вне закона это вселяющее ужас великое братство рабочих», — писал об этом Энгельс в статье «Конгресс в Сонвилле и Интернационал» (стр. 377).

В XIII томе (часть 2-я) впервые собраны вместе и напечатаны в русском переводе многие из тех заявлений, писем в редакции газет, опровержений и других корреспонденций, которые публиковались тогда Марксом и Энгельсом в периодической печати. Все эти документы яркими штрихами рисуют энергичную деятельность, которую развернули вожди рабочего класса в дни черной реакции после подавления Коммуны, показывают их борьбу против наступления буржуазии на Интернационал.

В своем письме к Кугельману от 18 июня 1871 года Маркс писал, что Манифест (Маркс имел в виду «Гражданскую войну во Франции») «...производит чертовский переполох, и я имею честь быть в настоящий момент человеком, на которого во всем Лондоне всего сильнее клеветают и которому более всего грозят... Правительственный орган «Observer» прозит мне судебным преследованием. Пусть осмелятся! Плюю я на этих каналий»¹.

Маркс опубликовал в «Daily News» заявление, что он является автором Манифеста и берет на себя личную ответственность за обвинения, выдвинутые в нем против Жюля Фавра, министра иностранных дел в правительстве национальной обороны.

Парижская коммуна явилась пробным камнем для выявления подлинного лица многих неустойчивых и чуждых элементов.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVI, стр. 126.

Так, правый прудонист Толэн стал открытым предателем, перейдя в версальский лагерь. Специальным постановлением Генерального совета Толэн был исключен из Интернационала (см. стр. 283), так же как разоблаченный в качестве шпиона, состоящего на службе у французской полиции, Г. Дюран (см. стр. 366). Интернационал очищал также свои ряды от таких перебежчиков, как английские тредюнионисты Оджер и Лекрафт, которые в унисон с английской буржуазией, поднявшей вой против Манифеста «Гражданская война во Франции», заявили о своем несогласии с этим документом и «подали в отставку»: в июне 1871 года оба они были исключены из Генерального совета. Но особенно большие услуги международной буржуазии в ее борьбе против Интернационала оказала дезорганизаторская работа бакунистов.

В рецензируемом томе опубликован ряд важных документов, шаг за шагом раскрывающих перед читателем основные этапы подрывной деятельности этой секты, принесшей огромный вред рабочему движению. К таким документам относятся материалы Лондонской конференции, статья Энгельса «Конгресс в Сонвилле и Интернационал», негласный циркуляр Генерального совета «Мнимые расколы в Интернационале», резолюции Гаагского конгресса, брошюра «Альянс социалистической демократии» и др.

Маркс строил международную пролетарскую партию — Первый Интернационал — в непрерывной борьбе против всякого рода сект. «Развитие социалистического сектантства и развитие действительного рабочего движения всегда находятся в обратном отношении друг к другу», — писал Маркс в письме к Ф. Больте. «Секты имеют свое (историческое) оправдание до тех пор, пока рабочий класс еще не созрел для самостоятельного исторического движения. Как только он достигает такой зрелости, все секты становятся в сущности реакционными»².

Непрерывная борьба против прудонизма и против лассальянства, проводившаяся в Интернационале и в его секциях под руководством Маркса, привела, к концу 60-х годов, к решающей победе марксизма над этими сектами.

Постановление Базельского конгресса о необходимости обобществления земли наносило сокрушительный удар по прудонизму, который отстаивал реакционную, мелкобуржуазную «теорию» о необходимости сохранения индивидуальной частной собственности на землю. Непримируемая борьба Маркса и Энгельса против лассальянства, этого

² К. Маркс. Избранные произведения. Т. II, стр. 489.

«королевско-прусского социализма», борьба их за пролетарскую партию в Германии имела своим результатом создание в 1869 году германской социал-демократической партии, которая на первом же своем съезде солидаризировалась с принципами Интернационала.

Однако к этому времени в Интернационале начинают свою дезорганизаторскую работу Бакунины и его сторонники, воскрешавшие самые худшие традиции сектантства.

Бакунинская болтовня о «социальной ликвидации» и «отмене» всякого государства, отрицание диктатуры пролетариата, заявления Бакунина о ненужности политической борьбы для рабочего класса и отрицание пролетарской партии приносили огромный вред рабочему движению; бакунизм являлся выражением не пролетарской, а мелкобуржуазной идеологии и был реакционной сектантской группировкой, тем более опасной, что она прикрывала свои реакционные панaceи крикливой «ультрареволюционной» фразеологией.

«Программа Альянса... — писал Маркс, — представляет собой лишь беспорядочное нагромождение давно погребенных идей, разукрашенных звонкими фразами, способными запугать лишь буржуазных кретинизмов или служить уликой против членов Интернационала в глазах боппартистских и иных прокуроров» (стр. 418).

Бакунисты, стремясь подчинить себе международную пролетарскую организацию и превратить ее в свое орудие, вели при помощи тайного Альянса, организованного ими внутри Интернационала, гнусную, двурушническую политику.

После подавления Парижской коммуны бакунисты активно включились в развернутую господствующими классами всех стран кампанию травли и клеветы против Интернационала.

На созванной в сентябре 1871 года Лондонской конференции Первого Интернационала был принят ряд важных решений против бакунизма: резолюция о политическом действии рабочего класса, о запрещении местным секциям именоваться сектантскими названиями, о расколе в Лашодефоне, об Альянсе и т. д.; решения эти нанесли сокрушительный удар бакунистским дезорганизаторам. В ряде публикуемых в рецензируемом томе документов и материалов конференции ярко отражена проводившаяся под непосредственным руководством Маркса и Энгельса борьба за вооружение рабочего класса всемирноисторическим опытом Парижской коммуны, за пролетарскую партийность.

Бакунисты встретили решения Лондонской конференции новым походом против

Генерального совета, против Интернационала и его вождя Маркса. В статье Энгельса «Конгресс в Соонвиле и Интернационал» разоблачалась эта подрывная работа бакунистов. В ответ на кампанию лжи и клеветы, развернутую бакунистами на созванном ими 12 ноября 1871 года конгрессе в Соонвиле и после него, Маркс написал брошюру «Мнимые расколы в Интернационале» (см. стр. 391—433).

Содержание этой брошюры было доложено Марксом на заседании Генерального совета 5 марта 1872 года; здесь было единогласно постановлено одобрить этот документ и опубликовать его в качестве негласного циркуляра Генсовета. В этом замечательном произведении шаг за шагом прослежена вся история подрывной работы бакунистов внутри Интернационала и в особенности их поход против Генсовета, развернутый ими после Лондонской конференции 1871 года.

Маркс дает здесь блестящую характеристику исторической роли сект и сектантства в рабочем движении.

«Первый этап борьбы пролетариата против буржуазии носит характер сектантского движения, — пишет Маркс. — Это имеет свое оправдание (*raison d'être*) в период, когда пролетариат еще недостаточно развит, чтобы действовать как класс... Секты, при своем возникновении служившие рычагами движения, начинают ему мешать, как только это движение перерастает их; тогда они становятся реакционными... В общем это — детство пролетарского движения, подобно тому как астрология и алхимия представляют собой детство науки. Для того, чтобы стало возможным основание Интернационала, пролетариату надо было подняться выше этой фазы» (стр. 416—417).

Маркс показал дезорганизаторскую роль бакунистских сектантов, поставивших себе целью разрушить международную пролетарскую партию, и разоблачил сотрудничество ряда бакунистов с полицией:

«Анархия — вот конек их учителя Бакунина, заимствовавшего из социалистических систем одни лишь ярлыки». Альянс «провозглашает анархию в пролетарских рядах как наиболее верное средство сокрушить мощное сосредоточение общественных и политических сил в руках эксплуататоров. Под этим предлогом он требует от Интернационала, чтобы в тот момент, когда старый мир стремится его раздавить, он заменил свою организацию анархией. Международной полиции ничего больше и не требуется для увековечения республики Тьера, прикрытой императорской мантией» (стр. 432).

На происходившем в сентябре 1872 года конгрессе Интернационала в Гааге Бакунины и ряд его сторонников были исключены из Интернационала.

Кривоустого, польского короля. Известия Галла о Руси кратки и тенденциозны, к тому же в истории Белоруссии и Украины XIII—XV веков они не имеют никакого отношения. Совсем иное значение имеет Длугош. Он сообщает много интересных данных. Вместе с тем надо отметить его пристрастие к Польше и нерасположение к Руси. Отсюда вытекает тенденциозное освещение польской политики вообще и Грюнвальдского боя в частности.

Кратко, но отчетливо дана характеристика содержания Литовской Метрики — архива великого княжества Литовского (стр. 125). Совершенно верно, что областные привилегии в великом княжестве Литовском основаны на привилегиях Казимира Ягайловича (стр. 126), но отметим, что подтвердительная Уставная грамота Киевской земле сохранилась от 1506 года. Грамота 1529 года — это вторая подтвердительная; Волынская — от 1509 года, а не 1547 года, Витебская — от 1503 года, а не 1561 года, Полоцкая — от 1511 года, а не 1547 года.

Необходимо более подробно разяснить, какие права получал город на основе привилегии на магдебургское право. Мало сказать, что город управлялся городской радой (стр. 126). Ведь такой город представлял собой отдельную административно-хозяйственную единицу. Не указано, почему города получали магдебургское право и каковы были отношения городских магдебургий к великому князю.

Очень подробно и тщательно рассмотрены источники по истории Русского государства в XVI—XVII веках. Только в абзаце, где говорится об источниках Уложения 1649 года, следовало бы охарактеризовать более подробно влияние Статута 1588 года на Уложение. Ведь в Москве был переведен на русский язык Статут 1588 года, о чем упоминает М. Н. Тихомиров. Влияние Статута было очень значительным, особенно при юридическом оформлении гражданско-правовых норм. Первые главы Уложения 1649 года полностью составлены на основании статутного законодательства.

С большим мастерством изложены основные источники по истории Белоруссии и Украины в XV—XVII веках. Только говоря о писцовых книгах XVI века, следовало бы упомянуть, что они были составлены в связи с «волочной померой» 1557 года, и одновременно отметить, какие же сохранились писцовые книги, а также сравнить их с писцовыми книгами Московского го-

сударства. Очень хорошо, что М. Н. Тихомиров не обошел церковно-полемических сочинений против унии, имеющих такое большое значение для национального самосознания белорусского и украинского народов (стр. 187—188).

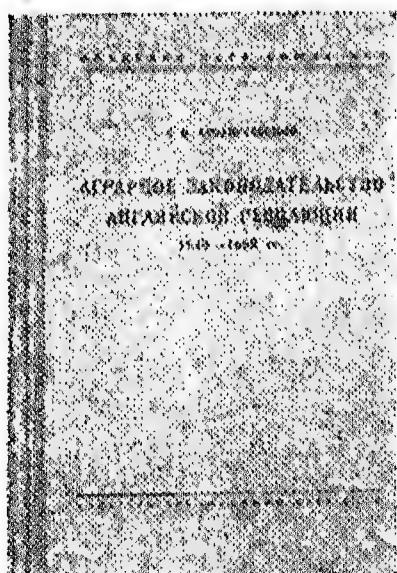
М. Н. Тихомиров уделил много внимания источникам по истории России XVIII века. Это вполне понятно, так как XVIII век богат событиями, а феодально-крепостническая монархия находилась в апогее своего развития. Хорошо передано содержание «Дел правительственных учреждений и частных архивов», но почему-то опущен архив «Генерального Межевания» с его известными «Экономическими примечаниями», столь ценными для изучения феодальной деревенской экономики второй половины XVIII века.

Давая общую оценку полезного труда М. Н. Тихомирова, отметим, что он заполняет большой пробел в нашей советской исторической литературе и является существенным дополнением к учебнику «Истории СССР до конца XVIII века». Курс источниковедения — это итог большой самостоятельной научно-исследовательской работы, показатель исторического мастерства автора, превосходного знания им источников по истории СССР. Курс сравнительно краток, и в этом его большое достоинство. Он ориентирует читателя в источниках по истории СССР и может служить отправной точкой для самостоятельных занятий наших советских студентов.

Весь Курс источниковедения написан очень сжатым, но выразительным литературным языком. Курс М. Н. Тихомирова — большое достижение советской исторической науки. Возможно, что во втором издании автору придется произвести некоторую перегруппировку материала и вместе с тем кое-что добавить (источники по истории Поволжья, в частности Башкирии, и ряд других). Возможно, что М. Н. Тихомиров углубит критическую оценку источников. Всякие исправления и дополнения легко можно сделать, когда перед глазами лежит готовый курс, результат многолетней преподавательской и научно-исследовательской работы автора. Во всяком случае, студенты исторических факультетов получили прекрасное учебное пособие.

В. ПИЧЕТА,

член-корреспондент Академии наук СССР

Новая книга С. И. Архангельского завершает давно начатое им капитальное исследование по истории аграрных отношений эпохи английской буржуазной революции. Первый том этой работы мы рецензировали еще пять лет тому назад¹, высказав тогда пожелание, чтобы автор довел свою монографию до последних лет революции.

Пожелание это, разделяемое всеми, кто интересуется проблемами английской революции, исполнено: автор не только закончил свою работу, но и учел замечания, сделанные критикой, постаравшись избежать прежних недочетов. Рецензируемая монография поэтому представляет еще более ценный труд, чем предшествующий.

В настоящей книге мы имеем уже дело с аграрным законодательством эпохи республики и протектората. Вопрос этот особенно важен, поскольку он помогает выяснить причины «консервативного характера»² революции XVII столетия и обстоятельств, приведшее к гибели республику.

Рассмотрим теперь, в какой мере разрешил С. И. Архангельский эти кардинальные проблемы истории английской революции. Прежде всего необходимо отметить, что он использовал широкий и разнообразный круг источников; наряду с законодательными материалами привлечены документы, наиболее полно отражавшие тогдашнюю действительность: правительственная переписка, манориальные описи и мало кем обработанные протоколы комитета по конфискациям. Таким образом, исследование С. И. Архангельского представляет большой интерес в первую очередь со стороны документальной. Здесь автор проявил особенное мастерство в анализе и обработке данных первоисточников.

По содержанию книга распадается, по существу говоря, на четыре неравные части: 1) исследование аграрного законодательства и вызванных им перемен

в сельской жизни Англии 50-х годов XVII века, 2) результаты действия этого законодательства на примере двух южных графств Англии: Серрея и Сессекса, 3) исследование аграрных мероприятий революционного правительства в отношении Ирландии и 4) Шотландии.

В первой части своего труда (гл. I—IV, VII) С. И. Архангельский рассматривает главным образом вопрос о распродаже земель, секвестрованных³ и конфискованных в первые годы революции; сюда же присоединяется разбор аграрной политики Малого парламента.

Эта часть работы не случайно начинается анализом общей экономической обстановки в Англии 50-х годов XVII века. В отличие от буржуазных историков (например Ферса) С. И. Архангельский отмечает господствовавший в то время в Англии тяжелый торговый кризис. Несмотря на некоторое улучшение положения в 1652—1655 годах кризис не прекращался: как промышленность, так и торговля находились в очень стесненных обстоятельствах, особенно ухудшившихся под влиянием испанской войны в последние годы республики. Кризису С. И. Архангельский придает очень большое значение: под влиянием кризиса повернулась вправо аграрная политика правительства, которое отказалось от резкого разрыва с феодальным прошлым. С. И. Архангельский дает во всех отношениях правильное объяснение этому повороту: «...боязнь капиталистов перед возможностью роста недовольства трудящихся толкнула их на ослабление борьбы с феодализмом» (стр. 20). И далее указывает: «Поворот буржуазии к соглашению с феодалами, вызванный всеми опасностями и противоречиями кризиса конца 50-х годов, движением городской и деревенской бедноты, повлек за собой, во-первых, незаконченность ликвидации некоторых феодальных институтов, а во-вторых, частичную реставрацию прежних земельных собственников в 60-е годы XVII века» (стр. 29).

Нельзя не согласиться в этом отношении с автором: приведенные им цифры ярко характеризуют критическое положение английской экономики и резко ухудшившиеся условия жизни трудящихся масс в это время.

Переходя к рассмотрению аграрных мероприятий английского правительства, автор констатирует большую его решительность в деле продажи конфискованных ранее земель. Как указывает он, индешен-

¹ См. «Борьба классов» № 10 за 1936 год, стр. 128—132.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VIII, стр. 278; мы имеем здесь в виду отзыв Маркса об английской революции, данный им в рецензии на книгу Гизо.

³ Секвестр — временная конфискация, ограничивающая в государственных интересах пользование каким-либо имуществом.

денты¹, ставшие у власти в 1649 году, действовали гораздо революционнее пресвитериан² и без колебаний приступили к распродаже земель делинквентов, капитулов, деканов³, епископов и короны. Что было причиной этой смелости? С одной стороны, этому содействовали, по правильному замечанию автора, самые условия республики (отмена палаты лордов, переход руководства в руки более демократических элементов), с другой, — денежные затруднения, а в особенности нажим армии, давно не получавшей своего жалования. Влияние войск, как показывает Архангельский, сыграло самую важную роль во всех случаях земельных распродаж.

Автор убедительно показывает затем своеобразие законов о продаже земельной собственности церкви, короля и других врагов республики в Англии. «...Аграрное законодательство республики, — говорит он, — не пошло по революционному пути, не приблизилось к французскому законодательству эпохи Конвента, положившему конец феодализму» (стр. 48).

Тщательный и подробный анализ актов о распродаже земли приводит Архангельского к правильному выводу о недемократическом их характере. Изданные правительством республики законы о продаже как светских, так и церковных земель имели в виду лишь выгоды имущих классов, прежде всего буржуазных слоев общества, и совершенно не считались с интересами крестьянства. Не только не охранялись права держателей продававшихся земель, но крестьянству вообще предоставлялось право приобретения земли на самых невыгодных условиях. Попытки издать акт о защите прав старых держателей (например на землях делинквентов) потерпели полное фиаско. Лишь на коронных землях акты устанавливали за старинными держателями право преимущественной покупки, однако при этом оговаривалось, что платить они должны были наличными деньгами. Такое требование ставило их, по существу, в весьма невыгодное положение по сравнению со спекулянтами-скупщиками.

¹ И н д е п е н д е н т ы — партия средних слоев буржуазии и джентри эпохи английской революции XVII века.

² П р е с в и т е р и а н е — сторонники учения Кальвина в Англии и Шотландии, выражавшие интересы крупной торговой и денежной буржуазии.

³ Д е л и н к в е н т ы — название сторонников короля в период английской революции XVII века; к а п и т у л ы — особая совещательная коллегия при епископе, помогавшая ему руководить церковными и светскими делами в округе; д е к а н — настоятель собора в Англии.

Свой тезис о недемократическом характере распределения земель Архангельский вполне доказал, приведя цифровые данные, свидетельствующие о том, что большинство земель было куплено представителями буржуазии и нового дворянства. Эти слои составили 86,96 процента всех покупателей земель делинквентов; они же были основным разрядом покупателей коронных и церковных земель.

Архангельский особенно подчеркивает крупную роль, которую играла в приобретении конфискованных земель лондонская буржуазия. В этом случае, нам кажется, выводы его не вполне соответствуют действительности. Во-первых, они недостаточно обоснованы: использовано, например, лишь около трети всех имеющихся в источниках данных о продаже делинквентских земель и одна пятая — в отношении церковных. Кроме того у Архангельского есть тенденция считать всех лондонских покупателей земли купцами или вообще городской буржуазией — заключение весьма рискованное. Нельзя забывать, что Лондон был столицей, политическим центром страны, об'ятой огнем революции, и здесь селились многие представители джентри и аристократии. Естественно предположить, что они-то и становились в первую очередь покупателями секвестрованных или конфискованных земель. Возьмем, например, перечисленных Архангельским покупателей-лондонцев: Уайлдмена, Рашворса, Уортонна — они жили в Лондоне и его предместьях, но были выходцами из дворянства⁴. Если как следует покопаться, может быть, мы найдем еще много таких «горожан».

Далее, Архангельский приводит много данных о спекулятивной горячке, вспыхнувшей в связи с распродажей конфискованных земель, но делает при этом только один вывод общего характера: спекуляции содействовали переходу земли в руки буржуазных элементов. Между тем можно было бы продолжить изыскания и проследить, как на земельных спекуляциях вырастала новая буржуазия. Этот процесс, безусловно, происходил, что подтверждает фигура Джона Уайлдмена — левеллера, а затем спекулянта, превратившегося в буржуа нового типа⁵. Ведь говорим мы о по-

⁴ О социальном происхождении Уайлдмена, Рашворса и Уортонна см. наиболее авторитетные по биографиям деятелей XVII века статьи Ферса в «Dictionary of National Biography».

⁵ См. «Records of the Committee for Compounding delinquents in Durham and Northumberland», pp. 314, 315 (Surtees Society Publications, vol. CXI). Странно, почему автор не использовал этого ценного источника.

явлении новой буржуазии в период французской революции XVIII века, почему же не установить подобное явление в английской революции, тем более что такие факты имеются.

Автор прав, несомненно, в одном: покупатели конфискованных земель — купцы, горожане, джентри или аристократия и новая буржуазия — все являлись буржуазными элементами английского общества. Им, а не крестьянству достались эти земли. Но четкой дифференциации этих новых владельцев земель автор не сумел провести.

Но если в целом поместья короля, церкви и делинквентов перешли в руки буржуазии, почему же тогда манориальный (феодално-помещичий) строй в Англии не был уничтожен? Архангельский указывает, что аграрное законодательство Долгого и Малого парламентов его сохранило потому, что «английская буржуазия слишком глубоко проникла в деревню, а аристократия и дворянство слишком сильно были охвачены капиталистическими отношениями, чтобы пойти на борьбу друг против друга до конца» (стр. 53). Ответ этот вряд ли может вызвать возражения, хотя он и нуждается в некотором уточнении: нужно было бы сделать упор на последней части его, отметить большое влияние обуржуазившегося дворянства, которое стремилось сохранить феодальные пережитки, как наиболее знакомые им с давних пор средства эксплуатации¹.

Большую роль в половинчатом решении вопроса о феодализме, как правильно подчеркивает Архангельский, сыграли также выступления крестьянских масс. Автор приводит большой и интересный материал о крестьянском движении, особенно о борьбе коронных держателей против новых владельцев из-за огораживания лесных земель и отмены общинных прав.

По-новому решает Архангельский вопрос о деятельности Малого парламента (гл. VII). Он дает вполне обоснованную критику научной литературы на эту тему и очень ясно показывает, что Малый парламент так же, как его предшественник, не решился ликвидировать феодальные пережитки, существовавшие еще в английской деревне, — церковную десятину, копигольд², — ограничившись лишь половинчатыми и мало выгодными для крестьян-

ства мерами. Такое направление политики Малого парламента автор совершенно резонно объясняет «перерастанием английского коммерсанта в феодального земельного владельца и обратно» (стр. 143).

Соглашаясь в целом с характеристикой деятельности Малого парламента, мы все же должны сделать несколько критических замечаний по этому поводу. Во-первых, автор в разборе историографии Малого парламента оставил без внимания взгляды английского историка Гласса³, лучшего знатока деятельности Малого парламента; во-вторых, преуменьшил революционную роль левого крыла депутатов, не только «близкого», но и целиком смыкавшегося с людьми Пятой монархии⁴. Наконец, нет в книге ни одного слова о связи аграрного законодательства с организацией протектората — единоличного управления и военной диктатуры Кромвеля.

Отказ Долгого и Малого парламентов от последовательной и радикальной борьбы с феодализмом, торговый кризис, военная обстановка, тяжелая и сперва не вполне благоприятная для Англии, волнения крестьянских масс — все это должно было привести английскую буржуазию к выводу, что военная диктатура лучше и надежнее защитит ее интересы, чем парламентарный строй.

Архангельский игнорирует все это и ограничивается лишь одним, хотя и верным, выводом: аграрные результаты французской революции XVIII века и английской — XVII века резко отличались друг от друга: в то время как первая окончательно ликвидировала церковное землевладение, уничтожила без остатка сеньориальный режим и создала свободную собственность мелких крестьян. — вторая лишь сняла верхушку церковной организации, ликвидировала ее землевладение не целиком, оставив десятину, а капиталистические отношения в поместье и деревне приспособила к феодальным, сохранив неприкосновенным манориальный строй.

2

Вторая часть монографии С. И. Архангельского — результаты действия аграрного законодательства на примере графств Серрея и Сессекса — представляет очень большой интерес. Анализируя манориальные описи этих двух графств (гл. V и VI), автор развернул перед нами яркую карти-

¹ См. характеристику английской революции у Маркса и Энгельса (Соч. Т. VIII, стр. 279; Т. XVI, стр. 271).

² Копигольд — земельное держание, юридическим основанием которого была копия постановления манориального суда о вводе во владение земельным наследством.

³ См. Н. Glass «The Barbone Parliament» и С. Н. Firth «The Life of General-major Thomas Harrison».

⁴ Люди Пятой монархии — радикальная группа в английской революции XVII века, выражавшая взгляды и интересы городских масс.

ну первоначального капиталистического накопления в английском земледелии. На конкретных, жизненных примерах он показал, как медленно, но неуклонно перерождались на капиталистический лад старые обычаи и формы манориального хозяйства, крестьянство пролетаризировалось, и его место мало-помалу занимал фермер-капиталист.

В высшей степени ценными являются поправки и дополнения, сделанные Архангельским к выводам предшествовавших ему исследователей (в частности он отметил, что в период революции земли перешли в руки буржуазии, а не дворянства, как полагал А. Н. Савин). Выдвинутая автором новая оценка манориальной жизни эпохи революции крайне важна, так как помогает вскрыть острый процесс первоначального накопления капитала, обычно игнорируемый буржуазными историками.

Третья часть рецензируемой книги посвящена Ирландии (гл. VIII — X). Автор сперва характеризует здесь использованные им источники, а затем рисует экономическое состояние «Зеленого острова» к середине XVII столетия. Он говорит об Ирландии как об очень отсталой стране, где сохранилось еще в значительной мере патриархальное хозяйство и была сильна клановая система, скотоводство преобладало над земледелием, а городская жизнь, промышленность и торговля хотя имели некоторые успехи, все же по сравнению с Англией развивались очень слабо. Автор рассказывает, далее, о хищнической политике английского правительства и английских колонистов, которые еще с XVI века ломали аграрные порядки Ирландии, «по существу феодальные, но еще с очень сильными остатками родовых отношений и связей» (стр. 161).

Той же политике следовали Долгий парламент и республика после гражданской войны. Основной задачей и того и другого являлось превратить Ирландию в сырьевой придаток Англии. Эту мысль развивали проекты знаменитого Виллиама Петти¹, тщательно проанализированные Архангельским. Все законодательство английской республики «можно рассматривать, — по характеристике Архангельского, — как вехи на пути, конечная цель которого была так смело и откровенно изображена на страницах незаконченного трактата В. Петти — обратить Ирландию в сырьевую базу, в придаток капитализирующейся английской шерстяной промышленности, а ее население в пролетариат» (стр. 158).

¹ Виллиам Петти (1623—1687) — известный английский экономист. По поручению Кромвеля Петти провел учет конфискованных земель в Ирландии. Занимал видные посты в ирландской администрации и составил проекты колонизации Ирландии.

Что же было сделано в этом отношении правительством республики и протектората? Основные их мероприятия сводились к конфискации земельной собственности ирландцев и насаждению английских аграрных порядков. Как указывает С. И. Архангельский, конфискации начались вскоре после восстания 1641 года; о них упоминала Великая ремонстрация², а акт 16 февраля 1642 года окончательно их утверждал. Последний сыграл весьма знаменательную роль: по верному замечанию автора, «предположенная конфискация ирландских земель сопровождалась нарушением ирландской конституции», так как с дублинским парламентом английское правительство не считалось и мнения его не запрашивало (стр. 166).

Затем автор рассказывает о завоевании Ирландии Кромвелем, попытках ирландского народа отстоять свою свободу и о том, что предприняла республика для полного ограбления этой несчастной страны после окончательной победы английских сил.

С. И. Архангельский подробно разбирает знаменитые акты 12 августа 1652 года и 26 сентября 1653 года. Базируясь на правительственной переписке за эти и последующие годы, он сообщает, какие цели преследовало английское правительство и какие планы строило на будущее. Основными мероприятиями, намеченными английской властью в этот период, были выселение или переселение ирландцев и передача их земли английским владельцам (стр. 175). Правительство желало таким путем погасить свою задолженность армии и получить необходимые денежные средства, распродав оставшиеся земли. За этим должно было последовать окончательное усмирение населения мятежного и опасного острова. Закон 1652 года устанавливал порядок и размеры конфискации земли у мятежников, а закон 1653 года говорил о их расселении и указывал, какие территории должны быть предоставлены английским колонистам. Закон этот предполагал насильственное переселение ирландцев в самые бесплодные области их страны и передачу всех плодородных и годных для сельского хозяйства земель английским солдатам, офицерам и так называемым «авантюристам», т. е., по существу говоря, колонистам-предпринимателям. По своей жестокости акт 1653 года превосходил все предыдущие мероприятия английского

² Великая ремонстрация — заявление, поданное революционными депутатами Долгого парламента королю в 1641 году. В нем перечислялись злоупотребления королевской власти и выдвигалось требование дальнейших политических, религиозных и экономических реформ.

правительства, напоминая, по словам С. И. Архангельского, «опыт размещения военных отрядов на землю, проведенный в Римской империи Суллой, Цезарем и Октавианом...» (стр. 182).

Акту 1653 года С. И. Архангельский придает особенно большое значение. Последний, по его мнению, резко изменил социально-экономические условия Ирландии, уничтожал все сохранившиеся до этого времени родовые пережитки и феодальные формы землевладения и открывал дорогу для широкого развития капиталистических отношений.

Дальнейшее аграрное законодательство в Ирландии (акты 1654 и 1657 годов) не вносило ничего нового: оно было направлено к тому, чтобы окончательно закрепить все права и выгоды английских колонистов и подавить всякое сопротивление ирландцев, ограбленных актом 1653 года. В Ирландии был установлен жестокий террор, сдерживающим началом которого, по словам автора, «явилась лишь боязнь лишиться необходимых для хозяйства рабочих рук в связи с отсутствием их притока из Англии» (стр. 189).

Как же проводилось в жизнь аграрное переустройство Ирландии? Этому вопросу С. И. Архангельский посвящает заключительный раздел третьей части своего труда (гл. X). Высылка за границу 34 тысяч ирландцев, перешедших на военную службу к иностранным государствам, очистка приморских городов и районов Ирландии от коренного населения и, наконец, переселение туземцев в бесплодные провинции Коннаут, Лейнстер и Мюнстер — таковы были мероприятия английского правительства на «Зеленом острове». Переселение носило насильственный характер, и горе тому, кто отказывался подчиниться: ему угрожали всевозможные репрессии вплоть до смертной казни. Только во время войны с Испанией, указывает Архангельский, переселенческая политика была несколько смягчена из опасения, что испанцы поддержат новое выступление Ирландии против ее угнетателей (стр. 195). Но уступки были незначительны и очень мало облегчили судьбу несчастных ирландцев.

Вопрос о переселении вызвал большие разногласия внутри английской буржуазии. Из существовавших тогда точек зрения на этот вопрос С. И. Архангельский выделяет три основные: одна группа буржуазии требовала решительного переселения всех ирландцев в Коннаут, с тем чтобы передать все удобные земли англичанам; вторая — предлагала переселить только крупных ирландских землевладельцев и глав кланов, так как «английские колонисты не смогут возделывать свои земли без помощи ирландского населения» (стр. 199);

наконец, третья группа рекомендовала переселить большую часть ирландцев в западные области, оставив на плодородном востоке лишь незначительное число их (одного — на пять англичан). Победа осталась за второй группой, выражавшей интересы капитализирующейся Англии. «Итак, массового переселения ирландцев, — пишет Архангельский, —...не произошло; этому сопротивлялись и сами ирландцы, это не одобряли и те английские колонисты, которые строили свои планы в расчете на труд населения Ирландии...» (стр. 200).

Кому же достались ирландские земли? По мнению автора, они в большинстве своем перешли в руки капиталистических элементов Англии: офицерства, которое скупило, пользуясь бедностью солдат, их права на ирландские земли (debentures), с одной стороны, и «авантюристов», т. е. буржуа, — с другой. В результате победило крупное землевладение, «представителями которого стали авантюристы и офицеры, собственники значительных денежных средств, приобретенных в торговле, промышленности, на военной службе»; они-то и образовали новую ирландскую аристократию. Но, хотя ирландский народ и потерял свою землю, сельскохозяйственный пролетариат в Ирландии не образовался, вместо него возник класс нищих арендаторов (стр. 216—217).

Таковы вкратце основные положения третьей части труда Архангельского. Трудно что-либо к ней добавить: как со стороны фактического материала, так и со стороны анализа его и убедительности выводов она представляется нам безупречной. Правда, можно было бы подробнее осветить движение тори, о котором С. И. Архангельский упоминает бегло, но вопрос этот, очевидно, так и останется неразрешенным, ввиду того что материалы, к нему относящиеся, погибли во время дублинского пожара 1922 года.

Что касается четвертой, последней части рецензируемой работы, то она содержит очень интересный материал, но несвободна от ряда недостатков. В этой части автор касается аграрного законодательства республики в Шотландии (гл. XI — XII). Здесь С. И. Архангельский проделал большую работу и дал первый опыт марксистского исследования социально-экономических отношений на севере Британского острова. К сожалению, однако, далеко не все документы были использованы в книге, поэтому мы встречаем в ней ряд спорных выводов. Так, вряд ли можно столь безапелляционно говорить о шотландском маноре, как это делает автор, поскольку вопрос этот в научной литературе еще не разрешен; нельзя также согласиться с тем,

что Шотландия была страной по преимуществу скотоводческой: географические описания XVII века скорее подчеркивают земледельческий характер ее. Точно так же нельзя считать Шотландию страной натурального хозяйства: это положение верно в отношении горных районов, но неприменимо к низменным областям, где были крепки денежно-товарные связи и развивались капиталистические порядки.

Не соответствует действительности и нарисованная Архангельским фигура шотландского лорда, окруженного свитой воинов-вассалов. Такие люди представляли частое явление в XVI веке, но в следующем столетии феодал-воин и независимый сеньор остались только на севере, а на юге они превратились в дворянина-царедворца и рачительного хозяина. У С. И. Архангельского вообще здесь проявляется тенденция подменять социальные порядки XVII века порядками XVI, об этом свидетельствуют и использованные им источники и литература, в большинстве случаев дающие сведения именно о XVI веке.

Удачным получился в книге очерк развития шотландских городов и реформации. Нас только удивляет, почему автор ничего почти не сказал по поводу акта о революции 1625 года¹, хотя он сыграл важнейшую роль в подготовке революции.

Переходя к разбору аграрного законодательства республики в Шотландии, автор в основном правильно осветил социальную обстановку, в которой оно проводилось: отметил упадок торговли и промышленности, разорение и сильную задолженность дворянства. Но при этом он ничего не сказал о влиянии унии на шотландское хозяйство и о связанном с нею законодательстве, нанесшем сильный удар феодальным порядкам в этой стране.

С. И. Архангельский не помял также сущности законодательных мероприятий протектората в Шотландии: они означали не борьбу против феодальных порядков, как думает он, а, наоборот, уступку дворянству, т. е. большой шаг назад по сравнению с действиями Долгого парламента.

В дальнейшем автор правильно констатировал результаты аграрного законодательства эпохи революции в Шотландии (значительно меньший размах земельных конфискаций, частичное разрушение феодального строя), но не подверг его более

глубокому анализу и тем самым не вскрыл его содержания (стр. 249 — 255).

К каким же итогам приходит автор в результате исследования аграрного законодательства 1649 — 1660 годов на всей территории Великобритании? Прежде всего он отмечает мобилизацию английской феодальной земельной собственности в это время. Мобилизация эта шла путем конфискации революционным правительством дворянских земель, которые попадали в руки буржуазии и нового дворянства. То же самое наблюдалось в Ирландии и Шотландии: в первой из них процесс мобилизации происходил очень резко, во второй имел более скромные размеры. Хотя земельная мобилизация и подрывала господство дворянства, но маноральный строй она не разрушила и манор, как основная единица феодального землевладения, остался неприкосновенным. Попытки изменить и уничтожить маноральный строй оказались бесплодными и ни к чему не привели.

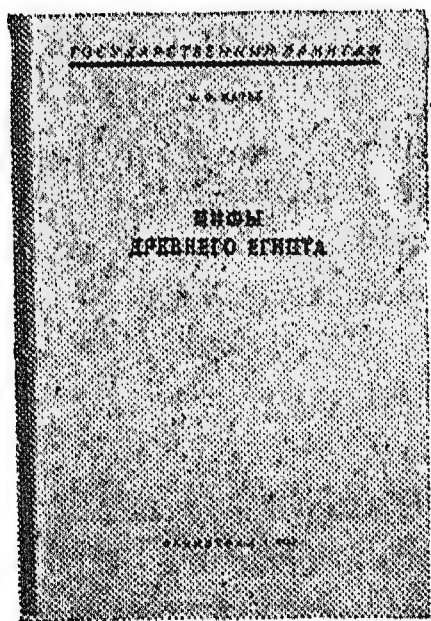
Характеризуя в целом английскую буржуазную революцию XVII века, С. И. Архангельский видит в ней период первоначального накопления капитала, которое протекало особенно бурно в Ирландии и мало заметно в Шотландии (стр. 265). В Англии этот процесс шел различными путями, но во всех случаях исход был одинаковым: производитель-крестьянин терял свои средства производства, которые по большей части переходили в руки буржуазных элементов. Внедрение буржуазии в сельское хозяйство наблюдалось также в Шотландии и особенно в Ирландии.

К выводам автора присоединится каждый историк, знакомый с эпохой «Великого мятежа», — так ясно и твердо обусловлены они собранным в книге документальным материалом. Мы должны, однако, пожалеть, что автор не захотел связать эволюцию аграрного законодательства 40 и 50-х годов XVII века с вопросом о причинах гибели республики: так, не указано, какое влияние имели ирландские земельные мероприятия на ход событий, хотя об этом в свое время еще писали Маркс и Энгельс, не говорится ничего и о воздействии шотландского законодательства, сыгравшего свою роковую роль при реставрации Стюартов. Этим, конечно, отнюдь не умаляется значение исследования С. И. Архангельского, однако рамки его несколько сужаются.

В целом мы можем сказать, что советская историография английской революции XVII века пополнилась новым очень ценным приобретением, каким является рассмотренный нами капитальный труд С. И. Архангельского.

Проф. В. ВАСЮТИНСКИЙ

¹ Закон, по которому земли католической церкви, захваченные во время реформации дворянством и буржуазией, должны были вернуться в руки короля. Закон диктовался фискальными интересами короны, но не был благодаря решительному отпору со стороны дворянства и буржуазии проведен в жизнь.

Русская литература по истории и истории культуры стран древнего Востока количественно крайне бедна. Но особенно мало в этой области книг, сочетающих общедоступность изложения с научной глубиной постановки вопросов. Вот почему издание новой книги М. Э. Матье следует всячески приветствовать, тем более что

сводной работы по мифологии древнего Египта у нас еще не было.

Как видно из введения, книга предназначена не только для «узкого круга специалистов». Однако и для этого круга она представляет значительный интерес, так как многие из приведенных текстов впервые появляются в русском переводе. Некоторые же из них вообще только недавно стали достоянием науки; например «Спор Гора и Сета» был опубликован лишь в 1931 году.

Книга распадается на две далеко не равные по объему части: одна, большая (80 страниц из 114), содержит вводную статью и примечания; вторая — тексты.

В вводной статье автор рассматривает только основные мифологические циклы, группирующиеся вокруг трех тем: сотворения мира, солярных сказаний и сказаний об Осирисе. Подобное ограничение мотивируется недостатком источников — довод, который для неспециальной работы нельзя не признать убедительным.

Знание египетского языка и широкое знакомство с самыми разнообразными по своему характеру источниками: религиозными, мифологическими и литературными текстами, памятниками искусства и материальной культуры — позволяют М. Э. Матье привести почти все известные варианты мифов и на основе их анализа и сопоставления с преданиями других народов прийти к некоторым, весьма интересным самостоятельным выводам. Так, рассматривая в первой главе сказания о происхождении мира, автор устанавливает, что из них следует выделить две «принципиально различные по своим представлениям группы легенд. В одну из этих двух групп входят сказания, согласно которым создательницей солнца, а следовательно, и всего мира является богиня-мать... во второй же группе легенд творцом богов является, наоборот, бог-отец,

рождающий первую божественную пару...» (стр. 14).

Легенды о происхождении мира, связанные с женскими божествами, возникли в эпоху матриархата. Когда же с развитием патриархальных отношений женские божества утратили свое первоначальное значение, «прежние представления не могли исчезнуть бесследно, и множество пережитков в религии исторического Египта свидетельствует о былом значении женских божеств» (стр. 16). Так, покровительницами Северного и Южного Египта были именно богини (они изображались в виде змеи и коршуна).

Спорным является другое утверждение автора, «что божества-покровители номов в большинстве своем также женские» (стр. 16). Во всяком случае, в историческую эпоху Египта это было не так. Ведь Тот из Шмуна, Атум из Гелиополя, Птах из Мемфиса, Собек из Омбоса, Монт из Гермонтиса и многие другие божества, а также посвященные им животные мыслились как божества мужские.

Вторая группа легенд возникает в пору торжества патриархата. В них женское божество появляется во втором поколении богов, якобы рожденных от бога создателя мира, оплодотворившего самого себя.

С возникновением классов и государства, по мере усиления власти царя-деспота бог создатель наделяется характерными для земного царя чертами. Ему присваиваются все титулы и регалии фараона, он становится владыкой богов и людей. Вместе с тем официальная религия объявляет фараона сыном бога и живым воплощением бога на земле. С усилением власти царя и централизацией страны жрецы пытаются объединить представления о многочисленных богах в единую систему. Бог — творец мира, создатель всего сущего, — большей частью представляется египтянам богом солнца.

Вторая глава книги рассматривает цикл солярных сказаний, в которых солнце-воитель выступает в качестве победителя своих извечных врагов: мрака и водяного хаоса. Последние воплощаются обычно в образах чудовищных крокодилов или змеев. В некоторых сказаниях змей-поглотитель воды является виновником исчезновения животительной влаги. Солнце-змееборец заставляет его изрыгнуть похищенную воду. К солярному циклу примыкает круг сказаний о богине-воительнице, дочери бога солнца, которая часто выступает защитницей отца. С нею же связаны представления о женском божестве природы, подалельнице изобилия и плодородия. Рассмотрение «мифа о возвращении богини Хатор в Египет показало нам, что в основе этого мифа лежали представления о

смене времен года как результате ухода и нового возвращения женского божества природы, которые возникают еще в глубочайшей древности и которые на последующих ступенях развития дают столь распространенные в мировом фольклоре мифы об умирающих и воскресающих богах» (стр. 49).

Сказаниям об умирающем и воскресающем боге Осирисе посвящена третья глава исследования. Выводы свои автор формулирует следующим образом:

«...легенда об Осирисе, умирающем и вновь воскресающем боге, являющемся средоточием сил природы, складывается в родовом обществе при наличии уже развитого земледелия, переплетаясь с культом вождя, также как средоточия благосостояния производительных сил природы. Соединяясь в классовом обществе уже с культом умершего царя, культ Осириса приносит с собой в новые условия и образность, связанную с представлениями об умирающем духе плодородия, и пережитки древнейших тотемистических верований, сохранив в фабуле мифа отражение торжества победившего патриархального рода» (стр. 61).

Вытвинутые в книге положения автор подкрепляет многочисленными ссылками на обширную литературу. Столь значительный научный аппарат позволяет не только проверить приведенные автором положения, но и самостоятельно изучить те или иные проблемы, в которые он не имел возможности углубиться.

Кроме значительного числа цитат из религиозных и мифологических текстов, приведенных в статье, в конце книги даны переводы важнейших египетских мифов: «Сотворение мира», «Сотворение луны», «Ра и змей» и т. д. — всего десять текстов. Из них, как уже было отмечено, наибольший интерес представляет «Спор Гора с Сетом», впервые опубликованный в 1931 году английским египтологом Гардинером. И по своим размерам данный текст весьма значителен: это, пожалуй, один из самых длинных мифологических текстов.

Переводы сделаны по лучшим изданиям. Неоспоримая заслуга переводчика — умение, насколько это возможно по-русски, передать строй и особенности египетской речи.

Значительное число подобранных со знанием дела прописовок с египетских памятников дополняет и иллюстрирует текст.

«Мифы древнего Египта» — полезная и нужная книга. В первую очередь ее следует рекомендовать студентам гуманитарных вузов, педагогам и антирелигиозным работникам. Приходится сожалеть о крайне ограниченном тираже, который делает ее

малоизвестной. Надо надеяться, что в скором времени появится новое издание. Это обстоятельство побуждает отметить некоторые пробелы, которые следовало бы устранить при переиздании.

Так например вызывает недоумение отсутствие мифов, записанных античными писателями. М. Э. Матье сама указывает, что очень «существенны сведения, сообщаемые греческими и римскими авторами» (стр. 4), и сетует на «отрывочность и неполноту сохранившегося материала» (стр. 3). Вот почему кажется непонятным использование исключительно египетских текстов, что значительно обедняет содержание книги. Следовало бы, во всяком случае, привести отрывки из труда Плутарха «Об Осирисе и Исиде». Хотя Плутарх дает очень позднюю редакцию мифа, да еще в эллинизированной обработке, однако эта редакция благодаря своей полноте и связности изложения весьма ярка и доступна. Перевод этих отрывков был бы тем более желателен, что трактат Плутарха до сих пор на русском языке еще не появлялся. Что касается египетских текстов, то некоторые разделы книги «То, что в преисподней» («Ам-Дуат») также способствовали бы созданию более полных представлений о египетской мифологии. Перевести их следовало бы также и потому, что текстам мифов уделено в книге довольно скромное по размерам место.

Недостаточно обосновано мнение М. Э. Матье, что «Сказание о Ра и змее почтенном» является вариантом мифа о «змееборчестве солнечного божества». Сам автор не приводит этому никаких доказательств, ограничиваясь изложением содержания сказания.

Нужно также отметить, что не всякому рядовому читателю понятно, что значат «Тексты пирамид», «Тексты саркофагов» и т. д. Приводя легенду семантов о радуге, М. Э. Матье не говорит о том, кто такой «Кари» или «Пле», хотя из самой легенды понять этого нельзя (стр. 38).

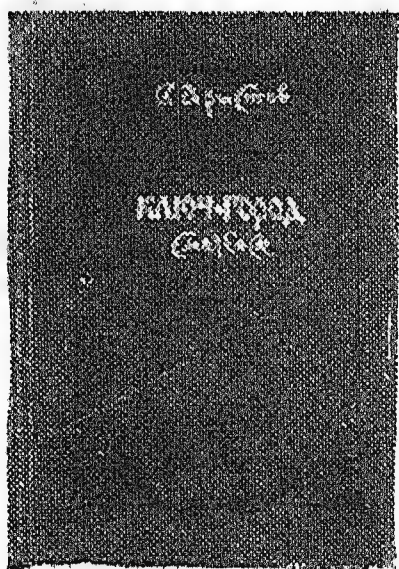
Указания на литературу в библиографическом отношении составлены крайне небрежно. Ведь не каждому придет в голову, что за сокращением «ДАН», или «DAN», скрываются «Доклады Академии Наук», а за «ЯС» — «Яфетический сборник». А что такое «URAU» или «PSEAO»?

Затем, следовало также датировать помещенные в книге мифы. Датировать следовало и иллюстрации.

Вызывает удивление непомерная стоимость этой небольшой книги в бумажной обложке. Ни объем, ни оформление, ни, наконец, тираж издания не оправдывают столь высокой цены.

И. КАЦНЕЛЬСОН

Исторические романы в областных издательствах*

Периферийные издательства выпустили за последние годы ряд историко-беллетристических книг. Произведения эти принадлежат в основном местным авторам, которые, обращаясь к жанру исторического романа, выбирают по большей части темы, непосредственно связанные с их родными

местами. Это — явление, представляющее несомненный интерес, которое может немало дать нашей советской литературе.

Прежде всего следует отметить, что таким образом значительно расширяется тематический охват исторической беллетристики, что само по себе должно быть оценено положительно. Исторические лица и события, подчас несправедливо забытые, знакомые зачастую лишь узкому кругу специалистов, воспроизведенные беллетристом, становятся известными гораздо более широким кругам читателей. При этом художники, изображающие прошлое своего города, своего края, имеют то большое преимущество, что местности, которые им по ходу действия приходится в своих произведениях описывать, они знают досконально; глубоко знают они и быт местного населения, его обычаи и традиции, что для любого художника — а особенно художника-историка — имеет исключительно важное значение. Не приходится говорить уж о таких «привходящих обстоятельствах», как изучение местных архивов и использование рассказов старожилов, что «провинциальному» автору сплошь и рядом осуществить легче чем человеку «со стороны».

Вот почему в лучших книгах, вышедших на периферии, так сильно чувствуется колорит места, своеобразие диалекта, своеобразие природы, с которыми писатель сроднился и которые ему — как это ясно ощущается — чрезвычайно дороги и близки.

Однако успех и значимость художественного произведения определяют в пер-

вую очередь образы людей, в нем показанных. Это относится ко всем жанрам и особенно к историческому. Надо раскрыть в человеке, в герое произведения, то, что делает его личность типичной для данного времени, для данной эпохи. Давая черточки, специфические для та-

кой-то именно области или губернии, нельзя упускать из виду более существенные черты, совокупность которых образует социальное и национальное лицо человека. Лишь произведения, удовлетворяющие этому условию, могут рассматриваться как произведения, имеющие общее, а не только узко местное значение.

По отношению к книгам, выходящим в областных издательствах, у критики (а она, надо прямо сказать, занималась до сих пор «провинциалами» мало и неохотно) есть свои особые обязанности. Книги эти, как правило, «оседают» в тех городах, где их выпускают. Так вот, критика должна помочь наиболее ценным из этих книг, которые вправе претендовать на действительно массового читателя, дойти до него возможно скорее и, так сказать, безболезненнее. В настоящее время в этом смысле далеко не все обстоит благополучно.

1

Мы намерены рассмотреть в этом обзоре две книги смоленских писателей — В. Аристова и В. Будимова. Роман первого из них «Ключ город Смоленск», на наш взгляд, безусловно, следовало бы перепечатать одному из наших центральных издательств. Любопытная судьба у этого произведения! Мимо литературной общественности оно не прошло: благожелательные отзывы о нем появились в «Литературной газете» и в журнале «Литературное обозрение». Мало того, В. Аристова именно как автора романа «Ключ город Смоленск» приняли в члены Союза советских писателей. Незаурядный талант Аристова как будто общепризнан. Но тем не менее роман его вышел в Курске, а до этого — в Смоленске; в Москве же об издании его пока что, видимо, и не думают.

«Ключ город Смоленск» изображает эпоху первой крестьянской войны и польской интервенции в России — эпоху, ко-

* В. Аристов «Ключ город Смоленск». Роман. Курское областное издательство. 1940. 289 стр. Тираж 7175 экз. 7 р. 90 к.

В. Будимов «Мартын живописец». Роман. Части 1 и 2-я. Смолблгиз. Смоленск. 1940. 480 стр. Тираж 10 000 экз. 9 р. 55 к.

торая не раз уже освещалась в художественной литературе. Но привлечение неиспользованного ранее смоленского материала, с одной стороны, и творческий подход к своей теме, с другой стороны, позволили Аристову создать вполне самостоятельное, чуждое подражательности произведение.

В романе Аристова, в сущности говоря, не один, а два героя: выдающийся русский зодчий конца XVI и начала XVII века, «государев мастер» Федор Савельев Конь и самый город Смоленск, который Федор Конь по приказу Бориса Годунова обнес каменной городской стеной.

Как указывает один из исследователей русской архитектуры, «источники почти не сохранили нам сведений, которые бы позволили с какой-нибудь ясностью представить образ знаменитого строителя смоленских укреплений Федора Савельевича Коня»¹. Следовательно, в той или иной трактовке центрального персонажа своего романа ничем, кроме общих соображений исторического и художественного правдоподобия, писатель особо стеснен не был.

Образ Федора Коня, данный в романе «Ключ город Смоленск», ярок и выразителен, хотя кое в чем и весьма спорен.

«Дед Конон, и отец Савелий, и сам Федор,— рассказывает Аристов,— были плотниками. Отцу дали прозвище Конь, за Федором его записал подьячий. Архитектора, «муроля» — датчанина Крамера Федор увидел, когда ставили дворец царю Ивану Васильевичу. У Крамера была рыжая борода, добрые глаза и тонкое лицо чахоточного. Муроль страдальчески морщился, когда присмотрщик Никита Вязьма за вину и без вины бил суковатой палкой деловых мужиков, работавших на постройке.

Как-то сорвавшееся бревно придавило муролю ногу. Федор нанял мужика-извозчика, сам свез архитектора в Немецкую слободу. Десять недель Крамер лежал в постели. Когда ударяли ко всеобщей и, кончив дневную работу, разбредались кто куда деловые мужики, Федор шел на Язу, в иноземную слободу, к Крамеру» (стр. 14).

В доме Крамера молодой Федор смотрел книги с рисунками и чертежами палаццо и дворцов, невиданных в Москве; затаив дыхание, слушал рассказы архитектора.

На другой год после смерти датчанина Федор ушел за литовский рубеж. Однако в Литве не было ничего похожего на то, о чем рассказывал архитектор. Юноша видел крестьян, заморенных нуждой и рабством, и панов, превосходивших в наглости московских бояр. Он пустился стран-

ствовать по Европе. Сперва попал в Прагу, затем отправился в Италию, родину великих архитекторов — Витрувия и Альберти.

Заграничей Федор Конь познал тайны строительного искусства, научился возводить дворцы и крепости. В молчаливом восторге он часами любовался великолепными зданиями, которые воздвигли в городах Италии ее гениальные мастера. Но с годами перел Федором, на которого оказали свое влияние свободолюбивые идеи Ренессанса, постепенно стали обнажаться отрицательные стороны тогдашней европейской жизни. Особенно мучительными сделались его переживания после того, как святейшая инквизиция сожгла на костре его друга, скульптора Лунджен.

Федора потянуло обратно в Москву: «...города, где ему приходилось жить, встававшие чудными видениями, когда он юношей слушал в Москве рассказы датчанина Крамера, уж не казались ему столь прекрасными. И чужим казалось вечно голубое южное небо... По ночам Федору чаще стала сниться Москва,— убогая, деревянная, с черными избами, но родная и близкая. И Конь мечтал, как, вернувшись на Русь, он будет украшать Москву зданиями прекрасными, прекраснее тех, какие видел в итальянских городах...» (стр. 22).

Однако дерзкие мечты зодчего не могли в Московском государстве воплотиться в жизнь так, как хотелось Федору: не были еще созданы для этого условия.

Работы, правда, у Федора было много, но это не было то, что он хотел бы делать. Его заставляли строить церкви, «златокумирни», к чему у Федора вовсе душа не лежала.

Большие надежды были у Коня на царя шурина Годунова, фактически правившего государством в царствование Федора Ивановича, сына Грозного. Мастеру думалось, что Годунов поможет ему осуществить его заветные замыслы. И действительно Годунов поручил Федору строительство Белого города, опоясавшего Москву стеной по линии, где теперь расположены Пушкинский, Никитский, Гоголевский и другие бульвары.

«Каждую весну,— пишет Аристов,— ждали в Москве татарского набега. Годунов надумал оградить стенами беломестные слободы. Федора позвали к царскому шурину. Большой боярин разговаривал с мастером ласково, расспрашивал о чужих землях, похвалил Федора за то, что он выучился за рубежом городскому делу, сказал, что русским людям перенимать у иноземцев науки не зазорно, велел делать чертеж.

¹ А. Н. Сперанский «Очерки по истории приказа каменных дел Московского государства», стр. 128. М. 1930.

Позвали опять, когда чертеж был готов. Годунов интересовался всем до точности. Более всего хотел, чтобы новые стены Белого города удивляли московских людей красотой, говорил о том, что украсит город новыми церквами и палатами» (стр. 40).

Вспомнив итальянских государей, покровителей наук и искусства, почитавших для себя честью дружбу с великими художниками, Федор развивал широкие планы. Он представлял себя другом всемогущего Бориса, просвещенного правителя, и мечтал о зданиях, «перед которыми потускнеет слава и знаменитого дворца Медичи и палаццо Веккио». Мечтал он и о том, как он обучит русских людей трудному искусству палатного и городского строения. Они будут строить города, когда умрет мастер Конь.

Но вскоре Федору Коню пришлось распрощаться со своими горделивыми мыслями. Боярин Никита Плещеев за дерзкое слово приказал избить Федора батогами. Федор обратился с жалобой к Годунову, но тот не принял его, а ответил через дьяка, что «не водилось того на Руси, чтобы мастериска на боярина бесчестье искал».

Крупнейшее сооружение, которое ему когда-либо довелось воздвигать, — крепость в Смоленске — Федор Конь начал, узнав и испытав всю «неправду» московской жизни.

Горечью пропитаны были думы мастера: «Поставит Федор в Смоленске каменный город, будут удивляться люди грозным башням и красоте саженных зубцов на неприступных стенах, а за каменными стенами — черные избы, теснота, смрад. Не бросить ли все, не уйти ли опять в чужие земли от воюющих калик, подъяремных мужиков, спесивых бояр и лихоимных дьяков» (стр. 35). Но он не бросал любимого дела. Несмотря на все препятствия, которые ему чинили невежественные воеводы, назначенные следить за его работой. В нем черпал он силу и мужество.

Строить крепость в Смоленске Годунова заставили обострившиеся отношения с Польско-Литовским государством. Пограничный город, в течение веков не раз переходивший из рук в руки. Смоленск являлся стратегическим ключом к Москве, потому-то так спешно и потребовалось его укрепить. Рисуя картину огромного строительства, развернувшегося по приказу Бориса, Аристов показывает в то же время, что оно всей своей тяжестью легло на плечи «черных людишек», крестьян. Что касается бояр, дьяков, купцов, то для них «государево дело» оказалось золотым дном.

Трагизм, которым проникнут образ Федора Коня, находит свое объяснение не только в особенностях его личной жизни. Исключительность судьбы золотого отнюдь не препятствует ему быть фигурой, типической для своего времени. Именно потому, что он личность незаурядная, именно потому, что он сознает свой выдающийся архитектурный талант, Федор с такой остротой ощущает социальные противоречия в Московском государстве.

В статьях и рецензиях, посвященных историческим романам, часто мелькает штампованная фраза о сюжете, который развивается «на историческом фоне», удачно или неудачно показанном. В книге «Ключ город Смоленск» — и это, безусловно, достоинство романа В. Аристова — историю «фона» назвать нельзя: она включена в сюжетное действие, представляя его внутреннюю сущность.

Поэтому, например, встречи мастера Коня с Борисом Годуновым, совершенно необходимые для развития сюжета романа, вместе с тем вскрывают и основное в облике Бориса как государственного деятеля.

В начале книги описан приезд Годунова в Смоленск для закладки городской стены. Князь Звенигородский решил воспользоваться случаем и пожаловаться на упрямого «Федьку»:

«— Бью челом, боярин Борис Федорович, вели другого мастера прислать, с Федькой сладу нет, дерзок, на всякое слово перечит. От латынской его мудрости не чаю добра».

Годунов досадливо махнул холеной рукой.

— Сядь, Василий Ондревич. Веры Федька христианской и к сresi латынской не палок, о том на патриаршем дворе дознано. Что Федька каменному делу в чужих краях обучился, то нам на пользу, московские мастериски каменного городского дела не разумеют, иноземных государи на Русь не отпускают» (стр. 37).

Но когда Годунов позвал к себе Федора, он все же жалобы воеводы припомнил:

«... — Государевым боярам, — сказал он, — не перечь. Бояре к городскому делу великим государем Федором Ивановичем поставлены. А станешь, Федька, дуровать да непригожие речи боярам говорить, — наказал я князю Василию Ондревичу в Москву отписывать. А случится то, пеняй на себя. — Кольнул Федора взглядом. — Чаю, батоги и тебе покорливости прибавят» (стр. 43—44).

Годунов, как обрисовывает его писатель, — несомненно, умный и талантливый правитель, заботящийся об укреплении русского централизованного государ-

ства, понимающий, в чем состоят его очередные пужды. Но политика Годунова—это помещичья, крепостническая политика, от которой он не намерен и не может ни на шаг отступить¹. Наивны были, следовательно, первоначальные расчеты Федора на Годунова. Однако наивность эта не умаляет их типического значения: в них отразились (в форме чрезвычайно своеобразной, но вполне объяснимой обстоятельствами жизни зодчего) наивные представления крестьян о «хорошем царе», державшиеся, как известно, веками.

Окопчив постройку смоленской стены (1596—1600 годы), Федор, щедро награжденный Борисом, вернулся в Москву. В 1605 году Борис умер.

Еще до вступления в столицу Лжедмитрия Федор Князь узнал о том, что тот собирается передать полякам Смоленск — неприступную крепость, на воздвижение которой Федор потратил столько сил. Это сделало его вскоре участником заговора Василия Шуйского. На мастера не действовали рассуждения о том, что «расстрига» хочет известить старинные боярские роды. «Если бы бояр повый царь извел,— говорил Федор,— от того беды великой не было бы. Лихоимства да неправды всякой стало бы меньше. Статься только того не может. Дереву без корней, а царю без бояр не быть. Не бояре, так паны черным людям на шею сядут. Хрен же редьки не слаще» (стр. 180). Но Федор не хотел допустить, чтобы Смоленск, ключ-город, достался «Литве»². Патристические побуждения сливались у него воедино с глубоким чувством обиды мастера — строителя крепости.

Отрицательное отношение Федора к Лжедмитрию усилилось после приема у нового царя. Лжедмитрий задумал поставить палатцо для своей невесты Марины, для чего и вызвал к себе Князя.

«Федор вошел, поклонился в пояс, спокойно смотрел на государя голубыми гла-

¹ Необходимо оговорить, что защищал Годунов бояр лишь от «купчишек и мастеришек». В нескольких эпизодах романа, рассмотрением которых мы не имеем возможности заняться, показывается, как при столкновении интересов внутри феодального, землевладельческого класса — между крупными феодалами, боярами, с одной стороны, и боярскими детьми и служилым дворянством, с другой стороны,— Борис принимал неизменно сторону последних, продолжая тем самым антибоярскую политику Ивана Грозного.

² Литвой в описываемый Аристовым период московские люди называли обычно Польско-Литовское государство.

зами. Царь шевельнул рыжими усиками, недобро усмехнулся.

— Родовитые бояре пониже твоего кланяются. — Дернул головой. — Слышал об умельстве твоём, ради того позвал.

Вскочил, заходил по палате, размахивал длинными руками. Скороговоркой на ходу бросал:

— Мастера и в разном деле умельцы мне пужны. В Литве европейским обычаем живут, в Москве те же порядки заведут. Из Литвы сведущих людей выпишу, мастеров-рудознатцев золото искать и других. Будут московские медведи плясать под европейскую дудку.

Федор откинул назад голову, быстро (боялся, чтобы не перебили) выговорил:

— В Литве русским людям учиться нечему. Король Жигимонт мастеров по всякому делу из других европейских государств выписывает. В Литве только и горазды плясы плясать да на дудах дудеть» (стр. 187—188).

На слова Федора последовал бешеный окрик Лжедмитрия: «Не тебе о том судить, холоп!» — и если мастер не пострадал за свое «невежество», то только потому, что самозванцу нужно было его искусство.

Изображая движение, поднявшееся против Лжедмитрия, Аристов подчеркивает неоднородность этого движения, в котором временно объединились против общего врага непримиримые элементы. Мотивы, которыми руководствовался, организуя заговор против Лжедмитрия, Шуйский, ничего общего не имели с мотивами Федора Князя, также примкнувшего к заговору Шуйского. Однако напрасно писатель представляет Федора чуть ли не «душой заговора»: это — уже преувеличение, натяжка. По Аристову, польские агенты в Москве видели в Федоре большую опасность для Речи Посполитой нежели в Шуйском. После того как Федор, выданный доносчиком, был арестован, они всячески стали добиваться, чтобы Лжедмитрий его казнил. Но самозванец на это не согласился: мастер пужен ему был, чтобы построить дворец для Марины. Тогда, желая избавиться от Федора, поляки послали ему в тюрьму отравленное питье.

Сцена смерти Федора Князя написана превосходно. Но превращение архитектора в политического лидера «черного народа» не совсем, на наш взгляд, согласуется с тем обликом Федора, какой вырисовывается на протяжении всего романа.

Последняя, четвертая часть романа называется «Осада». Федор Князь погиб, но его создание, сооруженная им твердыня, сослужило России огромную службу. В 1609 году польский король Сигизмунд III вторгся со своими войсками в пределы

Московского государства. Победа казалась ему обеспеченной. Напуганные размахом крестьянской войны, русские бояре и дворяне соглашались в значительной своей части на утрату Русью политической независимости, лишь бы были сохранены за ними их права и привилегии. В сентябре 1609 года войска Сигизмунда окружили Смоленск. Но занять город быстрым ударом им не удалось. Отрезанный от внешнего мира, Смоленск сопротивлялся интервентам двадцать месяцев, а за это время развилось и окрепло могучее национально-освободительное движение русского народа, положившего под руководством Минина и Пожарского конец польской интервенции.

В обороне Смоленска чрезвычайно выпукло выявились смелость, стойкость и упорство крестьян и посадских людей, явившихся основными защитниками города. Патриотическое воодушевление, охватившее их, Аристов изобразил с большим мастерством.

Может, конечно, возникнуть вопрос: чем объяснить патриотизм эксплуатируемых слоев русского общества начала XVII века? Чем, в частности, объяснить патриотизм смоленских крестьян и ремесленников, невероятно трудную, невыносимую жизнь которых так ярко показал в своем романе Аристов? Ответ на этот вопрос нельзя получить, если не обратиться к анализу классовых взаимоотношений внутри Смоленска и Смоленщины.

А этот анализ показывает¹, что оборона смоленских крестьян от польских интервентов была своеобразным переходом крестьянской войны в национально-освободительное движение. В 1609 году, помимо своего векового классового врага — помещиков, — смоленские крестьяне оказались лицом к лицу с гораздо более опасным и жестоким врагом — польской шляхтой. А так как смоленские помещики были с поляками в тайном сговоре, то борьба крестьян против интервентов слилась с прежней их борьбой против «своих» помещиков.

Неизбежность перехода крестьянской войны в войну национально-освободительную убедительно и рельефно показана Аристовым. Поговорка «Конец — делу венец» на примере романа «Ключ город Смоленск» оправдывается полностью. Заключительная часть его, изображающая осаду и оборону Смоленска, — бесспорно, наиболее сильная, наиболее впечатляющая часть книги. Героическая борьба защитников Смоленска, оборонявших крепость не толь-

ко от интервентов, но и от изменников из среды привилегированных сословий, засевших внутри города, показана писателем многосторонне, красочно, в пластических образах, полных жизни и движения.

Центральной фигурой последней части романа является Михайло Лисица, беглый холоп князя Морткина, ученик Федора Кона.

Судьба не баловала Михайлу, как не баловала она и его учителя. У князя Морткина молодого парня заставляли с утра до ночи месить босыми ногами глину на кирпичном заводе. После побега он пристроился было в Смоленске к городскому делу. Здесь его сметку и жажду к знаниям отметил Конь и стал обучать юпошу своему искусству. Но учение у мастера длилось недолго: Лисицу объявили бунтовщиком, и ему еле удалось убежать от кнута, которым его должны были «бить нещадно». Во время своих скитаний Михайло побывал и в Литве, у пана Доморацкого, но там оказалось еще хуже чем у русских помещиков.

Такая жизнь могла бы сломить всякого. Однако запас жизненных сил у Михайлы был поистине неисчерпаем; в жесточайших испытаниях его ненависть к поработителям и насильникам — «своим» и иноземным — лишь крепла и закалялась; его готовность к беспощадной борьбе с ними все усиливалась. В тяжелые годы войны против польских захватчиков Михайло Лисица показал, на что способен «черный» русский человек, защищающий свою родину.

На палитре Аристова мрачные краски преобладают. Но, когда заканчиваешь его книгу, общее впечатление остается далеко не мрачное. Да, личная жизнь Федора Кона была печальна: замечательному мастеру не дали украсить Русь великолепными зданиями, более прекрасными чем дворцы и палацы Италии. Но то, что он сумел сделать, огромно; его работа имела для русского народа в полном смысле слова историческое значение. И гордость за парол, вырастивший таких людей, как Федор Конь и Михайло Лисица, охватывает читателей книги «Ключ город Смоленск» — талантливого исторического романа, которому следует пожелать самого широкого распространения².

2

В «Мартыне живописце» В. Кудимова, как и в романе «Ключ город Смоленск» В. Аристова, главное действующее лицо —

¹ См. ст. В. Мальцева «Историческое значение обороны Смоленска в 1609—1611 годах». Сборник «Смоленская оборона». Смоленск. 1939.

² Хотелось бы лишь обратить внимание автора на необходимость устранить некоторые безвкусыные, даже пошловатые выражения в описании женских образов романа.

человек искусства. Место действия в обоих произведениях одно и то же — Смоленщина. Но время действия у Кудимова более позднее: 70-е годы XVIII века в первой части и 1812 год во второй части романа.

Живописец Мартын Калинин — крепостной купца Ивана Сидоровича Барышникова, который купил его мальчонкой еще на имя графа Орлова¹. Три года Мартын по приказанию барина бегал к дякону учиться читать и писать, изучая в то же время счетную премудрость у бухгалтера вотчинного управления. Барышникову в его обширном хозяйстве нужны были грамотные люди. Но Мартына с ранних лет тянуло к рисованию. Однажды, чтобы отплатить за преследования бухгалтеру, нередко прибегавшему к дубовой линейке, мальчик нарисовал на него карикатуру в кассовой книге, которую должен был просматривать сам барин. В судьбе Мартына эта история сыграла большую роль. Правда, за испорченную книгу его изрядно постегали, но зато на следующий день вышел барский приказ: собираться для отправки в Петербург. Так Мартын очутился в учении у итальянца Жиларди — архитектора и живописца.

«Расчетливый Барышников, — пишет Кудимов, — решил по-своему правильно. Вместо того чтобы нанимать живописцев и архитекторов на стороне, дешевле иметь собственных» (стр. 20—21).

Восемнадцатилетним юношей возвратился Мартын в барышниковское имение — Алексино. Было это в 1774 году, когда против помещиков и помещичьего государства развернулось грозное народное движение, возглавляемое Емельяном Пугачевым. Хотя непосредственно Смоленщина и не была затронута пугачевским движением, все же отзвуки его доносились и туда. В романе Кудимова действует посланец Пугачева Федор Примыч, старый каторжник с таганрогских галер, в 1771 году бежавший на Урал и примкнувший сперва к Федоту Богомолу, который годом ранее Пугачева попал на мысль объявить себя императором Петром III.

В первой части «Мартына живописца» Кудимов воссоздал широкую картину помещичьего угнетения и крестьянских волнений, волнений разрозненных, стихийных, заранее обреченных на провал, но непрерывно напоминавших правящим классам, каким непримиримым врагом для них является порабощенное крепостное крестьянство.

Пожалуй, наибольшей удачей автора следует признать образ Ивана Сидоровича Барышникова, соединившего купеческую изворотливость и практичность с навыка-

ми помещика-крепостника. Управлял он своими людьми главным образом при помощи плетей и розог, стараясь выжать из них все, что только возможно. Стоном стояли мужики от Ивана Сидоровича; однако еще хуже им приходилось во время его отъездов, когда хозяином оставался его сын — Иван Иванович. Это был достойный отпрыск своей фамилии. Усердно подражая «благородному» российскому дворянству, в ряды которого он всячески стремился пролезть, Иван Иванович этот завел у себя театр, служивший ему одновременно и гаремом. Не обладая ни в малейшей мере хозяйственными способностями своего папаша, он не только не уступал ему в жестокости, но даже превосходил его в изобретении всевозможных истязаний для «провинившихся» крепостных людей.

Немало издевательств перенес от Ивана Ивановича и Мартын. Художник, которому жал руку сам Растрелли, был дважды позорно выпорот на конюшне. Выпорол и его возлюбленную Дуню, «фигурантку» барышниковского театра. После этого Ивану Ивановичу пришлось в голову заставить Калинин нарисовать портрет Дуни. Мартын сначала отказался, потом вынужден был согласиться. Но картина барину не досталась: почувствовав к нему «такой прилив ненависти, что закружилась голова», Мартын разрезал портрет у него на глазах, за что, понятно, сейчас же угодил под замок. И если бы не Федор Примыч, вместе со взбунтовавшимися крестьянами освободивший Мартына и устроивший ему побег, Мартын, без сомнения, погиб бы, замученный помещиком.

Кудимов неплохо изучил крестьянскую жизнь XVIII века; в ряде эпизодов он дает красочное ее изображение. Но несмотря на это его роман вызывает чувство неудовлетворенности: слишком уж часто попадаются в «Мартыне живописце» вариации на всем известные темы. И упомянутый только что крепостной театр, и зверские наказания дворовых на конюшне, и убийство крестьянами жестокого бурмистра, выслуживающегося перед барином, — всё это в литературе описывалось неоднократно и читателю хорошо знакомо. А между тем попробуйте обойтись без всего этого! Это всё явления, которые в екатерининской России встречались буквально на каждом шагу.

Однако описания их лишь в том случае могли бы быть восприняты не как стандарт и шаблон, если бы они органически входили в сюжет произведения. Тогда внимание читателя было бы направлено не столько на то, нов или не нов преподнесенный писателем материал, сколько на психологию действующих лиц, выступаю-

¹ Согласно указу от 1746 года, купцы не имели права владеть крепостными.

ших в определенных условиях, на степень мотивированности их поведения.

Беда же Кудимова состоит не только в том, что многочисленные картины наказаний и пыток, которым подвергается его герой, в большинстве трафаретны. Гораздо более печально, что образ Мартына Калинкина вообще недостаточно определен, чересчур общ. Как личность, а не просто как представитель крепостной интеллигенции — и даже шире, крепостного крестьянства, — Мартын, в сущности, почти совсем не ощущается.

Вторая часть романа Кудимова вызывает больше возражений чем первая. Отделены они друг от друга — ни много, ни мало — тридцатью семью годами. Калинкин, рассказывает автор, скрывшись из Алексина, поспешил перебраться через рубеж и там объявил себя польским выходцем Мартыном Калиновским. Вместе с князем Радзивиллом, к которому он поступил на службу, он поехал в Париж, где сблизился с молодым французским художником Луи Капе. Позднее он стал работать на фабрике персидских поясов, которая принадлежала Радзивиллу. Досуг свой Мартын посвящал картине, изображавшей человека, которого он больше всего ненавидел, бывшего его помещика. Живописец свято хранил в памяти заветы пугачевца Примицы: «...Где бы ты ни был, как бы плохо или хорошо ни жилось тебе, не забывай, кто ты... Помни, что на земле живут господа и холопы; ...не забудь, что пакостит землю Ванька-Кайн — твой и мой господин Барышников» (стр. 245).

На родину Мартын решил вернуться лишь в 1812 году. Толчком для него послужила встреча с Луи Капе, который привез известие одному из гостей Радзивилла о том, что война между Наполеоном и Александром I неизбежна и что военные действия вот-вот начнутся. Луи в беседах с Мартыном все время подчеркивал освободительный характер этой войны со стороны Франции. «Мы, — говорил он, — принесем свободу рабам. Штыки французской славной пехоты несут на своих остриях свободу от крепостного ига Польше и России» (стр. 305). Такие речи, естественно, закрепили давние симпатии Мартына к французам. Когда тот начал просить живописца помочь ему, поехать с ним в Россию искать его невесту Жанну, отправившуюся компаньонкой к дочерям богатого русского дворянина, оказавшегося «извергом и животным», Мартын сразу согласился. Он сделал это тем охотнее, что обилевший Жанну дворянин жил где-то возле Смоленска.

В дороге Мартын рассказал другу о Барышникове и о тех чувствах, которые заставили его поехать в Смоленск. Луи

принял все это близко к сердцу и настоял, чтобы Мартын немедленно отправился в свои родные места. Сейчас, как никогда, благоприятный момент для восстания крепостных. В Алексине, однако, Калинкин никого из своих притеснителей не застал: Ивана Сидоровича не было уже в живых, а Иван Иванович поспешил удрасть от приближавшейся наполеоновской армии. Взбунтовать алексинских, а затем и других крестьян, живших поблизости, Мартыну большого труда не стоило. Почва была для этого достаточно подготовлена, да и о Наполеоне у некоторых мужиков были ложные представления как о будущем освободителе крепостных. Кудимов, пожалуй, больше акцентирует это обстоятельство чем следовало бы. У него, между прочим, одна старушка спрашивает Мартына: «А не слыхал: правда ли нет ли мужики у нас баяли, бытто Палеон — храницуский царь — приказал нашему всех мужиков на волю пустить? И бытто наш не дает согласия, а тот — войною пошел. И бытто ежели завоюет храницус, всем воля будет» (стр. 362).

Но вскоре и у мужиков и у самого Мартына всякие иллюзии насчет французов исчезли. Живописец узнал, что Луи обманул его: никакой невесты у него в России нет, а сам он просто-напросто французский шпион. И вот Калинкин с присущей ему страстностью становится организатором партизанских отрядов, борющихся против Наполеона.

Что обращает на себя внимание во второй части «Мартына-живописца»? Прежде всего возраст героя. Нетрудно подсчитать, пользуясь данными первой части романа, что Мартыну в 1812 году пятьдесят пять лет. Но Кудимов так велит повествование, как будто годы не наложили своего отпечатка на Мартына и он по-прежнему, как и в начале книги, юноша. Сказывается это не только в тех поступках Калинкина, о которых мы сейчас рассказывали. В Смоленске Мартын встречает Дуню (которой тоже пошел шестой десяток), и между ними в осажденном городе начинается такая любовная идиллия, что прямо диву даешься. На читателя, конечно, все это должно действовать весьма расхолаживающе.

Но в конце концов мимо этих досадных подробностей можно было бы пройти, если бы разрешена была основная тема второй части романа. Перед Кудимовым стояла задача, сходная с задачей, успешно решенной Аристовым в романе «Ключ город Смоленск». Аристову удалось показать, почему угнетенное крестьянство встало на защиту своей родины в начале XVII века. Кудимову предстояло во второй части «Мартына живописца» показать, почему

угнетенное крестьянство встало на защиту своей родины в начале XIX века. И показать не «вообще», а конкретно, в живых, художественных образах, на примере героев своего романа.

Как мы указывали уже, Мартын возвращался в Россию, полный надежд на Наполеона. Но достаточно было ему убедиться в том, что Луи Кане — разведчик, чтобы во мгновение ока его отношение к французам резко изменилось. Один этот факт, имеющий, в сущности, лишь частное значение, сразу же привел Мартына к выводу, что русским от французов ждать нечего. И Мартын, ни о чем другом, кроме обманчивых действий Луи, еще и понятия не имея, пошел сражаться. «Мартын, — пишет Кудимов, — посылал пулю за пулей, не замечая времени. Его охватили непонятный азарт и злоба» (стр. 421). Эпитет «непонятный» в данном случае вполне на месте, так как переменял Мартын свое мнение о смысле «дела Наполеона» до того, как ему удалось установить, что Наполеон и не собирается отпустить крепостных на волю. Об этом Мартын узнал лишь позднее, прочитав в приказе Наполеона к населению занятых им областей недвусмысленные строки. «Все крестьяне и земледельцы обязаны повиноваться своим помещикам, владельцам и арендаторам имений или лицам, их засту-

пающим, обязаны ничем не нарушать господской собственности, отбывать работы и повинности» (стр. 451). Несомненно, такая нечеткость в развитии образа главного героя романа немало повредила писателю: он не смог из-за нее ясно и рельефно нарисовать картину того, как проявлялся в войне 1812 года народный патриотизм.

В. Кудимов — писатель одаренный; однако одаренность его дает себя чувствовать по преимуществу в отдельных эпизодах романа. Как целое книга его крайне уязвима. Кудимов не добился в «Мартыне-живописце» той слитности сюжета и исторического фона, которая отличает понастоящему удавшийся исторический роман. Это отразилось и на показе эпохи в романе и на обрисовке центрального его персонажа.

* * *

Сопоставление романов В. Аристова и В. Кудимова поучительно. Оно показывает, какое огромное значение для писателя, обращавшегося к исторической тематике, имеет четкость и обоснованность исторической концепции, которую он воплощает в художественных образах в своем произведении.

Р. ВОИНОВ

НОВИНКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Сочинения. Т. XXVIII (Институт Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б). М. Политиздат. 1940. 470 стр. и 2 вкл. л. 48 000 экз. 3 р. 50 к.

Новый том сочинений Маркса и Энгельса содержит 226 писем Энгельса за 1888—1891 годы (из них 130 писем публикуются на русском языке впервые). Письма адресованы виднейшим деятелям социалистического движения Европы и Америки. В конце тома помещены отрывок «Путешествие в Америку», написанный Энгельсом на пароходе во время поездки в Америку в 1888 году, и два редактированных Энгельсом памфлета.

Письма освещают историю социализма и рабочего движения конца XIX века и представляют собой блестящие образцы марксистского анализа событий, научного предвидения и революционного руководства к действию.

ЛЕНИН В. И. и СТАЛИН И. В. О ленинских событиях. М. Политиздат. 1941. 64 стр. 100 000 экз. 30 коп.

В сборнике помещены 4 статьи Ленина и 6 статей Сталина по поводу расстрела рабочих на Ленских золотых приисках 17 (4) апреля 1912 года.

В конце книги напечатано «Приветствие товарища Сталина ленинским рабочим» из газеты «Ленский шахтер» № 87 от 17(4) IV 1927 года.

История дипломатии. Т. I. Под ред. В. П. Потемкина (Библиотека внешней политики). М. Соцэкгиз. 1941. 566 стр. 500 000 экз. 7 р. 50 к.

Первый опыт марксистской работы в данной области, выполненный коллективом советских историков (в составлении I тома принимали участие проф. С. В. Бахрушин, проф. А. В. Ефимов, проф. Е. А. Косминский, акад. Е. В. Тарле, А. Л. Нарочницкий, проф. В. С. Сергеев, проф. С. Д. Сказкин, проф. В. М. Хвостов). Вся работа будет состоять из 2 томов и заключать в себе 7 основных частей: 1) дипломатию древнего мира, 2) дипломатию средних веков, 3) дипломатию нового времени (XVI—XVIII века), 4) период победы и утверждения капитализма до франко-прус-

ской войны 1870—1871 годов включительно, 5) период перерастания старого, «свободного» капитализма в империализм (до окончания первой мировой империалистической войны), 6) эпоху между первой и второй империалистическими войнами и 7) организацию и методы современной дипломатии.

В данном томе представлены 4 первых раздела.

В конце книги дан довольно обширный указатель литературы (стр. 529—552).

ЮЗЕФОВИЧ И. С. Основание Коммунистического Интернационала (Институт истории Академии наук СССР). М. и Л. Изд-во Академии наук СССР. 1940. 276 стр. и 2 вкл. л. портр. 10 000 экз. 7 р. 50 к. (Научно-популярная серия).

АБРАМОВ А. Н. Крестьянское революционное движение в Грузии в 1902—1905 годах. Л. Ленпартиздат. 1940. 220 стр. с илл. и 1 вкл. портр. 5 000 экз. 10 р. 50 к.

Книга А. Н. Абрамова подробно рассказывает, как под руководством большевистских организаций Закавказья и лично товарища Сталина в Грузии в 1902—1905 годах развивалось революционное крестьянское движение. В частности I глава книги обрисовывает положение грузинского крестьянства на пороге XX века, II глава посвящена специально товарищу Сталину как организатору и руководителю крестьянского движения в Грузии, глава V говорит о революционных требованиях восставшего в 1905 году грузинского крестьянства, глава IX описывает деятельность революционных крестьянских комитетов и т. д.

АРЕНЦ А. Сталин и революционное движение в Армении в 1905—1907 годах (перевод с армянского). Ереван. Госполитиздат Армянской ССР. 1940. 120 стр. и 13 вкл. л. илл. 1500 экз. 5 руб.

Книга является, по словам автора, результатом многолетней работы. Она состоит из трех разделов. В первом разделе освещено социально-экономическое положение Армении накануне революции 1905—1907 годов. Второй раздел книги говорит о товарище Сталине как об организаторе и вдохновителе революционного движения в Армении в период первой революции. Третий раздел книги посвящен борьбе товарища Сталина против армянских меньшевиков, дашнаков, «спецификов» и других реакционных сил.

В приложениях к книге дана хроника арестов, осылков и побегов товарища Сталина.

Сталин и о Сталине. Указатель литературы (состав. Е. Н. Жилина, Б. В. Саитов, Н. З. Стругацкий и Л. С. Франкфурт, под ред. И. М. Юновера) (Государственная ордена Трудового красного знамени Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина). Л. Ленпартиздат. 1940. 276 стр. с илл. 5000 экз. 15 руб.

ТЕТЕРИН С. М. и ЧУМБАРОВ Н. И. Центральный музей В. И. Ленина. М. Изд-во «Московский рабочий». 1940. 212 стр. с илл. и 1 портр. 10 000 экз. 3 руб.

Книга является путеводителем по 22 залам музея, содержащим 5529 экспонатов о жизни и деятельности В. И. Ленина. Путеводитель составлен в форме связанного историко-биографического очерка и читается с интересом как книга, имеющая самостоятельное значение.

В конце книги помещены: памятка организаторам экскурсий, список филиалов Центрального музея Ленина и местных ленинских музеев, перечень мемориальных досок памяти Ленина, установленных в Москве в 70-ю годовщину рождения Ленина, и указатель мест пребывания Ленина в Московской области.

Михаил Иванович Калинин (биография). (Ленинградский институт истории ВКП(б)). М. Политиздат. 1940. 128 стр. и 1 портр. 300 000 экз. 2 р. 20 к.

Первая подробная биография М. И. Калинина, излагающая его более чем 40-летний путь на службе рабочего движения и более чем 20-летнюю работу на посту главы советского государства.

Курс истории ВКП(б). Стенограммы лекций (Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б) М. 1940—1941. 7000 экз. (на прагах рукописи).

В дополнение к ранее изданным лекциям этого курса за последнее время вышли в свет новые лекции тов. Ем. Ярославского: а) «Подъем революционного движения в России в 1901—1904 годах. Ленинский план построения марксистской партии. Оппортунизм «экономистов». Борьба «Искры» за ленинский план» (ко II главе «Краткого курса истории ВКП(б)», лекции 1—2-я); б) «Второй съезд РСДРП. Принятие программы и устава и создание единой партии. Разногласия на съезде и появление двух течений в партии: большевиков и меньшевиков» (ко II главе «Краткого курса», лекция 4-я); в) «Борьба товарища Сталина за создание большевистских организаций в Закавказье» (ко II главе «Краткого курса», лекция 5-я); г) «Разгон I Государственной думы. Созыв II Государственной думы. Оостояние революционного движения в стране. Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП (ноябрь 1906 года). V съезд партии. Причины поражения первой русской революции» (к III главе «Краткого курса», лекция 9-я).

ЯРОСЛАВСКИЙ Ем. Аграрная программа большевиков в первой русской революции. Лекция, прочитанная в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) (Лекции в помощь изучающим марксизм-ленинизм). М. Политиздат. 1941. 36 стр. 100 000 экз. 25 коп.

Книга является массовым переизданием лекций 7—8-й по III главе «Краткого курса истории ВКП(б)», прочитанных тов. Ярославским в Высшей партийной школе 15 апреля 1940 года.

Книга посвящена в основном работе В. И. Ленина «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 гг.».

ЯРОСЛАВСКИЙ Ем. Таммерфорсская конференция большевиков 1905 года. К

35-летию I конференции РСДРП. М. Политиздат. 1940. 48 стр. 100 000 экз. 30 коп.

Таммерфорская конференция большевиков состоялась 25—30 (12—17) декабря 1905 года. На ней впервые встретились Ленин и Сталин, поддерживавшие до этого связь друг с другом письмами или через товарищей. В книге тов. Ярославского рассказывается о положении в партии после III съезда, о переписке Ленина с членами ЦК, о подготовке Таммерфорской конференции и о ее работе. В конце книги приведен небольшой указатель литературы о Таммерфорской конференции.

Указатель основных первоисточников в помощь изучающим «Краткий курс истории ВКП(б)». Под ред. и с предисл. П. Поселова и Г. Александрова. 2-е, дополн. изд. (Всесоюзная книжная палата). М. Политиздат. 1940. 192 стр. 100 000 экз. 2 руб.

В книге, составленной коллективом сотрудников Всесоюзной книжной палаты (А. Бочевеком, С. Гилевской, В. Никитиным и др.), приведены произведения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и его ближайших соратников, освещающие отдельные этапы истории ВКП(б).

Литература указана в порядке глав и разделов «Краткого курса истории ВКП(б)». В конце книги дан алфавитный указатель приведенных работ.

Книга является целым справочником для всех изучающих «Краткий курс истории ВКП(б)» и историю партии вообще.

В помощь изучающим «Краткий курс истории ВКП(б)». Указатель литературы. М. Всесоюзная книжная палата. 1940. 10 000 экз. Вып. 1-й. Январь—июнь 1940. 86 стр. 2 руб. Вып. 2-й. Июль—сентябрь 1940. 88 стр. 2 руб.

В указатель включены руководящие материалы и наиболее значительные статьи, опубликованные в центральных журналах и газетах СССР, а также пособия и сборники, изданные за январь—сентябрь 1940 года отдельными книгами. Материал расположен по главам «Краткого курса истории ВКП(б)». В особом разделе — «Организация и методика пропаганды марксизма-ленинизма» — собран материал, обобщающий опыт самостоятельно изучающих историю ВКП(б), а также литература о различных формах партийной пропаганды.

В конце указателя дан перечень новых изданий произведений классиков марксизма-ленинизма, партийных документов и книг по истории философии и политической экономии (с краткими аннотациями).

Кроме того в 1-м выпуске указателя приведена основная литература, выпущенная в первое полугодие 1940 года, о Ленине (в связи с 70-летием со дня рождения), о Сталине (в связи с 60-летием со дня рождения) и о Молотове (в связи с 50-летием со дня рождения), а во 2-м выпуске указана важнейшая литература, вышедшая ко 2-й годовщине издания «Краткого курса истории ВКП(б)».

МАКАРОВ П. В. Крутой дорогой. Симферополь. Крымгиз. 1940. 150 стр. с илл. и 1 карта. 5000 экз. 5 руб.

Книга П. В. Макарова, большевика-под-

польщика, приговоренного белыми к смертной казни и бежавшего из Севастопольской крепости, рассказывает о славной и тяжелой борьбе красных партизан против белогвардейцев в горах и степях Крыма (тов. Макаров после бегства из тюрьмы стал организатором и командиром одного из партизанских полков).

ПАПАНИН И. Д. Через море на помощь бойцам Перекопа. Симферополь. Крымгиз. 1940. 36 стр. 10 000 экз. 70 коп.

Дважды Герой Советского Союза тов. И. Д. Папанин делится в книжке воспоминаниями о двух своих «нелегальных» поездах Черным морем из Новороссийска в Крым (в августе и ноябре 1920 года) для организации, по поручению партии, красных партизан и высадки десанта в тылу Врангеля.

Несколько страниц книжки посвящено тов. М. В. Фрунзе.

МАГОМЕДОВ Р. Шамиль (Научно-исследовательский институт истории, языка и литературы при СНК ДАССР. Научно-популярная историческая серия. Вып. 7-й). Махачкала. Даггиз. 1940. 28 стр. с портр. 15 000 экз. 40 коп.

ЭМИРОВ Н. Уллубий Буйнакский (1890—1919). То же изд. Вып. 9-й. 48 стр. с портр. 5000 экз. 40 коп.

ЭМИРОВ Н. Махач Дахадаев (1879—1918). То же изд. Вып. 10-й. 32 стр. с портр. 10 000 экз. 40 коп.

ЭМИРОВ Н. Кази Магомед Агасиев (1882—1918). То же изд. Вып. 11-й. 32 стр. с портр. 10 000 экз. 40 коп.

МАГОМЕДОВ Р. Съезд народов Дагестана и приезд товарища Сталина (Темир-Хан-Шура, 13 ноября 1920 года). То же изд. Вып. 12-й. 56 стр. с портр. 10 000 экз. 40 коп.

Пять указанных книжек заканчивают собой популярную серию очерков из истории Дагестана, выпущенную к 20-летию ДАССР (о первых книжках серии см. аннотацию в № 1 «Исторического журнала» за 1941 год).

КОРОЛЕВ А. Г. и ФРЕЙФЕЛЬД О. Н. Международные отношения 1870—1918 годов. Сборник документов. Под ред. проф. В. М. Хвостова. М. Изд. Военно-политической академии Красной Армии имени В. И. Ленина. 1940. 408 стр. В перепл.

В книге помещено 267 документов, характеризующих международные отношения 1870—1918 годов (в основном дипломатические документы и отчасти выдержки из дневников и мемуаров дипломатов).

Документы распределены по отделам: I. Международные отношения в 70—90-х годах XIX века. II. Начало англо-германского империалистического соперничества. Англо-японский союз. III. Русско-японская война и возникновение Антанты. IV. Обострение международных отношений в 1909—1914 годах. V. Подготовка Антанты и австро-германского блока к войне. VI. Международные отношения в период первой мировой империалистической войны.

Некоторые из документов появляются на русском языке впервые.

Курс всеобщей истории. Новейшая история. Стенограммы лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) в 1940—1941 учебном году. М. 1940—1941. 7050 экз. (на правах рукописи).

За последнее время вышли в свет: 1) лекция 8-я: Л. И. Зубок «Италия в 1918—1923 годах»; 2) лекции 11—12-я: С. Н. Ростовский «Кемалистская революция» в Турции. Революционный подъем 1919—1922 годов в Иране»; 3) лекции 13—14-я: Л. И. Зубок «Коммунистический Интернационал в 1924—1940 годах»; 4) лекции 17—18-я: С. В. Захаров «Англия в 1923—1935 годах»; 5) лекции 24—25-я: Л. И. Зубок «Китай в 1918—1939 годах» и 6) лекции 28—29-я: Л. И. Зубок «Финляндия и Прибалтика (1918—1939 годы)».

Курс всеобщей истории. Новая история. Стенограммы лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) в 1940—1941 учебном году. М. 1940—1941. 7000 экз. (на правах рукописи).

По данному курсу вышли в свет новые лекции: 1) лекции 12—13-я: «Революция 1848 года в Германии»; 2) лекция 15-я: «Европейская реакция 50-х годов XIX века. Восточный вопрос и Крымская война»; 3) лекция 16-я: «Революционное движение в колониальных и зависимых странах»; 4) лекции 18—19-я: «Вторая империя во Франции. Воссоединение Италии и Германии, как самостоятельных государств»; 5) лекции 31—33-я: «Третья республика во Франции 1871—1914 годов»; 6) лекция 37-я: «Италия в 1870—1914 годах» и 7) лекции 39—40-я: «Буржуазные революции на Востоке в начале XX века».

Первые три брошюры принадлежат проф. А. В. Ефимову, четвертая — акад. Е. В. Тарле и три последние — проф. И. С. Галкину.

РОЗЕНБЕРГ Д. И. История политической экономии. Т. I. Утверждено ВКВШ при СНК СССР в качестве учебного пособия для экономических вузов и факультетов (Институт экономики Академии наук СССР). М. Соцэкгиз. 1940. 484 стр. 25 000 экз. 8 руб.

В книге излагаются прежде всего экономические воззрения главнейших мыслителей, писателей и политиков античного мира, затем — высказывания по экономическим вопросам авторов эпохи феодализма и, наконец, — история политической экономии в точном смысле этого слова, возникшей как наука одновременно с капитализмом. Первый том охватывает всю историю политической экономии от античного мира до Маркса и Энгельса включительно.

Второй том доведет изложение истории политической экономии до наших дней.

В конце книги дан довольно обширный библиографический указатель (стр. 473—482).

Курс источниковедения истории СССР (на переплете: «Источниковедение истории СССР») (Главное архивное управление НКВД СССР. Историко-архивный институт). Утверждено ВКВШ при СНК СССР в качестве учебника для исторических фа-

культетов университетов и педагогических институтов. М. Соцэкгиз. 1940. Тираж по 20 000 экз. 5 руб за том.

Том. I: М. Н. Тихомиров «Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII века». 256 стр.

Том II: С. А. Никитин «Источниковедение истории СССР XIX века (до начала 90-х годов)». 227 стр.

Учебник дает обзор и критику важнейших письменных источников по истории СССР.

В конце II тома дана небольшая глава «Значение трудов основоположников марксизма при изучении истории СССР XIX века».

Эта тема будет развита подробнее в следующем томе учебника, посвященном источниковедению истории СССР конца XIX — начала XX века.

Курс истории СССР. Стенограммы лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) в 1940—1941 учебном году. М. 1940—1941. 7000 экз. (на правах рукописи).

В конце 1940 — начале 1941 года вышли в свет: 1) лекции 1—12-я: К. В. Базилевич. Темы. Древнейшие народы на территории СССР. Киевское государство. Феодалная раздробленность Восточной Европы в XII—XIII веках. Восточная Европа, Средняя Азия и Закавказье под властью монгольских завоевателей. Феодалные объединения на территории СССР в XIV—XV веках (272 стр.) и 2) лекции 13—23-я: К. В. Базилевич. Темы: Образование Русского национального государства. Расширение Русского государства и превращение его в многонациональное. Крестьянская война в начале XVII века. Разгром польской и шведской интервенции. Русское государство в XVII веке. Народы Сибири в XVI—XVII веках. Завоевание Сибири. Средняя Азия, Кавказ и Закавказье в XVI—XVII веках. Борьба украинского и белорусского народов с польским владычеством. Присоединение Украины к России (256 стр.).

Лекции 24—29-я (Г. А. Новицкий. Россия в XVIII веке) были изданы раньше.

Еще раньше все указанные темы были выпущены отдельными брошюрами.

История СССР. Альбом наглядных пособий. Отв. ред. — В. И. Лебедев. Вып. 6-й. Подготовлен Н. Беляевым, М. Мешковым, Д. Перовым и Л. Сегаль. Под руководством З. А. Ждановой. М. Политиздат. 1940. 34 отд. л. илл. и карт (51 × 72 см) и 64 стр. «Пояснительного текста» (на стр. 56—64 дана библиография). 12 000 экз. 125 руб.

Данный выпуск альбома посвящен России XVIII века (сведения о предыдущих выпусках см. в № 2 «Исторического журнала» за 1941 год).

МИХЕЛЬСОН А. Подводная война 1914—1918 годов (перев. с немецкого). М. и Л. Военмориздат. 1940. 138 стр. с илл. и карт. 4 р. 45 к.

Книга дает обстоятельный анализ и сжатую историю подводной войны, прове-

денной Германией во время первой мировой империалистической войны.

ОСИПОВ В. А. Саратовская организация РСДРП в 1905—1907 годах (Партархив Саратовского обкома ВКП(б). Саратов. Обл. изд-во. 1940. 124 стр. с илл., портр. и факсим. 7000 экз. 3 р. 65 к.

Содержание книги несколько шире ее заглавия. В книге дается прежде всего описание положения рабочих и крестьян Саратовской губернии накануне революции 1905—1907 годов, затем прослежено образование саратовской социал-демократической организации с 80-х годов и после этого излагается деятельность саратовской организации РСДРП в период революции 1905—1907 годов по революционной мобилизации масс, по руководству крестьянским движением, по партийной работе в войсках и т. д. (по отдельным этапам революции).

Книга написана на основе данных большевистской печати 1900—1907 годов, материалов партийного архива Саратовского обкома ВКП(б) и фондов архивного отдела УНКВД по Саратовской области. Книга рассчитана на массового читателя.

СТРУМИНСКИЙ М. Я. Петр Алексеев в якутской ссылке. Якутск. Гос. изд-во ЯАССР. 1940. 80 стр. с илл. и 1 портр. 5000 экз. 2 р. 85 к.

Книга посвящена одному из первых рабочих-революционеров, П. А. Алексееву (родился в 1849 или 1851 году, убит 16 августа 1891 года). В книге даны биография Петра Алексеева, его историческая речь на процессе 50-ти в 1877 году, общая характеристика Алексеева и довольно подробно описана его жизнь в якутской ссылке (после 10-летней каторги). В особом приложении помещены некоторые якутские фольклорные материалы о Петре Алексееве.

Книга написана на основе воспоминаний ссыльных — современников Петра Алексеева, его писем из ссылки и материалов Якутского центрархива.

СТЕПАНОВ А. Петропавловская оборона (1853—1856 годы). Хабаровск. Дальгиз. 1940. 108 стр. 10 000 экз. 3 р. 70 к.

Книга Степанова описывает один из эпизодов враждебной России деятельности Англии во время возникшей в 1853 году русско-турецкой войны. Едва была объявлена война, англичане совершили свое разбойное нападение на Петропавловск на Камчатке (17 августа 1854 года). В книге показаны отпор, полученный английской эскадрой со стороны русских, последующий разгром вражеского десанта (24 августа 1854 года) и операции по обороне дальневосточного побережья в 1855—1856 годах. Последняя глава книги посвящена отдельным героям обороны (матрос Семен Удалой и др.).

КУДРЯВЦЕВ Ф. А. История бурят-монгольского народа. Очерки. Кн. 1-я. От XVII века до 60-х годов XIX века (Бурят-монгольский государственный научно-исследовательский институт языка, литературы и истории). М. и Л. Изд-во Академии

наук СССР. 1940. 242 стр. и 1 карта. 6000 экз. 12 руб.

Книга является плодом 10-летней работы и во многом написана на основе опубликованных материалов местных архивов.

Во 2-й книге история бурят-монгольского народа будет доведена до образования Бурят-Монгольской АССР (1923 год).

Документы и материалы по истории Белоруссии. Т. II (1772—1903 годы). Состав. Н. М. Никольский, Д. А. Дудков, И. Ф. Лочмель и др., под ред. акад. Н. М. Никольского и И. Ф. Лочмеля (Институт истории Академии наук БССР). Минск. Изд-во Академии наук БССР. 1940. XVI и 940 стр. 4000 экз. 30 руб.

Первый том данного издания был выпущен под заглавием «История Белоруссии в документах и материалах».

Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т. III. Ч. 1-я. 1801—1839. Подготовлено к печати Г. Е. Грюмберг и С. К. Буншувым, под ред. Р. Магомедова. Вступительная статья С. К. Буншуева (Институт истории Академии наук СССР. Научно-исследовательский институт истории, языка и литературы при СНК ДАССР). Махачкала. Даггиз. 1940. 472 стр. и 1 карта. 3000 экз. 10 руб.

Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. I. Под ред. Института истории Академии наук СССР (Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории при СНК МАССР). Саранск. 1940. 436 стр. 3000 экз. 11 руб.

Помещенные в данном томе материалы и документы охватывают период от V века до нашей эры до 70-х годов XVII века нашей эры.

В конце книги даны указатели личных имен, географических названий и предметный (к I и II томам издания).

О выходе II и III томов данного издания см. № 1 «Исторического журнала» за 1941 год и № 12 за прошлый год.

ПУШКИН А. С. Полное собрание сочинений. (Ред. комитет: М. Горький, Д. Д. Благой, С. М. Бонди и др.). Т. IX. История Пугачева. Полутом 2. Материалы. (Ред. В. Л. Комарович). М. и Л. Изд-во Академии наук СССР. 1940. 485—950 стр. и 5 вкл. л. илл. 27 000 экз. 25 руб.

Книга содержит весь дошедший до нас пушкинский рукописный фонд использованных в «Истории Пугачева» исторических материалов (записи устных рассказов, преданий и песен; дневники и записки современников; выписки из архивных дел и пр.); часть материалов публикуется в первый раз.

Опубликованные материалы показывают, что осведомленность великого поэта в исторических первоисточниках крестьянского восстания 1773—1775 годов была несравненно глубже, чем до сих пор принято было думать.

Первый полутом IX тома, содержащий самую «Историю Пугачева» (перезаглав-

ленную в «Историю пугачевского бунта» Николаем I), в свет еще не вышел.

В конце второго полутома дан обширный алфавитный указатель имен и предметов к обоим полутомам IX тома (стр. 811—945).

АРТАМОНОВ Д. С. Северные церковники на службе у царизма. Архангельск. Обл. гос. изд-во. 1940. 64 стр. 10 000 экз. 95 коп.

В книге, написанной на основе архивных материалов, дается обзор реакционной деятельности северных попов и монахов на протяжении ряда столетий: с момента возникновения монастырей до разгрома интервентов и установления советской власти на Севере.

Книга предназначена для массового читателя.

ВОСТОКОВ Е. И. Церковники Исаакиевского собора в борьбе против народа. 2-е изд., переработ. Л. Изд. Государственного антирелигиозного музея (б. Исаакиевский собор). 1940. 68 стр. и 6 вкл. л. илл. 5000 экз. 3 р. 50 к.

В первой главе книги говорится об Исаакиевском соборе как памятнике тяжелого крепостного труда (строился в течение 40 лет: с 1819 по 1858 год).

Во второй главе освещается 70-летняя (1858—1928 гг.) реакционная деятельность причта Исаакиевского собора.

Третья и последняя глава книги кратко излагает просветительную работу Антирелигиозного музея, организованного в б. Исаакиевском соборе в 1928 году.

Акты хозяйства боярина В. И. Морозова. Под общей ред. проф. А. И. Яковлева. Ч. 1-я (Институт истории Академии наук СССР). М. и Л. Изд-во Академии наук СССР. 1940. 228 стр. 1500 экз. 15 руб.

В книге даны: небольшое археографическое введение, 13 описей («книг») земельных владений боярина В. И. Морозова и 217 документов вотчинной переписки по 13 группам вотчин боярина Морозова за 1648—1660 годы (больше всего—135—документов относятся к подмосковным звенигородским владениям боярина).

Хозяйственная переписка боярина В. И. Морозова вошла в исторический обиход в 1871 году вместе со статьей И. Е. Забелина «Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве» (журнал «Вестник Европы»).

В 1928 году переписка Морозова была выпущена в свет в Москве в машинописном издании, а в 1933 году—переиздана в сокращенном виде в Ленинграде. Настоящее издание «восстанавливает полноту всей доселе известной хозяйственной переписки боярина Морозова с управителями его вотчин».

Материалы эти поднимают ряд интереснейших вопросов русской истории XVII века.

Курс всеобщей истории. Средние века. Стенограммы лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). М. 1940—1941. 7000 экз. (на правах рукописи).

К концу февраля 1941 года вышли в свет 19 лекций (в 13 брошюрах объемом от

1 до 5 печатных листов), а именно: 1) лекции 1—4-я—«Раннее средневековье» (72 стр.); 2) лекция 6-я—«Индия в средние века»; 3) лекции 8—9-я—«Средневековые города. Крестовые походы»; 4) лекции 10—11-я—«Англия в XI—XV веках. Восстание Мота Тайлера»; 5) лекции 12—13-я—«Франция в X—XV веках. Парижское восстание 1358 года. Жакерия»; 6) лекция 14-я—«Германия и Италия в X—XV веках. Папство»; 7) лекция 15-я—«Южные и западные славяне. Чехия и гуситские войны»; 8) лекция 16-я—«Италия в XIII—XV веках»; 9) лекция 17-я—«Испания в XIV—XV веках. Великие географические открытия»; 10) лекция 18-я—«Средневековая культура. Зарождение буржуазной идеологии. Гуманизм»; 11) лекция 19-я—«Реформация и крестьянская война в Германии»; 12) лекция 20-я—«Германия и Чехия после крестьянской войны. Революция в Нидерландах»; 13) лекция 21-я—«Абсолютизм во Франции и в Англии».

Первые 8 брошюр (за исключением второй, воспроизводящей лекцию Е. А. Беляева) принадлежат проф. А. Д. Удадьцову; последние 5 брошюр содержат лекции проф. С. Д. Сказина.

ВАЙНШТЕЙН О. Л. Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней. Допущено Всесоюзным комитетом по делам высшей школы при СНК СССР в качестве учебника для исторического факультета государственных университетов и педагогических институтов (Институт истории Академии наук СССР). М. и Л. Соцэкгиз. 1940. 375 стр. 20 000 экз. 7 руб.

Основные разделы книги таковы: I. Введение. II. Феодалная историография до зарождения буржуазной исторической науки (V—XV века). III. Гуманистическая историография XV—XVI веков. IV. Эрудитская школа XVII—XVIII веков. V. Историография эпохи Просвещения (XVIII век). VI. Романтическая историография периода европейской реакции (первая треть XIX века) и подъема революционного движения 30—40-х годов. VII. Историография второй половины XIX века. VIII. Буржуазная историография эпохи империализма. IX. Историография средних веков в дореволюционной России (XIX век—1917 год). X. Марксистско-ленинская историография: 1. Классики марксизма-ленинизма и проблемы средневековой истории. 2. Марксистско-ленинская историография в СССР.

Книга снабжена обширными библиографическими указаниями.

История философии. Под ред. Г. Ф. Александрова, Б. Э. Быховского, М. Б. Митина и П. Ф. Юдина (Институт философии Академии наук СССР). Т. I. Философия античного и феодального общества. М. Политиздат. 1940. 492 стр. с портр. 50 000 экз. 10 руб.

Настоящий том составляет часть подготовляемого к печати коллективом Института философии Академии наук СССР семитомного труда по истории философии с древнейших времен до наших дней.

В трех первых разделах тома охарактеризована философия периода формирования рабовладельческой Греции (Милетская школа, Пифагорейский союз, Гераклит Эфесский, Элейская школа), философия периода расцвета древнегреческой рабовладельческой демократии (Эмпедокл и Анаксагор, Левкипп и Демокрит, софисты, Сократ и сократические школы, Платон, Аристотель) и философия упадка древнегреческого рабовладельческого общества (академики, перипатетики, Эпикур, стоицизм, скептицизм, эклектизм). Четвертый раздел книги характеризует древнеримскую философию, и последний — философию средневекового общества.

КУН Н. А. Что рассказывали древние греки о своих богах и героях (Библиотека учителя). М. Учпедгиз. 1940. 460 стр. с илл. 15 000 экз. 8 р. 50 к.

Книга эта издавалась в 1914, 1922, 1931 и 1937 годах. Она дает живое изложение основных сказаний древнегреческой мифологии и главных эпических циклов (Аргонавты, Илиада, Одиссея, Агамемнон и его сын Орест, Фиванский цикл).

ШИШКИН В. А. Археологические работы 1937 года в западной части Бухарского оазиса (Институт языка, литературы и истории УзССР). Ташкент. Изд-во Узбекского филиала Академии наук СССР. 1940. 52 стр. с илл. и карт. и 2 вкл. л. карт и план. 600 экз. 2 р. 50 к.

Книга является отчетом об экспедиции, проведенной под руководством автора. Экспедиция обследовала большое количество памятников, установила местонахождение древнего города Варахша и собрала значительные материалы по истории, археологии и культуре Бухарского оазиса.

Сборники трудов научных учреждений

«Известия Ростовского областного музея краеведения». Вып. 2-й. Р/Д. Ростиздат. 1940. 140 стр. 1000 экз. 8 руб.

Из 16 статей сборника 8 носят исторический характер: Большевицские организации Дона в период второй буржуазно-демократической революции (февраль — сентябрь 1917 года), Второй Донской областной съезд советов (17—20 июня 1920 года) и др.

«Труды Военно-политической академии Красной Армии имени В. И. Ленина, IV М. 1940. 318 стр. Тираж и цена не указаны.

Книга содержит 9 статей: Сталин и проблемы истории СССР. Ленинский план электрификации и его выполнение. Разгром белопольского мятежа в Советской Белоруссии в 1918 году. Буржуазно-помещичья контрреволюция в период с 27 февраля по 5 мая 1917 года. Железнодорожный транспорт в русско-японскую войну 1904—1905 годов. Морской флот России в Крымскую войну 1853—1856 годов. История колониального порабощения Бухарского ханства царской Россией. Народные движения во Франции в 1824—1834 годах. Гоголь и проблемы исторической повести.

«Труды Горьковского государственного педагогического института имени М. Горького». Вып. 7-й. Исторический сборник. Город Горький. 1940. 192 стр. 500 экз. 14 руб.

В книге помещено 5 работ: () книга Маркса и Энгельса «Святое семейство». Проведение в жизнь ирландского земельного законодательства в 50-е годы XVII века (начало в вып. 3-м, 1939 год). Олар как историк французской революции. К вопросу о родовом строе у северных осетин в эпоху завоевания Россией (конец XVIII — начало XIX века). К истории изучения палеолита в СССР (с библиографией, на стр. 187—192).

«Труды отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа». Т. III. Л. 1940. 365 стр. с илл. 1500 экз. 35 руб.

В книге помещены вводная статья «К 20-летию существования отдела Востока Государственного Эрмитажа», 25 научных статей и заметок по истории и искусству Востока и список работ сотрудников отдела Востока за истекшие 20 лет (145 названий).

«Труды Узбекистанского филиала Академии наук СССР». Серия 1-я. История, археология. Вып. 1-й. Исследования палеолитической пещеры Тешик-Таш. Ташкент. 1940. 76 стр. с илл. и 3 вкл. л. илл. 700 экз. 2 р. 60 к.

Сборник (3 статьи) посвящен открытию первой на территории Средней Азии пещеры-жилища человека мустьерской эпохи древнекаменного века. Авторы описывают орудия труда, животный мир, окружавший человека, и антропологический тип человека этой эпохи — неандертальца — на основе находок, обнаруженных при раскопках пещеры в 1938 году.

«Ученые записки Ленинградского Государственного педагогического института имени М. Н. Покровского». Т. V. Исторический факультет. Вып. 1-й. Л. 1940. 183 стр. 1000 экз. 20 руб.

Книга содержит 9 статей: 1. Место, нарицаемое Ереель, его же Русь зовет Утол (из курса исторической географии). 2. Новгородская судебная грамота. 3. Крестьянские отходы и крестьянский наем в петровское время. 4. Полтавский бой в освещении современников-иностранцев. 5. Политические послания Саллюстия к Цезарю. 6. «Каролингское возрождение» и проблемы школьной образованности в раннем средневековье. 7. Из истории крестьянского восстания в Нормандии в конце X века. 8. Восстание Уайатта в 1554 году (Англия). 9. Революция 1911—1913 годов в Китае и Сун Ят-сен.

Методическая литература

РУДНЕВА Е. И. Воспитательная работа на уроках истории в начальной школе (Государственный научно-исследовательский институт школ НКП РСФСР. Бюро заочной консультации. В помощь учителю. № 1). М. 1940. 14 стр. 1300 экз. 85 коп.

Опыт лучших учителей истории по воспитанию у учащихся чувства советского патриотизма и пролетарского интернационализма.

История СССР. Методические указания для заочного обучения учителей (за курс педагогического училища). Состав. А. В. Фохт (Научно-методический кабинет по заочному обучению учителей Управления подготовки учителей НКП РСФСР). М. 1940. 40 стр. 40 000 экз. 40 коп.

В книге даны краткие указания по самостоятельным занятиям заочников и по занятиям на зимней и летней учебно-зачетных сессиях, с проверочными вопросами по каждой теме курса.

Историческая художественная литература

ГОЛУБОВ С. Из искры — пламя. Роман (для детей старшего возраста). М. и Л. Детиздат (Историческая библиотека). 1940. 348 стр. с илл. 8 вкл. л. илл. 15 000 экз. 7 р. 75 к.

Книга Голубова посвящена декабристам.

ГРИГОРЬЕВ С. Суворов. Историческая повесть. М. и Л. Детиздат (Школьная библиотека). 1940. 80 стр. с илл. 177 000 экз. 1 р. 25 к.

Третий вариант повести Григорьева о великом русском полководце. В 1939 г. вышла книжка для детей младшего и среднего возраста, затем появилась книга для старшего возраста. В настоящем издании книга переработана для учащихся начальной школы.

АНТОНОВСКАЯ А. Диди Моурави. Исторический роман (Грузия XVI—XVII веков). Кн. 2-я. Тбилиси. Изд-во «Заря Востока». 1940. 478 стр. 7000 экз. 19 руб.

«Грузины дореформенных времен,—говорит товарищ Сталин,—жили на общей территории и говорили на одном языке,

тем не менее они не составляли, строго говоря, одной нации, ибо они, разбитые на целый ряд оторванных друг от друга княжеств, не могли жить общей экономической жизнью, веками вели между собой войны и разоряли друг друга, нанося друг на друга персов и турок» («Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 10. М. Партиздат. 1939).

В романе Анны Антоновской освещен этот тяжелый период в истории грузинского народа и борьба народного героя Грузии конца XVI—начала XVII века Георгия Саакадзе, известного под именем «Великого Моурави», против феодальной раздробленности, за централизованное и независимое грузинское государство.

Под этим названием роман уже был издан в Москве Гослитиздатом в 1939 году в несколько сокращенном виде. Настоящее издание дает полный текст романа (I том этого издания был выпущен в Тбилиси в 1937 году).

GERMAN Ю. Рассказы о первом чекисте. Рис. О. Верейского. М. и Л. Детиздат. 1940. 64 стр. с илл. 100 000 экз. 3 р. 30 к.

Книга содержит 13 рассказов для детей младшего и среднего возраста о Ф. Э. Дзержинском.

ФАЗИН З. И. Крепость на Волге. Повесть. М. «Молодая гвардия». 1940. 284 стр. 15 000 экз. 9 р. 50 к.

Повесть изображает С. М. Кирова в годы гражданской войны в Астрахани.

КОСТЫЛЕВ В. И. Козьма Минин. Повесть (Библиотека красноармейца). М. Воениздат. 1940. 136 стр. с илл. 60 коп.

Повесть для массового читателя о вожде нижегородского народного ополчения 1611—1613 годов и о победной борьбе русского народа против польских захватчиков, за независимость своего государства. Переделка романа (того же названия), выпущенного в 1939 году Гослитиздатом.

Экспозиция Белоруссии и Украины в XVI—XVII вв. в Государственном Историческом музее

За последние годы коллектив сотрудников Государственного Исторического музея добился значительных успехов.

В Музее появились новые залы, экспозиции и витрины, отражающие историю многочисленных племен и народов, населявших обширную территорию нашей родины.

Многие экспозиции содержат ценнейший и интереснейший материал, прекрасно подобранный. Однако есть отступления от этого высокого уровня. Так, экспозиции и витрины, посвященные истории Галицко-Волынской земли X—XIII веков (зал № 8), народам Сибири и Поволжья и их борьбе против колониальной политики русского царизма в XVII веке (зал № 17), Украине и Белоруссии XVI и XVII веков, невыгодно отличаются от всех остальных экспозиций Государственного Исторического музея.

Указанные экспозиции заполнены вместо экспонатов фотокопиями с прибавлением к ним, в лучшем случае, отрывков из летописей или плохо продуманных и неряшливо составленных объяснительных текстов.

Например в небольшой витрине «Галицко-Волынская земля X—XIII веков» имеются, кроме многих фотокопий, 11 текстов из Ипатьевской летописи и 8 объяснительных текстов. Также оформлен в виде фотовыставки зал № 17 — «Народы Поволжья и Сибири и колониальная политика царизма в XVII веке». Немногом лучше выглядит экспозиция левой части 18-го зала — «Белоруссия и Украина в XVI—XVII веках. Борьба Украины с польским владычеством», — критическому разбору которой посвящен данный очерк.

Тема «Белоруссия и Украина в XVI—XVII веках. Борьба Украины с польским владычеством» разделена на 5 подтем.

Первая подтема называется «Развитие магнатского хозяйства и крепостничества в Белоруссии и на Украине в XVI и первой половине XVII века».

Материалы, представленные здесь, раскрывают тот период истории Белоруссии и Украины, когда они, спасаясь от невыносимого татарского ига, «нашли себе защиту от азиатского нашествия, присоединившись к так называемому Государству Литовскому» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 2-я, стр. 10). XVI век явился переломным (в связи с введением «Уставы на волоки» в 1557 г.) в развитии магнатского хозяйства Белоруссии и той

части Украины, которая находилась под властью Литвы. Чем больше развивались магнатские и шляхетские хозяйства, тем больше разорялись крестьянские хозяйства, и на одной волоке (наделе) скоро появились 5—6 крестьянских хозяйств вместо одного.

Положение украинских крестьян еще более ухудшилось, когда польские паны, воспользовавшись тяжелым положением Литвы во время ее неудачной войны с Иваном Грозным, принудили литовских магнатов заключить с Польшей унию (последняя была проведена на Люблинском сейме 1569 года). Теперь хозяевами на украинских землях стали польские магнаты и шляхтичи. Они уничтожали крестьянские общины, захватывали общинные земли, луга и леса. Возникали огромные магнатские латифундии, которые занимали площадь в десятки тысяч десятин земли, охватывая сотни и тысячи сел и городов.

Хищническое хозяйничанье польских магнатов на Украине привело к истощению земли (отсюда ряд неурожаев в конце XVI и первой половине XVII века), уничтожению лесов и природных богатств Украины.

Как же отражаются эти крупнейшие события в музейной витрине? В экспозиции имеются фотокопии портретов угнетателей народа: польского короля Сигизмунда, литовского гетмана Г. А. Ходкевича; крупных земельных владельцев: Ю. Ю. Олельковича, Б. Статкевича-Заверского, К. К. Острожского и жены крупного магната Тышкевича. Имеются также фотографии украинских и белорусских крестьян. Почти все снимки в этой витрине, как и в витринах других подтем, представляют собой плохие фотокопии из книг. Подлинниками являются лишь портреты жены Тышкевича и К. К. Острожского.

Очень много снимков взято из «Иллюстрированной истории украинского народа» М. Грушевского. Снимки украинских и белорусских крестьян относятся не к XVI, а к XVIII веку. Они взяты у Ригельмана, из его «Летописного повествования».

Из текстов имеются отрывки из «Уставы на волоки» (1557 год) и из постановления Варшавской конфедерации (1573 год), которая узаконила право польских панов распоряжаться жизнью и смертью своих крепостных. Остальные тексты и карты, имеющиеся в этой витрине, совершенно не относятся к этой подтеме, если исходить из того, как она сформулирована. Что

касается экспонатов, то они совершенно отсутствуют.

Так невыразительно и скупо освещен значительнейший период в жизни украинского и белорусского народов.

Вторая подтема — «Люблинская уния (1569 год) и Брестская (1596 год). Братства. Классовая борьба на Украине в конце XVI и первой половине XVII века».

Последняя треть XVI и первая половина XVII века — самый тяжелый период в жизни украинского народа в смысле политического бесправия, экономической зависимости, религиозных преследований и национальных гонений. Этот период характеризуется многочисленными народными восстаниями Украины против шляхетской Польши. С особенной силой крестьяне восставали против стремления польской шляхты ополчить украинский народ, уничтожить его культуру, язык, национальные особенности и оторвать его от братского русского народа. В то время как паны являлись поляками по национальности и католиками по вере, крестьяне были по национальности украинцами, а по вере — православными. Это особенно подчеркивает Энгельс (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIII. Ч. 1-я, стр. 160).

Верхушка православного духовенства и значительная часть украинских панов, добиваясь уравнивания в правах с католическим духовенством и польскими панями, желая укрепить свои позиции в панской Польше, выступили за церковную унию, то есть за соединение православной и католической церкви под властью папы римского. Эта уния была заключена на Брестском соборе в 1596 году. Но широкие массы украинского и белорусского народов «сохранили во всех отношениях верность своей прежней православной религии» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIII, стр. 160), борьба за которую означала для них борьбу за национальную самостоятельность. Против унии боролись возникшие на Украине братства (городские общины православных украинцев); большую роль в народных восстаниях играла Запорожская Сечь.

Витрина второй подтемы почти целиком посвящена лишь унии и борьбе с ней. Кроме подлинного портрета иезуита Ленчицкого здесь имеются фотокопии портрета идеолога иезуитизма конца XVI и начала XVII века Петра Скарга (1536—1612 годы) и представителей высшего православного духовенства — активных проводников унии: Кириллы Терлецкого, владыки Луцкого, Ипатия Поцея и витебского униатского архиепископа Иосафата Кунцевича. Роскошные одежды, серебряные и золотые предметы униатского обряда (кресты, лампады, евангелия в дорогом оформлении) и цифровые данные о богатствах Терлецкого являются прекрасной иллюстрацией того, что измена народным интересам верхушки православного духовенства была продиктована личными интересами, стремлением со-

хранить свои политические и экономические привилегии.

Противники унии представлены в витрине менее выразительно. Показ борьбы с унией ограничивается фотокопией с рисунка Вестерфельда 1631 года «Киево-Печерский монастырь» и снимком известного киевского митрополита — противника унии и католичества — Петра Могилы (1596—1644 годы).

Приведен также отрывок из речи волынского депутата Лаврентия Древинского на польском сейме в 1621 году, в котором ярко обрисованы неслыханные притеснения католиками украинцев-неуниатов.

Портрет защитника православия К. К. Острожского помещен в витрине первой подтемы; объяснительный текст к нему явно искажает историческую действительность и является образцом перашлиivosti и непродуманности. «Острожский, — читаем мы, — является ошорой украинского движения в борьбе с польско-католическим владычеством».

Во-первых, нельзя говорить «украинское движение» (этот термин встречается только у буржуазно-националистических историков типа М. Грушевского), имея в виду народное движение на Украине, классовую борьбу народных масс Украины против польских панов.

Во-вторых, совершенно неверно представлять К. К. Острожского, крупнейшего магната, как «опору украинского движения». Хотя Острожский и был против унии и католичества, однако классово он был связан с польской шляхтой, о чем ярко свидетельствует его поведение во время восстания крестьян под предводительством Косинского (1591—1593 годы). Острожский выступил против повстанцев не только со своим войском, но и собрал всю волынскую шляхту для борьбы с восставшими.

Вообще оппозиция украинских магнатов наступлению польских панов, в частности их (украинских магнатов) деятельность в области развития украинской культуры (так например открытие К. К. Острожским типографии, школы, издание библии на церковно-славянском языке и т. д.), была неустойчивой и неглубокой.

В отдельной небольшой витрине помещены библия Острожского (издание 1580 года) и «Апокрисис» Филалета, являющиеся ответом православных на книгу П. Скарга, написанную в защиту Брестского собора и унии. Здесь же выставлен «Апостол», напечатанный во Львове в 1574 году Иваном Федоровым.

В витрине второй подтемы имеются еще: небольшая карта «Города и торговые пути на Украине и в Белоруссии в XVI и первой половине XVII века», фотокопии города Гродно (с гравюры XVI века), план города Полоцка (1579 год) и фотокопия остатков Каменец-подольской крепости.

Братства представлены небольшой хронологической таблицей дат возникновения их в отдельных городах. Герб львовского братства и снимки, посвященные Сагай-

дачному, взятые из «Иллюстрированной истории» М. Грушевского.

Материалы по Люблинской унии (небольшая карта «Белоруссия и Украина в XVI и первой половине XVII века под властью польско-литовского государства»), по закрепощению польскими панам украинских крестьян (тексты из Боплана, из «Актов Южной и Западной Руси», из третьего литовского статута 1588 года, изданного на русском языке) и материалы по Запорожью (несколько фотокопий, карта течения Днепра, сделанная Блавином и изданная в 1642 году в Амстердаме, немного монет, обращавшихся тогда на Украине) разбросаны в разных местах витрины не второй, а первой подтемы.

Что же касается материалов по народным движениям на Украине, то они представлены небольшой картой «Крестьянско-казацких восстаний конца XVI века и 30-х годов XVII века», фотокопиями с картины художника Геде «Наливайко в Могилеве», двумя старшинскими булавами и двумя самодельными копьями, которыми вооружались повстанцы (помещены в витрине третьей подтемы).

Все это свидетельствует о полном несоответствии между названиями подтем и размещением музейных материалов. Если же к этому прибавить отсутствие достаточного количества продуманных объяснительных текстов и неточность ряда заголовков, например «Крестьянско-казацкие» восстания, когда речь идет о народных восстаниях на Украине против польских панов, то получается довольно неприглядная картина.

Большим упущением является отсутствие в витринах первой и второй подтем высказываний Энгельса, относящихся к Украине и Белоруссии XVI и XVII веков (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIII. Ч. 1-я, стр. 159—160 и т. XVI. Ч. 2-я, стр. 10—11).

Третья подтема называется «Борьба Украины и Белоруссии с польским владычеством в 1648—1654 годах».

Народные восстания на Украине против панской Польши в конце XVI и первой половине XVII века являлись по существу подготовительным этапом национально-освободительной войны украинского народа 1648—1654 годов.

Национально-освободительная война охватила также Галицию, Волынь и Белоруссию.

Движение это выдвинуло целую плеяду народных вождей, среди которых особое видное место занимают Максим Кривонос, Иван Богун, Данила Нечай, Небаба в Белоруссии и другие.

Во главе всего движения стоял казацкий старшина, участник восстания 30-х годов XVII века Богдан Хмельницкий. Под его руководством произошло присоединение Украины к братской России. И в том, что Хмельницкий сумел правильно ориентироваться в сложной обстановке того времени, его огромная историческая заслуга перед

русским и украинским народами. За это народ воспеваеет его в своих «думах».

Между тем в витринах Музея, как это ни странно, не раскрыта подлинная роль Хмельницкого в этом событии огромного исторического значения, нет даже народных «дум», которые показали бы отношение народа к Хмельницкому. Текст универсала Хмельницкого 1650 года, направленный против крестьян, выступающих против польских панов, и отрывок из народной «думы», в которой Хмельницкий проклинается народом за набег на Украину его «союзников»-татар, могут создать в глазах незнакомого с историей посетителя исключительно отрицательное мнение о Хмельницком, что извращает историческую действительность. Четыре года висел этот отрывок народной «думы» в витрине (столько же висят и остальные тексты непросмотренными и неисправленными), и только наднях он был снят по указанию одного из посетителей, а новый текст вообще не упоминает о Хмельницком.

О непродуманности текстов свидетельствуют также заголовок и объяснение к карте, на которой показаны пути походов украинских войск под руководством Хмельницкого в 1648—1649, 1651 годах, пути отрядов Максима Кривоноса, районы восстания в Белоруссии и т. д. Упущением надо считать отсутствие на карте пути знаменитого руководителя национально-освободительной войны Ивана Богуна, имя которого носили на Украине в годы гражданской войны славные отряды народного героя Николая Щорса.

Относительно неплохо освещена роль руководителя крестьянских отрядов Максима Кривоноса. Большой портрет Максима Кривоноса (польская гравюра XVII века) как бы давит сверху на висающие под ним небольшие фотоснимки польского короля Яна Казимира и пана Адама Киселя, против которых он боролся. Рисунок Александрова «Взятие Бара Максимом Кривоносом» и фотокопии с картины художника Самокиша «Бой М. Кривоноса с князем Иеремией Вишневецким у села Махновка в июле 1648 года» раскрывают облик того Кривоноса, который, по выражению народной «думы», «лядскую славу загнав під лаву».

Экспонированные здесь казацкие сабли, самодельные копья, седла (правда, позднейшего времени), пушки и в особенности литавры придают витрине некоторую привлекательность.

Зато почти все тексты, выставленные в витрине, заставляют желать лучшего. Так, тексты Зборовского договора 1649 года (отражающего победу украинских войск над полчищами польских панов под Збаражем и Зборовым) и Белоцерковского договора 1651 года (в котором отражено поражение украинских войск благодаря измене «союзника» Хмельницкого — крымского хана), безусловно, представляют интерес для посетителя, однако не в таком виде, как они поданы, поскольку это лишь неудачный пересказ основных статей обоих договоров. При этом объясни-

тельный текст сливается с текстом статей договоров, и трудно отличить, что принадлежит к тексту договоров, а что к объяснительному тексту.

Не обошлось и без фактических ошибок. Например в тексте «Основные статьи Белоцерковского договора» статья 3-я гласит: «Число реестровых казаков уменьшилось с 60 тысяч до 20 тысяч человек». Следовало бы знать, что никогда до 1654 года не было 60 тысяч реестровых. Наибольшее количество их было установлено по Зборовскому договору — 40 тысяч, и эта цифра указана рядом, на той же витрине.

Витрина, посвященная национально-освободительной войне, завершается, непонятно почему, картой Украины XVII века, составленной Бопланом. Не лучше ли было бы дать эту карту в начале подтемы?

При составлении этой витрины работникам украинского отдела Исторического музея следовало бы иметь в виду, что Энтельс увязывает крах захватнических планов панской Польши с восстанием против польских панов русского народа в 1612 году и украинского и белорусского народов под предводительством Богдана Хмельницкого (см. К. Маркс и Ф. Энгельс: Соч. Т. XV, стр. 167).

Четвертая подтема называется «Присоединение Украины к России. Гетманщина во вторую половину XVII века».

Национально-освободительная война закончилась изгнанием польских панов из Левобережной Украины и присоединением ее к братской России. Поэтому говорить о присоединении в отрыве от национально-освободительной войны, как это сделано в данной витрине, является грубой ошибкой. Это нужно было отметить даже в формулировке.

Весьма странно также, что в витрине четвертой подтемы, собственно, нет материалов, которые бы отражали самый факт присоединения. Хотя имеются десятки, если не сотни документов о переговорах Хмельницкого с русским правительством по вопросу о присоединении Украины к России, единственным напоминанием об этом большом и радостном для украинского народа событии служит объяснительный текст «Основных пунктов Переяславских статей».

Текст этот к тому же написан, подобно текстам Зборовского и Белоцерковского договоров, неряшливо и пестрит фактическими ошибками. Поэтому нам кажется более целесообразным привести полностью подлинный текст, и тогда комментарии к нему окажутся излишними.

Так например в «Основных пунктах Переяславских статей», в пункте 4-м, сказано: «Украина получает право сношения самостоятельно с иностранными государствами, за исключением Турции».

Между тем в пункте 5-м договора, заключенного в Москве 21 марта 1654 года, читаем следующий ответ русского правительства представителям Украины, которые требовали, чтобы гетман имел право «волю принять» послов других госу-

дарств: «...по сей статье царское величество указал: послов о добрых делах принимать, отпускать; а о каких делах приходили и с чем отпущены будут, о том писать к царскому величеству подлинно и вскоре. А которые послы присланы от кого будут царскому величеству с противным делом, и тех послов и посланников задерживать в войске и писать об них в указе к царскому величеству вскоре-ж, а без указу царского величества назад их не отпускать. А с турским салтаном и с польским королем без указу царского величества не ссылатца».

Вряд ли следует доказывать, что между приведенным отрывком и пунктом 4-м текста, выставленного в витрине Музея, имеется существенное различие. Так же обстоит дело и с другими статьями Переяславского, а также Зборовского и Белоцерковского договоров, о которых речь шла выше.

Необходимо отметить, что никаких «переяславских статей» в действительности не было. На Переяславской раде проведена лишь церемония присоединения Украины к России, но никаких договоров заключено не было.

Эти «статьи» через 2½ месяца после Переяславской рады, 21 марта 1654 года, были представлены войсковыми посланниками (представителями Украины) Павлом Тетеря и Самойло Богдановым царю Алексею Михайловичу. При этом договор составлен в виде пунктов, выдвинутых со стороны Украины, и встречных пунктов — со стороны русского правительства, которые не подлежали изменению (см. «Акты, относящиеся к истории юго-западной России». Т. X, стр. 477—484. СПб. 1878).

Период от смерти Хмельницкого до воцарения Мазепы, названный в истории «руиной», представляет собою непрерывную смену гетманов и отмечен отделением Левобережной Украины от Правобережной, которая набегами турецко-татарских орд и шляхты превращена была в пустыню. Это период формирования козацкой старшины как господствующего класса. Витрина по этой теме составлена из нескольких фотокопий портретов гетмана Выгорского, Юрия Хмельницкого, Брюховецкого, Самойловича, расположенных в таком же порядке и в таком же виде, как и в «Иллюстрированной истории украинского народа» М. Грушевского. Единственное, что заслуживает внимания, — это наглядная схема гетманщины второй половины XVII века и несколько подлинных грамот Выгорского, Юрия Хмельницкого и Алексея Михайловича.

Пятая подтема — «Культура Украины и Белоруссии в XVI—XVII веках» — представлена лишь предметами личного пользования козацкой старшины. Совершенно отсутствуют предметы, бытовавшие в XVI—XVII веках в среде козачков, мещан и крестьян. Нет упоминания и о развитии украинского языка, об украинских культурных центрах того времени (Львов, Острог, Киев), о развитии укра-

инской литературы, театра, народного творчества и искусства.

Отсутствие необходимых экспонатов в витринах Исторического музея работники украинского отдела объясняют тем, что их нет в фондах Музея, а также отказами со стороны музеев отдельных союзных республик помочь в этом отношении Государственному Историческому музею. Это чрезвычайно важный момент, на который должно быть обращено серьезное внимание.

Но из всего, что сказано выше, напрашивается один вывод: экспозиция, посвященная Украине и Белоруссии XVI—XVII

веков, должна быть перестроена. Все тексты должны быть продуманы и исправлены, а количество их увеличено. Максимально должны быть использованы высказывания классиков марксизма-ленинизма об Украине и Белоруссии того периода. В экспозиции должна быть отражена историческая правда о братстве русского и украинского народов, «столь близких и по языку, и по месту жительства, и по характеру, и по истории» (Ленин. Соч. Т. XX, стр. 534).

Б. ШУТОЙ

РАБОТА ИСТОРИКОВ ЛЕНИНГРАДСКОГО ДОМА УЧЕНЫХ ИМЕНИ М. ГОРЬКОГО АКАДЕМИИ НАУК СССР

При ленинградском Доме ученых имени М. Горького работает группа истории, объединяющая виднейших ученых города. Председателем ее является академик Е. В. Тарле, заместителем председателя — академик В. В. Струве.

Работа историков в Доме ученых идет в трех направлениях. Раз в месяц собирается научная группа для обсуждения глубоко специальных вопросов. Периодически читаются лекции для членов Дома по более общим вопросам, и, наконец, военнотехнический сектор Дома ученых организует лекции ученых-историков в частях Ленинградского военного округа и Краснознаменного Балтийского флота и непосредственно в Доме ученых для командиров и политработников ЛВО и КБФ.

На заседаниях исторической группы в 1940 году были обсуждены новые учебники: учебник профессора В. С. Сергеева «История древней Греции» (Учпедгиз. 1939 год), учебник по истории средних веков для вузов и учебники древнего мира и средних веков для средней школы.

Доцент А. Н. Бернштам доложил группе об археологических исследованиях в Казахстане и Киргизии, связав собранные археологические материалы с историческими данными китайских источников. Разведка показала, что городище под базаром современного города Джамбула является древним городом Таласом. Здесь обнаружены ценные памятники V—VII веков: варварское подражание римскому солиду (монете), сосуд с сирийской надписью и др. Второй слой относится к VIII—IX векам. Наибольшее количество памятников относится к XI—XII векам — времени расцвета города. Самое замечательное открытие здесь — баня, построенная из кирпича; она очень интересна по архитектуре и особенно фрескам геометрического стиля, повторяющим форму изразцов того времени. В XIII — начале XIV века город Талас подвергся сильным разрушениям, и в XVI веке жизнь в нем окончательно замерла.

Для изучения роли ранних кочевников раскопан был один из многочисленных курганных могильников у озера Бела-

Куль, датируемый III веком до нашей эры — II веком нашей эры. Большой интерес представляет открытие могильника около ущелья Кен-Кол, в верховьях реки Талас. Здесь, в одной из катакомб, удалось обнаружить неразграбленное и неразрушенное погребение. В катакомбе, на камнях, лежали четыре доски из арчи и на них скошенное сено, покрытое шолковой тканью плохой сохранности. Сверху лежали трупы мужчины 50—60 лет и женщины, насильственно умерщвленной (задушенной). Одежда их сохранилась очень хорошо. Трупы естественно мумифицировались. Исследованы и другие катакомбы. Могильник этот датируется временем с середины II века до нашей эры до II века нашей эры.

Исследования долины реки Или показали, что Илийская долина не была в древности освоена земледельцами, видимо, потому, что русло реки было слишком глубоко и это затрудняло возможность использовать ее воды для орошения.

Доцент Н. Н. Воронин докладывал об основных итогах изучения культуры древней Руси. Доцент Г. В. Григорьев рассказывал о новейших археологических исследованиях на территории Узбекистана. Особое внимание здесь привлекает относящееся к VII—V векам до нашей эры поселение саксов, раскопанное в Ташкентском районе, и ряд интересных находок в районе Самарканда, относящихся к самым различным периодам истории Средней Азии и указывающих на самостоятельность среднеазиатской культуры. Значение этих раскопок очень велико, так как они позволяют совершенно точно определить период развития рабовладельческого общества в Средней Азии.

Значительное количество лекций и докладов было прочтено в Доме ученых и непосредственно в частях ЛВО и КБФ. В Доме ученых академик Е. В. Тарле прочел лекцию для ученых и командования ЛВО и КБФ на тему «Английский империализм и нейтральные страны от Крымской войны до настоящего времени», академик В. В. Струве — «Происхождение христианства» и «Происхождение классов», академик И. А. Орбели — «История Кавказа», профессор В. В. Мавродин — «Финляндия» (исторический обзор), профессор С. И. Ковалев — «Великий полководец древ-

ности Александр Македонский», профессор А. И. Молок—«Европа в период войн Наполеона», профессор А. Ю. Якубовский—«Образование государства Тимура-Тамерлана», профессор С. Н. Чаев—«Полтавский бой», профессор В. Г. Гейман—«Разгром польско-шведской интервенции в начале XVII века», профессор С. Б. Окунь—«Бородинский бой», доцент И. И. Смирнов—«Куликовская битва». Ряд лекций был прочитан непосредственно в частях ЛВО и КБФ в Ленинграде, Кронштадте, Таллине, Выборге, Кексгольме и других пунктах. Всего было прочитано по линии военно-шефской работы за 1940 год 113 лекций.

В 120-ю годовщину рождения Фридриха

Энгельса в Доме ученых был проведен большой вечер. Со вступительным словом выступил академик В. В. Струве, обрисовавший Фридриха Энгельса как величайшего ученого и ближайшего друга и соратника К. Маркса. Доцент В. В. Рейхард говорил в своем докладе об Энгельсе как основоположнике научного коммунизма; профессора О. Л. Вайнштейн и С. И. Когалев посвятили свои доклады Энгельсу—историку античности и средних веков, доцент Е. А. Цейтлин рассказал об истории техники в работах Фридриха Энгельса.

Доц. В. В. Рейхард прочитал кроме того в военном госпитале доклад о жизни и деятельности Фр. Энгельса.

Доц. Б. СЕМЕВСКИЙ

ИНФОРМАЦИЯ О РАБОТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ ПРИ СВЕРДЛОВСКОМ ОБЛАСТНОМ МУЗЕЕ

При Свердловском областном краеведческом музее давно работает историческая секция краеведов в составе 44 человек.

За 1940 год прошло 8 заседаний секции, на которых местными краеведами был прочитан ряд докладов. Краевед А. А. Анфиногенов выступил с обзором литературы об Урале, вышедшей за последние годы. Н. Н. Бортвин сделал сообщение «Биармия была ли сказка?» Докладчик проанализировал имеющуюся по этому вопросу литературу. А. К. Воронихин сделал доклад о Ермаке и сообщение о первом в России и на Урале медеплавильном заводе в связи с его 300-летием. В. А. Сушков сделал сообщение о екатеринбургской медной монете «платы». Доклад о 70-летнем юбилее общества краеведения сделал профессор М. В. Клер.

В течение года делались также сообщения отдельных краеведов об их работе. А. А. Пьянков рассказывал о том, как он работает над своей темой «Пермь великая». А. А. Анфиногенов сообщил о своей работе над «Географическим словарем Урала», которому тов. Анфиногенов посвятил более тридцати лет. Краевед Штемфельд рассказал, как он готовит свою «Историю горнозаводской промышленности Урала».

На 1941 год историческая секция наметила ряд интересных работ и докладов.

Первым докладом исторической секции в текущем году было сообщение А. К. Воронихина об уральских юбилейных датах в 1941 году. Среди этих дат необходимо отметить 450-летний юбилей первой геологической разведки («В этом году Великий Князь Иоанн Васильевич послал на Печеру руду искать»). Сообщение об этом взял на себя старейший, 75-летний краевед, горный инженер Кандыкин. В 1941 году исполнится 175 лет со дня смерти уральца, изобретателя первой паровой машины Ползунова, 150 лет со времени пребывания в Перми (19—28 ноября) во время пути в ссылку Радищева, 100 лет со дня рождения уроженца Урала писателя Решетникова и т. д.

Кроме этих тем ряд краеведов представил на ближайшее заседание новые темы, которые также вошли в план работы секции. Из них необходимо отметить работу археолога Н. Н. Бартвина «Пермь-подземная». Намечается доклад профессора госуниверситета тов. Виноградова «Урал в представлении античных писателей», доклад учительницы Россомахиной на тему «Пребывание декабристов в Туринске» и др.

А. В.

КИНТАЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

(апрель 1916 года)

Кинтальская конференция—международная социалистическая конференция, проходившая с 24 по 30 апреля 1916 года в швейцарской деревне Кинтале. Это вторая из трех конференций так называемого Циммервальдского объединения. Большевики участвовали в Циммервальдском блоке в качестве его революционного крыла, ведя борьбу против его центристского большинства и сплочивая левые, подлинно интернационалистские элементы под лозунгами превращения империалистической войны в войну гражданскую, полного разрыва с оппортунизмом и создания III Интернационала. I циммервальдскую конференцию (сентябрь 1915 года) несмотря на непоследиельность и половинчатость ее решений Ленин оценил как шаг вперед к действительной борьбе с оппортунизмом, к разрыву с ним; на этой конференции Ленин создал Циммервальдскую левую группу, ставшую зародышем III Интернационала.

Ко времени созыва Кинтальской конференции почти во всех странах оформились группы интернационалистов, а война и бедствия, вызванные ею, способствовали росту революционного сознания масс. Это отразилось на составе и решениях конференции.

В Кинтальской конференции участвовали представители 10 стран: Германии, Италии, России, Польши, Франции, Швейцарии, Сербии, Австрии, Португалии и Англии. Из 43 участников 12 принадлежали к Циммервальдской левой. Резолюция о мире, принятая конференцией, была направлена не только против империалистов, но и против социал-шовинистов, а также против пацифизма; в ней подчеркивалось, что «борьба за прочный мир может заключаться лишь в борьбе за осуществление социализма». Однако конференция не призывала ни к борьбе за превращение войны в империалистическую в войну гражданскую, ни к разрыву с оппортунистами. Проект резолюции, внесенный Циммервальдской левой, который развивал ленинскую оценку войны и революционные лозунги большевиков, конференцией был отклонен. Резко осудив, далее, позицию международного социалистического бюро—руководящего органа II интернационала—как «неспособного защитить и применить во время войны принципы II Интернационала», конференция, однако, не приняла решения о выходе из II интернационала.

Тем не менее Ленин расценивал Кинтальскую конференцию как дальнейший шаг вперед в развитии интернационального социалистического движения в эпоху тяжелого кризиса, созданного войной. «Кинтальская конференция—как указано в «Истории ВКП(б)»,—способствовала выделе-

нию интернационалистических элементов, из которых впоследствии образовался Коммунистический III Интернационал».

После февральской революции в России, по мере дальнейшего ее углубления, и условиях начавшегося революционного подъема в странах Западной Европы центристское большинство Циммервальда все больше поворачивало назад, ко II интернационалу, что обусловило полный распад Циммервальдского объединения.

На III циммервальдской конференции (в сентябре 1917 года) большевики не участвовали, так как циммервальдское большинство, объединившись с социал-шовинистами, повернуло к открытому союзу со своими империалистическими правительствами. I конгресс Коминтерна постановил Циммервальдское объединение считать ликвидированным.

ЛИТЕРАТУРА: Ленин. Т. XVIII, стр. 302. «Революционные марксисты на международной социалистической конференции 5—8 сентября 1915 г.»; Ленин. Т. XIX, стр. 57. «Предложение Центрального Комитета РСДРП 2-й социалистической конференции».

КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОЛНЕНИЯ В СВЯЗИ С РЕФОРМОЙ 1861 ГОДА

(апрель 1861 года)

В 1861 году царское правительство, ослабленное поражением в Крымской войне и запуганное крестьянскими восстаниями против помещиков, было вынуждено отменить крепостное право.

Царь, действуя в интересах помещиков-крепостников, подписал «Положение 19 февраля 1861 г.», по которому крестьяне объявлялись лично свободными, а лучшая земля, которой они пользовались, отнималась в пользу помещиков. Ленин указывал, что «Ни в одной стране в мире крестьянство не переживало и после «освобождения» такого разорения, такой нищеты, таких унижений и такого надругательства, как в России».

«Положение» устанавливало, что до введения уставных грамот крестьяне обязаны, так же как и раньше, работать на барщине и платить оброк. Однако крестьяне не верили, что требования эти соответствуют Манифесту, и не выполняли повинностей. Именно на этой основе в апреле 1861 года вспыхнуло восстание в селе Бездна, Спасского уезда, Казанской губернии. Оно достигло больших размеров, охватив, кроме Спасского, еще два соседних уезда. Причем в отдельных селах волнения выразились не только в отказе выполнять повинности, но и в прямом захвате помещичьих земель и лесных угодий. Однако большинство крестьян, участвовавших в волнениях, только отказалось выполнять повинности и никаких активных действий не предпринимало. Вместе с тем население уездов, охвачен-

ных волнениями, не выдавало властям крестьянина Антона Петрова, который разъяснял Манифест и «Положение» в соответствии с крестьянскими интересами и доказывал, что чиновники и попы толкуют Манифест так, как того хочется дворянам.

По приказу прибывшего в Бездну генерала Апраксина была расстреляна мирная безоружная толпа крестьян. Количество жертв расстрела превысило, по показанию самих же палачей, 50 человек. Антона Петрова расстреляли по приговору военно-полевого суда.

В чрезвычайно яркой статье «12 апреля 1861 (Апраксинские убийства)», помещенной в «Колоколе», А. И. Герцен заклеймил кровавых палачей: «Где родились эти кровожадные флигель-адъютанты? — писал Герцен. — Где воспитывались эти импровизированные палачи? Как их дрессировали в такие бездушные злодейства?»

Герцен сообщает в своей статье о настроениях прогрессивной интеллигенции в связи с расправой над крестьянами Бездны. Казанские студенты, например, отслужили панихиду «об убиенных братьях и застреленном Антоне Петрове». В то же время казанское дворянство собиралось дать обед в честь Апраксина, «когда он воротился по горло в крестьянской крови».

Примерно к этому же времени относятся крестьянские волнения в Пензенской и в Тамбовской губерниях. Так, возникшее в селе Черногае, Чембарского уезда, Пензенской губернии, волнение распространилось на три уезда. Здесь произошло вооруженное столкновение крестьян с присланной для их усмирения ротой солдат, причем перевес оказался на стороне крестьян. Однако посланный в район волнений во главе значительных воинских сил генерал Дренякин жестоко расправился с крестьянами, многих расстрелял, организовал массовую порку и т. д.

По сведениям шефа жандармов, за первые три года после реформы наиболее значительные случаи неповиновения крестьян были отмечены в 1962 имениях. В 660 имениях пришлось ввести военные команды, в 412 имениях властям было оказано сопротивление.

Только к концу 60-х годов движение постепенно угасло.

ЛИТЕРАТУРА: Ленин. Т. XV, стр. 141—148, «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция»; там же, стр. 108—110, «Пятидесятилетие падения крепостного права»; А. И. Герцен. Полное собр. сочинений и писем. Т. XI, стр. 106—110, «12 апреля 1861 (Апраксинские убийства)»; Е. А. Мороховец «Крестьянская реформа 1861 г.», стр. 124—130, М. Соцэкгиз, 1937.

ИРЛАНДСКОЕ ВОССТАНИЕ (апрель 1916 года)

24 апреля 1916 года в Ирландии вспыхнуло вооруженное восстание, направленное против британского империализма, против

политики жестокого национального угнетения. Это восстание явилось особенно важным этапом в героической борьбе ирландского народа за независимость. «Ирландское национальное движение, — указывает Ленин, — имея за собой века, проходя через различные этапы и сочетания классовых интересов, выразилось, между прочим, в массовом ирландском национальном конгрессе в Америке..., выказавшемся за независимость Ирландии, — выразилось в уличных битвах части городской мелкой буржуазии и части рабочих, после долговременной массовой агитации, демонстраций, запрещении газет и т. п.».

Это восстание объединяло различные элементы ирландского общества; ему предшествовала серьезная подготовка. Большую роль в подготовке восстания и в руководстве им играла Ирландская республиканская армия, возглавленная смелым революционером, руководителем рабочего движения Джемсом Коннолли. Как активная сила восстания действовали также волонтеры Ирландского республиканского братства во главе с Патриком Пирсом и другими.

По замыслам повстанцев, по всей стране одновременно должны были произойти вооруженные выступления, в результате которых предполагалось захватить важнейшие стратегические пункты Ирландии.

Руководители восстания надеялись использовать благоприятные обстоятельства, создавшиеся в связи с тем, что внимание английских империалистов было отвлечено войной против Германии. 24 апреля, в пасхальный понедельник, восставшие захватили Дублин, провозгласили Ирландскую республику и создали Временное правительство. Однако план одновременного восстания в главных пунктах страны был сорван одним из его руководителей, Мак Нейлем, который издал приказ, внесший замешательство в ряды повстанцев. Английские власти воспользовались создавшимся положением, изолировали центр восстания от провинции и беспощадно подавили восстание несмотря на героическое и весьма упорное сопротивление. Подавление восстания сопровождалось кровавой расправой с прогрессивными элементами ирландского народа. Руководители восстания были казнены.

Ленин и Сталин оценили национально-освободительное движение ирландского народа и восстание 1916 года как важный революционный фактор. Ленин указывал, что восстание 1916 года не увенчалось успехом, так как ирландцы «...восстали несвоевременно, — когда европейское восстание пролетариата еще не созрело». Товарищ Сталин отмечал, что движение Ирландии против английского империализма есть движение демократическое, наносящее удар по империализму.

ЛИТЕРАТУРА: Ленин. Т. XIX, стр. 267—271. «Итоги дискуссии о самоопределении».

Н. В. ШЕЛГУНОВ

(апрель 1891 года)

Пятьдесят лет тому назад, 24 апреля 1891 года, умер выдающийся русский публицист и общественный деятель Николай Васильевич Шелгунов.

Крупный специалист-лесовод, автор многих серьезных трудов в этой области и основатель первого в России Лесного института, Н. В. Шелгунов в 50-х годах сблизился с Чернышевским и поэтом М. Л. Михайловым. Сближение, перешедшее в тесную дружбу, оказало большое влияние на мировоззрение Шелгунова. В конце 50-х годов, будучи за границей, Шелгунов познакомился с Герценом и многими представителями европейской революционной мысли. Все это привело Шелгунова в революционно-демократический лагерь. Отказавшись от своего крупного положения в лесном ведомстве, Шелгунов весь отдался литературной и общественной деятельности, став одним из блестящих публицистов своей эпохи.

В 1861 году Шелгунов поместил в «Современнике» свою известную работу — «Рабочий пролетариат в Англии и Франции», — в которой дал изложение книги Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». Эта работа Шелгунова была одной из первых статей в России о рабочем вопросе. Свою легальную деятельность Шелгунов совмещал с нелегальными революционными выступлениями. Знаменитая прокламация «К молодому поколению» была в значительной степени написана Шелгуновым. Михайлов напечатал ее в лондонской типографии Герцена. Свою вторую прокламацию, «К солдатам», Шелгунов сам отпечатал вручную и распространил во многих городах. Шелгунов принял также участие в составлении известной прокламации Чернышевского «К барским крестьянам». В связи со ссылкой

Михайлова на каторгу Шелгунов уехал в Нерчинск, намереваясь устроить ему побег, но был сам арестован и после почти 2 лет пребывания в Алексеевском равелине сослан.

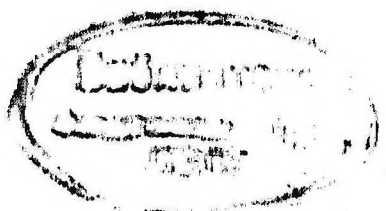
С этого времени начинается период скитаний Шелгунова по тюрьмам и ссылкам, длившийся с промежутками почти до самой смерти.

Свои многочисленные литературные работы Шелгунов помещал в передовых журналах: «Современнике», «Русском слове», «Деле». Совершенно исключительную популярность в 80-х годах, в эпоху гнетущей реакции, приобрели его «Очерки русской жизни», в которых он боролся против общественного разложения, защищал революционно-демократические идеалы. Эта верность освободительной борьбе в эпоху массового ренегатства делала Шелгунова особенно близким революционной интеллигенции и первым кружкам сознательных рабочих.

В 1891 году петербургские рабочие писали умиравшему писателю: «Дорогой учитель Николай Васильевич! Вы указали нам пути для борьбы. Мы сердечно благодарим Вас за это и будем стремиться осуществить эти пути в жизни».

На похоронах Шелгунова произошла большая революционная манифестация. Впервые группа рабочих выступала от имени своего класса, возложив на гроб писателя венок с надписью на красной ленте: «Указателю пути к свободе и братству от петербургских рабочих». Это выступление В. И. Ленин отметил, как историческую веху на пути рабочего класса России.

ЛИТЕРАТУРА: Ленин. Т. VII, стр. 105. «Первые уроки»; Н. В. Шелгунов «Воспоминания». М. 1923; Н. В. Шелгунов. Избранные литературно-критические статьи. М. 1928; М. Лемке «Политические процессы в России в 1860-х годах». Глава «Расправа с Шелгуновым»; «Адрес Петербургских рабочих Шелгунову». «Красный архив». Кн. 6-я. 1924.

Содержание

Б. ВОЛИН — О работе В. И. Ленина «О продовольственном падеже»	1
А. ХАВИН — Рождение первой сталинской пятилетки	14
Н. КОРОБКОВ — Взятие Измаила (1790 год)	24
Г. АНПИЛОВ — Сенат при Петре I	40
И. БАС — Предисловия и послесловия старопечатных книг	50
Л. ЗУБОВ — Соединенные штаты Америки в 1919—1920 годах	60
Б. ПЕРЛИН — Из истории дальневосточного средневековья	69
Е. ШТАЕРМАН — Раскопки в Рас-Шамре	77

ИСТОРИЯ В ШКОЛЕ

Ф. НЕМЧЕНКО — Древний Восток в художественной литературе .	84
А. СТРОГАНОВ — О работе с исторической картой	90
Вл. ЛАБУНСКИЙ — Как пользоваться иллюстрациями в учебнике по истории СССР для девятого класса	99

КОНСУЛЬТАЦИЯ

Е. КОЛОКОЛЬЦЕВА — IV (объединительный) съезд РСДРП	102
--	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Е. РУБИНШТЕЙН — Ценный вклад в сокровищницу марксизма- ленинизма	112
А. ПОГРЕБИНСКИЙ — О формировании промышленного пролета- риата в России	120
В. ПИЧЕТА — М. Н. Тихомиров «Источниковедение истории СССР» с древнейших времен до конца XVIII века	123
В. ВАСЮТИНСКИЙ — С. И. Архангельский «Аграрное законода- тельство английской революции 1649—1660 гг.»	128
И. КАЦНЕЛЬСОН — М. Э. Матье «Мифы древнего Египта»	134
Р. ВОИНОВ — Исторические романы в областных издательствах .	136
Новинки исторической литературы	143

ПО ИСТОРИЧЕСКИМ УЧРЕЖДЕНИЯМ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДАТЫ

Адрес редакции: ул. «Правды», 24, комната 809, тел. Д 3-30-48;
Д 3-36-50.

Ответственный редактор — Б. М. ВОЛИН
Зам. редактора — С. И. Гопнер.
Отв. секретарь — О. С. Вейланд

А 37238. Изд. № 415. Зак. 822. Тираж 50 000
Подписано к печ. 7/IV—1941 г. 10 печ. л. 70 800 зн. в печ. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Ежемесячный научно-популярный
иллюстрированный

Исторический ЖУРНАЛ

Исторический ЖУРНАЛ

ведет пропаганду исторических знаний: освещает вопросы истории СССР, всемирной истории (древней, средней, новой и новейшей), уделяет особое внимание истории ВКП(б), освещает историю международного революционного движения, вопросы истории мировой культуры и исторической науки, отводит видное место вопросам критики и библиографии исторической литературы, ведет работу по обобщению опыта преподавания истории в школе, информирует о работе исторических учреждений и дает на страницах журнала консультацию по вопросам, поставленным читателями.

Исторический ЖУРНАЛ

освещает все эти вопросы на основе учения марксизма-ленинизма — диалектического и исторического материализма — на основе положений «Краткого курса истории ВКП(б)», директив товарища Сталина, ЦК ВКП(б) и СНК СССР по вопросам изучения и преподавания истории.

Исторический ЖУРНАЛ

рассчитан на советскую интеллигенцию, особенно на преподавателей истории, пропагандистов, партактив и советское студенчество.

Издательство „Правда“

103